

ТВЕРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК

ТВЕРЬ. 1994

**ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ
ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕЙ
ТВЕРСКОЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ И РЕСТАВРАЦИОННЫЙ ЦЕНТР
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИНСПЕКЦИЯ ПО ОХРАНЕ
И ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
ПРИ КОМИТЕТЕ ПО ДЕЛАМ КУЛЬТУРЫ
АДМИНИСТРАЦИИ ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ**

**ТВЕРСКОЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК**

ТВЕРЬ, 1994

В сборнике представлены доклады 1 Тверской археологической конференции, проходившей 10-13 марта 1993 г. и посвященной главным образом результатам археологических исследований в г. Твери и в Тверской области.

Хронологически сборник охватывает периоды от финального палеолита до средневековья.

В научный оборот вводятся новые материалы раскопок и разведок, архитектурно-археологических работ, историко-географических, исторических и историографических изысканий, данные палинологического, химического и технологического анализов коллекций. Публикуются предметы материальной культуры разных эпох.

Книга предназначена археологам, историкам, краеведам и всем, интересующимся древнейшим прошлым Тверской земли.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. Н. Черных (ответственный редактор выпуска)
В. М. Воробьев, А. Н. Хохлов, М. А. Ефимов

ВЕЛИКИЙ ВОДОРАЗДЕЛ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ: ГЕОГРАФО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

При изучении и осмыслении древней действительности наиболее продуктивным представляется комплексный историко-географический подход. Понятие пространства, территории обычно не является в археологических построениях базовым, исходным. Оно становится таковым в процессе и в результате конкретной работы. Открывая и исследуя памятники определенной эпохи, ученые картографируют их, определяя ядра их концентрации, территории дисперсного распространения, зоны смещения, анклавов и т. д. В итоге у исследователей формируются представления о территориях, занятых определенными культурами или группами схожих между собою памятников, о пространственных закономерностях смены определенных культур.

Применительно к территории северо-запада Русской равнины наиболее существенными историко-географическими обстоятельствами мне представляются следующие два: а) включенность в общеевропейскую историю не ранее периода деградации валдайского ледника и соответствующее его отступлению основное направление первоначального заселения; б) соотнесение изучаемых территорий с Главным европейским водоразделом, протянувшимся на северо-восток от Гибралтара до Северного Урала. Именно Главный водораздел являлся в континентальной Европе основной осью этнокультурных контактов.

Существуют три географические модели взаимодействия этносов, разные по времени исторической реализации:

1) глобальная, трансокеаническая (с эпохи великих географических открытий);

2) морская, охватывающая побережья материков и внутренние моря (на основе этой модели сложились многие цивилизации);

3) континентальная, при которой путями сообщения служат речные системы, а геосоциальными узлами выступают водоразделы крупных рек. Эта модель имеет наибольшую древность и наибольшую продуктивность ввиду всепроникающей разветвленности гидросети и, как следствие, постоянно реализуемой возможности перехода человеческих коллективов из одного бассейна в другой по рекам-дорогам.

Модели 2 и 3 могли взаимосочетаться, особенно в Западной Европе (ввиду изрезанности ее береговой линии и не слишком большой меридиональной протяженности материковой суши).

На огромных пространствах Евразии в разные эпохи существуют обширные археологические, лингвистические и, в конечном счете, этнокультурные непрерывности. Это не безликое однообразие, а цепочки малозаметных изменений и отличий, которые особенно чувствуются на значительном удалении от точки отсчета или в особых природных условиях. На ритмику этнокультурной картины влияют многие факторы: стабильные, изменчивые и случайные.

Для процесса первоначального освоения территории, для миграций, имевших следствием изменение хозяйственно-культурного типа (переход с первого уровня ХКТ на второй, а затем на третий), т. е. для эпохи первобытности, оптимальными физико-географическими факторами в освоительском плане и по степени продуктивности этнокультурных контактов видятся следующие:

- 1) взаимная близость бассейнов крупных рек, особенно в их верховьях;
- 2) значительная плотность речной и озерной сети;
- 3) высокое удельное разнообразие форм рельефа в пределах частей геосистемы;
- 4) отсутствие непреодолимых ландшафтных преград между частями геосистемы и на ее границах (горные цепи, заболоченные низины, пустыни);
- 5) умеренный климат.

Сочетание нескольких, а тем более всех пяти факторов в режиме оптимума объективно формирует уникальную геосоциальную систему. Ведущим является фактор 1. Именно он обеспечивает единство территории и связи ее с внешним пространством, порою на тысячи километров. Фактором 2 обеспечиваются внутренние пути сообщения, интенсивность контактов, а в хозяйстве - интересы рыболовства, охоты на водоплавающую дичь, охоты на зверя на бродах и водопоях. Фактор 3 обеспечивает многовариантность расселения, разнообразие природных ресурсов и добычи. Фактор 4 облегчает взаимосвязь между отдельными частями геосоциальной (историко-географической) системы, повышает в пределах этого пространства качество биосферы в целом и качество социально-экономической жизни, в частности. Фактор 5 минимизирует возникновение экстремальных для жизни климатических ситуаций.

Согласившись с определенной подчиненностью факторов 2-5 фактору 1 по степени значимости в процессе первоначального освоения территории, посмотрим, какие же гидроузлы являются крупнейшими в Европе в качестве этнокультурных фильтров, в качестве перекрестков миграций, в качестве котлов, в которых всходили, как на дрожжах, новые народы и культуры.

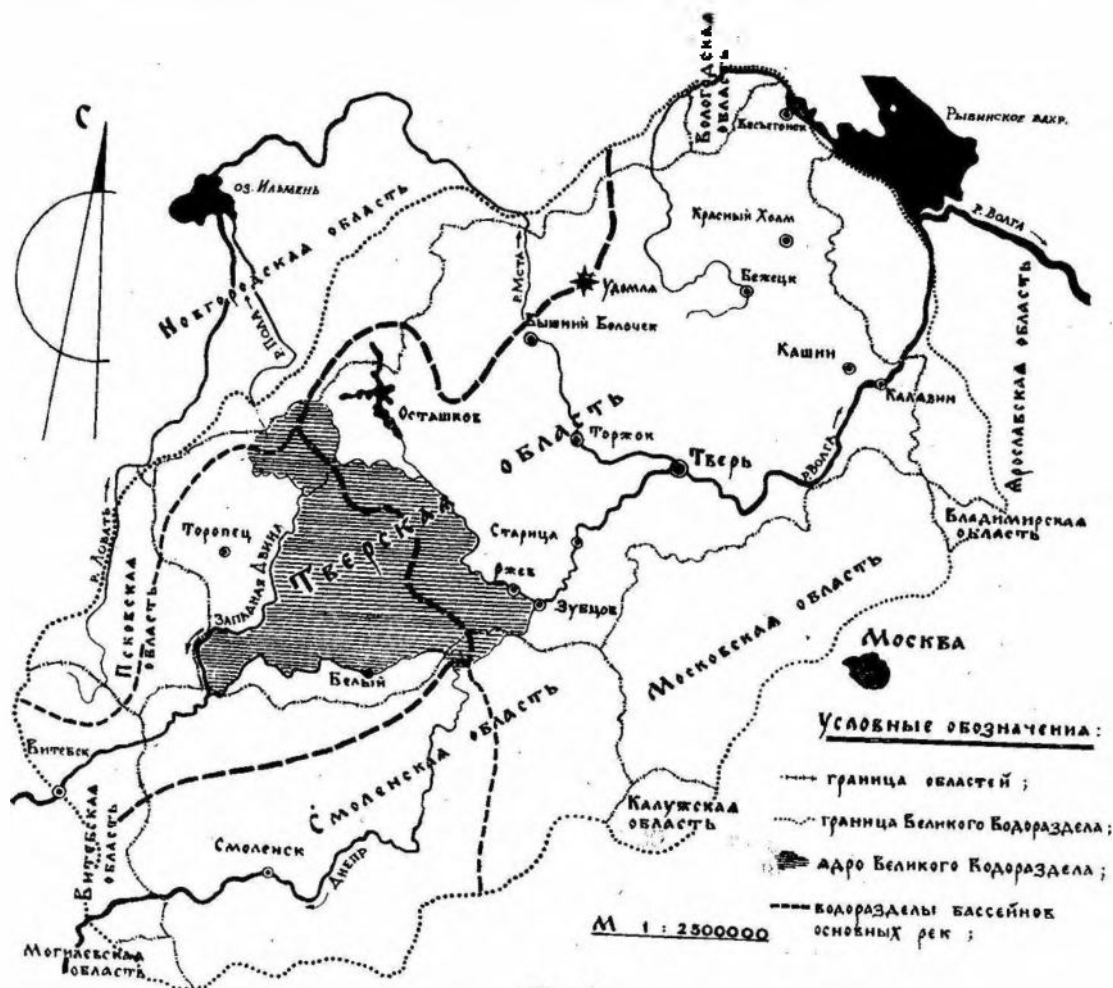

Рис. 1
Великий водораздел Восточной Европы

Выше оговаривалось, что в континентальной модели взаимодействия этносов важнейшей осью Европы является Главный водораздел, идущий по линии Гибралтар - Иберийские горы - Пиренеи - Сивенны - Альпы - Рудные горы - Судеты - Карпаты - Волынская возвышенность - Белорусская гряда - Смоленская возвышенность - Валдайская возвышенность - Вепсовская возвышенность - Северные увалы - Северный Урал. На этой оси встречи рек своими верховьями бесчисленны, но наиболее значимы для нашей темы те сближения, когда, во-первых, встречаются верховья крупных рек, имеющих сток непосредственно в море или в океанический залив, а во-вторых, на водоразделе встречаются три реки, а не две, как обычно. Таких крупных узлов, по моим подсчетам, на линии Главного водораздела имеется 20. Каждый из них был в историческом прошлом и надежным мостом для культур, и ареной значительных событий в государственную эпоху. Но, сколь бы ни были значимы водоразделы европейских рек в Пиренеях и Альпах, в Рудных горах и Карпатах, ни один из них не может сравниться с водоразделом Волги, Днепра и Западной Двины (с Великим водоразделом) ни по общей протяженности трех главных рек, ни по суммарной длине их течений от места встречи на водоразделе до устьев, ни по общей площади водосбора. Кроме того, Волга является единственной в своем роде огромной водной магистралью, связующей своими притоками Европу и Азию.

Западная Двина - крупнейший восточный приток Балтийского моря. Через нее - связь Великого водораздела со Скандинавией, с польскими и германскими равнинами, а через датские проливы - с Британией и Северной Францией; через крупные реки Европы, впадающие в Балтику с юга, - связь с Центральной Европой. Таким образом, Западная Двина приводит на Великий водораздел сложный этнический мир лесной Европы.

Днепр, пересекающий при движении на юг три природно-климатические зоны, - крупнейшая, наряду с Дунаем, река бассейна Черного моря, связанного через проливы со Средиземноморьем (и третья река в Европе). Южные связи Великого водораздела через Днепр были стабильными и имели много адресов в Понеманье и на Волыни, в Подолии и Карпатах, в бассейне Дона и в Северном Причерноморье. Часть этих адресов пока остается непрочитанной.

Волга уходит своими низовьями в урало-каспийский степной коридор, эту столбовую дорогу великих переселений народов, начавшихся с глубокой первобытности. Восточное побережье Каспия касается горячего дыхания Средней Азии, а западный его берег смыкается с Кавказскими воротами, через которые шли в Европу этносы Передней и Южной Азии. Мощным левым притоком, Камой, Волга втягивает под свое влияние Приуралье и даже Зауралье, мир финно-угров и других западносибирских народов, для которых Великий водораздел стал еще с эпохи первобытности второй родиной. Зауралье было связано с Верхней Волгой и другим путем: через низовья Оби, Печору, Вычегду и Сухону миграции шли на Шексну, Мологу и Мсту, т. е. на Великий водораздел, что подтверждается исторически и будет показано ниже.

Таким образом, Великий водораздел распахнут, начиная с древнего голоцена, на все четыре стороны света. Это главный речной перекресток Европы. На всей территории Евразии с ним сопоставимы лишь водораздел Урала, Волги и Оби (Южное Приуралье, к западу от Челябинска) и водораздел Енисея, Лены и Амурса (Прибайкалье и Юго-Восточное Забайкалье). Но в первом случае это соединение не столь важных в евразийской истории путей с Каспия к Карскому морю. Для этого региона гораздо продуктивнее сухопутная, широтная модель этнического освещения и взаимодействия - урало-каспийский степной коридор между Азией и Европой. Во втором случае, в Прибайкалье, это важнейшая, огромного пространственного охвата, но все же по всем признакам исключительно сибирско-дальневосточная, а не евразийская историко-географическая модель.

Великий водораздел на Тверском Валдае уникален в планетарном масштабе в качестве природной, историко-культурной и этногеографической территории.

В определении внешних границ Великого водораздела Каспийского, Черного

и Балтийского морей я применяю ландшафтно-гидрологический подход. Следуя ему, я включаю в пределы Великого водораздела бассейны верхних течений трех великих рек Русской равнины - Волги, Днепра и Западной Двины, а также берущих здесь начало основных рек бассейна оз. Ильмень - Мсты, Полчи и Ловати.

Верхнее течение Западной Двины заканчивается у г. Витебска. Здесь она стекает со склонов Витебской возвышенности в Полоцкую низменность и поворачивает на северо-запад, к Рижскому заливу Балтики. Верхнее течение Днепра заканчивается у г. Орши. Здесь он, наткнувшись на восточные отроги Белорусской гряды, резко поворачивает на юг, почти не изменяя далее направления течения вплоть до Киева. Таким образом, на рубеже Витебск - Орша - Западная Двина и Днепр, протекавшие доселе от истоков почти параллельно, вступают в свои средние течения и расходятся в противоположных направлениях.

Верхнее течение Волги применительно к понятию "Великий водораздел" я ограничиваю бывшим устьем Шексны у г. Рыбинска, где Волга круто и окончательно поворачивает на юго-восток, приняв все основные притоки своих верховий.

Верхнее течение Мсты заканчивается у г. Боровичи, Полы - в устье р. Щеберехи, Ловати - несколько ниже г. Великие Луки.

Соединение на карте рубежей верхних течений этих шести рек, с учетом их абриса, конфигурации и концентрации их основных притоков и озерных бассейнов, наложение этой схемы на карту рельефа центра и запада Русской равнины показывает удивительную по своей непротиворечивости и естественности цельность этой территории в природном отношении. Эта цельность обеспечена сопряжением двух крупнейших возвышенностей, Валдайской и Смоленско-Московской, а также примыкающих к ним Витебско-Городокской и Угличской возвышенностей и Бежецкого верха.

Очерченная территория достаточно четко отграничивается в рельефе от Полоцкой низменности и Белорусской возвышенности на западе, от Среднерусской возвышенности на юге, от затопленной Рыбинским водохранилищем Молого-Шекснинской низменности на востоке и северо-востоке, от Тихвинской возвышенности на севере, от Приильменской низменности и Бежаницкой возвышенности на северо-западе.

В очерченных границах территория Великого водораздела имеет форму неправильного четырехугольника, вытянутого с юго-запада на северо-восток, размерами около 600x300 км и общей площадью 175 тыс. км². Основная его часть в России (167,5 тыс. км² или 95,71%), а крайний юго-запад его - в Республике Беларусь (7,5 тыс. км² или 4,29%). Тверская область входит в это пространство полностью, занимая 48,06% территории водораздела; Смоленская область - более чем на три четверти своей площади (21,71% территории водораздела); Московская область - более чем на треть своей площади (10,51% территории водораздела); Витебская, Новгородская, Псковская и Ярославская области занимают в его пределах 6-9 тыс. км² каждая (по 3-5% его территории); наконец, Владимирская, Вологодская, Калужская и Могилевская области занимают менее чем по 2 тыс. км², что не превышает 1% территории водораздела в каждом случае (рис. 1).

Внешняя граница Великого водораздела представляется мне достаточно ясной. Возможны лишь частные уточнения в южном спектре, на сопряжениях Смоленско-Московской и Среднерусской возвышенностей. При этом надо помнить, что природная граница, в отличие от государственной, - не линия, а полоса, очертания которой могли меняться с изменениями климата, неотектоническими и иными явлениями. Историко-географический подход не только допускает, но и предполагает, что пространственные представления древних этносов о Великом водоразделе могли иметь внутренние различия, что выражалось в непохожих друг на друга моделях расселения и освоения территории.

Ядром Великого водораздела я считаю пространство Волго-Двинского междуречья, ограниченное на востоке и западе течениями этих рек, на севере истоком Полы, а на юге истоком Днепра. Это пространство имеет следующую внешнюю гидрологическую границу: исток Волги - течение Волги до устья Вазузы - вверх по

Вазузе до устья Осуги - вверх по Осуге до устья Ракитни - вверх по Ракитне до ее истока - исток Днепра - исток Обши - вниз по Обше до ее впадения в Межу - вниз по Меже до ее впадения в Западную Двину - вверх по Западной Двине до устья Волкоты - вверх по Волкоте до ее истока - исток Цолы - исток Волги (рис. 1).

Болото Аксенинский мох, из которого берут начало р. Ракитня (бас. Волги), р. Обша (бас. Западной Двины) и р. Днепр, является единственным микрорайоном, где сопрягаются между собой бассейны всех трех морей - Каспийского, Черного и Балтийского. Это болото расположено на границе Сычевского района Смоленской области и Оленинского и Бельского районов Тверской области.

Дав свое понимание Великого водораздела и очертив его пространство, приведу некоторые наблюдения относительно направлений его заселения в первобытности.

Основным спектром, в пределах которого происходило проникновение этнических и хозяйственных коллективов на Великий водораздел в пору его первоначального освоения, был южный. Это обращенная к югу широкая дуга (южные отроги Смоленско-Московской возвышенности), протянувшаяся примерно от Витебска до Рыбинска. Отсюда и происходило на первых порах продвижение людей на север по мере отступления ледника и формирования современных климатических зон. Внутри этой дуги заключены течения всех трех великих рек, вверх по которым и шло основное заселение, дополнявшееся бесчисленными переходами из бассейна в бассейн в местах сопряжения притоков.

Выдающееся значение имели две магистральные дороги вверх по течениям Днепра и Западной Двины, идущие от рубежа Витебск - Орша на северо-восток параллельно на расстоянии 80-90 км друг от друга. Витебско-Оршинский коридор, широко раскрытый на юго-запад, впитывал в себя и растворял на водоразделе этносы Южной и Восточной Прибалтики, Припятского Полесья и Белорусского Поднепровья, а через них и населения более отдаленных территорий. Несложны для преодоления, важны и многочисленны взаимные переходы с Днепра на Западную Двину внутри этого коридора.

Сож и его левые притоки обеспечивали расселение в междуречье Днепра и Десны тех коллективов, которые поднимались от района нынешних Любеча и Лоева не по Днепру, а именно по Сожу.

Десна протягивается своими верховьями до "Ельнинского узла", откуда за 1-2 дня всегда можно было попасть водным путем на истоки Угры, т. е. в бассейн Оки, а также на Днепр выше устья Вопи. По левым притокам Угры легко достигались самые верховья Днепра, а через Вазузу - Ржевско-Старицкое течение Волги.

Думается, на заселение ядра Великого водораздела основное влияние оказали именно три перечисленные выше дороги: Западная Двина, Днепр и Десна. Левые притоки Десны, кроме того, имели в своих верхних и средних течениях десятки смыканий с левыми притоками Оки, текущей в верховьях как бы навстречу Десне, на север. Значение Десны как магистрали, образующей густую сеть путей сообщения в восточном спектре, неопределимо, но еще недостаточно раскрыто в историко-географическом и археологическом отношении, особенно для эпохи первобытности. На протяжении 400 км на юг по меридиану, от Ельни до Курска, Десна и Ока обращены друг к другу притоками, как кровеносными сосудами. Хотя, по моим представлениям, Среднерусская возвышенность находится за пределами Великого водораздела, будучи более связанной с водоразделом Волги, Днепра и Дона, но именно здесь вызревали, отсюда выходили в первобытности многие этносы, участвовавшие в освоении Великого водораздела.

В Волго-Окском междуречье, к северо-востоку от Калуги, переходы в Старицкое, Тверское, Кимрское и Калязинское Поволжье не были прямыми и скорыми, несмотря на довольно короткие расстояния. Левые притоки Оки, Москва и Клязьма, служили широкими препятствиями и полосами стабилизации идущего на север окского населения. Это способствовало освоению собственно Волго-Окского

междуречья, но нередко, на мой взгляд, коллективами, не выдержавшими конкуренции на главных водных путях и вблизи них.

В более узких пределах, в Волго-Клязьминском междуречье, столь острых проблем не было. Примером тому может служить формирование территории верхневолжской раннеолитической культуры, внутренней магистралью для которой были обе Нерли и Медведица, протянувшиеся, как струна, от Владимира до Вышнего Волочка.

Ярославско-костромской участок волжского пути влиял прежде всего на заселение бассейна Мологи, т. е. Бежецкого верха. Конечно, с него шло продвижение человеческих коллективов из Среднего Поволжья и Прикамья и в Тверское Поволжье, но здесь в конечных точках ощущалось встречное движение с юга и юго-запада (см. выше). Формировались зоны культурной диффузии.

Северный спектр Великого водораздела как иммиграционное поле активизировался несколько позднее южного. Из Заволочья, т. е. из бассейнов Сухоны и Шексны, в течение тысячелетий распространялись в бассейн Мологи и далее в Потверечье и Верхневолжье миграционные потоки Европейского Севера и Северо-Востока. Обширная восточная часть Озерного края, включающая линию Главного водораздела Европы от истока Сяси до истока Тверцы, была освоена и исключительно плотно заселена в эпоху неолита и бронзы во многом именно из этого источника. Здесь, в Мстинско-Моложском междуречье, и к западу от него, особенно ярко заметна географическая специфичность и этническая функция Великого водораздела как перекрестка культур. Озерно-холмистые ландшафты Валдая, расчлененные на бесчисленные урочища, поглощали и насыщали сырьем и добычей коллективы людей из Волго-Окского междуречья (пути по Медведице, по Тверце), из Заволочья (пути по Мологе и ее притокам), из Приладожья и Приильменья (путь по Мсте), из Прибалтики (переходы многовариантны, а на последнем этапе - реки и озера бассейна Мсты).

По Поле и правым притокам Ловати в Селигерский озерный край и в Верхнее Подвинье попадали спорадически насельники Приильменья, Полужья, побережий Псковского и Чудского озер, южного берега Финского залива. Этот путь не был надежным из-за конфигурации течений рек, многоэтапности переходов, из-за высокой конкурентности других направлений заселения. В частности, в верховья Западной Двины попадали не только по ее собственному течению, но и более медленным, но заманчивым путем: по широкой и насыщенной водоемами полосе озер, протянувшейся от Латгальской возвышенности на восток на сотни километров между правобережьем Западной Двины и верховьями Великой и Ловати, выводя на Торопу, Волкоту, истоки Западной Двины и Волги, на Селигер и Валдай. Это даже не дорога, а широкая полоса интенсивного расселения этносов в каменном, бронзовом и раннем железном веках, во многом единая по происхождению культур и по типам хозяйства.

Не касаясь здесь обширного вопроса о внутренних путях сообщения на Великом водоразделе, отмечу, что он заключает информацию о появлении этногенеза, развитии, локальных особенностях и культурном взаимодействии группы населения на этой территории в первобытности. Накопленные источники позволяют решать вопросы историко-географического макро- и микрорайонирования Великого водораздела.

Тверской областной институт
усовершенствования учителей

Л. В. КОЛЬЦОВ

О ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЗАСЕЛЕНИИ ТВЕРСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

Обширная территория Тверского Поволжья долгое время была покрыта щитом Скандинавского материкового ледника. Только около 12000 л. н. она окончательно освободилась от него. Долина Верхней Волги тоже относительно позднее формирование, если судить по геологическим данным и плохой разработанности береговых террас [1; 2].

Приведенные данные не позволяют нам прогнозировать обнаружение находок изделий первобытного человека, относящихся к более раннему, чем указанное, времени. Если даже в периоды межледниковий данный регион был освоен человеком, последующие движения ледникового щита разрушили следы древних поселений и уничтожили все изделия человека или неузнаваемо переработали их. Таким образом, об окончательном заселении Тверского Поволжья следует говорить уже применительно ко времени поздне- и послеледниковья.

Поэтому в данном очерке мы будем учитывать только достоверные, а не гипотетические факты. Такими достоверными данными могут считаться находки кремневых изделий позднепалеолитического облика, сделанные в 30-х гг. О. Н. Бадером [3] и в 1969 г. мною на стоянке Авсерьгово 1 и Д. А. Крайновым в 1957 г. и мною в 1962 г. на стоянке Скнятино II (обе в Калязинском районе). Учитывая аналогии этим материалам на датированных геологически концом плейстоцена стоянках Золоторучье 1 и Алтыново [4] в соседнем Угличском районе Ярославской области, мы можем сказать, что первое население на указанном отрезке долины Волги появилось здесь именно в это время, т. е. примерно 12000-10000 л. н. Если вспомнить, что в инвентаре стоянки Алтыново есть острие, напоминающее формой острия типа клинка перочинного ножа, то можно говорить, что данные памятники относятся к X-нач. IX тыс. до н. э., поскольку почти во всей Европе стоянки с такими остриями датируются этим временем.

В настоящий момент очень трудно сказать, где была прародина людей, оставивших эти поселения. Это могут быть и Средняя Волга, и Ока, и верхнее течение Дона, и Десна.

Другая группа населения появляется в конце плейстоцена ближе к верховьям Волги, в Ржевско-Селижаровском ее течении. Она представлена материалами раннего комплекса стоянки Усть-Тудовка 1 [5] и стоянок у Теплого ручья в районе Бенского порога (раскопки А. В. Мирецкого). Первая из названных стоянок имеет пыльцевую дату - дриас III, т. е. IX тыс. до н. э.

В составе инвентаря этих памятников следует, прежде всего, отметить довольно разнообразный характер раскалывания кремня при преобладании одноплощадочных нуклеусов как от пластин, так и от отщепов, что характерно для аренбургско-лингбийской общности финального палеолита. В Усть-Тудовке 1 найдена довольно большая серия наконечников стрел. Авторы публикации ее материалов М. Г. Жилин и А. Е. Краецов считают их наконечниками типа Лингби, вероятно, по их довольно крупному размеру. Однако, с моей точки зрения, они относятся к другому типу - аренбургскому, поскольку на некоторых этих наконечниках ретушь, оформляющая черешок, помещается на брюшке или является противолежащей, что совсем не характерно для наконечников типа Лингби, где ре-

тушь, очень крутая, обычно помещается на спинке. Культуре лингби совершенно не присущи каменные рубящие орудия, обломки которых есть в коллекции Усть-Тудовки 1 и которые встречаются в аренбургских памятниках. Не противоречат аренбургской культурной принадлежности и другие орудия названного памятника.

Похожий комплекс находок обнаружен на стоянках у Теплого ручья, с той только разницей, что там наряду с аренбургскими наконечниками встречены настоящие наконечники типа Лингби. Это не должно нас удивлять: на некоторых стоянках аренбургской культуры встречаются такие наконечники. Такая находка не меняет общей оценки культурной принадлежности рассматриваемых памятников. Таким образом, представляется несомненным появление здесь в самом конце плейстоцена группы аренбургского населения. Ближайшие аренбургские стоянки - в Литве [6]. По-видимому, именно оттуда через бассейн Западной Двины или Днепра попадают на Верхнюю Волгу носители этой культуры. Верхневолжская аренбургская группа по инвентарю обнаруживает наибольшее сходство как раз с литовской группой (аналогичные наконечники стрел, наличие рубящих орудий, отсутствие распространенных в других аренбургских группах острий типа Цонхофен и геометрических форм и т. д.).

В начале голоцена этот вариант финальнопалеолитической культуры ложится в основу, вероятно, одной из самых ранних мезолитических культур региона - иеневской. Надо сказать, что, не имея в своем распоряжении достаточного числа датировок по методам естественных наук, я допускал ранее ошибку, считая иеневскую культуру позднемезолитической [4]. Появившаяся в последнее время серия дат, сделанных с помощью радиоуглеродного и пыльцевого анализов, позволяет считать иеневскую культуру возникшей в раннем мезолите.

Механизм этого процесса можно, видимо, охарактеризовать следующим образом. В первые моменты своего появления в бассейне Верхней Волги население обоих указанных вариантов палеолита не сталкивалось, и только где-то на рубеже плейстоцен - голоцен или несколько позже, возможно, в нач. VIII тыс. до н. э. между ними начались контакты. Эти контакты привели к образованию новой культуры, впитавшей в себя признаки и того и другого варианта палеолита. Из аренбургской культуры иеневская заимствовала, прежде всего, асимметричные наконечники стрел с боковой выемкой на черешке, которые стали в ней основой охотничьего вооружения. Они представлены разнообразными формами с разным оформлением черешка. В отдельных иеневских памятниках встречаются наконечники типа Лингби, которые тоже, очевидно, заимствованы из аренбургской культуры.

Разнообразна микролитическая группа инвентаря иеневской культуры. Одной из самых показательных форм является трапеция, которая, по-видимому, возникла через промежуточные формы от аренбургского короткого наконечника с боковой выемкой или от острия типа Цонхофен. Другие категории геометрических микролитов (треугольники, сегменты, ромбы) встречаются реже. Вероятно, из палеолитической культуры типа нижнего слоя Скнятина и Авсерьгова 1 иеневцы заимствовали острия с затупленным краем, в том числе ланцетовидные и типа Ставинога. В памятниках иеневской культуры обнаруживаются и другие типы микролитов, в значительной мере производные от указанных или заимствованные по большей части в аренбургской культуре. Остальные категории и типы орудий в иеневской культуре могли появиться из обеих предшествующих палеолитических культур.

Памятники иеневской культуры в Тверском Поволжье известны почти на всем его протяжении: Высокино VI у Зубцова, Журавец 1 в Старицком районе, Дмитровское 1, Черная Грязь 1 [7], Старокопониновские IV [8] и VI [9], Иенево II в окрестностях Твери, Титово 1 и Тихоново (иеневский комплекс) в Кимрском районе, Авсерьгово II в Калезинском. К сожалению, ни один из них пока не имеет точной даты по методам естественных наук. Пыльцевой анализ сделан только для стоянки Дмитровское 1, однако полученная при этом дата весьма неопреде-

ления. Она говорит только о том, что поселение возникло здесь до атлантического периода. Эта дата не может считаться надежной. Место сложения культуры и последовательность ее расселения предстоит еще выяснить.

В 1-ой пол. VIII тыс. до н. э. в Тверском Поволжье появляются носители другой мезолитической культуры - бутовской. Их появление связано с распадом финальнопалеолитической свидерской культуры, существовавшей в бассейнах Вислы, Немана и Припяти, и последовавшей за этим миграции части населения на северо-восток. К этой культуре в Тверском Поволжье относится значительное число памятников, которые характеризуют все фазы ее развития: Бутово, Култино 1 и 4, Кошево 2 в Старицком районе, Дмитровское II, Староконстантиновская III [10], Лукино 1, Пищалкино [11], Заборовье 2 и др. в Калининском районе, Озерки 5, 16, 17 в Конаковском районе, Соболево 1, 3, 5, 7, Тихоново, Прислон, Пеучово в Кимрском районе, Скнятино 1-III [12] в Калязинском районе. Эта культура имеет серию радиоуглеродных и пыльцевых дат, помещающих ее во временной промежуток от 1-ой пол. VIII до 2-ой пол. VI тыс. до н. э.

Самым ранним ее памятником в Верхнем Поволжье пока является стоянка Тихоново [4]. Она дала серию прекрасных наконечников стрел свидерского типа, что позволяет хорошо увязывать ее со свидерской культурой. Вместе с тем, на примере этой стоянки видно, как складываются новые культуры: в их сложении участвуют носители нескольких предшествующих культур. Так, на той же стоянке Тихоново и в Бутове найдены наконечники аренбургского типа, заимствованные из аренбургской культуры, а в Тихонове и ланцетовидное острие, полученное из палеолита типа стоянок Скнятино и Авсерьгово. При анализе раскалывания кремня мы тоже видим в материале стоянки Тихоново отголоски свидерского типа раскалывания. Все это заставляет думать, что в основе бутовской культуры лежат свидерские элементы с добавлением аренбургских и палеолитических элементов типа федермессер.

Состав остального инвентаря бутовской культуры может быть заимствован в любой из указанных культур. Исключение составляет микролитическая группа и рубящие орудия. Микролитическая группа в момент своего формирования имеет много общего с микролитами ранних этапов кундской культуры, что позволяет говорить о влиянии последней на формирование бутовской. Характер рубящих орудий можно считать общим для всего круга постсвидерских культур.

Бутовская культура, вероятно, со временем остается единственной мезолитической культурой региона. Судьба иеневской культуры не ясна. Бутовская же доживает до неолита во всем Волго-Окском междуречье и впоследствии становится основой ранне-неолитической верхневолжской культуры.

Подводя итоги сказанному, можно представить себе следующую картину заселения тверского течения Волги и ее притоков. Долина Волги образуется вскоре после окончательного ухода ледника около 15-12 тыс. л. н. В конце этого временного отрезка, т. е. около 12000 л. н. с юга в долину Волги проникает группа позднепалеолитического населения, оставившего свои памятники в Калязинском и Угличском районах. Несколько позднее, в IX тыс. до н. э., в верховьях Волги появляется часть населения восточной группы аренбургской культуры. Какое-то время эти две группы финальнопалеолитического населения живут изолированно, может быть, даже не зная друг о друге. Ближе всех к волжской аренбургской группе оказывается палеолитическая группа в окрестностях Москвы (стоянка Заозерье [13]). Видимо, именно контакты этих двух групп положили начало иеневской мезолитической культуре в VIII тыс. до н. э., судьба которой еще не выяснена. Тогда же, в VIII тыс. до н. э., в Верхнем Поволжье приходит часть потомков населения свидерской культуры, на базе которого путем контактов с аренбургским населением и палеолитом типа Скнятино - Авсерьгово складывается бутовская мезолитическая культура, население которой впоследствии захватывает все Волго-Окское междуречье и существует здесь до неолита. Таким нам представляется процесс первоначального заселения Верхнего Поволжья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Мирчинк Г. Ф.* Четвертичная история долины Волги выше Мологи // ТКИЧП. 1935. Т. 4. Вып. 2.
2. *Обедянский Г. В.* Формирование водных систем Русской Равнины. М., 1975.
3. *Бадер О. Н., Воеводский М. В.* Стоянки родового общества // ИГАИМК. 1935. Вып. 109.
4. *Кольцов Л. В.* Мезолит Волго-Окского междуречья // Археология СССР. Т. 2. Мезолит СССР. М., 1989.
5. *Жилин М. Г., Крауцов А. Е.* Ранний комплекс стоянки Усть-Тудовка 1 // Археология Верхнего Поволжья. Нижний Новгород, 1991.
6. *Римантене Р. К.* Палеолит и мезолит Литвы. Вильнюс, 1971.
7. *Крайнов Д. А.* Новая мезолитическая стоянка Черная Грязь 1 // КСИА. 1972. Вып. 131.
8. *Крайнов Д. А., Кольцов Л. В.* Стоянка Старокопстантиновская 1V // Археологические исследования в Верхневолжье. Калинин, 1983.
9. *Бодунов Е. Е., Воробьев В. М.* Мезолитическая стоянка Старокопстантиновская VI // СА. 1974. N 4.
10. *Бодунов Е. В., Жилин М. Г., Воробьев В. М.* Позднемезолитическая стоянка Старокопстантиновская III близ Калинина // СА. 1980. N 2.
11. *Бадер О. Н., Кольцов Л. В.* Мезолитические стоянки близ г. Калинина // СА. 1974. N 1.
12. *Третьяков П. Н.* Эпипалеолитические поселения Скнятинских дюн // МИА. 1950. N 13.
13. *Фролов А. С.* Стоянка Засерье 1 на Москве-реке // КСИА. 1987. Вып. 189.

Институт археологии РАН,
Москва

В. В. СИДОРОВ

ТЫСЯЧИ ЛЕТ КУЛЬТУРНОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

Прослеживая связь разновременных археологических комплексов, мы изучаем историю передачи и трансформаций традиций, то есть этническую историю. Если археологическая культура - это след реально существовавшей общности, то такой общностью, сохранявшейся на протяжении множества поколений, могла быть только этническая общность, так как основное ее свойство то же самое - передача информации от поколения к поколению и между современниками. Нам заранее не даны ни территориальные, ни хронологические рамки этноса, изучаемого на археологических источниках, - их мы должны выявить в самом материале, если они есть. Этнос существует столько, сколько существует преемственность, территориальные его рамки могут быть проведены по резкой дифференциации густоты связей, направленных к "своим" и обрывающихся в сторону "чужих".

Грани археологических эпох не могут служить рамками этнической истории - они сугубо условны, инструментальны. Трудности выявления связей, пересекающих эти грани, общеизвестны. Они связаны с резким изменением состава источников, но это наши, чисто профессиональные трудности. Если донеолитические культуры изучаются преимущественно по типологии каменных орудий, то для неолита основным источником оказывается керамика, каменная же индустрия изучается, в основном, в экологическом аспекте и очень редко и не систематизировано в культурном.

Но не следует забывать, что условия передачи этих двух частей культуры очень различны. Керамика относится к женской субкультуре, циркулирующей в популяции с патрилокальным браком. Она фиксирует систему брачных связей. Условия циркуляции мужской субкультуры, к которой относятся навыки изготовления орудий, значительно менее ясны.

Параллелизм в ее развитии говорит о наличии этой циркуляции, о том, что объединяла общность какая-то совместная деятельность мужских групп, но в чем она заключалась - пока совершенно не ясно. Не ясно, насколько совпадают эти общности. Тем не менее, мы должны пытаться искать связи между докерамическими и керамическими комплексами только в той области, которая у них общая - в наборе каменных орудий. Костяные орудия пока могут использоваться лишь в отдельных комплексах; слишком редки пока памятники с костями.

Не всегда возможна ретроспекция: некоторые грани эпох непреодолимы на современном уровне методики. В этом случае можно попытаться начинать историю с другого конца, реконструируя преемственность на отдельных отрезках. Разрывы связей могут преодолеваются проявлением древних реминисценций в последующих эпохах. При этом совершенно не обязательно, чтобы какие-то признаки сохранялись на протяжении нескольких этапов: этнографический облик культуры может полностью измениться, но каждый шаг таких изменений связывается с предыдущей стадией.

Этническую историю Великого водораздела можно начинать с первоначального заселения освободившегося от ледника пространства. Исключительно в этом отношении значение комплекса нижнего, 1V, слоя Акулово 1. Памятник имеет дату 9990±70 л. н. Мне эта дата представляется сильно омоложенной. Этот слой отлагался в верхней части аллювия высокой озерной террасы (2,5-3 м над ординаром) западного берега Удомли, у подножия моренного холма. Слой, формировав-

шийся на моренном холме, позднее был переотложен на поверхность уже сформировавшейся террасы. Он содержит как древнейший комплекс, так и разновременный более поздний материал. Аналогично положение слоя только на стоянке Черный лес, но здесь была проделана лишь шурфовка.

Положение шлейфа слоя в аллювии террасы требует датировки его временем до выхода этой террасы из-под воды. Когда произошел врез русла дренирующей озеро р. Съежи? Моренная гряда, запирающая Удомлю, входит в систему гряд вепсовской стадии (15500 л. н.). Как долго озеро оставалось на этом уровне и в какой момент терраса начала осушаться? Стоянка приурочена к финалу формирования террасы. Врез русла приходится на теплые стадии, следовательно, она могла существовать только в самом начале брерупского интерстадиала, т. е. около 14 тыс. л. н. Ниже по течению Съежи всего в 10-13 км от Удомли, но значительно ниже по высотным отметкам (падение порядка 15 м), имеется еще одно озеровидное расширение, подпертое моренной грядой. Его можно связывать уже с лужской стадией. Таким образом, геологические и геоморфологические условия существования памятника требуют относить его к плейстоцену и считать палеолитическим.

Не удивителен тогда его резкий контраст с любыми известными мезолитическими комплексами приледниковья. Специфична техника раскалывания кремня. Очень невысок процент пластин и орудий из них. Это сближает комплекс с кокоревской культурой. Есть и менее выразительные совпадения: чопперовидные галечные орудия, невыразительность и очень малое количество резцов, остроконечник. Более сибирских по облику комплексов в Европейской России я не знаю.

Следующая хронологическая группа связана с поверхностью высокой террасы. Полностью раскопан один памятник - стоянка с многочисленными мастерскими Васильево 1, которая находится у древнего створа озера, удерживавшего уровень высокой террасы, у подножия озовой гряды. В 300 м выше по течению раскапывалась также стоянка Юрьевская горка, с аналогичной топографией, но у более молодого створа. Таких стоянок здесь несколько, наиболее выразительна - Удомля - Больница.

Для памятников этой группы характерно продолжение традиции скребел и рубящих орудий, которые четко дифференцируются на топоры и тесла. Появляются редкие шлифованные орудия. По-прежнему редки и невыразительны резцы. Существенное отличие - появление техники крупных правильных пластин, из которых делались стандартные концевые скребки. Именно скребки и сближают эту группу комплексов со стоянками верховий Волги, при устье Тудовки. Можно отметить прямые импорты старицкого кремня. Имеется свидероидный наконечник с четко выделенным черешком на крупной пластине. Несмотря на явные следы связей с культурой круга свидерской, к каковому отнесена бутовская, включая тудовскую группу, Васильево, в основном, продолжает традицию, идущую от Акулово. С другой стороны, оно входит в круг памятников Нижнее Веретье - могильник Попово.

Следующий шаг - позднемезолитические комплексы, наиболее выразителен из которых комплекс Курово 4 на оз. Наволок. Располагаясь, как классическая неолитическая стоянка оседлых рыбаков при устье ручья в заливе, на низкой террасе, имея следы нескольких (до 14) жилищ (вскрыто свыше 1200 м²), она представляет памятник финала мезолита. Здесь по-прежнему неразвита техника резцового скола, преобладают орудия на отщепках, хотя достаточно многочисленны пластины, в том числе вкладыши с ретушью; геометрические микролиты представлены прямоугольниками. Многочисленны мелкие скребки на осколках отщепов, но имеются и концевые, хотя крупные среди них редки. Очень много рубящих, пятая часть которых великолепно шлифованы. Узнаваемы топоры типа рованиеми, есть желобчатые тесла, тонкие плоские стамески. Довольно много сверл, в том числе крупных, массивных; имеются сверленные сланцевые подвески, в том числе очень крупные; пластины с выделенной ретушью головкой-пуговкой. Курово 4 продолжает традицию Акулово - Васильево. Среди стрел есть аналогии как верхневолжским, так и оленеостровским. Круг аналогий комплексу - Андозеро М и

далее среди мезолитических комплексов Карелии. Есть и прямые связи - карельский кварц. Достаточно близок и комплекс Кунды.

Чистых ранне-неолитических комплексов на р. Съеже пока неизвестно, но памятники, содержащие ранне-неолитическую керамику - Курово 3 и Гадомя 9 отличаются и явным присутствием куровского кремня, то же отсутствие резцов при изобилии мелких нестандартных скребков, довольно много перетусированных пластин, есть нешлифованные и шлифованные тесла, сверла и стрелы с краевой ретушью. Аналогичный кремневый комплекс, также сопровождающийся накольчатой керамикой, встречен Ю. Н. Урбаном севернее, в Тихвинском р-не Ленинградской области.

Таким образом, прослеживается преемственная связь от первоначального заселения до начала неолита, то есть 15-6,5 тыс. л. н.

Первый разрыв связи возникает на грани раннего и среднего неолита из-за очень слабой изученности раннего неолита этого района. Остаются совершенно не ясны условия и виды трансформации ранне-неолитической керамики Валдая в средне-неолитическую. Можно только отметить возросшую роль связей с волжским бассейном для бассейна р. Съежи. В керамике мы видим следы влияний всех этапов льяловской культуры. Заметно возрастает и количество резцов в комплексах, где льяловский компонент явно присутствует (Мерлугино-сопка, раскопки И. В. Ислановой).

Бассейн р. Съежи остается пограничьем между Волжским и Балтийским бассейнами. Здесь и на Мологе формируется культура, обладающая признаками обеих больших культур - валдайско-мстинской (я рассматриваю мстинскую культуру М. П. Зиминной как локальный вариант ее) и льяловской. Несмотря на недостаточную изученность неолита этого района, можно наметить предвзительно особый - моложский - ее локальный вариант. Он достаточно хорошо отличим от соседних - языковского, который должен иметь продолжение по р. Медведице; Петровских озер; Молого-Шекснинской низины; бассейна Костромы; Восточного Прионежья (каргопольский вариант). В его керамике явственны черты валдайского неолита (широкое использование костных штампов, в том числе и для замены белемнита; утолщенные, со скосом внутри, венчики; детали ornamentации). Но изученность неолита здесь еще не достаточна - не хватает чистых и стратифицированных комплексов.

Мы можем далее проследить связь поздне-неолитической гребчатой керамики мстинского типа и местного варианта сетчатой керамики. Есть следы взаимодействия с прибалтийской сетчатой, но сама эта прибалтийская культура имеет корни на Валдае, так что здесь нет разрыва традиции. Минимально и весьма косвенно было для этого района влияние шнуровой керамики, также передававшееся через родственную валдайцам среду. Связь культуры железного века с местной культурой сетчатой керамики поддается доказательству, хотя и здесь источниками мы обеспечены минимально.

В итоге можно сказать, что если удастся заполнить разрыв между ранним и средним неолитом (а претендентов на его заполнение со стороны нет), то мы получим непрерывность культурной традиции от первоначального заселения вплоть до средневековья. Отдельные перемешивания населения сводились к подвижкам границ родственных племен, переключению соседних связей, которые могли вносить компоненты чуждой этнической среды.

Институт археологии РАН,
Москва

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ИЗУЧЕНИЯ ИЕНЕВСКОЙ И ПЕСОЧНОРОВСКОЙ КУЛЬТУР В СВЕТЕ ПРОБЛЕМЫ ИХ КУЛЬТУРНОГО ЕДИНСТВА

История изучения волго-окского и деснинского мезолита началась еще в до-революционное время. Так, в 1878 г. были открыты первые памятники на Оке - стоянки Елин Бор и Борки, а несколько позже к ним добавились Шумашь и Гремячее [1, с. 515-672; 2, с. 64-66]. Примерно в это же время первые сборы подъемного материала на мезолитических памятниках Новгород - Северщины осуществляют Д. Я. Самоквасов и М. Я. Рудинский [3; 4, с. 13].

В довоенное время и в 50-е гг. работы в Волго-Окском междуречье не привели к существенному пополнению числа мезолитических памятников. Тем не менее именно в 30-е гг. М. В. Воеводским не только была высказана мысль о существовании мезолита региона, но и сформулирована гипотеза о свидерской стадии мезолитического периода [5, с. 230-245]. В дальнейшем М. В. Воеводский отказывается от стадияльной концепции и рассматривает Волго-Окский мезолит как культурно своеобразное и самостоятельное явление [6, с. 96-120]. Положения о волго-окской мезолитической культуре, впервые обоснованные М. В. Воеводским, нашли свое дальнейшее развитие в исследованиях А. А. Формозова и Л. В. Кольцова [7; 8; 9, с. 17-26]. Однако наметившийся со 2-ой пол. 60-х гг. рост материала позволил уже в середине 70-х гг. поставить вопрос об усложнении имевшейся ранее схемы культурно-хронологической периодизации [10, с. 28-35; 11, с. 21-26]. Закономерным следствием развития этой концепции стало выделение Л. В. Кольцовым в мезолите Волго-Окского междуречья двух самостоятельных, генетически чуждых друг другу культур - бутовской и иеневской [12]. По сути именно с этого момента начинается новый этап в изучении волго-окского мезолита, продолжающийся до настоящего времени, - этап утверждения поликультурности мезолитической эпохи в бассейне и разработки содержания конкретных культурных феноменов.

Резкое расширение в последнее десятилетие исследований привело к выявлению таких неизвестных ранее явлений как рессетинская культура, памятники типа Пургасово 3, Красной 1 - "Васи", Красной 8 - "Пенешки" и др. [13, с. 28-35; 14, с. 41-46].

Основные взгляды исследователей на проблематику иеневской культуры будут рассмотрены ниже, пока же отметим, что практически с момента выявления для иеневских памятников указывались прямые аналогии в комплексах деснинской (песочноровской) культуры [15, с. 87-89; 16, с. 87-90; 17, с. 228-233]. Первые сообщения, отражающие специфику мезолитических памятников бассейна Десны, были сделаны П. П. Ефименко в 1924 г. [18, с. 211-228]. Основываясь на материалах, собранных Д. Я. Самоквасовым, он отмечал наличие в инвентаре западнорусской группы памятников (по П. П. Ефименко) пластинок с притупленным краем и со скошенным концом, высоких трапеций и асимметричных наконечников с боковой выемкой ("круглых ромбовидных острий с оттянутым углом"). Мезолит Новгород-Северского Полесья был, по его мнению, связан в культурном отношении с Северной Европой и Прибалтикой.

Сходные взгляды развивает в своих работах 1928-1930 гг. М. Я. Рудинский, отмечая вслед за П. П. Ефименко наличие связей между мезолитом Украины и культурно-территориальными общностями Европы; мезолит Подесенья он соотносит прежде всего с культурой Маглемозе Прибалтики [19, с. 73-94; 20, с. 145-184].

С именем М. Я. Рудинского связано также открытие в 1925 г. стоянки Песочный Ров, в дальнейшем исследовавшейся М. В. Воеводским и А. А. Формозовым, что привело к выделению ими деснинской мезолитической культуры. Материалы Песочного Рва из раскопок 1940, 1945-1947 гг. позволили М. В. Воеводскому говорить о наличии в мезолите Подесенья памятников с едиными традициями в технологии производства орудий и сходным типологическим набором инвентаря. По М. В. Воеводскому, индустрия базируется на утилизации грубых ядрищ для получения отщепов и укороченных неправильных пластин. Техника получения правильной пластины развита слабо. Для изготовления орудий используется отщеп и неправильная широкая пластина при общем преобладании отщепов. Для орудийного набора, по мнению М. В. Воеводского, является характерным наличие крупных скребков и скобелей на отщепах, скребел типа рабо, резпов с широкой кромкой как на сломе заготовки, так и ретушных. Среди предметов охотничьего вооружения представлены асимметричные наконечники стрел с боковой выемкой, трапеции, пластины с ретушью и косые острия. Перечисленные особенности, как считал М. В. Воеводский, определяют не только своеобразие стоянки Песочный Ров, но и всей деснинской мезолитической культуры [6, с. 96-120; 21, с. 42-54].

В качестве генетической основы для Песочного рва, отнесенного к финалу мезолита, М. В. Воеводским и А. А. Формозовым рассматривалась стоянка Покровщина (Пушкари 7). Основанием для этого, по мнению исследователей, являлось наличие в инвентаре памятника нуклеидных скребел типа рабо, крупных грубообработанных концевых скребков, скребел на отщепах. Датируя Покровщину ранним мезолитом, М. В. Воеводский относил ее к первому этапу деснинской культуры. Дальнейшее развитие культурной традиции Покровщина-Песочный Ров он видел в памятниках местного неолита [6, с. 119; 21, с. 51-54].

Предложенная М. В. Воеводским и А. А. Формозовым гипотеза не признается исследователями удовлетворительной. По мнению А. Н. Сорокина и Л. Л. Зализняка, выразительный позднепалеолитический облик кремневого инвентаря и отсутствие каких-либо мезолитических форм дают основание для отнесения Покровщины ко времени не позже финального палеолита. Не подтверждаются и типологические выкладки, свидетельствующие о генетическом родстве между Покровщиной и Песочным Рвом. По сведениям Л. Л. Зализняка, при бинокулярном исследовании в коллекции Песочного Рва не обнаружены нуклеидные скребла, а характерные для этой стоянки концевые скребки на отщепах, в свою очередь, не представлены в материалах Покровщины. Остальные формы, определяющие, по мысли М. В. Воеводского, сходство этих памятников, или отсутствуют, или единичны [22, с. 14; 23, с. 121-122].

Следует, однако, отметить, что технологические приемы и типологический набор, выделенные М. В. Воеводским для деснинской культуры, лежат в основе многих современных разработок.

Оригинальную, но крайне спорную и противоречивую концепцию периодизации мезолита предложил на материалах Подесенья В. П. Левенок [24, с. 88-98]. По его мнению, существуют две группы памятников, одна из которых наследует макролитические традиции местного финального палеолита, а другая генетически связана с микролитическими индустриями юга, проникшими на территорию Подесенья в финальномезолитическое время. Для памятников макролитического мезолита В. П. Левенок различал три последовательных хронологических этапа: ранний, средний и поздний. С позднемезолитическим этапом были синхронизированы памятники с микролитическими чертами. Однако предложенную схему отличает искусственность построений, базирующихся на некорректном использовании имеющихся данных. Следствием этого явилось объединение в одной группе не только разновременного, но и разнокультурного материала. Так, к первому этапу макролитической традиции были отнесены палеолитические стоянки Елисеевичи II, Боршево II и Покровщина, с одной стороны, и мезолитические памятники Коромка и Комягино - с другой. Для характеристики второго этапа были использованы коллекции стоянок Гремячее, Гренск, Смячка X1V, Печенеж, также разновременные, а среди памятников финальномезолитического этапа - Кра-

ный Бор соседствует со стоянкой Песочный Ров, ближайший аналог которой - Комягино - упомянут в первой группе. Такая же ситуация наблюдается для группы микролитической традиции, в которой вместе оказались такие генетически чуждые явления, как Кудлаевка и Селецкие Дюны. Естественно, что периодизация В. П. Левенка была опровергнута ходом дальнейших исследований и к настоящему времени имеет только историографический интерес.

Иную точку зрения на мезолит бассейна Десны высказывал в своих работах Д. Я. Телегин. Развитие традиций стоянки Покровщина, предложенной М. В. Воеводским и А. А. Формозовым в качестве первого этапа деснинской культуры, он видит не в песочноровской индустрии, но в материалах стоянки Кудлаевка. В свою очередь памятники типа Кудлаевка, испытав, по мнению Д. Я. Телегина, серьезное влияние со стороны южных культур с геометрическими микролитами, стали основой для сложения Песочного Рва [25, с. 159-170]. Выделяя Песочный Ров в самостоятельный тип памятников, Д. Я. Телегин дает развернутую характеристику кремневого инвентаря этого культурного образования, которое, в общем, мало чем отличается от описаний М. В. Воеводского и А. А. Формозова. Гипотеза Д. Я. Телегина была опровергнута последующими исследованиями Л. Л. Зализняка. Он справедливо отмечает, что инвентарь памятников типа Кудлаевка отличается предельной микролитизацией, отсутствием макролитов и преобладанием микропластинок и острий с притупленным краем среди предметов со вторичной обработкой. Напротив, характерные для Песочного Рва наконечники с боковой выемкой и треугольники в Кудлаевке отсутствуют. Проведенный Л. Л. Зализняком технико-типологический анализ не позволяет говорить "о генезисе памятников типа Песочного Рва на основе Кудлаевского культурного единства" [23, с. 81]. Кроме того, имеющиеся в настоящее время датировки также не позволяют поддерживать идею Д. Я. Телегина.

Существенные сдвиги произошли в изучении песочноровской культуры с начала 80-х гг. Исследования А. Н. Сорокина и Л. Л. Зализняка значительно расширили источниковую базу, позволили уточнить технико-типологические характеристики культуры и выдвинуть новую гипотезу о ее генезисе и развитии.

В 1980 г. в результате работ, проведенных в бассейне Десны у деревни Комягино Брянской области, А. Н. Сорокиным были получены значительные по объему коллекции со стоянок Комягино 2А, 2Б, 2В, 3 и 4. Анализ этих комплексов позволил считать их родственными стоянке Песочный Ров [22, с. 14-15; 26, с. 27-34]. Дальнейшее сопоставление материалов со стоянок этого же типа памятников [13, с. 28-35] позволило А. Н. Сорокину и А. С. Фролову предложить расширенный типлист, характеризующий песочноровскую индустрию в целом [27, с. 25]. Предложенный список, состоящий из 68 наименований, до сих пор является самым полным. Он же был положен в основу сопоставления песочноровской и иеневской культур Волго-Окского междуречья [27, с. 21-28]. Однако, следует указать, что сделанные обобщения не лишены ряда недостатков, обусловленных состоянием источниковедческой базы. На момент написания статьи авторы использовали практически все имеющиеся в их распоряжении материалы, что привело к объединению признаков, присущих памятникам различных хронологических этапов. Песочноровская культура, по А. Н. Сорокину, характеризуется доминированием развитой отщеповой техники первичного расщепления, широким применением краевого ретуширования во вторичной обработке, низким (не более 10) процентом пластин в комплексе [27, с. 22]. Среди типологического набора культуруопределяющими являются "постаренбургские асимметричные наконечники стрел с боковой выемкой и симметричные черешковые, крупные сегментовидные острия, восходящие к остриям типа федермессер, косо- и поперечнолезвийные наконечники, ланцетовидные острия, трапеции и треугольники" [13, с. 29].

Наиболее полные разработки по проблематике песочноровской культуры содержатся в исследованиях Л. Л. Зализняка. С 1981 г. им повторно раскапывалась стоянка Песочный Ров, велись работы на ряде памятников на реке Вить (Студенок, Попово Озеро, Мураги и др.) и у села Роговка на Новгород-Северщине (Гридасово, Городок, Личмань и др.). К настоящему времени Л. Л. Зализняк относит к

песочноровской культуре более 20 памятников. Анализ инвентаря наиболее показательных из них, с точки зрения автора, был положен в основу обобщений, описывающих развитие культуры во времени. По мнению Л. Л. Зализняка, песочноровская культурная традиция проходит следующие последовательные этапы: памятники типа Боровка, Песочный Ров и Студенок.

Комплексы типа Боровка характеризуются сериями наконечников стрел аренсбургских, Лингби, алтыновских острий. Они представляют собой переходный этап между финальнопалеолитическими аренсбургскими и песочноровскими памятниками. Отсутствие в инвентаре стоянок типа Боровка трапеций позволяет (по Л. Л. Зализняку) датировать их пребореалом [23, с. 122-123; 28, с. 1-12; 29, с. 45]. Кремневый инвентарь второго этапа отличается грубостью и крупными размерами. Среди нуклеусов устойчивые серии образуют односторонние одно- и двухплощадочные ядрища для пластинчатых отщепов, многочисленные многоплощадочные нуклеусы без системного снятия. Количество пластин, их обломков и орудий, на них изготовленных, составляет 3-4% от предметов комплекса. На пластинах изготовлено примерно 20% орудий, а остальные на отщепах и обломках. Техника вторичной обработки характеризуется использованием крутой, краевой обрубывающей ретуши. Микролиты составляют до 40% среди морфологически выраженных форм изделий. Среди них встречаются единичные аренсбургские черешковые наконечники на пластинах, в большей мере представлены асимметричные наконечники с выемкой у основания (острия алтыновского типа), также многочисленны асимметричные трапеции высокой формы со скошенным нижним основанием. Последние, по наблюдению Л. Л. Зализняка, являются развитием вкладышей алтыновского типа, о чем говорит наличие переходных форм в составе коллекций. Набор микролитов включает в себя высокие симметричные трапеции, треугольники, изделия со скошенным ретушью концом, пластины и отщепы с притупленной ретушью спинкой. Среди орудий преобладают скребки, в основном концевые на отщепах, редко на пластинах. Присутствуют резцы разных типов. Встречены рубящие орудия [23, с. 113-120; 29, с. 45]. Время бытования памятников типа Песочного Рва относится к бореальному периоду [30, с. 81].

Финальнонеолитический этап песочноровской культуры представлен комплексами типа Студенок. От предшествующих они отличаются меньшими размерами инвентаря и некоторыми изменениями в типологическом составе. Нуклеидная группа представлена схожими с Песочным Рвом формами для получения отщепов и пластин. Отщеп как форма заготовки преобладает, показатель пластинчатости комплексов колеблется от 2,5 до 4,5%. Орудий, изготовленных на пластинах, не более 15%. Среди микролитов доминируют выполненные в технике крутого ретуширования высокие асимметричные и симметричные трапеции. Черешковые наконечники стрел выполнены в постаренсбургской технике. Единичными экземплярами представлены алтыновские острия. Небольшие, но устойчивые серии, образуют отщепы и пластины со скошенным ретушью концом. Среди состава орудий по-прежнему наиболее многочисленны скребки. В количественном отношении большая часть из них выполнена на отщепах неправильной формы (часто с коркой), далее в порядке убывания следуют концевые на отщепах, подокруглые и концевые на пластинах. Резцы, составляющие следующую по величине группу орудий, изготовлены на массивных отщепах; и они довольно грубые. Хорошей серией представлены выемчато-ретушные, реже встречаются - угловые и срединные на отщепах. Много двойных резцов. Характерной особенностью коллекции типа Студенок является наличие сверл и разверток, выполненных в технике крутого ретуширования на массивных удлиненных сколах. Другой отличительной чертой является наличие серий грубых двусторонне обработанных орудий, основная масса среди которых - тесла. Помимо названных типов в инвентаре присутствуют также пластинки и отщепы с ретушью, скобели и ретушеры. Имеющиеся данные позволили Л. Л. Зализняку датировать памятники типа Студенок нач. VI тыс. до н. э. [23, с. 126-134; 29, с. 51].

При анализе характеристик кремневого инвентаря, результатом которого

явилось выделение описанных выше типов памятников, Л. Л. Зализняк применил метод оценки степени сходства комплексов с помощью корреляционных таблиц, предложенный В. Робинсоном и Д. Брейнердом и дополненный В. Ф. Генингом [29, с. 5]. Основу этого метода составляет сравнение распределений (в процентах) по отдельным совокупностям признаков между несколькими выборками. При этом исходным моментом определения степени сходства является сравнение процентного распределения признака в отдельной совокупности. Степень сходства по каждому признаку двух выборок определяется по меньшему значению двух сравниваемых величин, что будет означать величину их абсолютного сходства, т. е. удельный вес полностью совпадающего количества показателей данного признака. Степень сходства в целом по совокупности определяется как сумма меньших значений каждого признака в совокупности. Степень сходства по категории совокупностей признаков определяется как среднее арифметическое сходство по всем совокупностям, входящим в категорию, фазу и т. п. Полученные показатели сходства между памятниками позволяют ранжировать их, а также провести группировку по степени близости (если есть основания) [31, с. 81-83].

Сравнение опорных (по Л. Л. Зализняку) памятников проводилось по культуроопределяющим признакам, каковыми, по бытующему в литературе мнению, прежде всего является набор метательного вооружения (микролиты) [1, с. 15; 32, с. 6; 33, с. 67-69; 34, с. 95-96]. В результате анализа были выделены группы памятников, характеризующие развитие культуры во времени. Степень близости комплексов внутри каждой группы 80% и более, связь между группами последовательных этапов около 50%. Типолого-статистический анализ других форм инвентаря и техники первичного расщепления подтверждает сделанные выводы.

В целом концепция возникновения песочноровской культуры на аренбургской основе, как и предложенные Л. Л. Зализняком этапы ее развития, получили поддержку в литературе [13, с. 29; 35, с. 15; 36, с. 58]. Однако следует указать, что рассматриваемые теоретические построения недостаточно подкреплены данными естественно-научных методов датирования для памятников Украины. В силу этого для подтверждения предложенной культурно-хронологической схемы используются даты, полученные для памятников иеневской культуры Волго-Окского междуречья, которая рассматривается как близкородственная или как вариант единой культуры. Поэтому необходимо обратиться к обзору существующих об этой культуре представлений.

Иеневская культура была выделена Л. В. Кольцовым в 1977 г. [12]. В качестве характеризующих ее черт были предложены отщеповая и пластинчатая индустрии, основанные на утилизации одно-, двух- и многоплощадочных ядрищ конической и призматической форм и аморфных, использование отщепа в качестве основной формы заготовки, широкое распространение во вторичной обработке крутой затупливающей ретуши. В составе орудий концевые, скошенные, округлые и боковые скребки, резцы с ретушированной и неподработанной площадками скола, разнообразные рубящие орудия, а также скобели и пластины с ретушью. Среди охотничьего вооружения - постаренбургские наконечники стрел с боковой выемкой и симметричные черешковые; трапеции и асимметричные треугольники, сегментовидные и ланцетовидные острия. На основании аналогий с памятниками деснинской (по М. В. Воеводскому и А. А. Формозову) культуры Л. В. Кольцов относит иеневскую культуру к финальному мезолиту, а ее возникновение связывает с миграцией в конце бореального времени части деснинского населения в Волго-Окский бассейн [37, с. 267-271; 38, с. 82-91].

Точка зрения на иеневскую культуру как "финально-мезолитическую" доминирует в публикациях почти до конца 80-х гг. Исследования этого времени направлены на расширение источниковой базы и используют в основном типлист, предложенный в 1984 г. [38] и дополняемый по мере поступления новых данных. Характерно, что с середины 80-х гг. генетические корни иеневской культуры исследователи видят в аренбургской финально-палеолитической культуре [39, с. 135-137; 13, с. 33; 14, с. 43]. В 1989 г. в томе "Мезолит СССР" Л. В. Кольцов развивает и уточняет положения своих более ранних работ. Им дается обобщенная техни-

ко-типологическая характеристика культуры и разрабатывается ее первая периодизация. Основные признаки иеневской культуры сформулированы следующим образом: "Техника расщепления кремня весьма разнообразна. Мы встречаем здесь много форм нуклеусов: одноплощадочные конические, подконические, призматические, подпризматические, "карандашевидные", торцовые, аморфные; многоплощадочные (в основном аморфные); дисковидные... Скалывались с нуклеусов и пластины и отщепы, хотя преимущественной заготовкой для орудий служил все же отщеп. Основной техникой прием вторичной обработки - крутая ретушь; с ее помощью получались основные типы орудий. Использовалась техника резцового скола, микрорезцовая и макролитическая" [40, с. 80]. Набор охотничьего вооружения представлен асимметричными наконечниками стрел различных типов, в том числе с выемкой у основания, поперечнолезвийными наконечниками, крайне редко - постсвидерскими формами на пластинах. Среди микролитов также характерны высокие и средневысокие трапеции, симметричные и асимметричные, достаточно широко представлены треугольники - неравносторонние и равнобедренные; присутствуют сегменты и ромбы. Из других микролитических форм отмечены изделия с затупленным или вогнутым концом или основанием; с ретушью на углу; пластины-вкладыши с ретушью по краю. Широко распространены острия со скошенным ретушью концом или основанием, ланцетовидные острия, реже формы со сходящимися ретушированными краями и со скошенным краем [40, с. 81]. Среди орудий - разнообразные формы скребков; в том числе среди концевых - обычные, скошенные, с выступом, со скребковой ретушью, заходящей на боковые края заготовки; довольно часты скребки боковые и неправильной формы. Встречены скребла [40, с. 80]. Резцы, как правило, грубые, с широкими резцовыми сколами. Преобладают формы на углу сломанного или естественного конца заготовки, но широко представлены и варианты боковых, с различной формой ретушированного конца заготовки. Довольно характерны поперечные резцы, резцы с несколькими кромками на одной заготовке и комбинированные (с разным типом оформления площадки для нескольких кромок на одной заготовке). Другие типы резцов встречены реже [40, с. 80]. Группа рубящих орудий представлена топорами, теслами и долотами. Распространены формы с перехватом и полуперехватом. Встречены рубящие подтрапециевидной и миндалевидной формы, оббитые сплошь по двум сторонам или только по краям. В ряде памятников найдены кайла с заостренным концом и мотыги с перехватом [40, с. 81].

Орудийный набор дополняют пластины и отщепы с разнохарактерной ретушью, использовавшиеся как ножи или пилки; скобели с выемками различных типов; сверла и проколки, в основном асимметричные, часто с невыделенным ретушью концом. Часты в комплексах комбинированные орудия в разных вариантах [40, с. 81].

Как видим, предложенный типлист довольно обширен и отражает стремление автора перечислить все типы кремневого инвентаря, встречающегося на памятниках иеневской культуры. Заметим, что в большей своей части он идентичен списку, разработанному Л. Л. Зализняком и А. Н. Сорокиным по материалам песочноровской культуры.

Внутреннее развитие иеневской культуры определяется, по Л. В. Кольцову, характером ее инвентаря. По его мнению, культура в своем развитии прошла четыре последовательных этапа, которые нашли свое отражение в кремневых комплексах стоянок.

Первый этап, относящийся к концу бореального времени, характеризуется материалами стоянок Ладыжино 3, Дальний Остров, Высокино 6. По мысли автора, принципиальным отличием этих памятников является отсутствие в наборе охотничьего вооружения трапеций и широкое распространение асимметричных наконечников с боковой выемкой и выделенным черешком. Встречаются постсвидерские наконечники и асимметричные с поперечным лезвием. Остальной набор микролитов представлен вкладышами с ретушированным краем, изделиями со скошенным ретушью концом, ланцетовидными остриями.

Среди скребков отмечено преобладание концевых форм, в т. ч. скошенных и с частичной ретушью боковых краев, наличие скребков неправильной формы и микроформ угловых, редкость подокруглых. Резцы преобладают на сломе или естественной площадке, но есть косоретушные и вогнуторетушные.

Группа рубящих представлена топорами с перехватом, реже топорами и теслами подовальной и подпрямоугольной формы.

Среди ножей преобладают орудия с нерегулярной приостряющей ретушью, но есть с приостряющей ретушью, захватывающей весь край, а также ножи с обушком и пилки. Скобели имеются как с широкими и глубокими, так и с узкими мелкими выемками. Широко распространены перфораторы (проколки) с невыделенным "жальцем" [40, с. 82].

Представляется, что Л. В. Кольцов прав, считая одним из главных критериев выделения наиболее ранних памятников отсутствие в их инвентаре трапеций. Касаясь же конкретных трех стоянок, отметим, что в литературе имеются сведения о смешанном характере комплекса Дальнего Острова и об обнаружении на этой стоянке трапеций в ходе раскопок А. Е. Кравцова в 1989 г. [35, с. 13; 36, с. 56]. Предлагается, что один экземпляр присутствует и в коллекции Ладыжино 3 [35, с. 13. 41, с. 255-260; 40, табл. 47, 1]. Таким образом, из группы только Высокино 6 претендует на отнесение к ранней стадии по предложенному критерию. Следует отметить, что остальные тенденции орудийного состава, предложенные Л. В. Кольцовым, носят более общий характер.

Второй этап, по мнению Л. В. Кольцова, представляют стоянки Иенево 2, Дмитровское 1, Старокопстантиновская 4 и 6, Черная Грязь 1, Журавец 1 и, возможно, Тростенская 3 Северная. Основные отличия от первого этапа фиксируются в группе микролитов. Здесь появляются разные типы трапеций: высокие асимметричные и симметричные, а также трапеции средних пропорций, как симметричные, так и асимметричные. Вместе с тупоугольными неравнобедренными треугольниками распространяются равнобедренные остроугольные. Группа наконечников расширяется за счет симметричных форм с поперечным лезвием, а группа острий - за счет появления типов со сходящимися ретушированными краями или скошенным краем. Изменения в других категориях орудий, указанных автором, происходят также за счет незначительного добавления новых форм. В группе скребков это концевые с выступом на лезвии, боковые и неправильной формы со сходящимися лезвиями. Среди резцов - боковые с поперечноретушированной или частичноретушированной площадкой. Среди перфораторов отмечено появление макросверл. Группа рубящих расширена за счет изделий с полуперехватом и с одним затупленным краем [40, с. 82]. Поскольку основные изменения отмечены для второго этапа в охотничьем вооружении, представляется правомерным рассмотреть объединенные в группу памятники именно в этом аспекте. Прежде всего отметим стоянку Старокопстантиновская 4. В инвентаре этого памятника отсутствуют такие определяющие, по Л. В. Кольцову, для второго этапа микролиты как трапеции и треугольники. Другие формы представлены единственным сегментом, пластинами и отщепами с поперечносрезанным или вогнутым концом, вкладышами с ретушированными краями и пластинами с ретушированными углами. Основной формой наконечников являются асимметричные с боковой выемкой [42, с. 11-25; 40, табл. 49]. Остальной инвентарь также представлен формами, присущими первому, по Л. В. Кольцову, этапу культуры, за исключением пяти (из 172 найденных) скребков с небольшим выступом на рабочем крае¹. Вышесказанное позволяет считать стоянку Старокопстантиновская 4 одним из наиболее ранних памятников иеневской культуры и объединить в одну группу с Высокино 6.

Остальные рассматриваемые памятники также не отличаются однородностью охотничьего вооружения. Например, в Старокопстантиновской 6 присут-

¹ Подсчитано нами по описаниям материала Д. А. Крайновым и Л. В. Кольцовым [42, с. 19-20].

ствуют асимметричные и черешковые постаренбургские наконечники стрел, косолезвийные наконечники и единственная трапеция, а в Журавце 1, напротив, нет асимметричных и косолезвийных наконечников и представлены лишь постаренбургский черешковый и постсвидерский наконечники, а также трапеции. В Дмитровском 1 наряду с постсвидерскими наконечниками имеется асимметричный наконечник с боковой выемкой и трапеции, но нет аренбургских черешковых форм. Отсутствуют асимметричные и черешковые постаренбургские наконечники и в материалах Иенево 2 [40, с. 78, 79; табл. 46, 48; 35, с. 13].

Выявленные противоречия носят принципиальный характер и могут быть объяснены одновременностью этих комплексов. Поэтому объединение Л. В. Кольцовым этих стоянок в одну группу, равно как и характеристики второго этапа культуры, разработанные на их материалах, выглядят весьма спорными.

К третьему этапу, согласно точке зрения Л. В. Кольцова, относятся стоянки Алтыново (верхний слой), Богоявление, Коприно, Пеньково. Объединяются они по исчезновению отдельных форм орудий и микролитов или по падению их роли в комплексах по сравнению с предыдущим этапом. Среди скребков падает роль концевых с выступом. Среди резцов уменьшается количество боковых. В составе охотничьего вооружения падает роль треугольников и вкладышей с затупленным краем, появляются низкие трапеции. Широкое распространение получают асимметричные наконечники с поперечным лезвием при полном исчезновении постсвидерских форм. Среди острий, как правило, встречаются ланцетовидные [40, с. 82].

Четвертый этап представлен стоянками Сельцо 3, Титово 1, Тихоново и Авсерьгово 2. Указанные памятники, по мнению Л. В. Кольцова, демонстрируют сокращение типов орудий по сравнению с моментом расцвета индустрии почти вдвое. Морфологические изменения заметны прежде всего в группе микролитов, где остаются только высокие трапеции и вкладыши с ретушью по краю. Единственной новацией является появление техники шлифовки [40, с. 83].

При выделении последних двух этапов культуры, по нашему мнению, Л. В. Кольцовым не были учтены некоторые особенности инвентаря памятников, известные по литературе. Так, стоянку Коприно отличает от других памятников этапа наличие в инвентаре серии трапеций и единственного косолезвийного наконечника при полном отсутствии разновидностей постаренбургских типов, что требует отнести ее к стоянкам скорее четвертой группы. Среди особенностей последних отметим наличие в инвентаре стоянки Сельцо 3 алтыновских вкладышей помимо трапеций, а в Тихоново - асимметричного наконечника с боковой выемкой [40, табл. 51-56; 43, с. 60; 35, с. 14].

Созданная Л. В. Кольцовым периодизация призвана обосновать гипотезу, согласно которой носители иеневской культуры проникли в Волго-Окское междуречье из бассейнов верхнего Днепра и Десны в конце бореального времени. Оказавшись во враждебном окружении, культура постепенно деградировала и была полностью вытеснена с занятой территории во 2-ой пол. VII тыс. до н. э.

Однако следует указать, что в основных своих положениях предложенная схема носит довольно спорный характер, а проведенная группировка памятников опровергается внутренними противоречиями в инвентаре. Сказанное позволяет утверждать, что периодизация иеневской культуры, предложенная Л. В. Кольцовым, не может считаться удовлетворительной. Не подтверждаются положения Л. В. Кольцова и имеющиеся в настоящее время разработками по хронологии иеневских памятников [44, с. 14-17; 45, с. 8-10; 46, с. 18-20].

В современной историографии существует и иная точка зрения на происхождение и развитие иеневской культуры.

В 1988 г. вышла в свет работа А. Н. Сорокина и А. С. Фролова, в которой авторы анализируют имеющиеся в их распоряжении материалы песочноровской культуры Подесенья и иеневских памятников из бассейна Оки. Представительные коллекции, положенные в основу исследования, позволили им максимально полно учесть в типлистах категории орудий обеих культур. Сравнительно - типо-

логический анализ, проведенный по 72 признакам, выявил полное совпадение по 62 пунктам. Помимо сходного состава инвентаря иеневскую и песочноровскую культуры объединяет еще ряд черт: преимущественно отщеповая индустрия, сочетание макро- и микролитической техники вторичной обработки, наличие затупливающей ретуши. Существующие различия проявляются, по мнению исследователей, преимущественно в разном уровне развития пластинчатой индустрии. В целом А. Н. Сорокиным и А. С. Фроловым делается вывод о принадлежности иеневской и песочноровской культур к единой культурной общности [27, с. 21-28].

Не оспаривая по существу правомерность заявленных выводов, отметим, что типлист иеневской культуры базировался в большей части на сборах подъемного материала, источниковедческая надежность которого специально не обосновывалась. В дальнейшем предложенные типы кремневого инвентаря были выявлены в комплексах других иеневских стоянок и в полном объеме включены в типлист Л. В. Кольцова. Еще одним слабым местом рассматриваемой работы является, по нашему мнению, использование слишком обобщенных характеристик. Это не дает возможности проследить взаимоотношения между элементами, определяющими облик культур во времени, а, следовательно, решить вопрос о синхронности их существования. Вопросы взаимодействия иеневской и песочноровской культур рассматривает в своих исследованиях Л. Л. Зализняк. В серии статей и монографий 1984-1991 гг., посвященных анализу генезиса песочноровской культуры, им последовательно развивается тезис о гомогенности кремневых комплексов Подесенья и Волго-Окского междуречья. Прямые аналогии в наборах охотничьего вооружения и основных типах орудий он видит, прежде всего, между стоянками этапа Песочного Рва (Песочный Ров, Комягино, Гридасово) и иеневскими памятниками Старокопстантиновская 4 и 6, Ладыжино 3, Дальний Остров, Алтыново. Сходство кремневого инвентаря, по мнению Л. Л. Зализняка, настолько велико, что позволяет говорить о двух (иеневском и песочноровском) локальных вариантах единой культуры, имеющих аренбургскую генетическую основу. Касаясь вопросов хронологии, он относит формирование культуры к пребореальному времени, а позднейшие памятники к началу атлантического периода [28; 23, с. 123-124; 30, с. 81; 29, с. 45, 51].

Концепция Л. Л. Зализняка наиболее полно разработана в части деснинских памятников, а волго-окские материалы обобщены в основном по сведениям, содержащимся в литературе, и ссылки на них носят скорее подчиненный характер. Более обстоятельный анализ позволил бы дифференцировать памятники, отнесенные к одной группе, по хронологическому признаку. Тем не менее общие принципы, предложенные Л. Л. Зализняком, согласуются с последними разработками А. Е. Кравцова и А. Н. Сорокина по мезолиту Волго-Окского бассейна.

Серии радиоуглеродных дат, полученные А. Е. Кравцовым для представительных мезолитических комплексов Мещерской низменности в 1983-1987 гг., позволили ему сделать выводы о необходимости пересмотра датировок ряда памятников поздних, по Л. В. Кольцову, этапов бутовской и иеневской культур региона в сторону углубления их древности и о существовании названных культур уже в раннем мезолите. Подробный технико-типологический анализ наиболее ранних, по А. Е. Кравцову, комплексов с асимметричными наконечниками стрел (Беливо 4А, 4Г) не позволяет связывать возникновение иеневской культуры с миграциями в Волго-Окское междуречье групп населения стоянок типа Песочный Ров из бассейна Верхнего Днепра [44, с. 14-17; 47, с. 15-21]. В 1991 г. им были обобщены сведения о всех памятниках Волго-Окского междуречья, обеспеченных данными радиоуглеродного и споро-пыльцевого анализов. Их аналитический обзор помещает памятники иеневской культуры, имеющие даты, в хронологические рамки 9,6-8,3 тыс. л. н. По мнению А. Е. Кравцова, имеющиеся сравнительно-типологические и хронологические данные говорят о синхронности иеневской и песочноровской культур и о формировании их в начале мезолита на общей основе. Он присоединяется к мнению Л. Л. Зализняка, рассматривающего эти культурные образования как локальные варианты одной культуры. Бытование иеневских памятников

А. Е. Кравцов относит к концу пребореала и бореалу, а не к атлантическому периоду [46, с. 21-34; 36, с. 38-59].

Сходных взглядов на иеневскую культуру придерживается А. Н. Сорокин. Не разделяя культурно-хронологических воззрений Л. В. Кольцова, он предлагает свою периодизацию иеневской культуры, лишенную противоречий, присущих предшествующей схеме. Основную линию развития культуры автор видит в постепенной утрате и видоизменении аренбургских признаков в охотничьем вооружении от ранних памятников к поздним. Асимметричные наконечники с боковой выемкой, алтыновские вкладыши, косолезвийные наконечники, трапеции и треугольники, по мнению А. Н. Сорокина, образуют в иеневской и песочноровской культурах единый типологический ряд. Следуя логике развития типологических рядов, в иеневской культуре он выделил три этапа. Для раннего этапа должны быть характерны постаренбургские асимметричные с боковой выемкой и черешковые наконечники. Вероятно, уже в это время появляются косолезвийные наконечники как прототип или промежуточная форма от асимметричных наконечников с боковой выемкой к трапециям. Но трапеции и треугольники пока неизвестны. Среди всего массива представительных иеневских памятников, по мнению А. Н. Сорокина, этим требованиям отвечают стоянки Высокино 6 и Староконстантиновская 4 [35, с. 13-15].

Второй этап, как отмечает исследователь, знаменуется появлением трапеций при сохранении всех постаренбургских форм. Со временем асимметричные наконечники с боковой выемкой утрачивают свои вытянутые формы, превращаясь в алтыновские вкладыши; постепенно исчезают черешковые формы, но сохраняются косолезвийные наконечники и увеличиваются количественно трапеции. Указанные закономерности А. Н. Сорокин прослеживает на примере стоянок Староконстантиновская 2 и 6, Ладыжино 3, Журавец 1, Дмитровская 1, Богоявление, Пеньково и Сельцо 3 [35, с. 15].

На памятниках третьего этапа отсутствуют алтыновские вкладыши, асимметричные черешковые постаренбургские наконечники; косолезвийные наконечники немногочисленны, а основную роль в охотничьем вооружении играют трапеции. Среди комплексов, характеризующих этот этап, А. Н. Сорокин называет Иенево 2 и Коприно. Касаясь роли треугольников, он указывает на тяготение их к финалу культуры, хотя, в силу малочисленности в коллекциях, не считает их серьезным хронологическим репером [35, с. 14-15].

В целом концепция А. Н. Сорокина подтверждается при сопоставлении материалов памятников, датированных естественнонаучными методами (Беливо 4А, Шильцева Заводь 5, Ладыжино 3 и Митино 5), а также хорошо согласуется с закономерностями, прослеженными Л. Л. Зализняком для комплексов Подесенья. Общие временные рамки иеневской культуры А. Н. Сорокин относит к концу пребореала - бореалу.

Закljučая критический анализ имеющихся в литературе разработок по иеневской и песочноровской проблематике, отметим, что к настоящему времени наиболее непротиворечивой и аргументированной является концепция, рассматривающая иеневские комплексы Волго-Окского междуречья и песочноровские Верхнего Поднепровья как локальные варианты единой культуры. Сложившись преимущественно на аренбургской основе в самом начале мезолита, эта культура существовала с конца пребореального периода до конца бореального, а возможно, до начала атлантического времени. Локальные варианты этого явления характеризуются на ранних этапах значительным совпадением типологического состава инвентаря, едиными тенденциями в развитии охотничьего вооружения и рядом общих черт в технике первичного расщепления и вторичной обработки. Различия, существующие между регионами, постепенно накапливаются и становятся существенными в финальном мезолитическое время.

Нам представляется, что эти разработки при соответствующей корректировке по мере получения новых естественнонаучных данных о хронологии иеневских памятников могут быть с успехом использованы при решении конкретных задач культурно-хронологической атрибуции стоянок.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. *Городцов В. А.* Материалы для археологической карты долины и берегов Оки // Труды XII Археологического съезда в Харькове. Т. 1. М., 1906.
2. *Береговая Н. А.* Палеолитические местонахождения СССР // МИА. 1960. N 81.
3. *Самоквасов Д. Я.* Могилы Русской земли. М., 1908.
4. *Рудинський М. Я.* Передісторичні розшуки в Північно-східній Чернігівщині // Коротке звітання ВУАК за 1926 г. Киев, 1926.
5. *Воеводский М. В.* К вопросу о ранней (свидерской) стадии эпилеолита на территории Восточной Европы // Труды АИЧПЕ. 1934. Вып. 5.
6. *Воеводский М. В.* Мезолитические культуры Восточной Европы // КСИИМК. 1950. Вып. 31.
7. *Формозов А. А.* Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М., 1959.
8. *Кольцов Л. В.* Мезолит Волго-Окского междуречья // Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1965.
9. *Кольцов Л. В.* Некоторые итоги изучения мезолита Волго-Окского междуречья // СА. 1965. N 4.
10. *Кольцов Л. В.* Локальные группы Волго-Окского мезолита // КСИА. 1973. Вып. 137.
11. *Кольцов Л. В.* Культурные различия в раннем мезолите Волго-Окского междуречья // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М., 1976.
12. *Кольцов Л. В.* Доклад на заседании сектора неолита и бронзы. Прочитан в марте 1977 г. // Архив ИА РАН.
13. *Сорокин А. Н.* Мезолит бассейнов Десны и Оки (по материалам работ Деснинской экспедиции) // КСИА. 1986. Вып. 188.
14. *Сорокин А. Н.* Культурные различия в мезолите бассейна р. Оки // КСИА. 1987. Вып. 189.
15. *Формозов А. А.* Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории Европейской части СССР. М., 1977.
16. *Кольцов Л. В.* Мезолитический слой стоянки Алтыново // КСИА. 1972. Вып. 131.
17. *Фролов А. С., Жилин М. Г.* Новые памятники мезолита на верхней Оке // СА. 1978. N 1.
18. *Ефименко П. П.* Мелкие кремневые орудия геометрических и иных своеобразных очертаний в русских стоянках раннеолитического возраста // Русский антропологический журнал. 1924. N 13. Вып. 3-4.
19. *Рудинський М. Я.* До питання про культури мезолітичної доби на Україні // Антропологія. Киев, 1927. N 1.
20. *Рудинський М. Я.* Деякі підсумки та найближчі завдання палеолітичних вивчень у межах УРСР // Антропологія. Киев, 1930. N 4.
21. *Воеводский М. Ф., Формозов А. А.* Стоянка Песочный Ров на реке Десне // КСИИМК. 1950. Вып. 35.
22. *Сорокин А. Н.* Новые данные по мезолиту бассейна Десны // Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР: Тез. докл. респ. конф. Киев, 1981.
23. *Зализняк Л. Л.* Культурно-хронологическая периодизация мезолита Новгород-Северского Полесья // Памятники каменного века левобережной Украины. Киев, 1986.
24. *Левченко В. П.* Мезолит среднерусского днепровско-донского междуречья и его роль в сложении местной мезолитической культуры // МИА. 1966. N 126.
25. *Телегін Д. Я.* Мезолітичні пам'ятки України. Киев, 1982.
26. *Сорокин А. Н.* Комягина 2Б - новый мезолитический памятник в бассейне р. Десны // Труды ГИМ. 1985. Вып. 60.
27. *Сорокин А. Н., Фролов А. С.* Про спільні та відмінні риси пісочнорівської та ієнівської культур // Археологія. Киев, 1988. N 69.
28. *Зализняк Л. Л.* Деснянська мезолітична культура // Археологія. Киев, 1984. N 46.
29. *Зализняк Л. Л.* Население Полесья в мезолите. Киев, 1991.
30. *Зализняк Л. Л.* Охотники на северного оленя Украинского Полесья эпохи финального палеолита. Киев, 1989.
31. *Генинг В. Ф., Бутянян Е. П., Пустовалов С. Ж., Рычков Н. А.* Формализованно-статистические методы в археологии. Киев, 1990.
32. *Кольцов Л. В.* Финальный палеолит и мезолит Южной и Восточной Прибалтики. М., 1977.
33. *Зализняк Л. Л.* Мезолит Юго-Восточного Полесья. Киев, 1984.
34. *Балакин С. А., Нужный Д. Ю.* Хозяйственно-экономическое развитие в голоцене и проблема археологических критериев мезолита // Каменный век на территории Украины. Киев, 1990.
35. *Сорокин А. Н.* Новые данные по мезолиту бассейна р. Оки // Актуальные вопросы Волго-Окского мезолита. М., 1991.
36. *Кравцов А. Е.* О хронологии бутовской и иеневской мезолитических культур в Волго-Окском междуречье (по данным радиоуглеродного и спорово-пыльцевого анализов) // Актуальные вопросы Волго-Окского мезолита. М., 1991.

37. *Крайнов Д. А., Кольцов Л. В.* 25 лет (1959-1983) Верхневолжской экспедиции Института археологии Академии наук СССР // СА. 1983. N 4.
38. *Кольцов Л. В.* Мезолитические поселения Верхнего Поволжья // Археология и палеогеография мезолита и неолита Русской равнины. Путеводитель совместного советско-французского симпозиума. М., 1984.
39. *Фролов А. С.* Иеневская позднемезолитическая культура в бассейне р. Оки // Археологические памятники Европейской части РСФСР. М., 1985.
40. Археология СССР. Т. 2. Мезолит СССР. М., 1989.
41. *Фролов А. С., Жилин М. Г.* Мезолитическая стоянка Ладыжино 3 // СА. 1981. N 2.
42. *Крайнов Д. А., Кольцов Л. В.* Стоянка Старокопстантиновская 4 // Археологические исследования в Верхневолжье. Калинин, 1983.
43. *Кольцов Л. В.* Исследования памятников каменного века в Калининской и Костромской областях // АО - 1982 г. М., 1984.
44. *Кравцов А. Е.* О хронологии мезолитических и раннеолитических памятников Мещерской низменности // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Калуга, 1987.
45. *Кравцов А. Е.* Спорные вопросы иеневской мезолитической культуры // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Калуга, 1987.
46. *Кравцов А. Е.* К хронологии бутовской и иеневской мезолитических культур // СА. 1991. N 2.
47. *Кравцов А. Е.* Стоянка Беливо 4Г // Памятники каменного века бассейна р. Оки. М., 1988.

Институт археологии РАН,
Москва

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ ИЕНЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В МЕЗОЛИТЕ ВОЛГО-ОКСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

Иеневская культура (далее - ИК) выделена Л. В. Кольцовым в 1977 г. [1, с. 22-26]. В настоящее время известно более 50 относящихся к ней памятников, многие из которых опубликованы. Исследователями отмечается близкое сходство ИК с песочноровской культурой в бассейне Десны, многочисленные аналогии в инвентаре памятников верхнеднепровской культуры, скандинавских культур фосна и комса, наследующих традиции финальнопалеолитических культур лингби и аренбургской и составляющих вместе с ИК постаренбургскую культурную общность.

В публикациях и обобщающих работах 1970-х - 80-х гг. памятники ИК интерпретировались как позднемезолитические [2, с. 87-90; 3, с. 91-97; 4, с. 228-233; 5, с. 255-259; 6, с. 82-91; 7, с. 68-86 и др.]. Возникновение ИК связывалось с проникновением в Волго-Окское междуречье групп населения из Верхнего Поднепровья и Подесенья в конце бореального периода, когда регион был занят в основном населением, оставившим еще более многочисленные памятники поствидерской бутовской культуры. По мнению Л. В. Кольцова, появление ИК имело характер "вторжения", сопровождалось "захватом" значительной территории и временным вытеснением аборигенных групп в восточную часть междуречья. Однако в дальнейшем, заключает автор, "...иеневская культура, находившаяся во враждебных отношениях с бутовской... по-видимому, постепенно выродилась, что привело к облегчению движения "бутовцев" обратно на запад и ассимиляции ими остатков "иеневцев" [7, с. 81, 86]. Предполагавшиеся хронологические рамки ИК - 2-я пол. VII - 2-я пол. VI тыс. до н. э. [7, с. 81].

Представления о позднемезолитическом возрасте ИК были связаны с типологическим составом кремневого инвентаря. Еще в 1940-х гг. родственная памятникам ИК стоянка Песочный Ров была отнесена к позднему мезолиту, главным образом, на основании находок высоких трапеций и близких к ним косо- и поперечнолезвийных наконечников стрел с боковой выемкой [8, с. 34-36]. Ничего нового не содержала и типологическая аргументация, использовавшаяся для обоснования возраста ИК в 1980-е гг., опиравшаяся на наличие в инвентаре ряда стоянок серий мелких высоких трапеций, "которые появляются в Северной Европе не раньше второй половины бореального периода, ближе к его концу". Она подкреплялась палинологическими датировками четырех стоянок ИК: Дальний Остров и Ладыжино 3 - конец бореала, Дмитровское 1 и Коприно - начало атлантикума [7, с. 81].

Этим выводам, уже подвергавшимся ранее критике А. Е. Кравцовым [9, с. 8-10; 10, с. 21-34] и А. Н. Сорокиным [11, с. 9-20], противоречат современные данные по хронологии ИК, полученные методами естественных наук, а также критический анализ четырех приведенных выше датировок, показавший их необоснованность. Так возраст стоянок Дмитровское 1, Коприно, Дальний Остров в настоящее время остается неустановленным [10, с. 31-32], а датировка Ладыжино 3 подлежит уточнению и заслуживает более подробного рассмотрения. А. С. Фроловым, исследовавшим памятник и опубликовавшим заключение о его возрасте и спорово-пыльцевую диаграмму [12, с. 46-51], стоянка была отнесена к началу бореального периода. Как позднебореальная она фигурирует в обобщающих работах Л. В. Кольцова

[6; 7]. По мнению палинолога Е. А. Спиридоновой, опубликованные материалы [12] не позволяли датировать Ладыжино 3 достаточно надежно. В связи с этим в 1992 г. А. Е. Кравцовым образцы для спорово-пыльцевого анализа были отобраны повторно. Анализом установлено, что содержащая культурные остатки погребенная почва сформировалась в пребореале, во время половецкого потепления, датируемого интервалом 9500-9300 л. н. [13].

Кроме Ладыжино 3 независимыми датировками обеспечены еще 6 памятников ИК. Данные о возрасте пяти получены методом споро-пыльцевого анализа¹. На стоянке Еловка 2 (р. Киржач, Владимирская обл., исследования М. Г. Жилина, 1992 г.) погребенная почва, содержащая культурные остатки, сформировалась во время пребореального половецкого потепления. На стоянке Беливо 6В (р. Нерская, Московская обл., исследования Е. В. Леоновой и А. Е. Кравцова, 1989-91 гг.) находки оказались сопряженными с отложениями, сформировавшимися в пребореале, в неблагоприятных климатических условиях, вероятно, соответствующих похолоданию в конце этого периода. Для стоянки Шильцева Заводь 5 [11, с. 9-20] (р. Пра, Рязанская обл., исследования А. Н. Сорокина, 1982, 87-89 гг.) установлено, что погребенная почва с находками перекрыта отложениями, сформировавшимися в начале бореального периода; таким образом, датировка памятника - не позднее начала бореала. На стоянке Брагино (р. Ока, Калужская обл., раскопки А. Н. Сорокина, 1982 г.) культурный слой оказался в значительной мере переотложенным, однако сохранившаяся *in situ* его предматериковая часть получила раннебореальную датировку, а состав пыльцы и спор, содержащихся в перекрывающих переотложенных горизонтах с расщепленным кремнем, указывает на их первоначальное формирование в более раннее время. К середине - второй половине бореального периода отнесена стоянка Митино 5 (р. Ока, Тульская обл., раскопки Т. М. Кузнецовой, 1987, 1989 гг.), однако, по мнению Е. А. Спиридоновой, эта датировка нуждается в уточнении.

Радиоуглеродным анализом датирована стоянка Беливо 4А [10, с. 28, 29] (р. Нерская, Московская обл., раскопки А. Е. Кравцова, 1984-85 гг.). Разброс дат в серии значителен и позволяет определить возраст памятника только в широком диапазоне 9,6-8,9 тыс. л. н. (т. е., середина пребореального - начало бореального периодов).

Как "протоиеневский" может рассматриваться комплекс материалов из раскопа II на стоянке Усть-Тудовка 1 [14, с. 3-18] (р. Волга, Тверская обл., исследования М. Г. Жилина, 1985-87 гг.). Кремневый инвентарь этого памятника отличается архаичной техникой расщепления, преобладанием среди наконечников стрел крупных черешковых, близких к наконечникам типов лингби и аренсбург, в сочетании с обычными для ИК наконечниками с боковой выемкой, рубящими орудиями с одно- и двусторонней обработкой, скребками, резцами и т. д. Отсутствуют геометрические микролиты и острия с дугообразным затупленным краем. Очевидно сходство этого комплекса, с одной стороны, с иеневскими, а с другой, - с материалами финальнопалеолитических памятников круга лингби - аренсбург. Палинологическая датировка комплекса - конец триаса III.

Приведенные данные позволяют считать, что формирование ИК началось на рубеже плейстоцена и голоцена. Вероятно, его следует рассматривать как часть единого процесса формирования родственных культур в бассейне Верхнего Днепра (песочноровской, верхнеднепровской) и в Волго-Окском междуречье (иеневской), связанного с взаимодействием групп населения, наследовавших традиции культур лингби - аренсбург (в Верхнем Поволжье - Усть-Тудовка 1, раскоп II, в бассейне Верхнего Днепра - Красноселье Е, Аносово [15, с. 12-20]), с носителями иных культурных традиций, представленных, в первую очередь, материалами стоянок с остриями с дугообразным затупленным краем в инвентаре (в Верхнем

¹ Авторы благодарят Е. А. Спиридонову, Я. Н. Лаврушину, Т. И. Будагян, выполнивших палинологические исследования; Т. М. Кузнецову, М. Г. Жилина, А. Н. Сорокина, А. С. Фролова, предоставивших материалы изучавшихся ими памятников.

Поволжье - нижний слой стоянки Алтыново [7, т. 40], в бассейне Оки - Заозерье 1 [16, с. 75-82], в бассейне Верхнего Днепра - Журавка и др. [17, с. 74-142]).

Сформировавшаяся иеневская мезолитическая культура существовала в пребореальном и бореальном периодах; о существовании ее позднее данных нет. Наличие высоких трапеций на памятниках ИК этому выводу не противоречит, поскольку и в постаренбургских культурах Северной Европы они распространяются не в позднем, а уже в раннем мезолите [18, т. 152; 19, с. 25]. О хронологическом положении трапеций в мезолите Волго-Окского междуречья говорят следующие данные: на наиболее ранних из числа обеспеченных независимыми датировками стоянках ИК, относящихся к середине - второй половине пребореального периода (Ладыжино 3, датированный комплекс раскопа 1; Еловка 2) их не обнаружено; единичные или малочисленные крупные или средних размеров высокие трапеции отмечены на стоянках, датированных концом пребореала (Беливо 6В) или в хронологическом диапазоне, включающем конец пребореала (Беливо 4А, Шильцева Заводь 5); серия (10 экз.) высоких трапеций, в том числе мелких, найдена на стоянке Брагино, для которой доказано наличие материалов начала бореального периода; в то же время, судя по радиоуглеродной датировке стоянки Малая Ламна 3 [10, с. 25] трапеции появляются и в бутовской культуре. В Митино 5 трапеция единична, но в этом комплексе всего 54 морфологически выраженных орудия, тогда как в Брагино их более 600.

Радиоуглеродные и палинологические датировки памятников бутовской культуры [10; 13] указывают на то, что, по крайней мере, с середины пребореала и в бореальном периоде эта культура сосуществовала с иеневской. Влияние бутовской культуры и ИК прослеживается по материалам стоянок Беливо 4А, Шильцева Заводь 5, Брагино, Иенево 2, Дмитровское 1 и др., содержащих в инвентаре постсвидерские наконечники стрел, причем первые три названных памятника близки к бутовским и по развитой технике расщепления, позволявшей получать правильные пластины и микропластины. Вероятно, вследствие этого влияния в Беливо 4А и в Шильцевой Заводи 5 появляются микролиты с затупленным краем, в Беливо 4А, Ладыжино 3, Еловке 2, Пеньково - наконечники стрел с боковой выемкой, насады которых, оформленные крутой ретушью, дополнительно подработаны плоской "свидерской" ретушью. Как результат заимствования формы в ИК могут рассматриваться высокие трапеции, обнаруженные на стоянках бутовской культуры Малая Ламна 3 и Микулино.

Впрочем, приведенные примеры немногочисленны и не дают оснований говорить о слиянии этих культур или об ассимиляции населения, оставившего иеневскую культуру, населением, оставившим бутовскую. Вопрос об исторических судьбах ИК остается в настоящее время открытым. Возможно, его решение связано с дальнейшим изучением памятников типа стоянки Кирицы 1 (р. Проня, Рязанская обл.), открытой и исследовавшейся А. Н. Сорокиным в 1988-89 гг. и сопоставляемой им с памятниками позднего этапа песочноровской (деснинской) культуры типа Студенок [11, с. 25-27].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Крайнов Д. А., Кольцов Л. В. Проблемы первобытной археологии Волго-Окского междуречья (по результатам работ Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР) // Советская археология в X пятилетке: Тезисы пленарных докладов всесоюзной конф. Л., 1979.
2. Кольцов Л. В. Мезолитический слой стоянки Алтыново // КСИА. 1972. Вып. 131.
3. Крайнов Д. А. Новая мезолитическая стоянка Черная Грязь 1 // КСИА. 1972. Вып. 131.
4. Фролов А. С., Жилин М. Г. Новый памятник мезолита на Верхней Оке // СА. 1978. N 1.
5. Жилин М. Г., Фролов А. С. Мезолитическая стоянка Ладыжино 3 (по материалам раскопок 1976 и 1977 гг.) // СА 1981. N 2.
6. Кольцов Л. В. Мезолитические поселения Верхнего Поволжья // Археология и палеогеография мезолита и неолита Русской равнины. М., 1984.
7. Кольцов Л. В. Мезолит Волго-Окского междуречья // Археология СССР. Т. 2. Мезолит СССР. М., 1989.

8. *Воеводский М. В.* Важнейшие итоги Деснинской экспедиции 1946 г. // КСИИМК. 1948. Вып. XX.
9. *Кравцов А. Е.* Спорные вопросы иеневской мезолитической культуры // Вопросы археологии и истории Верхнего Посочья. Калуга, 1989.
10. *Кравцов А. Е.* К хронологии бутовской и иеневской мезолитических культур // СА. 1991. N 2.
11. *Сорокин А. Н.* Новые данные по мезолиту бассейна р. Оки // Кравцов А. Е., Сорокин А. Н. Актуальные вопросы волго-окского мезолита. М., 1991.
12. *Фролов А. С.* Палинологическая датировка стоянки Ладыжино 3 и ее место в окском мезолите // Человек и окружающая среда в древности и средневековье. М., 1985.
13. *Спирidonova Е. А., Лаврушина Я. Н., Будаган Т. И.* Результаты палинологического изучения мезолита Волго-Окского междуречья // В печати.
14. *Жилин М. Г., Кравцов А. Е.* Ранний комплекс стоянки Усть-Тудовка 1 // Археология Верхнего Поволжья. Нижний Новгород, 1991.
15. *Зализняк Л. Л.* Охотники на северного оленя Украинского Полесья эпохи финального палеолита. Киев, 1989.
16. *Фролов А. С.* Стоянка Заозерье 1 на Москве-реке // КСИИМК. 1987. Вып. 189.
17. *Зализняк Л. Л.* Культурно-хронологическая периодизация мезолита Новгород-Северского Полесья // Неприна В. И., Зализняк Л. Л., Кротова А. А. Памятники каменного века Левобережной Украины. Киев, 1986.
18. *Taute W.* Die stielspitzen-Gruppen in nordlichen Mitteleuropa. Köln, 1968.
19. *Шумкин В. Я.* Мезолит Кольского полуострова // СА. 1986. N 2.

Музей истории города Москвы

Е. В. ЛЕОНОВА

ОПЫТ ПЛАНИГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ИЕНЕВСКИХ МЕЗОЛИТИЧЕСКИХ СТОЯНОК С ТОНКИМ КУЛЬТУРНЫМ СЛОЕМ

Исследования планиграфии верхнепалеолитических и мезолитических памятников позволили вплотную подойти к решению ряда проблем по продолжительности бытования, определению сезонности и производственной специфики и, наконец, реконструкции древних поселений на объективной основе [1; 2; 3; 4; 5].

Настоящая работа является опытом проведения планиграфического анализа памятников с частичным нарушением культурного слоя, представленного горизонтом залегания каменных артефактов и остатками бытовых конструкций, дошедших до наших дней в виде цветowych пятен. Исследуемые стоянки Беливо 4Г и Беливо 6В по типологическому составу каменного инвентаря относятся к иеневской мезолитической культуре. Оба памятника расположены на бортовой террасе левого берега р. Нерской, соответственно в 0,5 и 0,7 км в югу от д. Беливо Орехово-Зуевского района Московской области; находятся на разных берегах притока р. Нерской р. Радомки.

Стоянка Беливо 4Г занимает высокий участок площадки террасы и склон к заторфованной пойме притока - 3,5-4,5 м над меженным уровнем воды. Поверхность стоянки не задернована, разрушается прогоном скота и эоловыми процессами, культурный слой нарушен ямами скотомогильника. Подъемный материал встречается на площади 50x100 м, в пределах которой намечаются 2 скопления расщепленных кремней: северное, расположенное на площадке террасы, и южное - на склоне. Находки залегали от поверхности до глубины 30-40 см в перевеянном песке, гумусированном почвенном горизонте и подстилающих горизонтах подзола и рыжего песка.

В 1986-89 гг. Подмосковным отрядом АЭ МИГМ на стоянке было вскрыто 767 м², что практически исчерпало памятник.

Всего в коллекции 1125 артефактов; в качестве сырья на памятнике использовался разноцветный непрозрачный моренный кремль среднего качества. Для планиграфического анализа было отобрано 506 каменных изделий (артефакты, попавшие в отложения с очевидными нарушениями культурного слоя были отсортированы). На площади памятника были выделены 7 микроскоплений и 2 участка с редкими находками ("зоны") (рис. 1)¹.

Качественный и количественный анализ состава каменных артефактов выявил группу микроскоплений (1С, 2С, 4С и 2Ю) с большой долей орудий в комплексах - от 15,7% до 31,8% (табл. 1). Такие структуры, видимо, могут быть отнесены к неспециализированным скоплениям по производству и использованию орудий [2, с. 78]; на площади микроскопления 1С, сопряженного с остатками двух кострищ, вероятно, велось первичное расщепление (табл. 1; рис. 1).

Группа пятен, связанная с микроскоплением 2С, А. Е. Кравцовым и М. Г. Жилиным была интерпретирована как остатки легкого наземного жилища с очагом

¹ Планиграфический анализ памятников Беливо 4Г и Беливо 6В проведен с применением единых методических принципов, без учета данных трасологопланиграфического анализа материалов северной части стоянки Беливо 4Г [5].

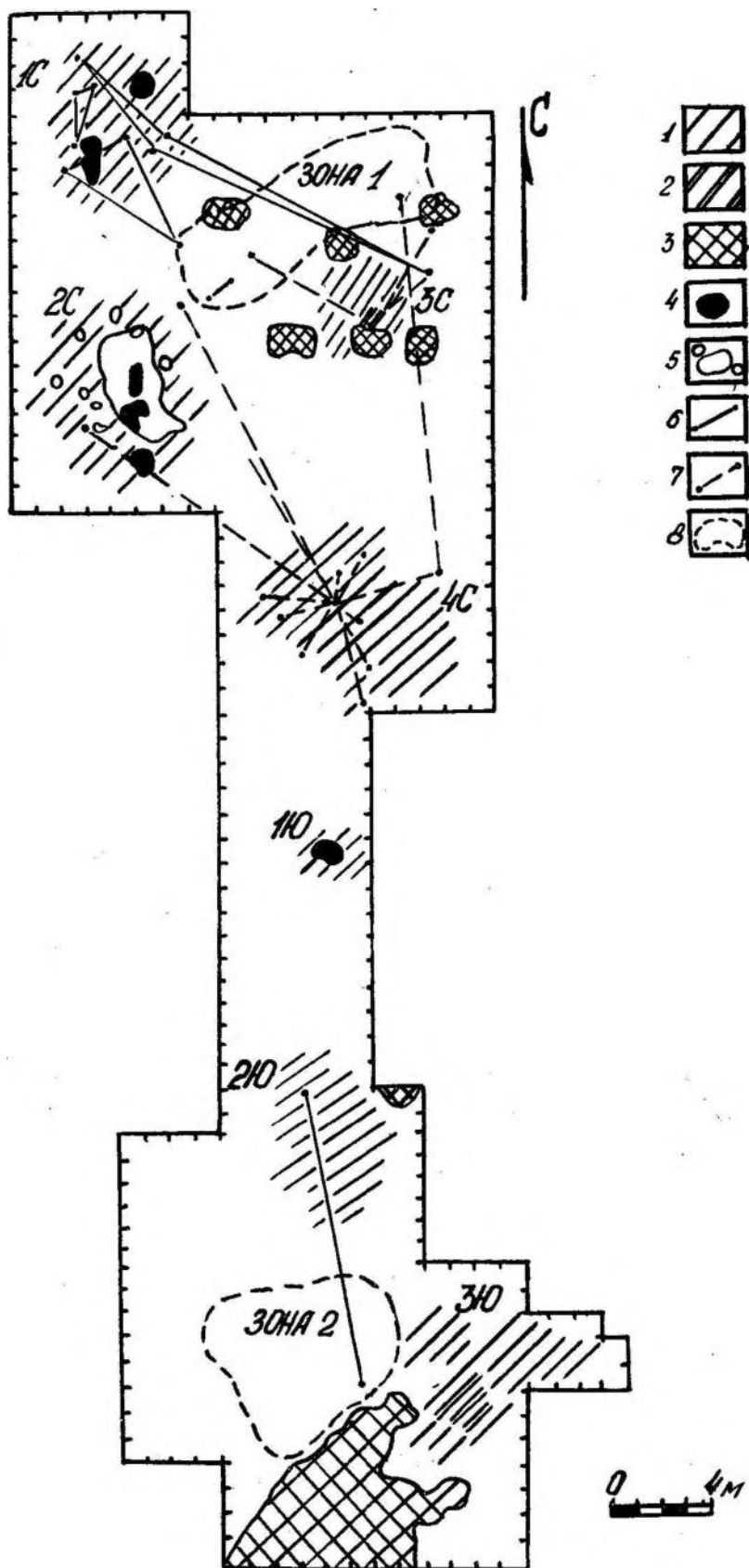

Рис. 1. План стоянки Беливо 4Г. Условные обозначения:
 1 - микроскопления; 2 - рабочие места по первичному расщелению кремня; 3 - позднейшие нарушения культурного слоя; 4 - углистые пятна в культурном слое (ко-стрища и зольные выбросы); 5 - жилищная западина с остатками столбовых ямок по периметру; 6 - связи по ремонту; 7 - связи по специфической цветности кремня; 8 - участки слоя с редкими находками - "зоны"

и очажным выбросом в центре и кострищем на юге, перед входом в жилище. Небольшие пятна вокруг жилищной западины предположительно были рассмотрены как ямки от столбиков и жердей каркаса [5]. Кремнеообработка здесь была ограничена подправкой орудий, внутри жилой площадки производственная деятельность велась дифференцированно: в западной части микроскопления концентрируются резцы и их подправки, а к югу и востоку, у очага, - пластины со следами использования и обушковый нож (табл. 1; рис. 1).

Микроскопление 1Ю образовалось, вероятно, в результате разового посещения площадки для подправки или производства орудий, унесенных впоследствии (табл. 1; рис. 1).

Первичное расщепление кремня на площади памятника велось неинтенсивно и связано в основном с индивидуальными рабочими местами ("точками") [2, с. 68; 6, с. 126, 128], расположенными отдельно от бытовых площадок (микроскопления 3С и 3Ю) (табл. 1; рис.1).

Таблица 1

**Состав кремневых комплексов скоплений на стоянках
Беливо 4Г и Беливо 6В**

Наименование	Беливо 4Г: микроскопления						"зоны"		Беливо 6В		
	1С	2С	3С	4С	1Ю	2Ю	3Ю	1	2	скопление	микроскопл.
Нуклеусы	-	-	-	-	-	-	1	-	-	3	1
Технологические сколы	3	-	3	-	-	-	-	-	-	5	2
Отщепы	50	17	52	22	21	45	84	16	22	1329	832
Пластины	3	1	12	-	1	6	-	3	3	77	39
Отщепы с ретушью	3	-	-	1	-	-	5	-	2	37	22
Пластины со следами использования	-	3	-	4	-	4	4	4	2	23	16
Резцы	5	5	2	2	1	3	1	5	5	30	19
Скребки	1	-	-	-	-	1	1	3	-	34	17
Выемчатые орудия	1	-	-	-	-	-	-	-	-	2	1
Перфораторы	-	-	-	-	-	2	-	-	-	2	1
Пластины с ретушью	-	-	1	-	-	1	-	1	-	4	1
Обушковый нож	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Рубящие орудия	-	1	-	-	-	-	-	-	-	2	1
Комбинированные орудия	-	-	-	-	-	-	-	-	-	4	2
Пластинки с ретушью на конце	-	-	-	1	-	1	-	-	-	7	-
Наконечники стрел	1	1	-	1	-	-	-	-	-	6	3
Трапеции	1	-	1	-	-	-	-	-	-	1	-
Абразивы	-	-	-	1	-	-	-	-	-	1	-
Вкладыши	-	-	-	1	-	-	-	-	-	2	1
Обломки орудий	3	1	1	1	1	-	2	-	-	24	14
Резцовые сколы	5	5	3	1	-	6	6	-	-	35	21

Синхронность четырех северных микроскоплений (1С, 2С, 3С и 4С) устанавливается по наличию связей по ремонту и распространению кремня с редкой или специфической цветностью (рис. 1). Из микроскопления 2Ю и зоны 2 происходят четыре куса низкокачественного кремня, два из которых подбираются друг к другу (рис. 1). Других связей между микроскоплениями 3Ю, 2Ю и зоной 2, являющейся, вероятно, периферией и не имеющей выраженной производственной направленности, не установлено. Однако близость расположения этих структур, типологическое и сырьевое сходство комплексов позволяют предположить синхронность бытования этих трех площадок и определить их как обособленную стоянку.

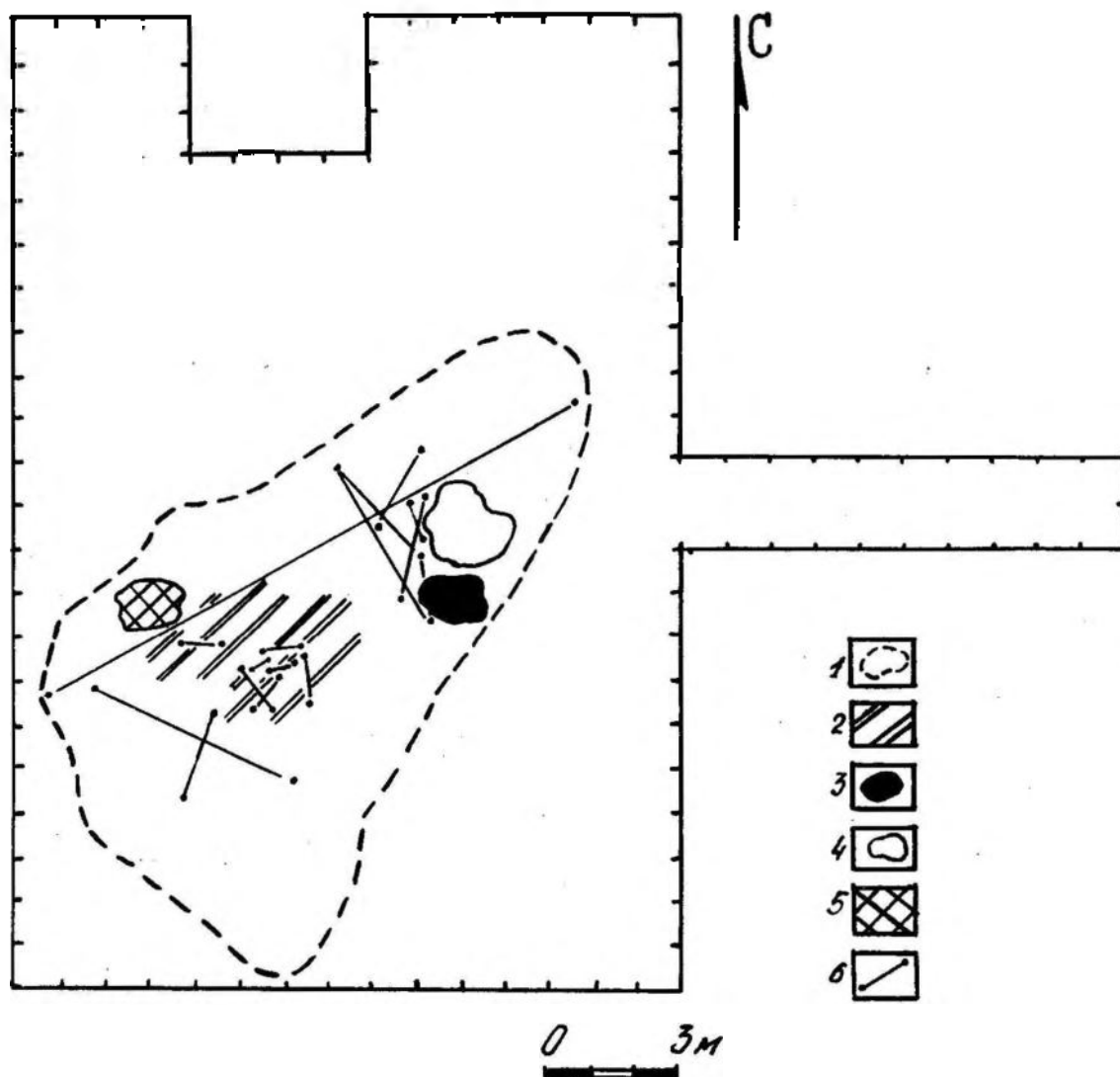

Рис. 2. План стоянки Беливо 6В. Условные обозначения:
 1 - граница распространения находок в скоплении; 2 - квадраты с большой плотностью находок; 3 - углистое пятно (жострище); 4 - контур ямы; 5 - позднейшие нарушения культурного слоя; 6 - связи по ремонту

Отнести микроскопление 1Ю к северной или южной стоянкам не представляется возможным.

Стоянка Беливо 6В расположена на пологом склоне берега Нерской, в периферийной части мыса при впадении р. Радомки в Нерскую, на высоте 2-2,5 м над уровнем заболоченной поймы. Поверхность памятника задернована, но ранее подвергалась распашке. Находки залегают сразу под дерном, в пахотном слое и в подстилающих его горизонтах подзола и рыжего песка до глубины 40 см от поверхности. Памятник исследовался в 1989-91 гг. Подмосковным отрядом АЭ МИГМ, общая площадь раскопов составила 338 м² и перекрыла основное скопление находок.

Для проведения планиграфического анализа использовано 1630 артефактов из 3646 (кремни, попавшие в пахотный слой, были отсортированы). По сырьевому составу ансамбль наиболее однороден из-за большой доли изделий из серо-белого полупрозрачного кремня. Находки на стоянке залегают компактно, одним скоплением подовальной формы (рис. 2). Внутри скопления выделялся участок, на-

иболее насыщенный расщепленным кремнем (59,6% от комплекса стоянки), максимальное количество находок на 1 м² - 220 экз. Для данного микроскопления характерны высокая плотность и компактность залегания артефактов, большой процент отщепов и пластинок - 61,9% от комплекса стоянки, высокая доля разнообразных орудий (8,7% от комплекса микроскопления), наличие технологических сколов с нуклеусов, что позволяет определить данную площадку как неспециализированную, связанную с первичным расщеплением и изготовлением орудий и, возможно, их использованием (табл. 1).

Нанесение на план раскопа аппликаций кремня выявило две компактные группы (рис. 2). Первая связана с микроскоплением, вторая, расположенная к северо-востоку от микроскопления, сопряжена с овальным кострищем. Характер аппликаций и специфический набор артефактов (резцы и резцовые сколы) позволяют предположить, что этот участок связан с небольшой площадкой по производству и/или подправке резцов и работе ими. К северу и северо-западу от микроскопления находится участок с небольшой плотностью находок, где достаточно многочисленны скребки и пластины с ретушью и следами использования. В восточной и юго-восточной части стоянки, включая крайние квадраты микроскопления, отмечается специфический состав артефактов: 5 из 6 имеющихся на памятнике наконечников стрел, в т. ч. наконечник с характерной функциональной утилизацией, скребки, отщепы с ретушью, пластины со следами использования или ретушью и абразив (табл. 1, рис. 2). В целом памятник Беливо 6В можно определить как неспециализированный.

Таким образом наметились следующие общие черты исследуемых памятников: неспециализированный характер стоянок (представлена самая разнообразная деятельность - от первичного расщепления кремня до изготовления и использования орудий); первичное расщепление велось неинтенсивно и ограничивалось раскалыванием 1-2 ядрищ на стоянках Беливо 4Г и 8-10 - на Беливо 6В (соответственно 0,5% и 0,8% нуклеусов и их подправок от кремневых комплексов памятников), что связано с хозяйственной спецификой стоянок, а также с бедностью местной сырьевой базы. Небольшая плотность находок (в среднем 1-2 артефакта на 1 м² на стоянке Беливо 4Г и около 10 - на Беливо 6В); четкость хозяйственных структур памятников. Говорят об очень кратковременном бытовании стоянок. Дифференцированное расположение разнофункциональных участков является также индикатором "чистоты" комплексов.

Отметим ряд различий: стратегия расположения стоянок (высотные отметки над уровнем воды соответствуют 4,5 м - Беливо 4Г - северная; 3,5-4 м - Беливо 4Г - южная; 2-2,5 м - Беливо 6В); планировка поселений (на памятнике Беливо 4Г все производственные площадки расположены отдельно, на достаточно большой площади; на северной стоянке, вероятно, вокруг легкого наземного жилища; на Беливо 6В, напротив, вся производственная деятельность обитателей стоянки велась на одной ограниченной территории); состав кремневых комплексов (показатель отношения количества резцов к количеству скребков для комплекса стоянок Беливо 4Г равен 2,3 ед., а для Беливо 6В - 0,9 ед.). Эти различия могут быть связаны с разными сезонами бытования памятников (предположительно, ранняя весна для Беливо 4Г - северная, поздняя весна или лето - для Беливо 4Г - южная, поздняя осень или зима - для Беливо 6В). Разновысотное положение памятников также может быть обусловлено трансгрессией и регрессией водоемов, связанной с климатическими изменениями, что может указывать на относительно большой хронологический разрыв в бытовании стоянок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Leroi-Gouran A., Brezillon M. Fouilles de Pincevent. Essai d'analyse ethnographique d'un habitat magdalénien (La section 36). Paris, 1972.
2. Леонова Н. Б. Характер скопления кремня на кремнеобрабатывающих мастерских // Вестник Московского Университета. Сер. 8. История. 1980. № 5.

3. *Станко В. Н.* Мирное. Проблема мезолита степей Северного Причерноморья. Киев, 1982.
4. *Кротова А. А., Коен В. Ю., Естушенко А. И.* Опыт изучения кремнеобрабатывающего производства позднепалеолитической стоянки Ямы (по результатам планиграфического исследования) // Каменный век: памятники, методики, проблемы. Киев, 1989.
5. *Кравцов А. Е., Жидин М. Г.* Беливо 4Г: опыт функционально-планиграфического анализа мезолитической стоянки // В печати.
6. *Подопличко И. Г.* Позднепалеолитические жилища из костей мамонта на Украине. Киев, 1969.

Музей истории города Москвы

Г. В. СИНИЦЫНА

К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ ВАЛДАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Генетические проблемы занимают в археологии особое место, во-первых, из-за того, что их постановка и решение являются практически обязательными при характеристике любой археологической культуры и без них эта характеристика не может считаться полной; во-вторых, из-за отсутствия методологической основы в их решении и конкретных методов ее реализации. За небольшими исключениями, обусловленными, как правило, отсутствием необходимого количества материала, проблема генезиса археологических культур никогда не решается однозначно, а на практике допускает несколько решений, часто диаметрально противоположных. Два момента, однако, являются обязательными в любом генетическом исследовании и не зависят ни от теоретических установок, ни от желания что-то доказать или опровергнуть. Во-первых, это наличие формального сходства в материальной культуре; во-вторых, их хронологическая последовательность. Без выполнения этих условий решение любого вопроса, касающегося происхождения или развития, лишается фактических оснований и считается в лучшем случае гипотетическим.

Для тех территорий и периодов, исследование которых имеет длительную историю и для которых накоплено много материала, проблема стоит особенно остро, поскольку датировка материалов, добытых до сер. 1970-х гг., как правило, не отвечает современным требованиям. Часто коллекции, имеющие первостепенное значение из-за своей полноты и выразительности, остаются как бы подвешенными в воздухе из-за отсутствия надежных данных о времени их функционирования.

Проблема происхождения культур каменного века Верхней Волги является этому наглядным примером: огромный накопленный материал в основной своей массе не имеет необходимых для определения его абсолютного возраста данных. Вместе с тем, всеми исследователями, касавшимися связанной с ним проблематики, в той или иной мере признавалось его первостепенное значение.

При том, что культуры каменного века ориентируются, как правило, вдоль бассейнов крупных водных артерий, территория района Верхневолжских озер из-за своего географического положения является контактной зоной и границей бассейнов Волги, Днепра и Западной Двины и, следовательно, возможной зоной распространения влияний восточного, южного и прибалтийского круга культур.

За последние два десятилетия на территории Верхней Волги и Волго-Окского междуречья было открыто несколько новых археологических культур каменного века и разработаны схемы их развития. Дискуссионных вопросов от этого не стало меньше и, более того, возникли новые, связанные с проблемами конкретных способов взаимодействия культур. На новом уровне и с привлечением новых материалов стали рассматриваться и генетические проблемы.

По мнению Н. Н. Гуриной, автора раскопок большинства мезолитических и неолитических памятников района Верхневолжских озер, происхождение позднемезолитической валдайской культуры с наибольшими основаниями следует связывать с материалами неманской мезолитической культуры Литвы и Белоруссии [1]. Косвенным аргументом в пользу этой точки зрения долгое время являлось отсутствие достоверных свидетельств наличия на данной территории памятников раннемезолитического возраста.

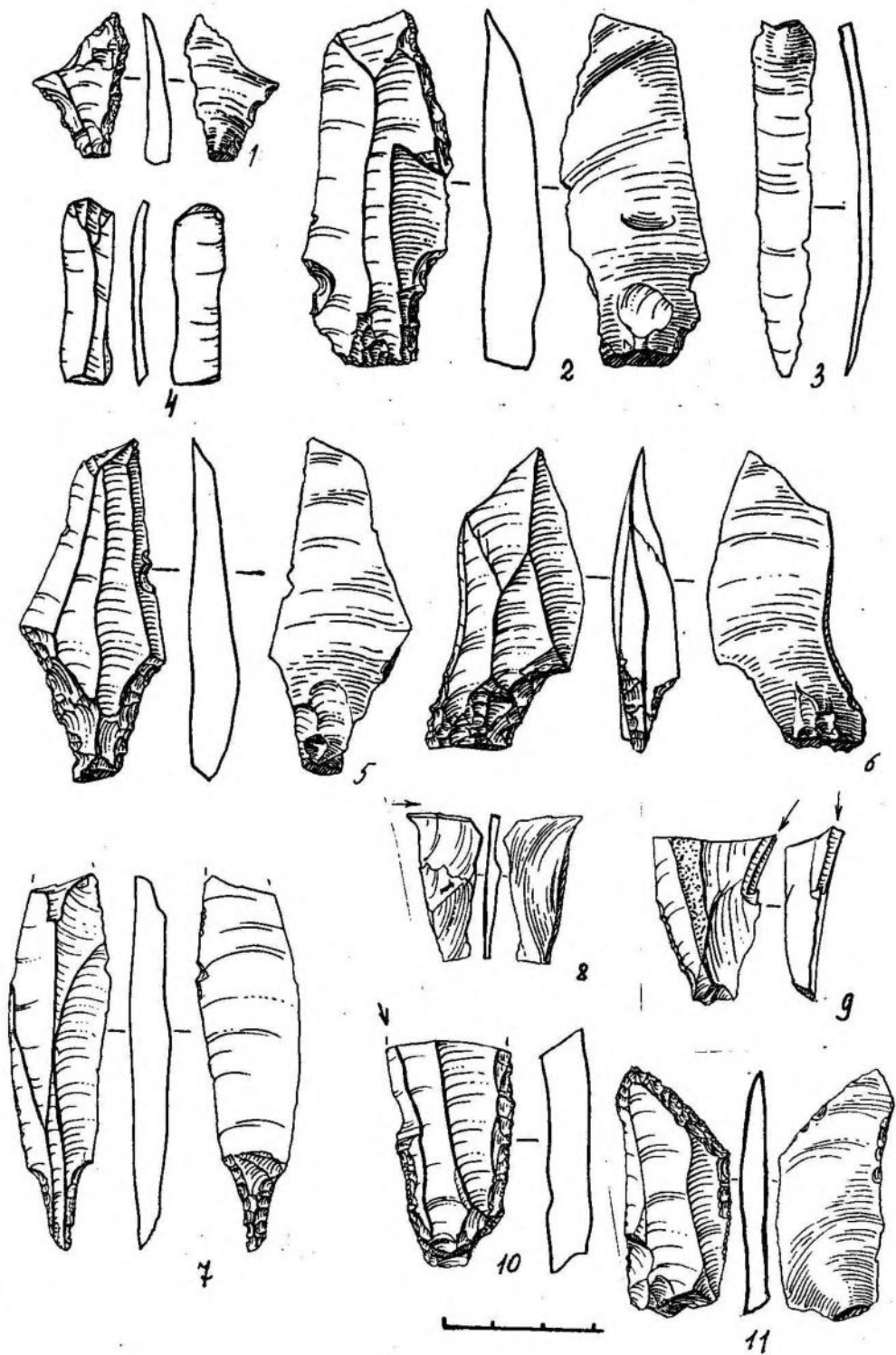

Рис. 1. Находки со стоянки-мастерской Подол III (раскоп II):
1-4 - из заполнения ямы

Исследования самого последнего времени показали, что такие памятники имеются [2], но добытый раскопками материал не является пока достаточно представительным. Речь идет о стоянке-мастерской Подол III, расположенной на первой надпойменной террасе Волги непосредственно у ее выхода из оз. Волго вблизи д. Ланино, на территории д. Подол, разрушенной действующим карьером по добыче известняка. В 1990 г. двумя раскопами, расположенными на расстоянии 50 м друг от друга, было вскрыто 32 и 70 м² площади памятника.

В обоих раскопах под современной почвой мощностью до 40 см, представленной слоистыми песчанистыми отложениями, залегал коричневый, местами серый, гумусированный песчаный слой мощностью 10-30 см, подстилавшийся, в свою очередь, желтыми слабо гумусированными песками мощностью до 50 см. В раскопе I, расположенном выше раскопа II по склону террасы, между современной почвой и серо-коричневыми песками вклинивалась линза черного гумусированного песка мощностью до 50 см. В этих отложениях кроме единичных кремней, залегавших в рассеянном состоянии, было зафиксировано присутствие фрагментов керамики эпохи железа. В раскопе II отдельные фрагменты этой же керамики были встречены непосредственно в современной почве.

Основные находки мезолитического культурного слоя в обоих раскопах были приурочены к серо-коричневому прослою, местами заходя в нижележащие желтые песчанистые отложения. Кроме достаточно четкого и компактного положения в разрезе культурные остатки имели планиграфическую структуру в виде ряда производственных и бытовых объектов. Выделялось место по обработке кремня и расположенная рядом с ним крупная яма, заполнение которой выделялось насыщенностью фрагментами кальцинированных костей, которые на остальной площади практически не встречались. Особый интерес представляет яма (130x140 см, гл. 95 см) частично выложенная по дну каменной кладкой и перекрытая такими же камнями. В ее заполнении наряду с обычными кремневыми орудиями, пластинами и отщепами найдено два черешковых наконечника стрел. На настоящий момент заполнение ямы до конца не разобрано и сама она законсервирована для исследования.

Среди находок преобладают отходы кремневого производства, отщепы (часто с галечной коркой), нуклеусы. Нуклеусы представляют практически полный цикл расщепления: от желваков с пробными снятиями до предельно использованных. Только в пределах "рабочей площадки" площадью около 2 м² (часть ее уходит в стенку раскопа) было обнаружено 16 призматических нуклеусов параллельного скалывания с негативами снятия широких массивных пластин. Присутствие в скоплении ребристых пластин свидетельствует о том, что процесс утилизации нуклеусов начинался с подготовки плоскости расщепления путем оформления продольного краевого ребра. Ударные площадки гладкие, угол скалывания незначительно варьирует около 80°. Наглядным показателем процесса получения заготовок является нуклеус, к которому подбираются 6 снятых с него крупных пластин (рис. 2, 7). Скалывание на представленном ремонтном этапе его утилизации велось в одном направлении с гладкой ударной площадки с периодической подправкой плоскости расщепления методом "перебора карниза". Снятия со смежной ударной площадки были прекращены после нескольких неудачных сколов, негативы которых заканчиваются заломами. Снятые с нуклеуса заготовки охватывают всю его длину (около 10 см), имеют широкую ударную площадку, выраженный бугорок и характеризуются значительной массивностью (ширина от 3 до 6 см, толщина от 0,5 до 1,5 см) (рис. 2, 6). Скалывание с этого нуклеуса, скорее всего, осуществлялось твердым отбойником.

Все нуклеусы скопления можно считать типологически однородными. Однородной можно признать и технику их расщепления. Хотя на отдельных экземплярах отмечается прием встречного скалывания, а на других - скалывание с площадки, расположенной под острым углом к плоскости расщепления, заготовки, полученные с них, не имеют различий. Нет принципиальных различий и в организации самого технического процесса.

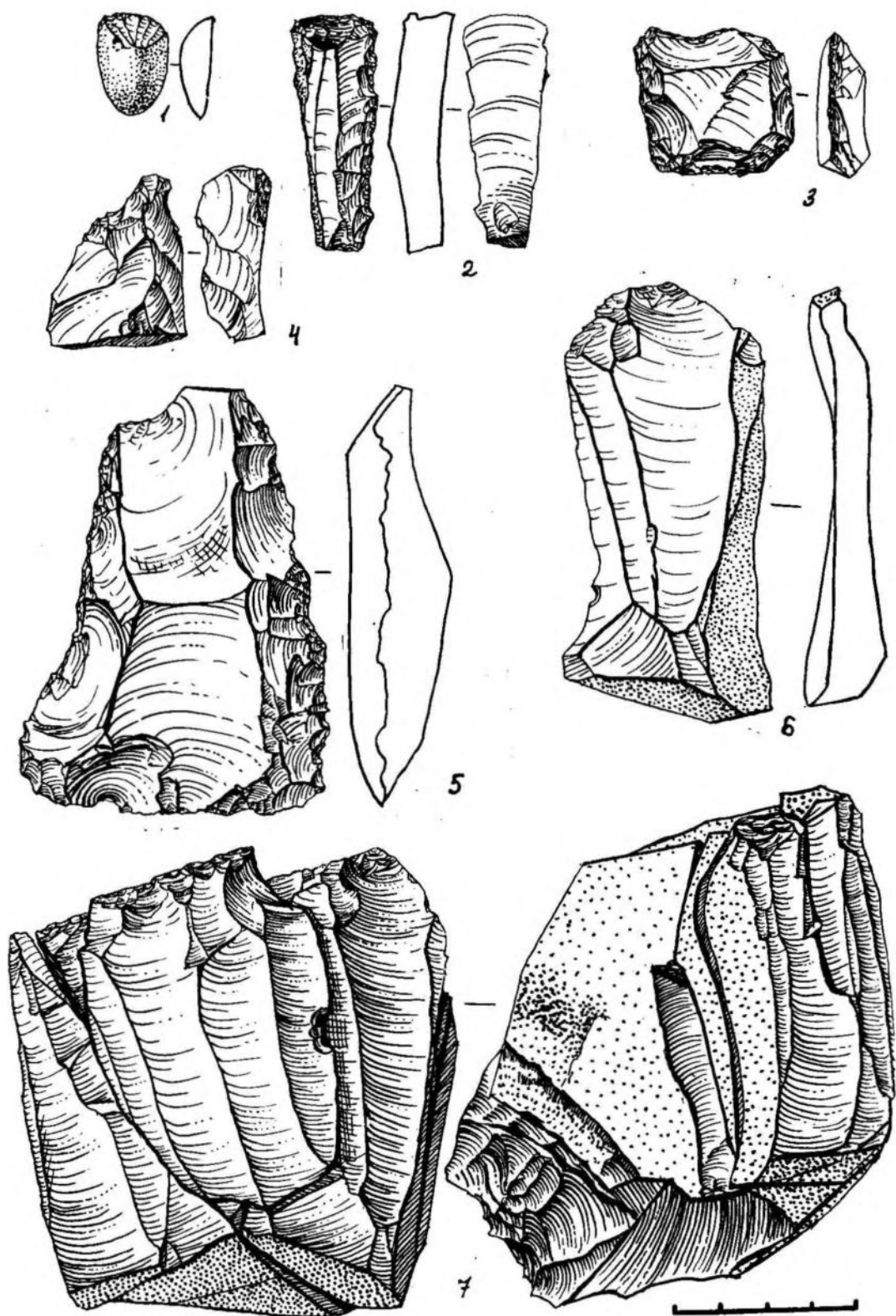

Рис. 2. Находки со стоянки-мастерской Подол III:
1-4 - из раскопа II; 5-7 - из раскопа I

В отличие от нуклеусов скопления (раскопа 1) ядрища, происходящие с остальной площади памятника (раскоп II) представлены более сработанными формами. Возможно, поэтому на них фиксируется более широкий спектр приемов. Здесь достаточно хорошо представлены нуклеусы плоского, кругового, торцового и бессистемного скалывания. Ряд нуклеусов имеют подправку тыльной поверхности поперечноориентированными сколами. В целом коллекция нуклеусов раскопа II выражает те же технико-типологические традиции, но набор орудий здесь значительно богаче, прежде всего за счет наличия наконечников стрел. На раскопе II в настоящее время их найдено 10 экземпляров, 6 из них лингбийского облика - асимметричные, выполненные на широких неправильной огранки пластинках, длиной до 7 см, при длине черешка около 2 см. Черешок во всех случаях оформлен крутой дорсальной ретушью (рис. 1, 5, 6). Из черешковых наконечников выделяются два, найденные в заполнении ямы, перекрытой каменной кладкой. Один из них косолезвийный, укороченных пропорций (рис. 1, 1), другой имеет лингбийский облик (рис. 1, 2). Вместе с этими наконечниками в заполнении ямы найдены призматические пластинки (рис. 1, 3, 4), характерные для техники расщепления бутовской культуры. Это особенно интересно, поскольку на данном памятнике найден наконечник стрелы, характерный для бутовской культуры (рис. 1, 7).

Среди скребков преобладают концевые формы со слабо выпуклыми лезвиями. Один микроскребок изготовлен на первичном отщепе (рис. 2, 1) и является характерным для мезолитических культур верхневолжского региона. Другой имеет естественный обушок, а его противоположная сторона оформлена крутой дорсальной ретушью (рис. 2, 2). Интересно отметить, что концевые скребки выполнены из светло-серого кремня, как и наконечники стрел, нуклеусы. Типологически отличные формы скребков изготовлены либо из темно-серого кремня, либо сиреневого кремня, характерного для стоянок валдайской культуры позднего мезолита - неолита. Это скребки с оформленным по всему обводу лезвием, а также скребок с прямым лезвием.

Из резцов, найденных в раскопе II, встречены угловые формы (рис. 1, 9, 10) и один поперечный (рис. 1, 8). Все они изготовлены из пластин неправильного ограничения различных размеров.

Из единичных форм интересно отметить косоусеченную пластинку сиреневого кремня (рис. 1, 11), долотце (рис. 2, 3), ретушер (рис. 2, 4), скребло, а также тесло с перехватом, происходящее из рабочей площадки раскопа 1, выполненное на массивном отщепе и переоформленное ретушью с обеих сторон (рис. 2, 5).

Различия между инвентарем раскопа 1 и раскопа II незначительные. Скорее всего, это две стоянки, близкие по времени, либо две части одного поселения. Инвентарь, происходящий с этого памятника, имеет аналогии в материалах бореальной стоянки Беливо 4Г [3], в финальнопалеолитическом памятнике Усть-Тудовка 1 [4]. Не исключено, что территория стоянки Подол III заселялась многократно. Хотя в настоящее время нет достоверных данных для выделения здесь столь раннего комплекса, однако типологический анализ черешковых наконечников стрел, оформленных только краевой дорсальной ретушью, позволяет предполагать здесь наличие более раннего комплекса, чем имеющаяся радиоуглеродная датировка по углю - 8631 ± 294 л. н. из заполнения ямки вблизи рабочей площадки раскопа 1, а также данные палинологического анализа. Скорее всего, и дата по C_{14} и палинологическая характеристика образцов из заполнения мезолитической ямы (статья Г. М. Левковской в настоящем сборнике) указывают на следующий хронологический этап существования поселения - бореальный период. Как уже было выше указано, в заполнении ямы, представляющей собой замкнутый комплекс, были найдены наконечники стрел, характерные для иеневской культуры, и призматические пластинки, типичные для техники расщепления бутовской культуры. Сочетание традиций иеневской и бутовской культур отмечено А. Е. Кравцовым в материалах стоянки Беливо 4А [5]. Сосуществование иеневской и бутовской культур в настоящее время доказано с помощью естественно-научных данных [5; 6]. Для памятника Подол III сочетание двух традиций не является

механическим смешением, поскольку фиксируется в замкнутом комплексе.

Если эта точка зрения получит дальнейшее подтверждение, то легко можно будет объяснить, почему в памятниках валдайской культуры также проявляется сочетание этих традиций, но по наконечникам стрел с явным преобладанием постсвидерских элементов. Это проявляется в памятниках позднего мезолита: Ланино 1, где в АТ-1 сохранены две традиции; особенно же наглядно - на наконечниках стрел позднемезолитической стоянки валдайской культуры Котицы V [1; 7]. Прослеживается эта традиция и в памятниках раннеолитической валдайской культуры [8].

Л. В. Кольцовым [9] показано, что в материалах иеневской культуры преобладают орудия на отщепах (для стоянки Высокино 6 - 79,1% всех орудий изготовлено на отщепах), что также характерно и для валдайской культуры.

Материалы стоянки Подол III, таким образом, позволяют, с одной стороны, проследить определенную типологическую близость индустрий, сочетающих иеневские и бутовские наконечники, с другой, на основе естественно-научных данных определить их хронологическую последовательность или направление эволюции от иеневской до валдайской культуры с уменьшением доли иеневских элементов по наконечникам стрел, но при сохранении отщеповой технологии заготовки, лежащей в основе других орудий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гурина Н. Н.* Мезолит верховьев р. Волги // Археология СССР. Т. 2. Мезолит СССР. М., 1989.
2. *Синицына Г. В., Зайцева Г. И., Левковская Г. М.* Проблемы позднего мезолита - раннего неолита Верхней Волги // Древние культуры и археологические изыскания. Материалы к пленуму ИИМК 26-28 ноября 1991 года. Санкт-Петербург, 1991.
3. *Кравцов А. Е.* Стоянка Беливо - 4Г // Памятники каменного века бассейна р. Оки. Вып. 1. М., 1988.
4. *Жилин М. Г., Кравцов А. Е.* Ранний комплекс стоянки Усть-Тудовка 1 // Археология Верхнего Поволжья. Материалы к Своду памятников истории и культуры РСФСР. Нижний Новгород, 1991.
5. *Кравцов А. Е.* О хронологии бутовской и иеневской мезолитических культур в Волго-Окском междуречье (по данным радиоуглеродного и споро-пыльцевого анализов) // Актуальные вопросы Волго-Окского мезолита. М., 1991.
6. *Сорокин А. Н.* Новые данные по мезолиту бассейна р. Оки // Актуальные вопросы Волго-Окского мезолита. М., 1991.
7. *Крылова Т. Б.* Классификация мезолитических наконечников стрел Валдайской возвышенности // Палеолит и неолит. Л., 1986.
8. *Гурина Н. Н.* К вопросу о раннем неолите Верхнего Поволжья // Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975.
9. *Кольцов Л. В.* Мезолит Волго-Окского междуречья // Археология СССР. Т. 2. Мезолит СССР. М., 1989.

Институт истории материальной культуры РАН, С.-Петербург

Г. М. ЛЕВКОВСКАЯ, Г. В. СИНИЦЫНА

ПАЛИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОТЛОЖЕНИЙ СТОЯНОК МЕЗОЛИТА И РАННЕГО НЕОЛИТА ПОДОЛ III и ЛАНИНО II (бассейн верхней Волги)

Стоянки Подол III и Ланино II раскапываются экспедицией Института истории материальной культуры РАН [1; 2]. Они находятся на берегу оз. Волго. Мезолитическая стоянка Подол III расположена на более низком гипсометрическом уровне. Она связана с современным пойменным уровнем озера и доступна для исследования лишь в периоды понижения уровня воды в озере. Ранненеолитическая стоянка Ланино II связана с первой надпойменной террасой озера. Палинологическое исследование образцов из стоянок выполнено Г. М. Левковской.

На мезолитической стоянке Подол III для целей спорово-пыльцевого анализа исследован разрез, вскрытый на стоянке раскопом II 1990 г. Образцы отобраны Г. В. Сеницыной из заполнения погребенной мезолитической ямы и из осадков под и над ней (кв. Б8, раскоп II 1990 года). Исследовались пробы также из раскопа I.

Результаты исследования мезолитической ямы представлены на спорово-пыльцевой диаграмме (рис. 1). Специфика данной диаграммы - доминирование в большинстве образцов пыльцы травяно-кустарничковых растений (низы разреза) или спор (верхи разреза). Это отражает возрастные особенности отложений, а также локальные особенности разреза, расположенного не на плакоре, а на пойме.

Вторая особенность данной диаграммы - практически полное отсутствие пыльцы полыни, лебедовых, карликовой березки и незначительное участие в спектрах пыльцы ели (лишь в одном образце пыльцы ели насчитывается до 20%). На диаграммах конца позднеледникового - начала послеледниковья центра Русской равнины резкое доминирование ели в сочетании с мезофильным характером травянистых типично для аллереда. Уровень спада на диаграммах кривых пыльцы полыни, маревых, карликовой березки и ели фиксирует наиболее важный палеогеографический рубеж голоцена - переход от позднеледниковой растительности дриаса 3 к послеледниковым лесным формациям предбореала в результате глобального потепления и уменьшения континентальности климата. Радиоуглеродный возраст этой границы определен примерно в 10300 лет от наших дней (данные по размерам озера Сомино, болота Половецко-Купанское и другим) [3; 4; 5, с. 30-42]. Осадки разреза, вскрытого на раскопе II стоянки Подол III, моложе этого палеогеографического рубежа.

Общие тенденции изменения растительности Русской равнины в голоцене проявляются на сотнях спорово-пыльцевых диаграмм в определенной последовательности кульминации пыльцы древесных пород [6]. На диаграмме стоянки Подол III (рис. 1) это выразилось в закономерной смене последовательно максимумов пыльцы березы, сосны, а также ольхи и широколиственных древесных пород. Это характерно для отложений, соответственно, предбореального, бореального и атлантического климатических периодов Блитта-Сернандера. В настоящее время появилась возможность более детального климато-стратиграфического расчленения отложений этих климатических периодов. Для указанных периодов разграничивается 8 фаз развития растительности и климата в Восточной Прибалтике [7; 8, с. 98-106] и 10 фаз - в центре Русской равнины [5].

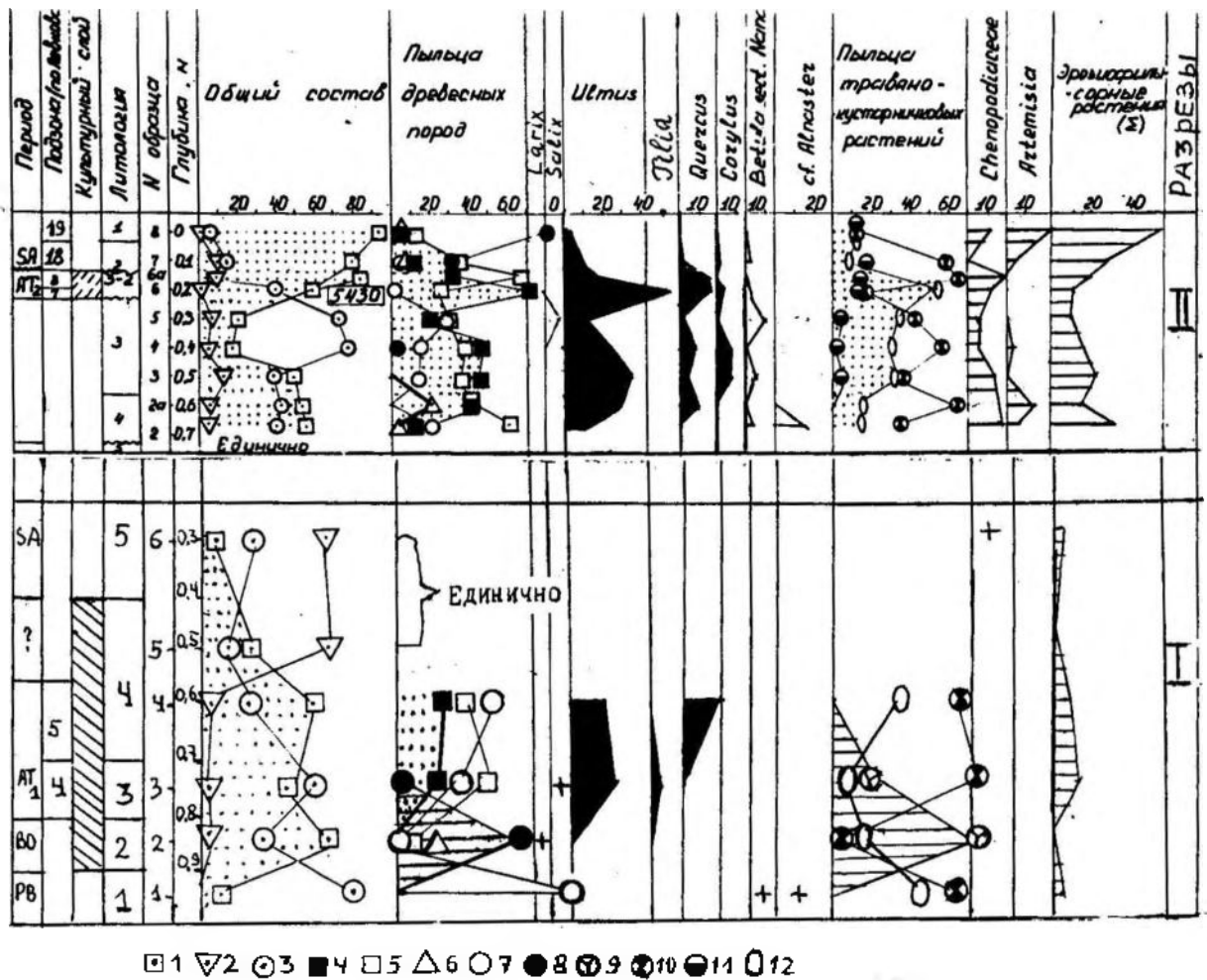

Рис 1. Спорово-пыльцевая диаграмма образцов из разреза ямы с находками эпохи мезолита на стоянке Подол III (раскоп 2)

Рис. 2. Спорово-пыльцевая диаграмма образцов из разреза стоянки эпохи неолита Ланино 2

Условные обозначения:

- 1 - сумма пыльцы древесных пород, 2 - сумма пыльцы травяно-кустарничковых растений, 3 - споры, 4 - сумма пыльцы широколиственных древесных пород, 5-12 - пыльца: 5 - ольхи, 6 - ели, 7 - березы, 8 - сосны, 9 - вересковых, 10 - разнотравья (сумма), 11 - злаков, 12 - осок

Рассмотрим более детально палинологическую характеристику изученного разреза. По зональным и локальным особенностям на диаграмме стоянки Подол III разграничиваются четыре палиногоризонта (локальных палиноподзоны), которые коррелируются с определенными климатическими периодами или климатофазами.

Палиноподзона 1 выявлена по результатам анализа ³³ образца, отобранного из стерильного желтого песка, подстилающего мезолитическую яму. Ее специфика - резкий максимум пыльцы березы, характерный на диаграммах Русской равнины для дриаса 3 и предбореала. Но в дриасе 3 максимум пыльцы древовидной березы сочетается с максимумами пыльцы полыни, лебедовых и карликовой березки. В нашем разрезе эта пыльца отсутствует, т. е. изученные осадки сформировались не в дриасе 3, а в предбореале. В предбореале центра Русской равнины разграничиваются две фазы [4; 5]: PB1 - половецкое потепление с преобладанием лесных формаций и PB2 - переславское похолодание, вызвавшее новое возрастание роли полыни, лебедовых, карликовой березки, частично ели. Материалы по разрезу Подол III фиксируют господство травянистых ценозов, что, по-видимому, от-

ражает местные особенности растительности палеопоймы. Но в составе травянистых полностью отсутствуют перечисленные выше элементы перигляциального комплекса. Это позволяет коррелировать отложения слоя 1 в изученном разрезе с РВ1.

Подзона 2 выявлена по результатам анализа образца 34 из низов заполнения ямы с находками эпохи мезолита - из песка красноватого цвета (литологический слой 2). Для данной подзоны характерен бореальный максимум пылы сосны.

В это время в районе основные площади занимали сосняки с вересковыми. На пойме росли еловые леса с примесью ольхи. Отсутствие в спектре пылы широколиственных древесных пород, находка пылы лиственницы, а также господство на пойме в прошлом бореальной (а не неморальной) растительности говорят о том, что в районе были распространены северотаежные сосняки. Климат прошлого напоминал современный климат северной тайги, т. е. он был холоднее современного.

В бореале центра Русской равнины разграничиваются три фазы: В01 (9300-8900 л. н.) - раннебореальное похолодание, В02 (8900-8300 л. н.) - термический максимум с климатом несколько более теплым, чем современный, В03 (8300-8000 л. н.) - позднебореальное похолодание [5]. Материалы по Восточной Прибалтике указывают на то, что позднебореальное похолодание, возможно, закончилось позже - около 7800-7700 л. н., а климат этой позднебореальной холодной фазы был сухим [7; 8]. Данные Е. А. Спиридоновой по стоянке Замостье [9], свидетельствуют о том, что засушливая фаза конца бореала проявилась и в центре Русской равнины, в то время как предшествующие фазы бореала здесь были более влажными (из бореальных зон только для зоны IV, по Е. А. Спиридоновой, характерно значительное количество пылы полыни и лебедовых). На многих диаграммах Восточной Европы начальная фаза В0 отличается от его последующих фаз также практически полным отсутствием пылы широколиственных древесных пород.

Палеогеографические реконструкции, приведенные нами выше для подзоны 2 (северотаежные леса в современной подзоне смешанных широколиственно-еловых подтаежных лесов), позволяют коррелировать осадки в основании мезолитической ямы на стоянке Подол III с одной из двух холодных фаз бореала (В01 или В03). Корреляция с В01 (9300-8900 л. н.) представляется более убедительной, чем с В03 (8300-8000 л. н.), т. к. в изученных нами осадках пока не встречена пыла широколиственных древесных пород и нет четких показателей засушливости климата.

Подзона 3 в разрезе Подол III выделяется по результатам анализа образца 35 из слоя 3 и образца 36 из нижней части слоя 4. Ее специфика - появление пылы широколиственных древесных пород (до 22-24%), увеличение количества пылы ольхи (до 40%), хотя в спектрах еще много пылы древовидной березы (она содоминирует с ольхой). Среди пылы широколиственных сначала присутствует лишь пыла вяза и липы, позже (образец 36) появилась и пыла дуба. Приведенный спектр позволяет отнести осадки подзоны 3 к атлантическому климатическому периоду, рубеж которого с предшествующим бореальным периодом датируется примерно 8000 годами от наших дней [5].

Материалы по Восточной Прибалтике позволяют разграничить в атлантическом периоде 5 фаз развития растительности и климата [7, с. 8-9, рис. 2, с. 32-33, табл. 2]. Появились данные о разграничении пяти подфаз в развитии климата атлантического периода и в центральных районах Русской равнины [5, с. 36, рис. 3].

Отсутствие дуба в низах охарактеризованной выше подзоны 3 указывает на возможность корреляции слоя 3 разреза Подол III с начальными фазами атлантического климатического периода. Об этом же говорит и значительное участие в спектрах пылы березы. По Е. А. Спиридоновой¹, количество пылы березы в

¹ Данные по стоянке Замостье 9.

спектрах начала атлантического климатического периода голоцена значительно. Заметное сокращение его зафиксировано лишь с АТ2.

Сравнение диаграммы мезолитической стоянки Подол III с диаграммой разреза неолитической стоянки Ланино II из этого же района (рис. 2) показывает, что осадки разреза Подол III сформировались до атлантической кульминации широколиственных древесных пород (максимальное содержание пыльцы широколиственных древесных пород в разрезе Подол III - 22%, а в фазу кульминации оно достигало 40-80%).

Радиоуглеродный возраст первого максимума широколиственных в центральных районах Русской равнины определен датами, полученными в разрезе Половецко-Купанское [5] - 6870 ± 60 (ИГАН-727) и 7100 ± 160 (ИГАН-84) лет от наших дней, а также датировками около 7000-6700 лет от наших дней, полученными для некоторых стоянок раннеолитической верхневолжской культуры [10; 11, с. 109-114].

Осадки подзоны 3, таким образом, формировались в АТ1. Их радиоуглеродный возраст моложе 8000 лет от наших дней, но он, по-видимому, древнее 7100-6700 лет от наших дней.

Подзона 4 выявлена по результатам анализа образца 38, отобранного из кровли заполнения ямы (верхнего слоя 4), а также по результатам анализа образца 40 из слоя 5, перекрывшего яму. В спектрах ничтожно содержание пыльцы древесных пород (5-12%) и травяно-кустарничковых растений (5-13%). Резко доминируют споры, что отражает локальные особенности растительности. Споры представлены преимущественно спорами почвенных грибов. Это говорит о переувлажнении почвы. Сходный, но не идентичный тип спектра с резким доминированием споровых (споры грибов и зеленых мхов) выявлен по результатам анализа трех проб из раскопа 1. В обоих случаях сходные спектры связаны с осадками, насыщенными органикой (коричневый песок в раскопе 1, черный песок - в раскопе 2). Однако в раскопе 1 этот тип спектра отвечает культурному слою с находками эпохи раннего железа. Приведенное описание указывает на то, что осадки в кровле мезолитической ямы (верхи слоя 4), по-видимому, промыты и засорены более поздним споровым комплексом. Промывка осадков кровли ямы и слоя 5, перекрывшего яму, могла произойти в результате значительного подъема воды в озере после строительства плотины в сер. XIX в., что вызвало увеличение размеров озера в 7 раз.

Таким образом, по палинологическим данным, формирование самых верхних отложений, в которые врезана яма, или подошвы осадков с находками эпохи мезолита началось в бореале. Возможно (?), это был В01: 9300-8900 лет от наших дней. Однако корреляция с В01 должна рассматриваться как предварительная. Мезолитический культурный слой, вскрытый на стоянке Подол III в другом раскопе, получил радиоуглеродную датировку 8631 ± 294 (ЛЕ-3772) лет от наших дней, т. е. он формировался тоже в бореале.

При заполнении ямы антропогенное влияние наиболее ошутимо проявилось в период формирования слоя 3. В образце из этого слоя встречено большое количество угольков, отсутствующих в других пробах. Здесь наиболее разнообразен состав пыльцы травяно-кустарничковых растений: определены цикориевые, вьюнковые, щавель, морощка, василистник. Возможно, появление некоторых из этих растений связано с древним собирательством. Найдена пыльца рудеральных сорняков: подорожника среднего, иван-чая. Осадки слоя 3 с перечисленными выше находками формировались в начале атлантического климатического периода.

Намечается определенный хронологический разрыв между этапом формирования литологических слоев 2 и 3, заполнявших яму. Это говорит о том, что стратиграфия ямы сложна, а отдельные слои могли быть уничтожены древними людьми в процессе копания ямы.

Палинологические данные указывают на значительную древность нижних горизонтов осадков, вмещающих чистый закрытый мезолитический комплекс на стоянке Подол III.

Ранненеолитическая стоянка Ланино II, связанная с 4-метровой озерной террасой оз. Волго, удалена от стоянки Подол III на расстояние не более 600 м. Спорово-пыльцевая диаграмма отложений этой стоянки (рис. 2) показывает, что поселение эпохи раннего неолита существовало здесь в фазу второго атлантического максимума широколиственных. Этот максимум получил в исследуемом разрезе радиоуглеродную датировку около 5430 ± 140 лет от наших дней.

Таким образом, по палинологическим данным, низы отложений с находками мезолита на стоянке Подол III датируются началом бореала, а ранненеолитический культурный слой стоянки Ланино II формировался в атлантике 2.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Синицына Г. В. К вопросу о происхождении валдайской культуры // Статья в настоящем сборнике.
2. Синицына Г. В. Мезолитические традиции в раннем неолите верхнего Поволжья (по материалам стоянки Ланино) // В печати.
3. Палеогеография и хронология верхнего плейстоцена и голоцена по данным радиоуглеродного метода. Ред. М. И. Нейштадт. М., 1966.
4. Хотинский Н. А. Голоцен северной Евразии. М., 1977.
5. Хотинский Н. А., Алешинская З. В., Гужан М. А., Климанов В. А., Чертынский А. Е. Новая схема периодизации ландшафтно-климатических изменений голоцена Европейской части СССР // ИВГО. Серия геогр., 1991. N 3.
6. Нейштадт М. И. История лесов и палеогеография СССР в голоцене. М., 1957.
7. Левковская Г. М. Природа и человек в среднем голоцене Лубанской низины. Рига, 1987.
8. Климанов В. А., Левковская Г. М., Ильев Э. О., Медве Л., Якубовская Т. В. Радиоуглеродный возраст некоторых климатических осцилляций голоцена Прибалтики // Палинологические исследования в Прибалтике и Белоруссии. Таллинн, 1988.
9. Лозовский В. А. Археологические комплексы торфяниково-озерной сточки Замостье // В печати.
10. Крайнов Д. А., Хотинский Н. А. Верхневолжская ранне-неолитическая культура // СА 1977. N 2.
11. Крайнов Д. А., Хотинский Н. А. Ивановские стоянки // Археология и палеогеография мезолита и неолита Русской равнины. М., 1984.

Институт истории материальной культуры РАН, С.-Петербург

М. Г. ЖИЛИН

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ОЗЕРЕЦКОМ ТОРФЯНИКЕ В 1990-1992 гг.

За последние десятилетия были достигнуты значительные успехи в изучении мезолита и неолита Верхнего Поволжья. Вместе с тем, подавляющее большинство раскопанных памятников расположено на песчаных террасах. Они зачастую не имеют надежной стратиграфии и естественно-научных датировок. Изделия из органических материалов, остатки фауны и флоры на них не сохраняются. В силу этого многие выводы, особенно в области хронологии памятников и культур, хозяйства и образа жизни древнейшего населения, взаимоотношения человека с окружающей средой носят предположительный характер и зачастую оказываются неверными. Поэтому открытие и раскопки каждого нового торфяникового поселения, а тем более группы поселений представляют очень большой интерес.

В настоящий момент комплексы поселений эпохи мезолита и неолита в Верхнем Поволжье открыты на шести торфяниках: Дубненском, Ивановском, Берендеевском, Сахтышском, Подозерском и Озерецком. Последний находится в Конаковском районе Тверской области в бассейне р. Шоши, правого притока Волги, в 20 км южнее Твери. В результате разведок, проведенных автором и Н. В. Левиной в 1990-1991 гг. на пятом и шестом участках Озерецкого торфопредприятия, открыто более 20 стоянок эпохи мезолита и неолита, из них 17 на шестом участке в 6 км к востоку от пос. Озерки.

Первоначально на месте торфомассива была система проточных озер, вероятно, ледникового происхождения, сток из которых осуществлялся по р. Инюхе, левому притоку р. Шоши. Заболачивание водоемов началось, по данным палинологического анализа, проведенного Е. А. Спиридоновой, уже в пребореальном периоде. На протяжении голоцена уровень озер неоднократно колебался, что приводило к смещению береговых линий и отразилось на расположении поселений.

Пятый и шестой участки разделяются цепочкой внутренних суходолов - древних островов, свободных от торфа. На вершине одного из них и расположена стоянка Озерки 14, вероятно, одна из наиболее древних. Раскопок не проводилось, была сделана зачистка края ямы, давшая такую стратиграфию: 1) дерн мощностью 0,05 м; 2) серый песок (подзол) - 0,1 м; 3) оранжевый песок - 0,2 м; 4) светло-желтый песок - 0,14 м; 5) серый пятнистый песок (погребенная почва) - 0,15 м; 6) светлый оглеенный песок с ортзандами (материк). В слоях 3-5 встречены отщепы, пластины, обломок основания нуклеуса, концевой скребок, наконечник стрелы на неправильной пластине с выделенным пологой противоположащей регушкой черешком. Небольшой, но выразительный материал может быть отнесен к бутовской культуре. Стратиграфия типична для таких памятников этой культуры на Верхней Волге, как Бутово, Кошево 2, Заборовье 2, Тихоново, культурные слои которых также залегают в погребенных почвах. В пользу ранней датировки стоянки Озерки 14 говорит и ее расположение на вершине острова, то есть приуроченность к береговой линии наиболее высокого уровня озера. Предварительно памятник можно датировать пребореальным временем.

К следующему этапу относятся стоянки Озерки 16 и 17, располагающиеся на полях торфодобычи в 0,6 км к западу от острова. Нижние культурные слои обоих лежат в основании торфяника, на озерном дне, что говорит о бытовании поселений во время регрессии озера. На стоянке Озерки 16 вскрыто 12 м². Стратиграфия

памятника такова (к началу раскопок торфоразработками снято около 3 м торфа): 1) торф бурый слоистый слаборазложившийся мощностью 0,22-0,06 м; 2) торф темно-коричневый слаборазложившийся с древесиной и лесным мусором - до 0,32 м; 3) торф буро-рыжий слаборазложившийся - 0,26-0,84 м; 4) прослойка мелкой ракушки с гиттией - 0,04-0,2 м; 5) торф бурый с небольшой примесью гиттии с ракушкой - 0,02-0,12 м; 6) сапрпель грязно-желтый с небольшим количеством ракушки - 0,02-0,14 м; 7) торф коричневый опесчаненный с лесным мусором, угольками и лучинами от верш - до 0,16 м; 8) глина серая оторфованная - до 0,15 м; 9) глина сизая (озерное дно). В слое 4 встречены угольки, мелкие кости, два отщепы и мелкий фрагмент верхневолжской керамики без орнамента. В слое 6 наклонно на ребре найден овальный удлиненный поплавок из сосновой коры с прорезанным на одном конце отверстием. Основные находки встречены в слое 7, единичные кремни и кости проникали в верхнюю часть слоя 8. Обнаружены острия вбитых в материк колов, немногочисленные отщепы, пластины и каменные орудия: концевой скребок, концевой скребок - нож на пластине, наконечник стрелы на пластине, острие которого подправлено по краям мелкой пологой ретушью на брюшке, черешок четко выделен крутой ретушью на брюшке и кончик его подправлен пологой ретушью на спинке. На черешке видны следы черной смолы, при помощи которой он крепился в расщеп или паз на конце древка стрелы. Особый интерес представляют обнаруженные в этом слое изделия из кости: длинный наконечник стрелы с несколько уплощенной правильной биконической головкой и утолщенным насадом; еще более длинный наконечник стрелы с двойной правильной биконической головкой и длинным, также утолщенным насадом; обработанный резец бобра. Встречен мелкий обломок деревянного зубчатого острия и грузило из известняковой гальки с перехватом, обмотанным болотным растением. По обломкам лучин от верш, собранным в скоплении находок, получена дата 8770 ± 40 л. н. (ГИИ-6654). Палинологический анализ датирует этот слой первой половиной бореального периода (ок. 8800-8600 л. н.), что хорошо согласуется с радиоуглеродной датой¹. В это время господствующими были таежные леса с преобладанием березы. Соответствует этому и состав фауны: ведущая роль принадлежит лоску и бобру, встречена куница, мыши, птицы и рыбы. Памятник относится к среднему этапу бутовской культуры. Скорлупа лесного ореха, семена кувшинки (не только в культурном слое, но и в человеческих копролитах) говорят о занятиях собирательством и бытовании стоянки в теплое время года, вероятно, в конце лета.

Близка во многом описанной и расположенная в 100 м к северу стоянка Озерки 17, на которой в 1991-1992 гг. вскрыт 41 м². Стратиграфия в северной и центральной части памятника такова: 1) торф коричневый среднеразложившийся с древесиной - до 0,5 м; 2) торф светло-рыжий слоистый слаборазложившийся - до 0,68 м; 3) торф бурый слоистый слаборазложившийся, в верхней части с древесиной, в нижней - с рогозом, на контакте со слоем 2 пятнистый - 0,34-1,34 м; 4) торф светло-рыжий слоистый - до 0,4 м; 5) лесной мусор с коричневым неслоистым торфом (5а - больше мусора, 5б - больше торфа) - до 0,72 м; 6) торф темно-коричневый, опесчаненный, неслоистый, с большим количеством лучин от верш - до 0,2 м; 7) песок серый оторфованный - до 0,18 м; 8) песок сизый глинистый (озерное дно). В южной части раскопа дополнительно выделяются следующие слои: 9) торф светло-бурый слоистый без древесины - до 0,1 м, подстилает слой 5; 10) сапрпель грязно-желтый, до серого - до 0,2 м, граница со слоем 9 нечеткая; 11) гиттия оторфованная с мелкими ракушками - до 0,3 м, замещает слой 6, подстилает слой 10; 12) линза лесного мусора со светлым среднезернистым песком и коричнево-черным торфом - до 0,12 м, подстилает слой 5 и лежит на слое 9. В северной части раскопа выделен слой 13: песок мелкозернистый желтоватый без лесного мусора -

¹ Автор выражает благодарность Л. Д. Сулержицкому, Е. А. Спиридоновой, Т. И. Будагян, В. П. Данильченко за проведенные анализы материалов со стоянок на Озерецком торфянике.

до 0,012 м, лежит в верхней части слоя 6, а там, где его нет - между слоями 5 и 7. Памятник имеет 4 культурных слоя: I слой, давший несколько костей и отщепов и два фрагмента типичной льяловской керамики, залегает в нижней части слоя 5а. II слой связан с нижней частью прослойки 5б, из него происходит часть развала гребенчато-ямочного сосуда и костяное острие, отщепы и кости, в основном птиц. III слой залегает в линзе слоя 12 и на контакте слоев 5 и 13. В нем найдена накольчатая и тычково-прочерченная верхневолжская керамика, нож-ложжарь, отщепы кремня, два фигурных наконечника стрел и тупой наконечник стрелы из кости, овальный поплавок из сосновой коры с прорезанным на одном конце отверстием и грузило из гальки со следами обмотки. IV, нижний, культурный слой приурочен к слоям 6, 11 и 13, а также к верхней части слоя 7. В этом слое в большом количестве встречены острия колов, забитых в материк без видимого порядка. Слой 6 накапливался на территории стоянки, а слой 11 является его шлейфом. В слой 7 находки просели, а слой 13 - это перекрытый слой 6. Из находок встречены два иволистных наконечника стрел, один обработан пологой и полукрутой ретушью в постсвидерской манере, а другой имеет позднесвидерский характер обработки: крутая ретушь насада по краям на спинке и несколько плоских фасеток на брюшке. Найдена заготовка иволистного наконечника, вкладыш из микропластинки, резец на сломе отщепа, микроскребок на пластине, скошенное острие на отщепе, пластинка с ретушью, проколка, обломок рубящего орудия, заготовка подконического нуклеуса, пластины и отщепы кремня. Серией представлены грузила - гальки с остатками или следами обмотки, некоторые с перехватом. Одно грузило с естественным отверстием, в которое продет обрывок крученого шнура из болотного растения. Костяной инвентарь довольно разнообразен: обломок длинного наконечника стрелы с правильной биконической головкой; короткий игловидный наконечник и обломок длинного; наконечник с широким естественным пазом и с зубцом у острия; тупой наконечник с плоским насадом; несколько обломков острий крупных наконечников копий из разрезанных костей конечностей лося; цельный рыболовный крючок с бородкой и остатками тонкой крученой лески из растительного материала на головке; "пешня", заточенная под углом 45°; диск с отверстием (видимо, пряслице?); обработанные резцы бобра; обломки ножей; подвески из резцов лося и бобра; обломок орнаментированного ребра. Такой инвентарь характерен для среднего этапа бутовской культуры.

По обломкам лучин от верш из слоя 6, собранным в месте скопления находок, получена дата 8830 ± 40 л. н. (ГИН-6655). Спорово-пыльцевой анализ относит этот слой к первой половине бореала (около 8800-8600 л. н.), что хорошо согласуется с радиоуглеродной датой. Среди фаунистических остатков преобладают лось и бобр, имеются куница, мыши, птицы и рыбы (последних больше, чем всех остальных вместе). Как и Озерки 16, данная стоянка функционировала в теплое время года, встречена скорлупа лесного ореха и семена кувшинки. Основным занятием ее обитателей было, видимо, рыболовство при помощи верш, сетей и на крючок, дополняемое охотой и собирательством как на суше, так и на воде.

Следующая группа стоянок связана с трансгрессивной фазой палеозера (Озерки 4, 9-13). Они занимают небольшие островки, погребенные под слоем торфа и обнаженные торфоразработками. Культурные слои залегают в суглинистой погребенной почве, сформировавшейся, вероятно, во время предыдущей глубокой регрессии. На стоянке Озерки 9 вскрыт на площади 8 м² шлейф с находками обработанной кости и отростка рога лося, обломками лучин от верш, правильным призматическим и карандашевидным нуклеусами от микропластин. Находки залежали в тонком слое коричневого торфа с лесным мусором на материковой глине под слоем рыже-бурого торфа. Образец торфа из этого слоя получил радиоуглеродную датировку 8050 ± 450 л. н. (МГУ-1331). В подъемном материале с этой и других стоянок обычные для поздней бутовской культуры скребки, резцы, вкладыши и другие кремневые изделия.

Во время последовавшей затем регрессивной фазы возникает одно из наибо-

лее богатых и интересных поселений - Озерки 5, расположенное на полях торфодобычи рядом со стоянкой Озерки 17. В 1990-1992 гг. вскрыто 94 м², прослежена следующая стратиграфия: 1) торф темно-коричневый сильноразложившийся мощностью 0,18-0,5 м; 2) торф коричнево-черный сильноразложившийся с лесным мусором и древесиной, опесчанен - 0,15-0,3 м; 2/3) контакт слоев - торф пятнистый буро-черный, постепенно темные пятна исчезают - 0,05-0,15 м; 3а) торф бурый неслоистый, слабообразованный, с небольшим количеством лесного мусора, опесчанен - 0,1-0,25 м, нижняя граница неровная; 3б) торф рыжий, слоистый, слабообразованный с большим количеством листьев рогоза - 1 м; 4) сапропель серый известковистый - 0,3 м; 5) тонкие прослойки сапропеля и серого песка - 0,12 м; 6) песок сизый (озерное дно).

Памятник имеет 4 культурных слоя: I слой залегает в литологическом слое 1, почти полностью уничтожен торфоразработками (снято около 3 м), представлен только в центральной и западной части раскопа. В нем найдено несколько отщепов, костей и фрагментов льяловской и гребенчато-ямочной керамики с примесью дресвы. II культурный слой связан с литологическим слоем 2, представлен также только в западной и центральной частях раскопа, в восточной части этот слой без находок. В центральной части раскопа прослежены остатки легких наземных кострищ, рядом массивный затесанный кусок бревна, скопление находок, в том числе развалы гребенчато-ямочных сосудов и фрагменты поздней верхневолжской гребенчатой керамики. Последняя в верхней части слоя преимущественно с дресвой, а в нижней больше с органикой, песком и шамотом. Большое количество обожженной гальки и мелких валунов говорит об их использовании для кипячения воды.

Найдены отщепы, редкие пластины, нуклеусы и каменные орудия; преобладают скребки разных типов, резцов немного, есть скобели, сверла, проколки, ножи, рубящие и комбинированные орудия. Среди наконечников стрел имеются иволистные с почти сплошной двусторонней ретушью или с краевой ретушью по периметру и черешковые постсвидерские на пластинах. Найден наконечник дротика, на спинке он обработан сплошной пологой крупной ретушью, на брюшке подправлены острие и насад. Изделий из кости немного: зубчатое острие, обломки наконечников стрел, обработанные резцы бобра, шилья, подвески, обломки роговых рубящих орудий. Среди фаунистических остатков преобладают лось и бобр, есть выдра, много костей птиц и рыб.

III культурный слой встречен только в восточной части раскопа, где II слой отсутствует. Он залегает в нижней части пятнистого торфа на контакте литологических слоев 2/3, а в самом восточном конце раскопа в верхней части литологического слоя 3а. Непосредственно под ним, без стерильной прослойки, лежит IV культурный слой. Находки в III слое залегали скоплениями, бытовых объектов не выявлено. Найдена накольчатая керамика с ложношнуровым орнаментом, с примесью шамота, органики и песка, а также отщепы кремня, пластины, нуклеусы и орудия: скребки разных типов, резцы, ножи, вкладыши, скобели, обломки рубящих и комбинированные. Среди наконечников стрел наряду с постсвидерскими на пластинах встречены иволистные со сплошной пологой ретушью спинки и с ретушью по периметру. Из кости сделаны биконические, фигурные и однолопастные с шипом наконечники стрел, шилья, заготовки; имеются обломки роговых топоров и тесел, обработанные резцы и нижние челюсти бобра, подвески из резцов лося и бобра. Особый интерес представляет деревянный дротик длиной 1,7 м, с вырезанной на острие маленькой биконической головкой. Среди остатков фауны преобладают лось и бобр, встречен барсук, а также птицы и рыбы.

IV культурный слой выделяется по исчезновению темных пятен, появлению песка и большого количества кальцинированной крошки, исчезновению керамики и резкому увеличению количества находок. В нем обнаружены хозяйственные ямы и остатки легких наземных кострищ. Каменных орудий с регулярной вторичной обработкой найдено более 500, большинство на отщепах. Наиболее многочисленны скребки разных типов. Аморфных и концевых примерно поровну. Резцов значительно меньше, они сделаны на сломе пластин и отщепов. Среди вкладышей

преобладают микропластинки с приостренным или притупленным около 60° краем, единичны - с затупленным краем, с ретушированным краем и концом. Острия скошенные и симметричные на пластинах. Наконечников стрел на пластинах более 50, преобладают иволистные, обработанные по насладу и острию пологой ретушью, иногда краевая ретушь захватывает весь периметр изделия. Постсвидерские наконечники со слабо или хорошо выделенным черешком также составляют серию. Многочисленны ножи на пластинах, скобели, сверла, проколки, комбинированные и рубящие орудия. Среди последних наряду с оббитыми есть серия шлифованных топоров и тесел. Найдены пластины, обернутые берестой, и грузила из галек со следами обмотки.

Богат и разнообразен костяной инвентарь: наконечники стрел игловидные, с биконической головкой и с широкой уплощенной головкой, одно- и двухлопастные с шипами, зубчатые острия и гарпуны, рыболовные крючки, кинжалы с прямым или скошенным лезвием, различные ножи, струги, шилья, посредник, ретушеры, выпрямители сухожилий, резцы и струги из резцов бобра, кабана и лисицы, обработанные нижние челюсти бобра, различные подвески из резцов лося, оленя и бобра, зубов хищников и обломков орудий. Особый интерес представляют гальки с гравированным геометрическим орнаментом - "чуринги", преднамеренно разбитые и обожженные. Многие орудия из кости также орнаментированы. Описанный инвентарь позволяет отнести этот слой к финальному этапу бутовской культуры.

Среди фаунистических остатков преобладают кости лося и бобра, определены также олень, медведь, кабан, барсук, заяц, куница, выдра, косуля, волк, лисица, мыши, птицы и рыбы. Найдена скорлупа лесного и водяного ореха, семена кувшинки.

По образцам угля и обработанного дерева для IV слоя получены даты 7690 ± 150 (ГИН-7216), 7410 ± 90 (ГИН-6659), 7190 ± 180 (ГИН-6660), 7120 ± 50 (ГИН-7217), 6970 ± 120 (ГИН-6662) л. н., которые хорошо согласуются с результатами палинологического анализа. Последний относит формирование отложений, вмещающих культурный слой, ко времени перехода от бореала к атлантику и самому началу атлантического периода. Соответственно, III культурный слой датирован первой половиной атлантика, ближе к его началу. II культурный слой также относится к этому периоду, но к несколько более позднему времени, а его верх с преобладанием гребенчато-ямочной керамики приходится на климатический оптимум. Для нижней части этого слоя по щепкам получена дата 6450 ± 160 л. н. (ГИН-7215), а лежавшее в его верхней части бревно получило датировку 5930 ± 200 л. н. (ГИН-6663). I культурный слой формировался во второй половине атлантического периода.

Исследования, проведенные на Озерецком торфянике в 1990-1992 гг. позволяют прийти к следующим выводам. На месте торфяника существовала система проточных озер, берега которых были заселены уже в раннем мезолите. На протяжении среднего, позднего и финального мезолита здесь жили носители бутовской культуры. Это население успешно адаптировалось к происходившим в голоцене изменениям природной среды, что нашло отражение в хозяйстве, инвентаре и расположении поселений. Стоянки мезолита и неолита приурочены к береговым линиям озера и смещались в зависимости от колебаний его уровня. Выделяющиеся регрессии и трансгрессии в целом соответствуют колебаниям уровня других водоемов Европейской России.

Развитие бутовской культуры около 7000 л. н. завершилось переходом к неолиту и сложением на ее основе верхневолжской культуры. Последняя представлена слоями с накольчатой и гребенчатой керамикой, существовала здесь до начала второй половины голоцена и сменилась льяловской культурой. Выделяется предшествующая льяловской и синхронная поздней верхневолжской гребенчато-ямочная керамика, выполненная в традициях, характерных для северо-запада Восточной Европы. Вероятно, носители этой керамики смешались с поздневерхневолжским населением, что и привело к сложению льяловской культуры.

Дальнейшие раскопки позволят проверить и уточнить эти выводы, а также дадут новые ценнейшие материалы по древнейшей истории Великого водораздела. Продолжение этих раскопок тем более необходимо, что в настоящий момент описанные памятники интенсивно разрушаются.

Институт археологии РАН,
Москва

Е. Л. КОСТЫЛЕВА

РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКАЯ КЕРАМИКА ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Верхневолжская культура, занимавшая в раннем неолите значительные пространства центра Русской равнины [1], прошла в своем развитии по меньшей мере три этапа в V - нач. IV тыс. до н. э. Эти этапы были выделены нами на основе стратиграфии, данных "чистых" комплексов и серии радиоуглеродных датировок [2].

Достаточно длительный период существования культуры сопровождался определенными изменениями ее основных культурных показателей. В настоящее время еще недостаточно ясными представляются те причины, которые приводили к изменению облика культуры. По-видимому, необходимо учитывать как инокультурные влияния, так и процессы саморазвития культуры, в результате чего происходит значительная трансформация культурных признаков. Если сравнивать показатели раннего этапа с поздними, то окажется, что они имеют очень мало точек соприкосновения. Поэтому только изучение последовательности эволюции керамики и инвентаря позволяет выявить преемственность развития культуры от одного этапа к другому.

На наш взгляд, преемственность культурного развития наиболее ярко отразилась в керамическом материале, который и предлагается к рассмотрению ниже.

Керамика первого этапа встречается или в составе материалов наиболее ранних неолитических памятников с "чистыми" комплексами (Давыдовская [3], Шадрино IV [4] и проч.), или на многослойных стоянках, где представлены все этапы развития верхневолжской культуры (Сахтыш II [5], Сахтыш VIII [6], Ивановское III [7] и проч.). В последнем случае наиболее ранняя керамика абсолютно преобладает над прочими видами посуды в нижней части культурного слоя эпохи неолита. Она достаточно однотипна. Поверхность ее неорнаментирована или имеет разреженные ряды тычково-накольчатых вдавлений преимущественно в верхней и нижней частях сосудов. Преобладают вдавления овальной формы наряду с каплевидными, подтреугольными и округлыми. Сосуды в большинстве своем изготовлены из глины (по-видимому, озерной), включающей органику и раковину сапропелевого характера. В качестве искусственной примеси встречается шамот. Посуда изготовлялась двух форм: с приотстренно-округлыми и плоскими донцами. На ряде стоянок Волго-Клязьминского междуречья плоские донца от посуды первого этапа встречаются чаще, нежели приотстренно-округлые. Так на стоянках Ивановской области Сахтыш II (раскопки 1978, 1979, 1982 гг.) и Сахтыш VIII (раскопки 1974-1978 гг.) было найдено 14 плоских и 2 округлых и 12 плоских и 1 округлое донца соответственно. На стоянках Ярославской области Ивановское III (раскопки 1972, 1974, 1981 гг.), Ивановское VII (раскопки 1973-1975 гг.) и Торговище 1 (раскопки 1980 г.) соответственно - 3 плоских и 2 округлых, 4 только плоских, 6 плоских и 3 округлых. Возможно, преобладание плоских донцев над округлыми - результат того, что они лучше сохраняются в слое, чем округлые.

Плоские донца известны также на других стоянках Ярославской области - Ивановское V, Кухмарь 1 (раскопки Д. А. Крайнова, А. В. Уткина), Варос [8, с. 15], Польцо [9, с. 200], Ивановской области - Шадрино VII (сборы автора), Московской области - Маслово Болото VIII [10, с. 89], Тверской области - Языково 1 [8, с. 49].

Рис. 1. Керамика верхневолжской культуры. 1, 5, 20 - стоянка Сахтыш VIII; 14, 16, 17 - стоянка Сахтыш II; 2, 3, 8 - 13, 18, 21 - стоянка Ивановское III; 6, 15 - стоянка Ивановское V; 4, 7, 19 - стоянка Торговище I

Западный мыс на оз. Городолюбля (сборы А. Х. Репмана, колл. ГИМ, оп. 1741). Размеры плоских донцев - от 2,5 до 10 см в диаметре. Судя по довольно сильной изогнутости стенок, плоскодонные сосуды имели вид крутобоких горшков. Венчики сосудов чаще всего прямые или округлые. Диаметр горла сосудов в среднем 14-16 см, иногда достигает 30 см. У некоторых сосудов имеются под венчиком желобки со сквозными отверстиями, что связано, видимо, с особым назначением сосудов и использовалось для их обвязывания и подвешивания.

Как орнаментированные, так и неорнаментированные сосуды имеют одинаковые формы, примеси, некоторые характерные особенности оформления (например, желобок).

По-видимому, в конце первого этапа развития верхневолжской культуры появляется также посуда с прочерченным, ложношнуровым и короткозубчатым орнаментом. Этот процесс прослежен на ряде стоянок, в частности на Сахтыше II, где на глубине 70-90 см (при мощности культурного слоя 90 см) наряду с преобладающей тычково-накольчатой керамикой, имеющей такую характерную особенность, как включения мелкой раковины сапропелевого характера в тесте, были встречены аналогичные по форме и примесям в глине едничные обломки стенок, венчиков и плоских днищ сосудов с прочерченным, ложношнуровым и короткозубчатым орнаментом.

Количество неорнаментированной и тычково-накольчатой посуды на "чистых" памятниках раннего этапа и смешанных мезолитическо-раннеолитических стоянках очень незначительно и не превышает в лучшем случае нескольких десятков обломков на площадь в сотни квадратных метров, что связано, с одной стороны, с кратковременностью пребывания на стоянках первых раннеолитических насельников, ведущих достаточно подвижный образ жизни, с другой стороны, - немногочисленностью самой глиняной посуды, только еще начинающей проникать в быт лесного населения.

Гораздо больше посуды рассматриваемой группы на многослойных неолитических памятниках, где материалы разных этапов верхневолжской культуры находятся в смешанном состоянии, что может быть связано с продолжением существования тычково-накольчатой и неорнаментированной посуды на втором этапе развития верхневолжской культуры наряду с ложношнуровой, прочерченной и короткозубчатой керамикой. Так, на стоянке Сахтыш II (раскопки 1978, 1979, 1982 гг.) неорнаментированная и накольчатая посуда составляют 25% от всего количества верхневолжской керамики, найденной на стоянке, на Сахтыше VIII (раскопки 1965-1978 гг.) - 48%, на Торговище I (раскопки 1980 г.) - 38%, на Ивановской V (раскопки 1974, 1982 гг.) - 69%, на Ивановской III (раскопки 1972, 1974, 1981 гг.) - 16%, на Ивановской VII (раскопки 1973-1975 гг.) - 39%.

Керамика второго этапа развития культуры несет в основном ложношнуровую, прочерченную и короткозубчатую орнаментацию (рис. 1, 6, 8-14). Она имеет двойственный характер, что проявляется в ее близости, с одной стороны, к предшествующей тычково-накольчатой и неорнаментированной керамике, с другой стороны, - к длиннозубчатой керамике позднего этапа.

Керамика второго этапа является как бы связующим звеном между керамикой раннего и позднего этапов развития культуры.

Довольно четко прослеживается взаимосвязь как между тычково-накольчатым орнаментом и различными видами орнаментации второго этапа (ложношнуровой, прочерченной, короткозубчатой), так и последних между собой. Так, на первых порах развития короткозубчатого орнамента сохраняется традиция нанесения его в тычковой технике и технике "отступающей палочки", что особенно хорошо прослеживается на материалах Ивановских стоянок и Маслово Болота. Прослеживается и взаимосвязь и между рассматриваемыми видами орнамента и во взаимосочетании его элементов - тычковый и прочерченный, тычковый и ложношнуровой, ложношнуровой и прочерченный, ложношнуровой и короткозубчатый, короткозубчатый и прочерченный, - а также в некоторых орнаментальных композициях.

На взаимосвязь орнаментации керамики двух этапов указывает также и то, что новые виды орнамента появляются на сосудах, типичных по форме только для тычково-накольчатой и неорнаментированной посуды, - плоскодонных горшках. Переход от неорнаментированной и накольчатой керамики первого этапа к прочерченной, ложношнуровой и короткозубчатой второго этапа наиболее явно прослеживается на стоянках Сахтыш II, VIII, Ивановское III, V.

Особенностью ложношнуровой и прочерченной керамики второго этапа является наличие посуды, окрашенной красной краской после обжига. На стоянках

Ивановское II, III и Кухмарь 1 - это ложношнуровая керамика, на стоянке Ивановское V - прочерченная, на стоянке Берендеево IIa - с прочерченно ложношнуровым орнаментом. Обломков окрашенной посуды встречено немного, и назначение ее еще пока неясно (возможно, ритуальное).

Дальнейшее развитие керамики второго этапа связано с достаточно быстрым переходом к орнаментации в основном короткозубчатым штампом при сохранении ложношнурового, прочерченного и тычкового орнамента, преимущественным применением примеси шамота в глиняном тесте посуды, полным отказом от плоскодонной посуды.

Сосуды второго этапа представлены в основном двумя формами: небольшими округлодонными чашечками с диаметром горла до 10 см и крутобочными остродонными сосудами средних размеров с диаметром горла до 30 см.

По мере развития, в керамике второго этапа появляются черты, которые будут характерны для посуды последующего этапа верхневолжской культуры с гребенчато-зубчатой орнаментацией: почти полностью исчезает примесь органики, что, по-видимому, связано с началом использования других видов глин, наряду с примесью шамота появляется (в основном в керамике с короткозубчатой орнаментацией) смешанная примесь шамота и дресвы, иногда только дресвы. Сосуды становятся более крупными и толстостенными, исчезает тычковая и "отступающая" техника нанесения короткозубчатого штампа, увеличивается количество зубцов в штампе, иногда отпечатки штампа примыкают друг к другу, образуя длинный зубчатый отпечаток, являющийся прототипом пунктирного орнамента. Короткозубчатая орнаментация преобладает над прочерченной и ложношнуровой. Керамика этого времени достаточно хорошо представлена в материалах стоянок Сахтыш II, VIII, Торговище I.

Третий этап существования верхневолжской культуры связан с развитием керамики с длиннозубчатой (или гребенчато-зубчатой) орнаментацией. Стратиграфически она залегает всегда выше керамики с прочими видами орнамента и на большинстве исследованных памятников рассматриваемой территории количественно доминирует. Так, на Сахтыше II длиннозубчатая керамика составляет 60% от всей верхневолжской керамики, на Торговище I - 42%, на Ивановском III - 60%, на Ивановском VII - 59%.

В элементах орнамента преобладает мелко- и среднезубчатый длинный штамп, реже - пунктирный и широкозубчатый. При этом в орнаментике прослеживаются некоторые черты предшествующего времени: в качестве подчиненного элемента присутствуют тычковые вдавления и короткозубчатый штамп, сохраняются некоторые орнаментальные мотивы: горизонтальный зигзаг, взаимопроникающие треугольники, ромбическая решетка, зигзаг "с ресничками". Из орнаментальных мотивов наиболее широко применяется горизонтальный зигзаг и горизонтальные ряды отпечатков штампа, отделенные друг от друга разделительными поясами из тычковых вдавлений и короткозубчатого штампа. Ряды цилиндрических ямок под венчиком и в разделительных зонах, появившиеся еще на керамике предшествующих этапов, сохраняются и здесь, но наряду с ними присутствуют и ямки неправильных очертаний: овальные, подквадратные, лунчатые и проч. Появляется новая техника нанесения орнамента - "шагающая гребенка", однако на рассматриваемой территории она не получает широкого развития.

В качестве примеси, наряду с шамотом, значительно чаще встречается дресва, иногда в очень большом количестве (Золоторучье III, Караш III, Берендеево IIa).

Увеличиваются размеры сосудов (диаметр горла достигает 40 см), появляются новые формы - с прикрытым горлом и выпуклыми стенками, прямостенные со слегка отогнутым наружу венчиком. Вся посуда кругло- и остродонная.

Изложенная последовательность эволюции керамики верхневолжской культуры представляется нам справедливой лишь для центральной части региона распространения культуры. На периферии, в контактных зонах с другими раннеэолитическими культурами она может быть и несколько иной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Крайнов Д. А., Хотинский Н. А.* Верхневолжская раннеолитическая культура // СА. 1977. N 3.
2. *Костылева Е. Л.* Хронология, периодизация и локальные варианты верхневолжской раннеолитической культуры // Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1987.
3. *Сидоров В. В.* Давыдовская стоянка на р. Яхроме // СА. 1973. N 1.
4. *Крайнов Д. А., Костылева Е. Л.* Раннеолитическая стоянка Шадрино IV в бассейне р. Лух // КСИА. 1988. Вып. 193.
5. *Костылева Е. Л.* Остатки верхневолжской раннеолитической культуры на стоянке Сахтыш II // КСИА. 1984. Вып. 177.
6. *Костылева Е. Л.* Раннеолитический верхневолжский комплекс стоянки Сахтыш VIII // СА. 1986. N 4.
7. *Крайнов Д. А., Хотинский Н. А.* Ивановские стоянки - комплекс мезо- и неолитических озерно-болотных поселений на Волго-Окском междуречье // Археология и палеогеография мезолита и неолита Русской равнины. М., 1984.
8. *Сидоров В. В.* Многослойные стоянки Верхневолжского бассейна Варос и Языково // Многослойные стоянки Верхнего Поволжья. М.: ИА РАН, 1992.
9. *Уткин А. В., Костылева Е. Л.* Верхневолжская раннеолитическая культура на стоянке Польцо // СА. 1984. N 3.
10. *Сидоров В. В.* Стоянки Маслово Болота // АО-1981. М., 1983

Ивановский государственный
университет

А. В. ЭНГОВАТОВА

НЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА УСТЬ-ТУДОВКА 8

Неолит Верхневолжского региона исследовался многими учеными (Н. Н. Гурина, Л. Я. Крижевская, Д. А. Крайнов, П. Н. Третьяков, М. П. Зимина, О. С. Гадзяцкая, Ю. Н. Урбан, В. В. Сидоров, Г. В. Симицына и др.) [1-6]. Неолитические (и мезолитические) памятники этого района были объединены Н. Н. Гуриной в валдайскую культуру [1-3], получившую характеристику по обширным, но не достаточно надежным комплексам. М. П. Зимина часть территории Валдая отводит мстинской культуре [7], хотя ее материалы мало отличимы от ряда комплексов Селигера, Волго, Пено. Еще Н. Н. Гуриной отмечалось свыше 200 стоянок этой культуры. В результате планомерных разведок количество неолитических памятников возросло многократно. Тем не менее достаточно целостного представления о валдайской культуре не существует. Одной из причин такого положения является отсутствие публикаций чистых хронологически узких комплексов, которые позволили бы говорить о конкретном содержании культуры конкретных этапов.

Можно согласиться с Н. Н. Гуриной относительно культурной специфичности Валдая, достаточной для того, чтобы видеть здесь особую археологическую культуру, хотя резкое различие мезолитического, раннеолитического (типа Щепочник) и постнеолитического этапов (сетчатой керамики) затрудняет их восприятие как единой археологической культуры. В нашем понимании термин валдайская культура приложим к комплексам среднего неолита со своеобразной гребенчатой керамикой. Датировка этого этапа - в пределах кон. V - нач. III тыс. до н. э. Территориально этот тип керамики господствует на всей Валдайской возвышенности и совпадает с рамками культуры, очерченными Н. Н. Гуриной.

Памятники расположены далеко не равномерно, концентрируясь на берегах крупных озер и сложных озерных систем, которыми богат Валдай. Но именно берега молодых озер довольно устойчивы и потому заселялись многократно на протяжении голоцена. Они исключительно редко могут дать надежно обособленный во времени комплекс. Значительно меньше памятников по рекам, в том числе и по берегам главной магистрали - Волги. Кроме того, как отмечала Н. Н. Гурина [3], по берегам рек располагались достаточно специфичные памятники, мало пригодные для целостной характеристики культуры - мастерские, где велась первичная обработка кремневого сырья, выходы которого вскрываются врезами речных долин и ручьев.

Среди многочисленных и уже частично введенных в научный оборот мезолитических стоянок района устья р. Тудовки и прилегающей части долины р. Волги, исследовавшихся Ржевской экспедицией в зоне проектировавшегося гидроузла, выделяется многослойная стоянка Усть-Тудовка 8, содержащая и комплексы неолита и эпохи бронзы. Она может быть привлечена для уточнения некоторых деталей Валдайской неолитической культуры.

Стоянка была открыта в 1986 г. М. Г. Жилиным и на следующий год раскапывалась А. В. Энговатовой при участии Н. А. Тимохина, исследовавшего селище, располагавшееся на площади стоянки. Она расположена (рис. 1) ниже устья р. Тудовки на правом берегу Волги, в 3 км ниже д. Орехово напротив д. Суконцево. Геоморфологически участок стоянки представляет собой высокую пойму, которая формировалась как конус выноса р. Тудовки. В какие-то моменты русло Тудовки располагалось у подножия первой надпойменной террасы. Резкие изменения режима русел Тудовки и Волги происходили в начале голоцена (что видно по стра-

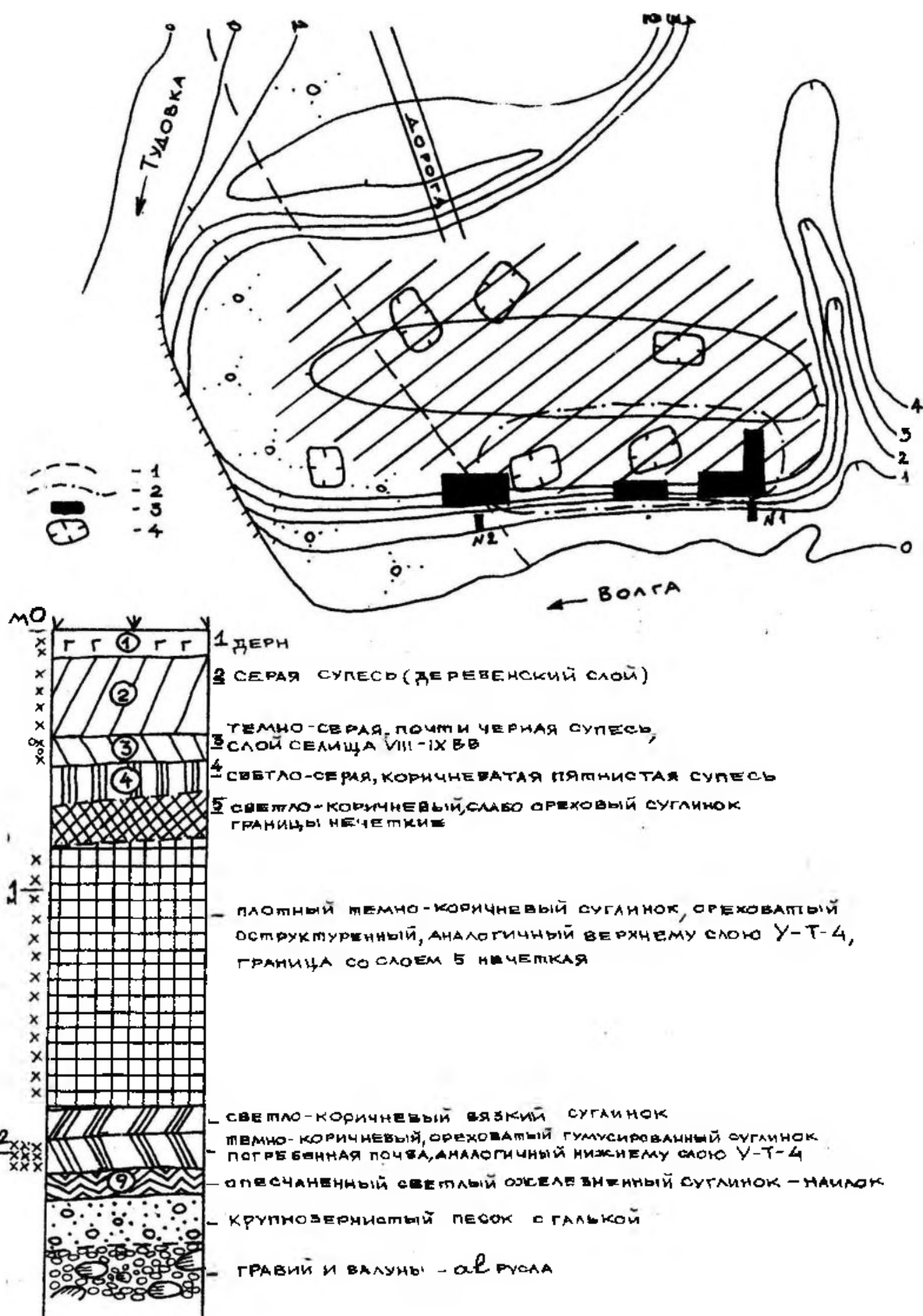

Рис. 1. Стоянка Усть-Тудовка 8
 Ситуационный план. Стратиграфия

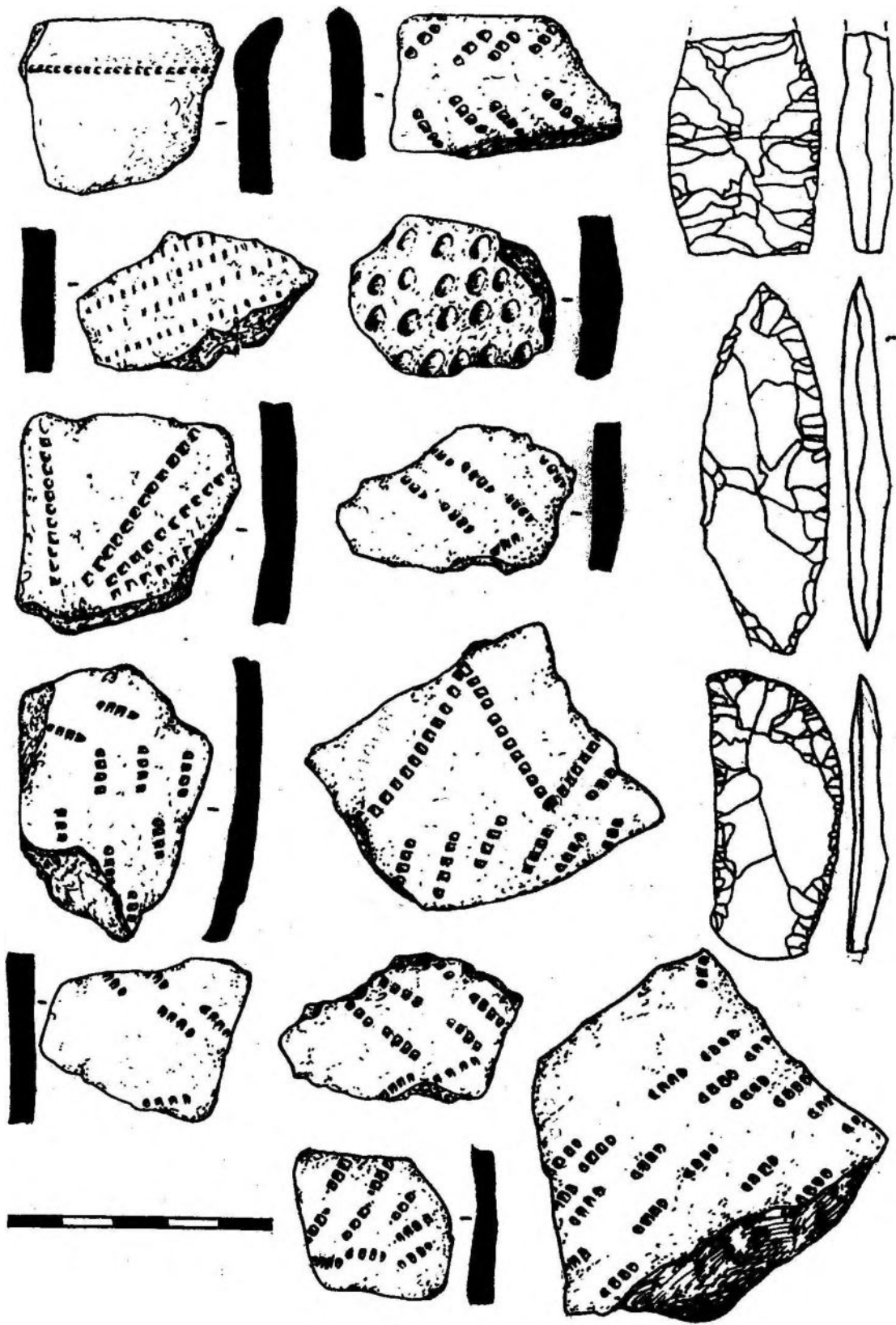

Рис. 2. Стоянка Усть-Тудовка 8. Керамика. Кремьнь

тиграфии шурфов и раскопок (рис. 1). Последние две тысячи лет он остается стабильным, в результате чего возникает наложение планов селища железного века и деревни XVIII-XX вв.

Неолитический памятник сильно поврежден существовавшей до 1942 г. деревней. Для раскопок была выбрана наименее поврежденная прибрежная часть. Три вытянутых по береговой кромке раскопа вскрыли площадь 500 м². Были исследованы только верхние слои - селища и неолитической стоянки; лежащие ниже мезолитические слои были законсервированы для последующих исследований, которые не проводились из-за прекращения финансирования.

Памятник многослоен, стратиграфия несколько различается на разных участках, но основные слои представлены на всей площади (рис. 1): 1) дерн; 2) серая, местами пятнистая рыхлая супесь; 3) темно-серая гумусированная супесь (селищенский слой); 4) темно-желтая или коричневая плотная супесь (неолитический слой); 5) светло-коричневый плотный суглинок без находок; 6) темно-коричневый суглинок (мезолитический слой, аналогичный верхнему слою Усть-Тудовки 4); 7) светло-коричневый вязкий суглинок без находок; 8) темно-коричневый ореховатый гумусированный суглинок (мезолитический слой, аналогичный нижнему слою Усть-Тудовки 4); 9) опесчаненный светло-желтый суглинок; 10) крупнозернистый песок с галькой.

Собственно неолитический слой имеет небольшую мощность - максимально до 15 см. В результате активной хозяйственной деятельности поздних поселений (огороды, глубокие погребя, фундаменты домов), слой оказался сильно поврежден. В слой также попали материалы из лежавших ниже мезолитических слоев. В результате мезолитические и неолитические артефакты и керамика попали в слои селища, а поздние находки в какой-то мере проникают в неолитический слой без видимых повреждений.

По распространению подъемного материала площадь неолитической стоянки определена 200x100 м, но в результате раскопок очертилась гораздо меньшая - 70x40 м. Поздние нарушения могли уничтожить следы сооружений неолитического времени, которые обычно обнаруживаются на неолитических стационарных поселениях. Однако вероятность полного уничтожения таких следов на всей достаточно большой площади раскопок не велика. Насыщенность слоя находками незначительна. Общее количество неолитических сосудов, бытовавших на стоянке, не более 20. Можно сделать вывод, что на площади стоянки не было жилищных и хозяйственных сооружений, оставляющих заметные следы, не было также участков длительного обитания, которые изменили бы почвенную структуру и выделялись бы концентрацией находок. Таким образом, перед нами кратковременная стоянка, вероятность чистоты комплекса которой значительно выше, чем у долговременных памятников. Длительность же функционирования и количество посещений по имеющимся материалам не определяются.

Материалы стоянки представлены только обломками сосудов и кремневым инвентарем, кость не сохранилась. Кремневые комплексы неолита и мезолита частично смешаны, не вполне достоверно выделение собственно неолитического материала. Можно указать на отдельные специфически неолитические орудия: наконечники стрел листовидной формы, подчетыреугольный скребок с крутой ретушью (рис. 2), но этих орудий единицы. Показательно, что почти отсутствуют типичные поздненеолитические кремневые формы, волосовская кремневая техника.

Второй вывод, который можно сделать на таком мешаном материале, - состав орудий, их количество говорит о том, что эта стоянка не была мастерской. Сравнительно небольшое число отходов производства, отсутствие скопления дебетажа, нуклеусов, заготовок говорит об обычном поселенческом составе инвентаря.

Керамический комплекс стоянки представлен 1580 обломками сосудов, в основном мелкими. Все обломки с примесью дресвы и песка. Последний, видимо, является естественной примесью. Поверхность стенок чуть сглажена. Орнаментация сосудов достаточно однообразна - это отпечатки гребенчатого штампа округ-

лого, трех-, четырехзубого, узкого многозубого (рис. 2). Оттиски наносятся по мягкой глине, во всех случаях они четкие, углубленные. Орнаментальная схема сосудов не поддается реконструкции из-за фрагментарности, но достоверно, что она не была сложной. Сочетания разных мотивов на черепке не встречены. Характерен обычный зональный орнамент - полосы косопоставленных оттисков гребенчатого штампа, горизонтальный зигзаг и шагающая гребенка (рис. 2). На ряде черепков - следы ямчатых вдавлений или "собачьего носа" - эпифиза метаподия крупных млекопитающих.

По немногочисленным фрагментам венчиков можно сказать, что сосуды имели приостренный или чуть отогнутый наружу край. Форма сосудов открытая или котловидная, тулово - округло-яйцевидное, без выраженного ребра, днище округлено, или параболоидно. Сосуды приблизительно одного размера - диаметром 25-35 см. Толщина стенок в среднем 5-7 мм. Очень крупных и миниатюрных сосудов нет. Размеры сосудов также косвенно подтверждают кратковременный характер стоянки: на долговременных их размеры колеблются в большей степени.

Однообразие орнаментации, технологии, форм сосудов позволяет предполагать, что стоянка была результатом одного или немногих близких по времени посещений. Нет выраженных концентраций материала - находки залегают как единое пятно. Скорее всего, это лагерь, связанный с сезонной охотой. Расположение на мысу делало площадку хорошо дренируемой, освещенной, удобной для лодочной стоянки и легко находимой при пеших маршрутах.

Таким образом, берега Волги, богатые выходами кремня, использовались неолитическим населением не только для добычи и первичной обработки прекрасного кремня, но и в обычном хозяйственном цикле - охоте, рыбной ловле. Возможно стоянка является путевым лагерем и связана с передвижениями по главной водной артерии района. Топография памятника показывает использование при этом наиболее удобного участка речной долины для устройства кратковременного лагеря [9].

Датировка неолитического комплекса может быть дана довольно приблизительно по аналогиям в керамике. Аналогичный материал встречен в верхнем слое Щепочника, на стоянках Бологое и Пено [3], Ворокса [6], Березовец, Усть-Валдай-ка, Репище [10; 7]. Все эти материалы относятся к среднему (развитому) неолиту и могут датироваться в рамках IV тыс. до н. э. Более поздняя датировка исключается из-за отсутствия поздненеолитических (волосовских) кремневых форм.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гурина Н. Н. Валдайская неолитическая культура // СА. 1958. N 3.
2. Гурина Н. Н. Неолитическая стоянка "Щепочник" (к вопросу о происхождении валдайской культуры) // КСИА. 1961. Вып. 82.
3. Гурина Н. Н. Неолитические племена Валдаиской возвышенности // МИА. 1973. Вып. 172.
4. Крижевская Л. Я. Неолитические мастерские Верхнего Поволжья // МИА. 1960. Вып. 13.
5. Гавзяцкая О. С., Крайнов Д. А. Новые исследования неолитических памятников Верхнего Поволжья // КСИА. 1965. Вып. 100.
6. Третьяков П. Н. К истории племен Верхнего Поволжья в I тыс. н. э. // МИА. 1941. Вып. 5.
7. Зимина М. П. Неолит бассейна р. Мсты. М., 1981.
8. Гаарилова И. В. Неолитическая стоянка Котчище на оз. Селигер // КСИА. 1962. Вып. 92.
9. Энговатова А. В., Сидоров В. В. Стоянки пирютинской группы // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Вып. 5. Иваново, 1991.
10. Брюсов А. Я. Отчет о раскопках стоянки "Репище" в Боровичском р-не Новгородской обл. // Архив ИА РАН. Р-1. N 2871.

Институт археологии РАН,
Москва

Т. М. ГУСЕНЦОВА, Н. А. АНДРЕЕВА

ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ КАМНЯ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫХ РАЙОНАХ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Изучение археологических памятников каменного века в Ленинградской области начато в 80-х гг. XIX в. и связано (тогда и позднее) с именами известных русских ученых А. А. Иностранцева, И. С. Полякова, А. Я. Брюсова, В. И. Равдоникаса, Б. Ф. Землякова, Н. Н. Гуриной и других. Все известные памятники приурочены к трем крупным водным бассейнам. Одни находятся на севере Карельского перешейка и побережья Сестрорецкого разлива и относятся непосредственно к бассейну Балтийского моря. Другие связаны с Ладожским озером - Приладожские стоянки, Негежма и Усть-Рыбежна 1. Третья группа памятников привязана к бассейну Онежского озера - Вознесенские стоянки и остатки стоянок у деревень Прокино, Плотично и Вязостров. Наиболее изучены два памятника - Усть-Рыбежна 1 и Вознесење [1, с. 588]. Внутренние районы, богатые сетью озер, до недавнего времени оставались практически не исследованными. В 1986 г. археологическая экспедиция Дирекции Объединения музеев Ленинградской области начала работы в бассейне р. Оять, крупного притока р. Свирь, где выявлено более 20 памятников. Большинство их расположено на озерах Подпорожского и Лодейнопольского районов - Чик-озере /5/, Мульевских озерах /3/, Мальгинском /1/, Ашозере /13/. Поиски памятников проводились также на р. Капше, основном правобережном притоке р. Паши, относящейся к бассейну Ладожского озера (стоянка на Б. Конец-Сарском озере). Раскопки проводились на пяти стоянках - Падань 1, II, III, Мальгинской и Мульевской 1.

Наиболее выразительный материал получен в результате трехлетних раскопок стоянки Падань 1, открытой на р. Падань в месте ее истока из Чик-озера. Она находится на залесенном мысу высотой 1-1,5 м, культурный слой сохранился на площади 1000 м², раскопано 620 м². Стратиграфия памятника: рыхлаый дерн с мхом и ягодником, под ним серый подзол мощностью 10-15 см; ниже красноватый песок - 25-40 см; в южной части стоянки под ним прослеживается темный (илистый) слой мощностью 15-23 см; подстилающий слой - желтый песок. Глубина раскопа составляла 30-40 см, в ямах до 60-90 см. Находки встречались по всей глубине, начиная с оподзоленного песка и до самого подстилающего слоя. Наиболее насыщен слой красноватого песка в центральной и южной частях стоянки. На площади раскопа исследованы многочисленные каменные очаги, очажные, хозяйственные и столбовые ямы, развалы сосудов и каменный инвентарь. Найденные остатки свидетельствуют о неоднократном заселении памятника: в неолите, энеолите и средневековье.

Ко времени существования неолитической стоянки относятся несколько очагов из камней, хозяйственные ямы и жилая площадка, включающая остатки жилища с очажной ямой и нескольких развалов сосудов. Керамика представлена следующими группами: сперрингс, гребенчатой и ямочно-гребенчатой. Посуда сперрингс собрана вдоль края террасы в центральной, наиболее высокой части памятника. Существенно, что на двух участках раскопа был зафиксирован только этот тип керамики. Общее количество ее превышает 1000 фрагментов, отнесенных к 14 сосудам. Глиняное тесто сосудов содержит примесь дресвы, песка и толченого кварца, ширина лент до 5 см. На внешней поверхности нескольких сосудов

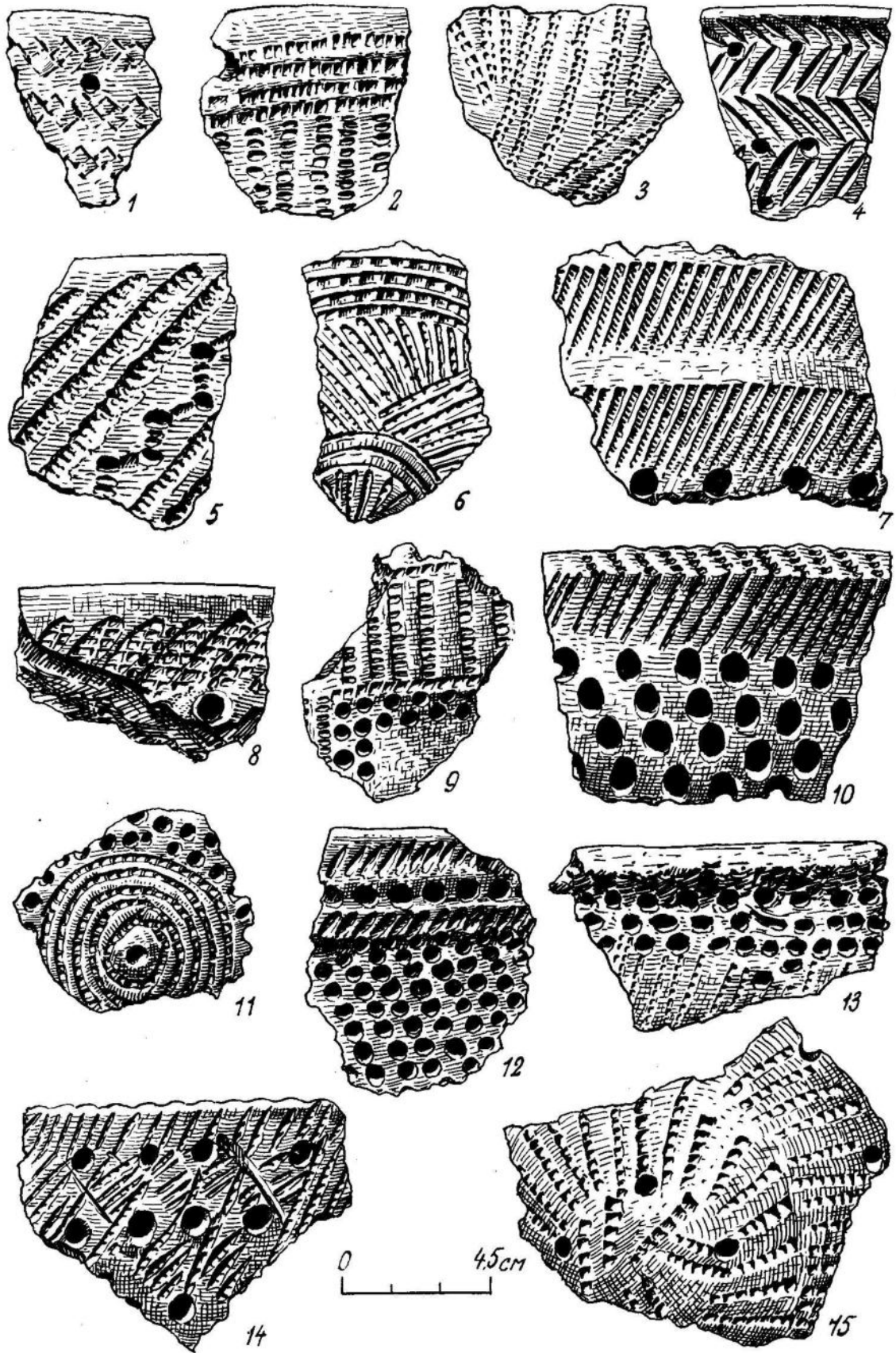

Рис. 1. Керамика стоянки Падань 1

встречаются следы лощения, свыше 20 фрагментов окрашено охрой. Толщина стенок сосудов преимущественно 0,6-0,8 см (528 экз.) и 0,9-1,3 см (229 экз.). Черепки плотные, прочные, цвет большинства светло-коричневый, обжиг неровный. Преобладали прямостенные сосуды диаметром 26-36 см и высотой 30-50 см, с приостренным дном. Венчики преимущественно прямые, неорнаментированные. Орнамент нанесен позвонками рыб, "веревочкой" и орнаментиром, оставляющим отпечатки в виде прочерченных линий или в отступающей манере. Орнаментальные узоры, выполненные позвонком, достаточно просты. Это ряды плотных оттисков из одинарных, сдвоенных, перекрывающих друг друга позвонков, поставленных горизонтально или с небольшим наклоном (рис. 1,1-3,8). Узор, нанесенный прочерченной техникой, состоит из гладких линий "елочки", "плетенки", треугольников, чередующихся рядов наклонных и горизонтальных линий (рис. 1, 4, 6). Орнамент, выполненный "веревочкой", представлен горизонтальными или диагональными рядами, зигзагом, короткими овальными отпечатками (рис. 1,5). На большинстве фрагментов посуды сперринге встречаются горизонтальные ряды ямок. Описанный комплекс имеет широкий круг аналогий среди керамики стоянок Карелии: Сулгу II, Пески III, Пиндуши III, Ерпин Пудас, Шелтозерские стоянки [2, с. 34-51; 3, с. 162; 4, с. 52-90; 5, с. 40-49]. На стоянке Шелтозеро X1 получены даты 6480 ± 70 /ТА-1312/ и 5960 ± 60 /ТА-1313/ л. н., которые в какой-то степени могут быть применены и к материалам Падани 1 и позволяют датировать ее 1V тыс. до н. э.

На многих стоянках Карелии и Финляндии керамику сперринге сопровождает гребенчатая керамика. На Падани 1 найдено два развала сосудов и несколько десятков фрагментов, украшенных длинным или коротким прямоугольным штампом. Орнамент плотно покрывал всю поверхность сосуда, включая дно. Узор составляют наклонные ряды штампа, двойной ломаный зигзаг, "корзиночная плетенка" (рис. 1, 7, 15). Отдельные фрагменты керамики, украшенной тонкой, глубоко оттиснутой "гребенкой", встречаются в материалах верхневолжской раннеолитической культуры [6].

Ямочно-гребенчатая керамика представлена двумя хронологическими группами. Первая насчитывает 660 фрагментов. Глиняное тесто ее имеет примесь мелко толченого песка и дресвы. Сосуды тонкостенные (0,2-0,8 см). Черепки в основном светлого и темно-коричневого цвета, часть окрашена охрой. Сосуды крупные - диаметр горла 38-42 см, но встречаются и миниатюрные. Форма посуды полуяйцевидная, с приостренным дном. Формы венчиков разнообразные: прямые, скошенные, с наплывом и др. Орнаментальное поле украшено коническими ямками, образующими выпуклины с внутренней стороны, в сочетании с оттисками зубчатого штампа, прочерченными и нарезными линиями. На некоторых сосудах ямки нанесены в шахматном порядке (рис. 1, 9, 11-12). Ближайшими аналогиями служит посуда со стоянок Черная речка 1 и Пиндуши 1 [7, с. 50-66]. Время существования поселения с ранней ямочно-гребенчатой керамикой - 2-я пол. 1V тыс. до н. э.

Поздняя ямочно-гребенчатая керамика локализована в южной половине стоянки. По ряду признаков она заметно отличается от вышеописанной. Количество превышает 1,5 тыс. фрагментов. Частично удалось восстановить 13 сосудов. Глиняное тесто содержит примесь песка, крупно толченой дресвы, шамота, каменной крошки. Сосуды толстостенные - 10-14 см. Обжиг неравномерный. Цвет черепков желтый и темно-коричневый. Большинство фрагментов от крупных (диаметр горла 45-50 см) круглодонных горшков с непрофилированными прямыми стенками. Формы венчиков в основном "Г"- и "Т"-образные, имеют наплыв с внутренней или внешней стороны. В технике нанесения орнамента преобладает гребенчатый штамп. Меняется характер ямок, их правильность, расположение, глубина. Узор отличается значительным разнообразием и геометризмом - косая сетка, треугольники, ромбы, а также "розетки" (рис. 1, 10, 14). Посуда сходна с материалами Карелии: стоянок Кладовеца, Семеново II, Пески IV, Войнаволок VI [7]. Время ее существования - III тыс. до н. э. На поселении Падань 1 из ямы, содержащей позднюю ямочно-гребенчатую керамику, получены образцы угля, датированные 4920 ± 100 /ТА-2137/ л. н.

Интерес представляет и керамика, орнаментированная ромбоямочным орнаментом. По технологии изготовления она близка поздней ямочно-гребенчатой. Венчики часто с напылом на внутренней стороне, встречаются "гофрированные" венчики и с "граненым" краем. Ямки крупные, ромбической или овальной формы. Основными элементами узора являются ряды ямок, разделенные на зоны гребенчатым штампом, геометрические фигуры - ромбы, треугольники, часто выполненные только из ямок. В Ленинградской области и Карелии подобная керамика имеется на стоянках Вознесенье [1], Илекса 1, Вигайнаволоок 1, Пегрема II, Войнаволоок 1, датированных III тыс. до н. э. [8, с. 67-78].

На наиболее низких южных участках стоянки получена посуда с примесью асбеста в тесте - 823 фр., среди них 2 развала сосудов и 37 венчиков. Керамика плохой сохранности. Толщина стенок 07-08 см. Края венчиков утолщены до 1-1,8 см. Имеются "Т"-образные венчики. Цвет черепков светло-серый и светло-коричневый. Орнамент образован преимущественно длинным гребенчатым штампом и мелкими ямочными вдавлениями. Орнаментальное поле заполнено оттисками наклонно поставленного штампа, зонами не заштрихованных треугольников и квадратов (рис. 1, 13). Подобная керамика в Карелии, в частности, на стоянке Курмойла 1, относится к поздненеолитической [1, рис. 7, 9].

К последней группе посуды относятся 3 развала сосудов и несколько десятков фрагментов, найденных в верхнем горизонте стоянки. Керамика лепная, грубая, без орнамента. Форма сосудов горшковидная с плоским дном. Аналогичная посуда встречается в курганах и селищах Прионежья и может быть датирована X-XI вв. н. э. [9, с. 108].

Каменный инвентарь стоянки насчитывает свыше 3000 экз. Он включает изделия из красно-коричневого, фиолетового, серого с оттенками кремня, кварца и сланца. Красно-коричневый кремень, возможно, местный, с Вытегорского месторождения [10, с. 204-207]. Более половины изделий составляют отщепы; пластины и сечения из них - 380 экз., при этом значительное их число не имеет вторичной обработки (рис. 2, 15-17). Среди скребков /300 экз./ преобладают концевые на пластинах и отщепах (рис. 2, 6-8), а также на мелких отщепах с высоким круговым лезвием (рис. 2, 1-5, 9-13). Наконечники стрел и копий /9 экз./ имеют подтреугольную с черешком, подромбическую или листовидную формы, с двусторонней ретушью (рис. 2, 19). Среди ножей /5 экз./ отметим орудие серповидной формы с выделенной рукоятью или массивный нож-скребло /?/ овальной формы с круговой ретушью (рис. 2, 31). Единичны угловые резцы (2 экз., рис. 2, 18), скребок-резец (рис. 2, 14), проколка на пластине (рис. 2, 21) и два сверла на отщепах (рис. 2, 20). Орудия из сланца представлены различными категориями: топорами, теслами, стамесками, долотами, кирками - 58 экз. Из прочего инвентаря отметим обломки шлифовальных плит, грузила, отбойник. Найдена плитка песчаника с углублениями и пест, вероятно, служившие зернотеркой. Среди сланцевых изделий отметим круглую подвеску с просверленным отверстием и обломок сланцевого кольца (рис. 2, 25-26). К сожалению, неоднократное заселение памятника затрудняет соотношение каменного инвентаря с определенной группой посуды. Сопоставление возможно благодаря аналогиям с материалами "чистых" комплексов, имеющих в Карелии. Так кремневый инвентарь, сопровождающий раннюю ямочно-гребенчатую керамику и керамику Сперрингс, имеет мезолитический облик [7; 11, с. 10-33]. На стоянке Падань 1 к этим группам керамики относятся, очевидно, нуклеусы, пластины, вкладыши, мелкие скребочки-"пуговицы". К раннему и развитому неолиту можно отнести ножи листовидной и саблевидной форм, наконечники стрел. Небольшие орудия из сланца, в том числе и когтевидной формы (рис. 2, 23, 24, 28-30), характерны для культуры Сперрингс. Желобчатые узкие долота имеются в материалах памятников с ранней ямочно-гребенчатой керамикой [7]. Основное же количество рубящих сланцевых орудий характерно для позднего неолита.

В целом материальная культура стоянки Падань 1 относится к кругу карельских культур. Однако отметим и некоторое сходство с керамическими ком-

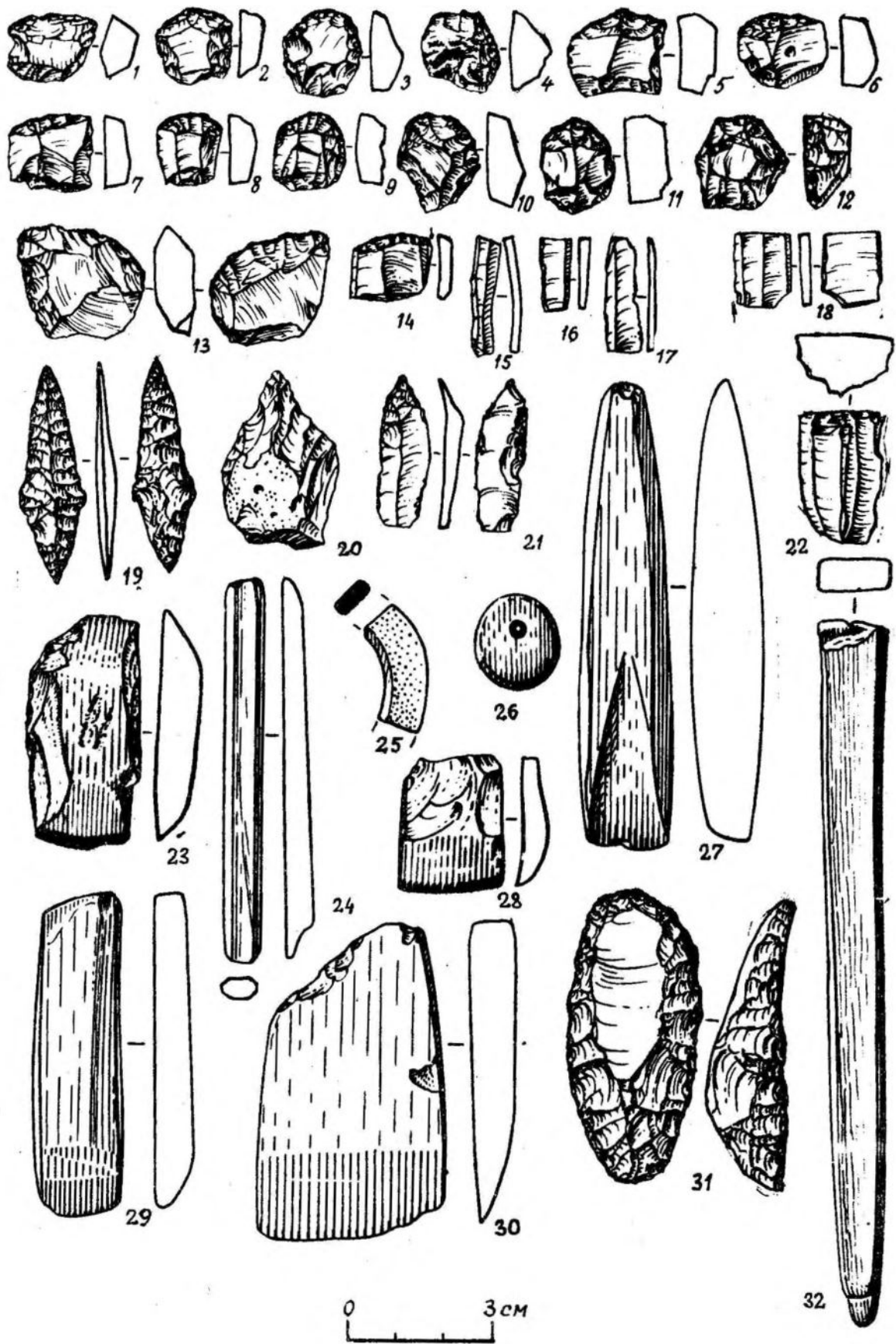

Рис. 2. Кремневый и каменный инвентарь стоянки Падань 1 (1-31), сланцевый штамп ??? для нанесения орнамента - стоянка Чих-озеро 1 (32)

плексами раннего и развитого неолита /ямочно-гребенчатая и гребенчатая посуда/ бассейна Верхней Волги. Исследование стоянки впервые позволило получить значительное количество керамики Сперрингс и тем самым расширить юго-западные границы ее распространения.

На оз. Чик-озеро были проведены рекогносцировочные раскопки еще двух стоянок - Падань II и III, материалы которых близки вышеописанным.

Практически полностью исследован культурный слой стоянки Мальгиничи, расположенной на одноименном озере в Лодейнопольском районе. Стоянка занимает площадку на хорошо выраженном мысу северо-восточного берега высотой 3 м. Раскопано 156 м². Находки происходят из слоя темно-серой супеси /ранее распахиваемой/ мощностью 14-40 см, перекрытой дерном; подстилающий слой - желтый песок. В раскопе найдено небольшое скопление камней, очевидно, от очага. Находки растащены по всему раскопу. Небольшая концентрация наблюдалась на участках у края террасы. Всего на стоянке собрано 740 фрагментов керамики и 240 изделий из камня.

Керамика изготовлена с примесью в глиняном тесте песка, дресвы, органики. Толщина стенок сосудов 0,7-0,8 см. Основное орнаментальное поле заполнено ямочками, оставляющими на внутренней поверхности "жемчужины", разделенными на зоны оттисками гребенчатого штампа. Посуда аналогична керамике стоянок Пегрема V, Вигаинаволок 1 и может быть отнесена ко 2-ой пол. 1V тыс. до н. э. [7]. К более позднему неолиту относится развал толстостенного сосуда с разреженным ямочно-гребенчатым орнаментом. Отметим сосуд, украшенный гребенчатым штампом, сходный с вышеописанной керамикой Падани 1, и 3 фрагмента керамики типа Сперрингс со слабыми оттисками рыбьего позвонка. Кроме того, имеются два фрагмента пористой керамики, орнаментированной гребенчатым штампом, относящейся к эпохе энеолита.

Кремневый инвентарь представлен нуклеусами /3 экз./ со следами снятия пластин, пластинками различной ширины - 30 экз. Среди орудий - наконечник копья листовидной формы, обломок наконечника стрелы, разнообразные скребки (38 экз.). Из сланца изготовлены два топора, тесло и обломок крупного орудия подтреугольной формы со сверлиной посередине /мотыга?/. Интересен обломок сланцевого кольца с зубчиками по краю, с сечением подтреугольной формы. Такие кольца хорошо известны в Карелии и Вологодской области.

Таким образом, стоянка Мальгиничи относится к памятникам, неоднократно посещавшимся людьми в неолите - энеолите (2-я пол. 1V-III тыс. до н. э.).

Близкий материал обнаружен при раскопках стоянки Мульевская 1, расположенной на оз. Мульевское-2 в Лодейнопольском районе. Памятник также занимает мыс на восточном берегу высотой 1-1,2 м. Раскопом площадью 112 м² практически исследована вся его поверхность. Находки залегают под тонким слоем дерна, в серой супеси мощностью 15-20 см, которую подстилает серая глина. Расчищено 5 каменных очагов, хозяйственная яма с раздавленным сосудом и несколько развалов керамики. Коллекция памятника насчитывает 1153 находки, из них 70 относится к изделиям из камня и сланца - топоры, тесла, обломок шлифовальной плиты, пест; остальные находки представлены керамикой, украшенной плотными рядами ямочных вдавлений, сходной с посудой поселений типа Черная речка [7]. Несколько сосудов имеют другую технологию изготовления и сопоставимы с позднельяловской посудой Волго-Окского междуречья [12].

Исследование подобного типа памятников позволяет проследить распространение керамики с ямочно-гребенчатым орнаментом на контактной территории между Прионежьем и Верхней Волгой, а в дальнейшем определить и истоки проникновения ее носителей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гуркина Н. Н. Древняя история северо-запада Европейской части СССР // МИА. 1961. N 87.
2. Титов Ю. В. О культуре Сперрингс // Археологические исследования в Карелии. Л., 1972.

3. *Панкрушев Г. А.* Мезолит и неолит Карелии. Ч. 2. Неолит. Л., 1978.
4. *Савватеев Ю. А.* Неолитические поселения в низовьях р. Выг // Археологические исследования в Карелии. Л., 1972.
5. *Песonen П. Э.* Поселения культуры Сперрингс // Поселения древней Карелии. Петрозаводск, 1988.
6. *Костылева Е. Л.* Хронология, периодизация и локальные варианты верхневолжской ранне-неолитической культуры. Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1987.
7. *Лобанова Н. В.* Поселения с ямочно-гребенчатой керамикой // Поселения древней Карелии. Петрозаводск, 1988.
8. *Витенкова И. Ф.* Поселения с развитой ямочно-гребенчатой и ромбо-ямочной керамикой // Поселения древней Карелии. Петрозаводск, 1988.
9. *Кочкуркина С. И.* Курганы северного побережья Онежского озера // Археологические исследования в Карелии. Л., 1972.
10. *Журавлев А. П.* Сырьевая база кремневых орудий бассейна Онежского озера // СА. 1982. N 1.
11. *Филатова В. Ф.* К вопросу о связи каменных орудий памятников с чистым комплексом керамики сперрингс и поздне-мезолитических // Археологические исследования в Карелии. Л., 1972.
12. *Раушенбах В. М.* Племена льяловской культуры // Окский бассейн в эпоху камня и бронзы. М., 1970.

Дирекция Объединения музеев
Ленинградской области, С.-Петербург

А. В. МИРЕЦКИЙ

НОВЫЙ ПАМЯТНИК ЭПОХИ ПЕРВОБЫТНОСТИ В БАССЕЙНЕ р. ШОШИ

На археологической карте Великого водораздела памятники эпохи первобытности распределены крайне неравномерно. Наибольшая их концентрация приходится на крупные озерные регионы, такие как Верхневолжско-Селигерский, Мстинско-Моложский, Верхнедвинский. Большое количество поселений и специализированных мастерских по обработке кремня приходится на наиболее богатый в сырьевом отношении участок р. Волги - Ржевско-Старицкое Поволжье.

Вместе с тем, значительная часть водораздела, представляющая собой верховья малых рек, изучена крайне слабо, памятники здесь исчисляются единицами.

При этом памятники, расположенные на водоразделах, весьма интересны для выяснения подвижек первобытного населения внутри рассматриваемого региона.

Поселение, о котором идет речь в данной статье, располагается на северо-западном берегу оз. Круглое в Лотошинском районе Московской области. Памятник открыт А. Кукановым¹. В 1992 г. автор статьи побывал на памятнике.

Поселение расположено на незначительной (1-1,5 м) высоте над уровнем воды, у подножия коренного берега, высота которого в данном месте достигает 12 м. Озеро имеет близкую к кругу форму, диаметр его около 1 км, с противоположной стороны вытекает р. Озерня (левый приток р. Ламы).

Крайне любопытно географическое и гидрологическое расположение озера. Оно находится практически в центре водораздела правых притоков р. Шоши - Ламы и Лоби. Исток р. Лоби находится всего в нескольких километрах от истока р. Держи - крупного правого притока р. Волги в пределах Ржевско-Старицкого Поволжья. В нижнем течении р. Держи автором зафиксированы мощные выходы известняков, содержащих пласты и конкреции высококачественного лилового кремня. Вместе с тем оз. Круглое находится в центральной части более крупного водораздела - рр. Шоши и Москвы. От территории максимального сближения бассейнов Волги, Днепра и Западной Двины, расположенной на севере Смоленской области, озеро отстоит всего на 120-130 км по прямой и имеет с этой территорией хорошее водное сообщение.

Собранная на поселении коллекция включает в себя изделия из камня и глины и насчитывает 535 предметов.

Керамика представлена мелкими фрагментами стенок лепных сосудов с примесью дресвы в тесте. Орнаментация типична для эпохи развитого неолита и напоминает льяловскую и валдайскую. Большинство фрагментов украшено коническими глубокими ямками. Встречены фрагменты с ямочно-гребенчатым орнаментом. Всего найдено 28 фрагментов керамики.

Каменный инвентарь, помимо изделий из кремня, составляющих основную часть коллекции, представлен двумя сланцевыми орудиями, отщепом из кварцита и двумя изделиями из опокы - отщепом и обломком тесла.

---

¹ Выражаю благодарность А. Куканову за предоставление права публикации материалов открытого им памятника, собранных на разрушенных в ходе разработок залежей сапропеля участках поселения.

Из сланца изготовлены шлифованное тесло прямоугольной формы, у которого сколами с двух сторон подработана одна из боковых граней (рис. 2, 10), и обушковая часть шлифованной мотыги с двусторонней сверлиной, смещенной к одному из краев от центральной оси орудия.

Кремневая часть коллекции наиболее представительна и интересна. Найдено 398 отщепов (среди них 45 с известняковой коркой), 44 пластины, 6 сколов оживления, 5 нуклевидных кусков, 4 нуклеуса и 47 орудий, их обломков и заготовок.

Пластины и изделия из них составляют около 11% найденных кремней. Среди пластин основную часть составляют неправильные. На пластинах изготовлено 25% орудий.

Среди найденных на стоянке нуклеусов один подконический, остальные подпризматические, площадки всех нуклеусов подправлены и слегка вогнуты. Нуклеусы служили для снятия пластин и отщепов. В целом нуклеусы имеют достаточно ранний облик (рис. 2, 9).

Самой массовой группой орудий в коллекции является охотничье вооружение. Оно представлено 11 наконечниками стрел, из которых 5 сломано и один не закончен изготовлением; 5 наконечниками дротиков (один сломан). Группа охотничьего вооружения составляет треть орудийного комплекса коллекции. Среди наконечников стрел три изготовлены на пластинах (рис. 1, 3, 9, 15), у одного из них плоской ретушью на брюшке оформлено перо, на сломанном черешке сделан резчик (рис. 1, 9). Обломок другого наконечника представлен черешковой частью с плоской ретушью на брюшке (рис. 1, 15). Единственный целый пластинчатый наконечник стрелы (рис. 1, 3) имеет выделенный черешок и обработан крутой и полукрутой ретушью по периметру. Наконечники такого типа встречаются на позднемезолитических и ранне-неолитических памятниках лесной зоны. Остальные наконечники стрел обработаны плоской ретушью по всей поверхности, среди них два имеют листовидную форму (рис. 1, 2), остальные - треугольно-черешковые (рис. 1, 4, 5). Наконечники дротиков обработаны сплошной плоской пальчатой ретушью по обоим фасам, все они имеют удлиненно-ромбическую форму (рис. 2, 3-6). Характерной деталью является выделение на ряде наконечников одного шипа, что делает их слабо асимметричными. С применением этого приема изготовлены 2 наконечника стрел (рис. 1, 4, 12) и 3 наконечника дротиков (рис. 2, 3, 5, 6). Описанные типы наконечников дротиков имеют широкие аналогии в памятниках неолита-энеолита Русской равнины.

Следующей по массовости группой орудий в коллекции являются рубящие, которые представлены 6 теслами, одним топором и двумя заготовками. Тесла из сланца и опоки описаны выше, все кремневые рубящие орудия изготовлены на кусках кремня, два из них обработаны сколами и ретушью (одно из этих орудий сломано в процессе обработки, другое - не закончено изготовлением). Оба целых тесла несут на себе следы частичной шлифовки, форма одного из них удлиненно-трапециевидная (рис. 2, 2), другого - прямоугольная (рис. 2, 8). Единственный в коллекции топор имеет миниатюрные размеры (4x3 см), трапециевидную форму, линзовидное сечение, тонкий обух и скошенное лезвие, обработан сколами по всей поверхности (рис. 1, 14). Все найденные рубящие орудия можно отнести ко времени не раньше эпохи развитого неолита.

Скребок в коллекции насчитывается 6 экземпляров, среди них 3 концевых на отщепах (рис. 1, 17). Один скребок обработан сплошной ретушью на спинке (рис. 1, 7). Изготовленный на пластине скребок служил, вероятно, ложкарем (рис. 1, 11). Также найден боковой скребок на отщепе.

Найдено три ножа, все на пластинах (рис. 1, 8, 13; 2, 1). Интересно одно из орудий, изготовленное на сильно изогнутой в профиле пластине с выделенным двусторонней ретушью черешком и двусторонней же приостряющей ретушью на лезвии (рис. 2, 1). Кроме того, в коллекции есть два орудия, служившие, вероятно, пилюками.

Резцов найдено два, оба на сломе пластин с короткими тонкими сколами (рис. 1, 10).

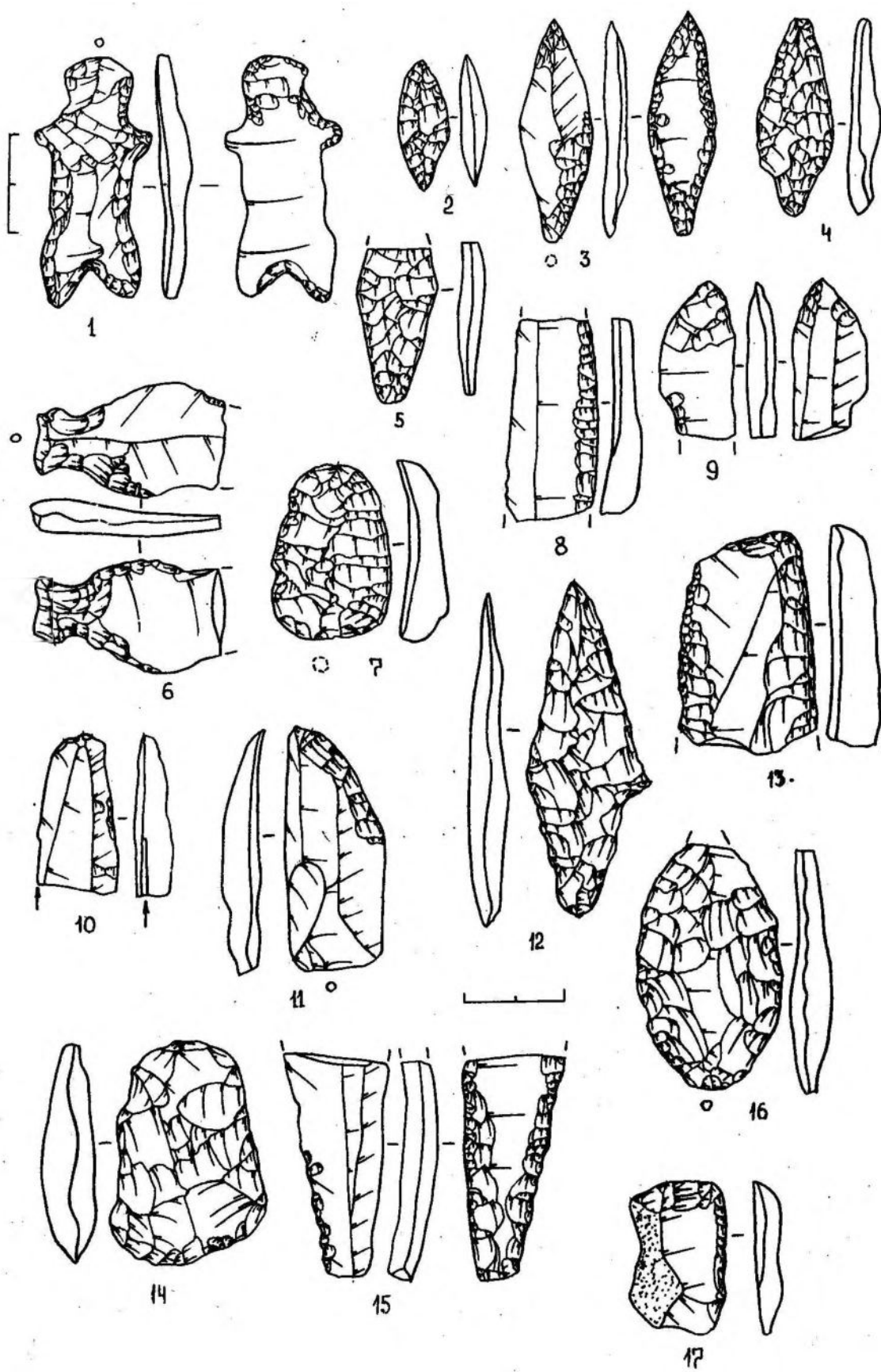

Рис. 1. Поселение на оз. Круглом. Изделия из кремня

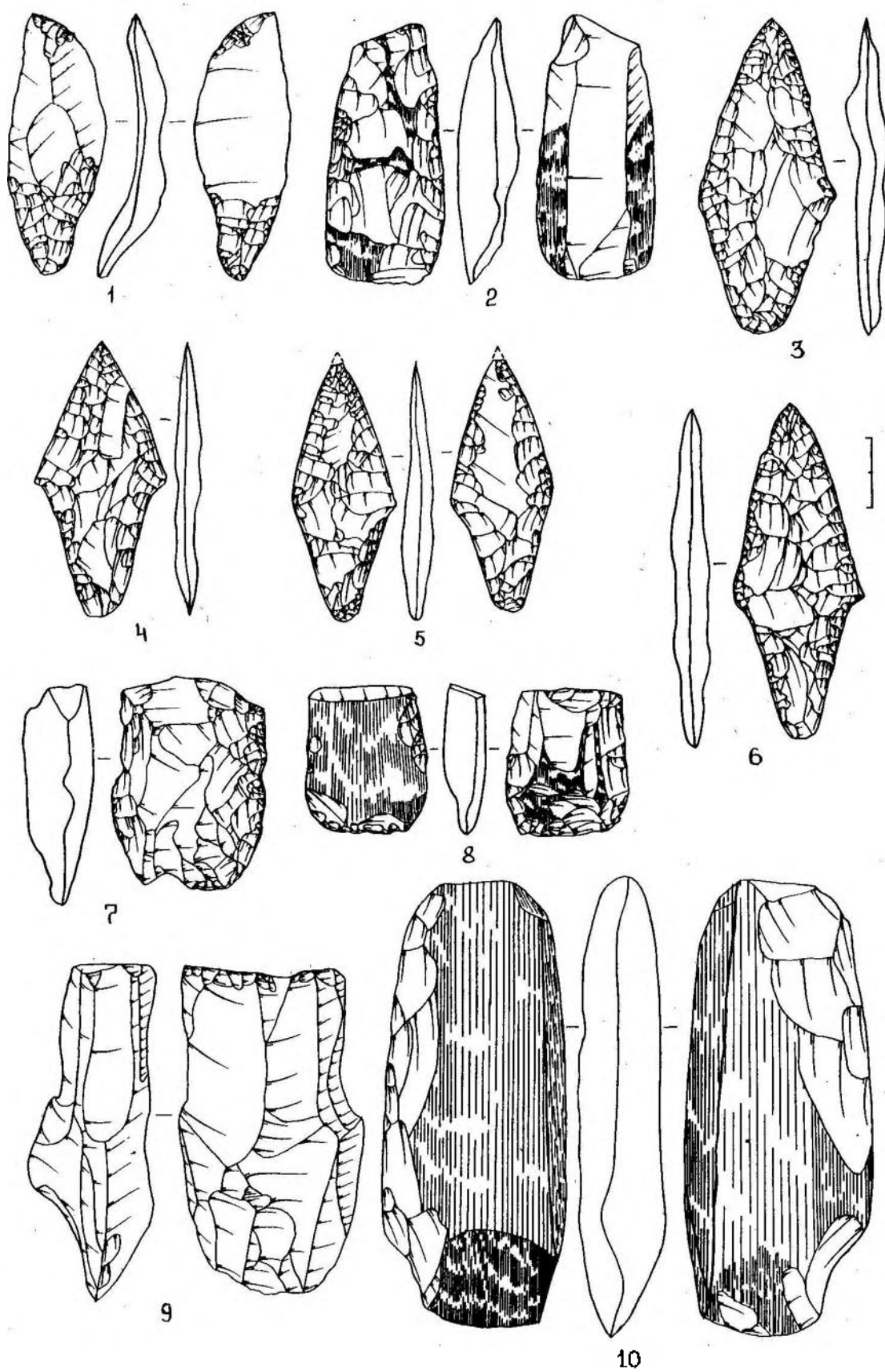

Рис. 2. Поселение на оз. Круглом. Изделия из кремня (1-9) и сланца (10)

Микролитическая группа орудий представлена вкладышем на сечении правильной ножевидной пластины и острием на пластине с остроскошенным концом.

Кроме того в коллекции есть 6 отщепов с ретушью и отщеп со следами шлифовки.

На памятнике найдено две кремневые фигурки. Одна из них представляет собой изображение рыбы, выполненное на пластине крутой и полукрутой ретушью на брюшке и, частично, на спинке. Изделие сломано, отсутствует "передняя" часть, однако, судя по ряду анатомических особенностей, таких как короткий мощный хвост, резкое расширение туловища при переходе от хвоста, высокая ("горбатая") спинка, можно считать это изделие изображением леща (рис. 1, 6). Данный фигурный кремнь имеет прямую аналогию в материалах стоянки Студенец [1, с. 39, рис. 52].

Второй фигурный кремнь относится к типу, традиционно называемому в литературе антропоморфным. Однако, на наш взгляд, большинство изделий такого типа являются изображениями медведей. Кроме того представляется интересной версия Д. А. Крайнова о мотиве человека-медведя (шамана) [1, с. 90]. Найденная на оз. Круглом скульптура изготовлена из высококачественного коричневого кремня, имеет размеры 47x23 мм, заготовкой послужил отщеп. Орудие обработано крутой и полукрутой ретушью на спинке и, частично, на брюшке (рис. 1, 1). При анализе произведений искусства эпохи первобытности необходимо исходить из детального знания древними мастерами природной среды и особенностей изображаемого объекта. Ряд анатомических деталей рассматриваемой скульптуры (соотношение длины и окружности нижних конечностей, соотношение длины туловища с длиной нижних конечностей, массивность туловища, отсутствие выделенной шеи, величина и форма головы) позволяет считать изделие изображением медведя, стоящего на задних лапах. Такая поза достаточно характерна для данного животного. Ближайшие аналогии этой скульптуре найдены в бассейне р. Мсты на стоянке Репище 6 [1, с. 120, рис. 164, 4, 6].

Анализ коллекции поселения на оз. Круглом позволяет говорить о долговременном характере существования памятника (видимо, с конца мезолита вплоть до эпохи бронзы).

Дальнейшее изучение периферийных территорий в бассейнах рек, а также водоразделов безусловно пополнит корпус археологических источников и, возможно, позволит прояснить вопросы расселения древнего населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Искусство каменного века. М., 1992.

Тверской научно-исследовательский
историко-археологический и
реставрационный центр

Е. В. ВОЛКОВА, А. П. ЛАНЦЕВ, И. Н. ЧЕРНЫХ

МОГИЛЬНИК ФАТЬЯНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ НОВИНКИ 1 НА р. ШОШЕ В ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ 1990-92 гг.)

Могильник Новинки 1 находится в 10 км по прямой к СВ от пос. Тургиново и в 1,8 км по прямой к СВ от д. Новинки на левом берегу р. Шоши в Калининском районе Тверской области. Он расположен на северном берегу древнего залива или притока р. Шоши, вероятно, на его бывшей 1 надпойменной террасе, ныне отрезанного от реки дамбой и превращенного в рыбоотстойник. Затопление этого участка произошло после строительства Иваньковского водохранилища (Московское море) в кон. 1930-х гг., но можно предполагать, что в древности вода подходила близко к могильнику. В настоящее время с С к площадке, занятой могильником, подступает подболоченный участок, который также мог быть действующим водоемом в период существования могильника (рис. 1, 1). О близости воды в древности косвенно свидетельствуют отдельные находки, связанные с жизнедеятельностью людей от, предположительно, эпохи мезолита до поздней бронзы, а также данные палинологического анализа образцов грунта из могил, раскопанных в 1990-91 гг., проведенного Г. М. Левковской (ИИМК РАН - статья в данном сборнике).

Территория памятника была занята средневековым поселением, просуществовавшим до нач. XX в., в сер. 1980-х гг. ее частично разрушили карьеры, сделанные при строительстве грунтовой дороги из д. Новинки на ферму, впоследствии рекультивированные, и кюветы дороги. Ныне дно карьеров подтапливается водой. Поверхность памятника местами слабо задернована, поросла отдельными соснами, на значительных участках задернована и выбита копытами скота и машинами. Она имеет склоны на Ю и на С к водоемам.

Высота площадки занятой могильником в настоящее время - 0,5-2,0 м над летним уровнем воды в рыбоотстойнике и 3,6 м над уровнем воды в р. Шоше (рис. 1, 1).

Могильник Новинки 1 открыт в 1990 г. экспедицией Тверского государственного объединенного музея (И. Н. Черных, А. П. Ланцев) при проверке данных С. Н. Фоченкова о находке осенью 1989 г. сверленного топора около д. Новинки у отдельно стоящего сарая - весовой¹. Тогда же из-за аварийного состояния памятника (разрушенные погребения выходили на задернованную поверхность и в придорожный кювет) были начаты его охранные раскопки, продолженные на вновь выявляемых участках в 1991-92 гг. [1-3].

Всего на трех участках могильника вскрыто раскопами 680 м² площади, главным образом, в пределах рекультивированных карьеров. При этом участок 1 расположен на расстоянии ок. 200 м от участка 2 и ок. 240 м от участка 3, а расстояние между последними - ок. 30 м (рис. 1, 1).

На всех участках выявлена сходная стратиграфия ненарушенных карьерами участков раскопов:

¹ Эта находка не была передана в музей и в настоящее время, по словам С. Н. Фоченкова, утеряна. Сохранился рисунок топора, сделанный в музее при его первом предъявлении (рис. 4).

- дерн - 3-10 см;
- подзол - серый песок - 3-20 см;
- коричневый (и серо-коричневый) песок (слой позднесредневекового поселения) - 5-30 см;
- желтый (и серо-желтый) песок - предматерик - 20-40 см;
- желтый плотный мелкий сильно ожелезненный песок - материк - с глубины от 30 до 60 см от современной дневной поверхности вне ям.

Ниже этого песка залегают красный и бурый ожелезненный и серый заилованный суглинок с пятнами крупнозернистого песка.

На вскрытой площади могильника раскопано ориентировочно 10 могил (не менее 13 погребений). Из них 3 могилы (не менее 3-х погребений) на участке 1 (на площади 464 м²), 3 могилы (4 погребения) - на участке 2 (на площади 24 м²) и 4-5 могил (6 погребений) на участке 3 (на площади 192 м²) (рис. 1, 3-4).

Могилы имеют различную степень сохранности. На уч. 1 в наибольшей степени пострадала мог. 1, разрушенная до дна (могильная яма практически не сохранилась, погребальная конструкция и сосуды раздавлены землеройной техникой). От мог. 2 сохранился низ с погребальной конструкцией, южная часть уничтожена. Мог. 3 нарушена поздними ямами и корнями дерева (рис. 2, 1-5).

На уч. 2 уничтожена кюветом дороги северная часть погр. 1 мог. 1, остальные могилы и южная часть мог. 1 (погр. 2) нарушены поздними ямами, сараем - весовой, корнями деревьев (рис. 3, 1-2).

На уч. 3 практически полностью уничтожена мог. 3 (погр. 4), от которой сохранилась лишь нижняя часть северной стенки и часть раздавленного погребального инвентаря. У мог. 1 (погр. 2) частично уничтожен верх и срезана южная часть могильной ямы. Только нижняя часть, срезанная с юга, сохранилась от мог. 2 (погр. 3), причем, раздавленная керамика из погребения обнаружена вокруг могилы. Мог. 4 (или могилы 4-5 погребений 5-6) нарушена более поздними ямами и корнями деревьев. Последняя исследована частично (уходит в стенку раскопа) (рис. 3, 3-6).

Судя по расположению раскопанных могил, могильник (или несколько могильников) был вытянут по линии 3-В вдоль бывшей береговой линии и состоял из нескольких рядов могил (уч. 2-3) с различной ориентировкой по сторонам света.

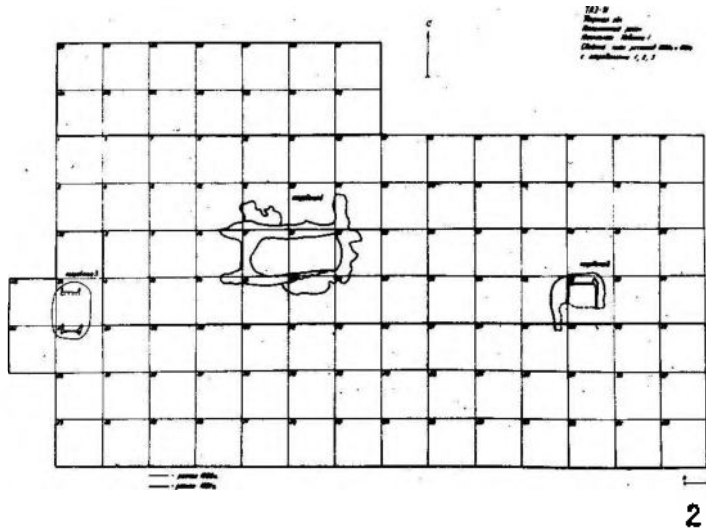
Могилы трех участков некрополя (или нескольких могильников) различаются плотностью расположения. Наибольшее расстояние между могилами на участке 1 - 6-8 м. Расположение могил участков 2-3 намного плотнее - 0,5-3,5 м. Кроме того, на этих двух участках раскопаны погребения с частично перекрывающимися друг друга могильными ямами (уч. 2 - мог. 1 и 2; уч. 3 - мог. 1, погр. 1-2) и с общей могильной ямой для нескольких погребений, имеющих свои "внутренние" могильные ямы в пределах общей и общую стенку (уч. 2 - мог. 1, погр. 1-2; уч. 3 - мог. 4, погр. 5-6 и, возможно, мог. 1, погр. 1-2) (рис. 1, 2-4).

Можно предположить, что и могила 1 участка 1, отличающаяся своими размерами и количественно-качественным составом погребального инвентаря, могла быть коллективной.

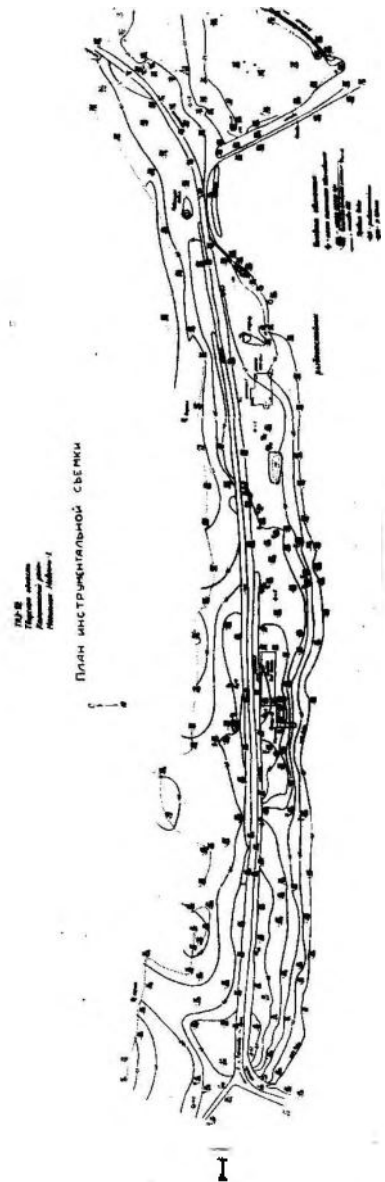
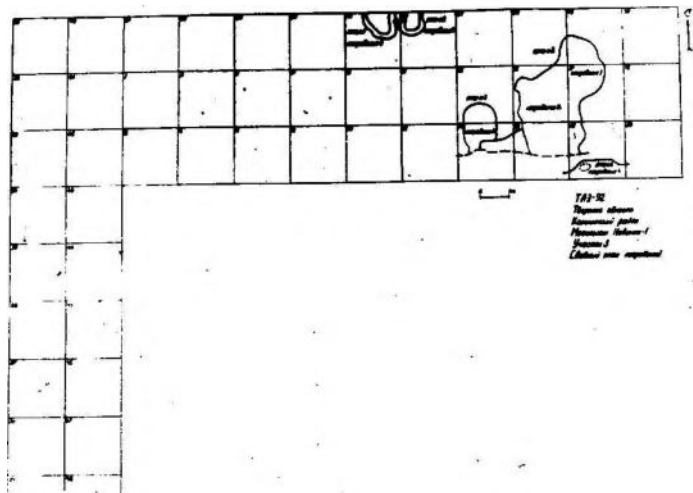
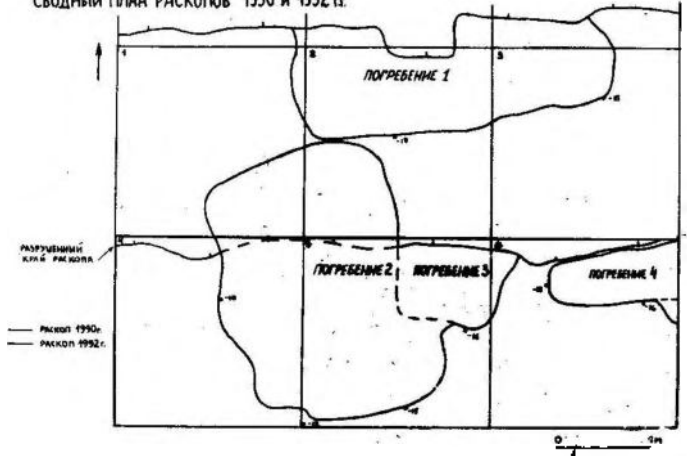
Все исследованные могильные ямы, сохранившиеся на большую глубину, имеют вытянутую овальную в плане форму с отвесными (уч. 1, мог. 3), отвесно-покатыми (уч. 2, мог. 1, погр. 2; уч. 3, мог. 1, погр. 1; мог. 4 (5), погр. 5-6) или одной отвесно-покатой, другой - ступенчатой (уч. 3, мог. 1, погр. 2) стенками и неровным дном, иногда засыпавшимся чистым песком для выравнивания.

По размерам ям (длина, ширина, глубина) можно предварительно выделить 2 группы: 1 - большие и глубокие (размером от 200x120 см и больше при глубине 60-100 см) и 2 - маленькие мелкие (размером в среднем 115x60 см при глубине 30-40 см).

К первой размерной группе относятся все могилы уч. 1 (видимо, и мог. 1, имеющая размеры ок. 400x600 см, глубина - не известна, предположительно, ок. 1 м), мог. 1 (погр. 1-2) уч. 2 и могилы 1 (погр. 2), 2 (погр. 3), 4 (погр. 5-6) уч. 3. Ко второй

ТАЗ-92
 ТВЕРСКАЯ ОБЛ., КАЛИНИНСКИЙ Р-ОН,
 МОГИЛЬНИК НОВИНИКИ 1, УЧАСТОК 2,
 СВОДНЫЙ ПЛАН РАСКОПОВ 1990 и 1992 гг.

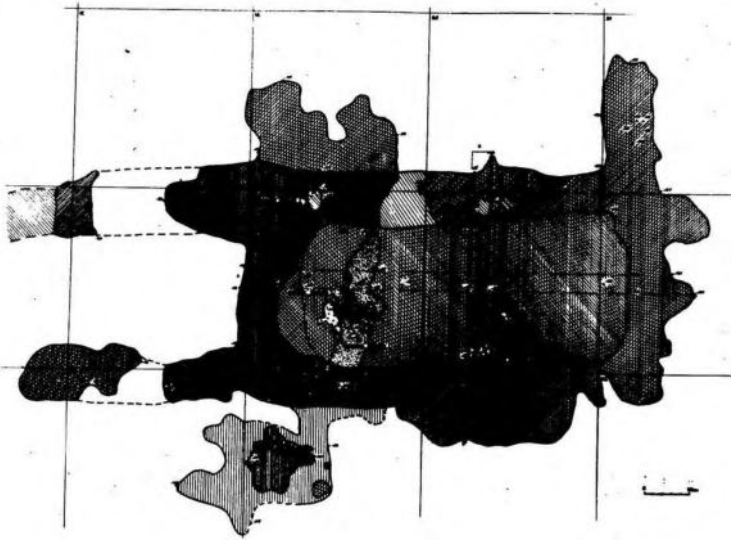

4

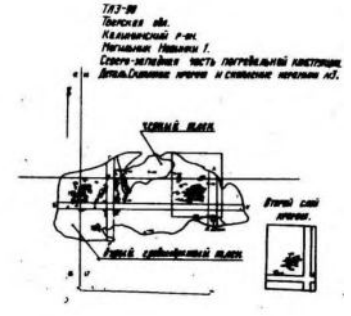
Рис. I

размерной группе относятся могилы 2 и 3 (погр. 3 и 4) уч. 2 и яма погр. 1 (в составе общей могильной ямы 1) уч. 3. Прослеживается некоторая корреляция между размерами и ориентировкой могильных ям. По их ориентировке также выделяются

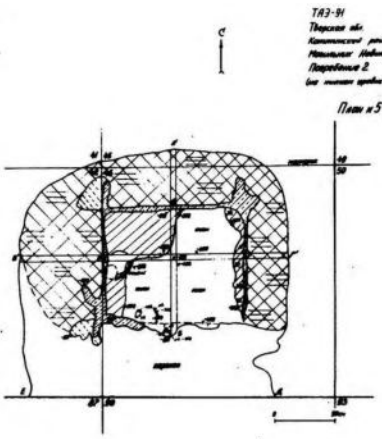

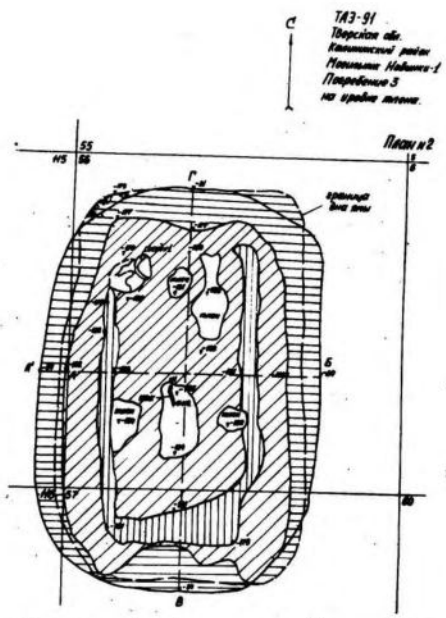
1

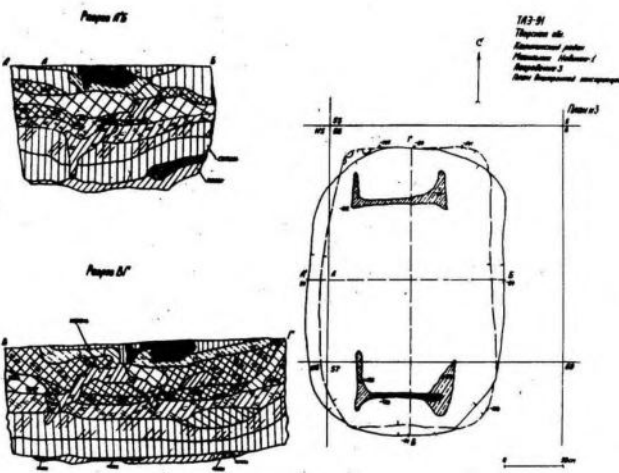
2

3

4

5

Рис. 2.

две основные группы. Первая - могильные ямы, вытянутые по линии С-Ю (мог. 2, 3 уч. 1, мог. 1 (погр. 2) уч. 2, мог. 1 (погр. 2), 2 (погр. 3), уч. 3. Вторая - могильные ямы, ориентированные длинной осью по линии 3-В (мог. 1 уч. 1; мог. 1 (погр. 2), 2-3 (погр. 3-4) уч. 2; возможно, мог. 3 (погр. 4) уч. 3). Несколько особняком, вероятно, стоят

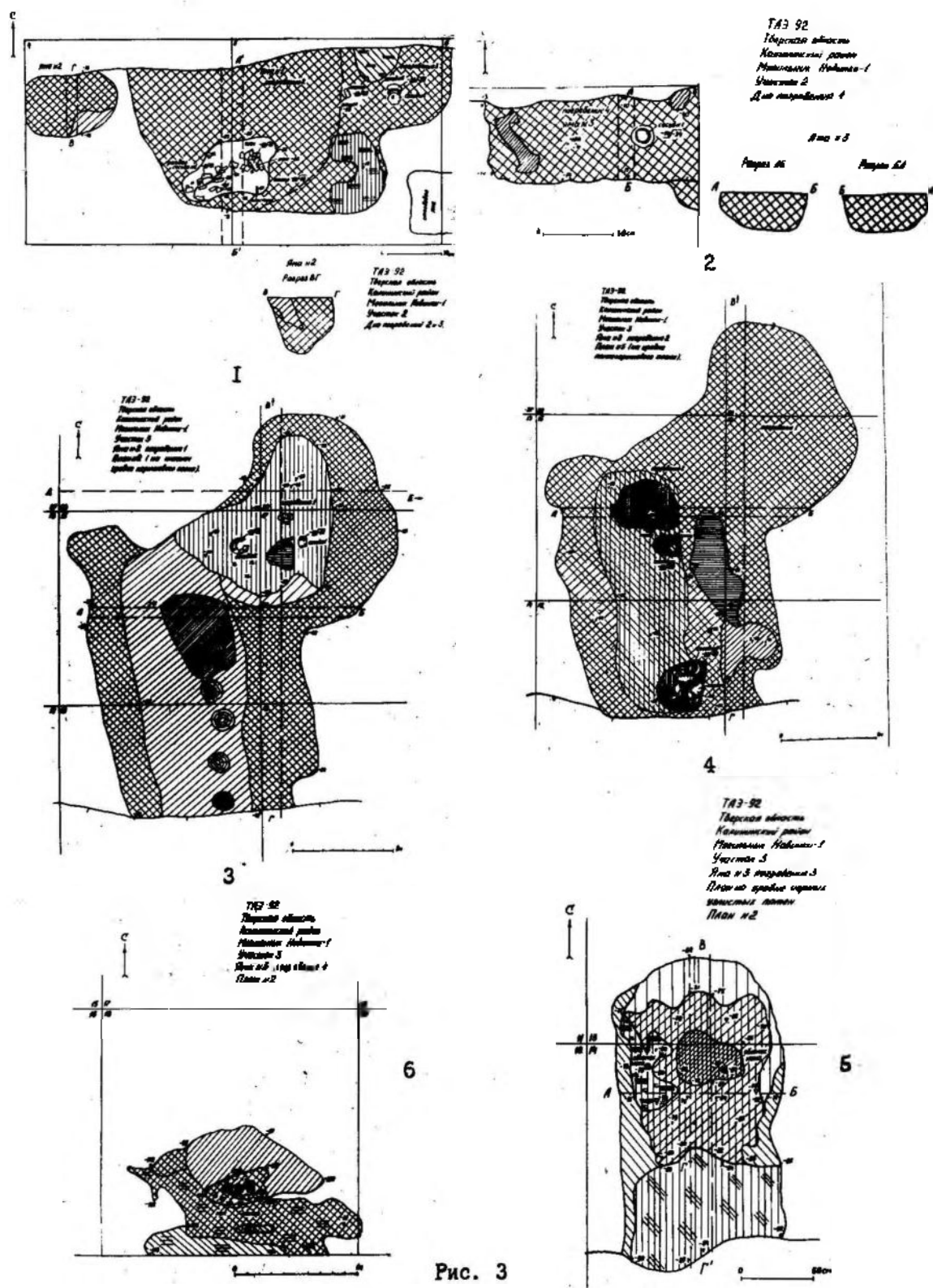

Рис. 3

могильные ямы погр. 1 мог. 1 (СВ-ЮЗ, табл. 1, рис. 3, 3-4) и погр. 5-6 мог. 4 (ССЗ-ЮЮВ) уч. 3. Все большие могильные ямы, кроме мог. 1 уч. 1, погр. 1 мог. 1 уч. 2 и погр. 5-6 уч. 3 (коллективные - ?) ориентированы по линии С-Ю. Все маленькие могилы ориентированы по линии З-В. Таким образом, можно предварительно зафиксировать две основные традиции в представлениях о размере и ориентировке могильной ямы. Первая традиция - большие глубокие могилы, ориентированные по линии С-Ю, и вторая традиция - маленькие мелкие могилы, ориентированные по линии З-В.

В некоторых могильных ямах были обнаружены остатки погребальных конструкций разной сохранности. С уверенностью можно утверждать, что они были во всех раскопанных могилах уч. 1, и, возможно, в мог. 1 (погр. 1-2) уч. 2 (рис. 2).

Лучше всего сохранилась конструкция в погр. 2 уч. 1 (рис. 2, 3). Ее стенки толщиной 1-2 см в раскопанной части могилы достигли в высоту 17 см. Конструкция представляла собой подпрямоугольную рамку, возможно, из прутьев, камыша и т. п., с выступающими по углам отрезками. Специального дна конструкция не имела, она ставилась на дно погребения, имеющее подстилку из какого-то органического материала, возможно, из осоки, судя по результатам споро-пыльцевого анализа. На дне могильной ямы фиксируется специально насыпанный, возможно, для его выравнивания, слой чистого серого песка. Сверху конструкция имела перекрытие, вероятно, доходившее до стенок ямы, на котором располагалась часть погребального инвентаря. Перекрытая таким образом яма засыпалась землей.

Похожая конструкция прослеживается в мог. 3 уч. 1 (рис. 2, 4-5). Но, в отличие от мог. 2, здесь по углам могильной ямы на уровне перекрытия зафиксированы вертикальные ямки, возможно, оставшиеся от столбиков, поддерживавших его.

В очень плохо сохранившейся мог. 1 уч. 1 погребальная конструкция, вероятно, была тоже подпрямоугольной с отрезками по углам, но отличалась большими размерами и материалом (?), из которого была изготовлена (рис. 2, 1).

Темно-коричневый или бурый тлен толщ. 2-3 см фиксируется на дне шести могил: всех могил уч. 1, мог. 1 (погр. 1-2) уч. 2 и мог. 1 (погр. 2) уч. 3. В погр. 1-2 (мог. 1) уч. 2 остатки тлена поднимались и на сохранившиеся стенки ямы, которые, вероятно, были выстланы или обложены каким-то органическим материалом.

Три могилы с конструкциями ориентированы по линии С-Ю, две - по линии З-В. Все они относятся к могильным ямам I размерной группы, т. е. большим и глубоким. В то же время погребения II размерной группы (маленькие, мелкие) не только не имеют следов конструкций, но и отличаются отсутствием тлена на дне погребений.

Погребальные конструкции могильника Новинки 1 относятся ко II разновидности, выделенной Д. А. Крайновым и зафиксированной им в могильниках Воронковском, Никульцинском, Голузиновском, Наумовском и Волосово-Даниловском Ярославского Поволжья. Это позволяет отнести материалы Новинки 1 ко II, с меньшей вероятностью к III, этапам фатьяновской культуры (ФК) по периодизации Д. А. Крайнова, т. е. вероятнее всего, к XVIII-XVII вв. до н. э.

В связи с тем, что ни в одной раскопанной могиле могильника Новинки 1, видимо, из-за его почвенных особенностей, не сохранились костяки, трудно определить характер, размеры и ориентировку погребений, пол и возраст погребенных. Эта работа требует специального анализа погребального инвентаря могильника в сопоставлении его с инвентарем могильников с сохранившимися останками погребенных и для данной статьи не проводилась.

По качественно-количественному составу погребального инвентаря в раскопанной части могильника Новинки 1 выделяются мог. 1 уч. 1 и мог. 1 (погр. 2) уч. 3. Здесь найдено большое количество сосудов и кремневых изделий, особенно в мог. 1 уч. 1, резко отличающейся от остальных могил некрополя не только своими размерами, но и "богатством" погребального инвентаря (против предположения о "коллективном" характере этой могилы как будто бы свидетельствует единая для могилы погребальная конструкция). Обе эти могилы относятся к I размерной группе, но имеют различную ориентировку. Остальные могилы по набору погребального инвентаря примерно одинаковы. Обычно в них встречается 1-2 сосуда, топор-молот или топор-клин, кремневый нож или пластина кремня. Среди могил по качественному составу сопровождающих предметов выделяются мог. 2 и 3 уч. 1, в которых найдены янтарные украшения, и разрушенная наполовину могила погр. 1 (могильная яма 1) уч. 2 с серией кремневых наконечников стрел (табл. 2).

В целом погребальный инвентарь могильника Новинки 1 состоит из керамических сосудов и фрагментов сосудов, каменных изделий: сверленных топоров-мо-

лотов, обломков отбойников или наковален, плиток для растирания краски и шлифовальной (?), куранта; кремневых изделий: топоров-клиньев, наконечников стрел, ножей, в т. ч. остроконечников, скребков, перфораторов, пластин, в т. ч. ножевидных и с ретушью, отщепов, в т. ч. пластинчатых и с ретушью, чешуек; янтарных привесок и куска краски. По могилам находки распределяются следующим образом (табл. 2).

Участок 1.

Могила 1 (несколько погребений - ?) (рис. 2, 1-2; 5-8):

- на тлене и в пределах конструкции - развалы и скопления фрагментов минимум 6 сосудов в СЗ, В (2 скопления) и Ю частях могилы, раздавленных землеройной техникой;

- скопление кремня из 28 предметов в СЗ части конструкции на тлене: 6 ножей, ножа-концевого скребка, перфоратора, отщепа с ретушью, 5 пластин, 2 пластинчатых отщепов и 12 отщепов, в т. ч. первичных (рис. 7);

- нож-остроконечник в СЗ части могилы, к Ю от скопления кремня (рис. 6, 2);

- топор-клин к СВ от скопления кремня на краю конструкции (рис. 6, 4);

- нож на пластине, курант, обломок шлифовальной (?) кварцевой плитки, обломки гранитной плитки для растирания краски и кусок краски в ЮЗ части могилы в охристом пятне рядом с развалами сосудов (рис. 6, 1; 8);

- нож на правильной пластине в ЮВ части могилы к ССВ от Ю скопления керамики (рис. 6, 3).

Вероятно, с этой разрушенной могилой были связаны найденные на поверхности участка обух массивного кремневого топовидного орудия, каменный сверленный топор-молот и ребристая пластина кремня (рис. 5). Не исключено, что и первый топор-молот был подобран С. Н. Фоченковым на участке 1 могильника и также происходит из мог. 1². Кроме того, в заполнении могильной ямы и примыкающих к ней ям были найдены отщепы и пластины кремня.

Могила 2 (1 погребение) - в пределах погребальной конструкции (рис. 2, 3; 9) в ее ЮЗ секторе на тлене:

- 1 керамический сосуд на боку, находившийся первоначально на крышке погребальной конструкции и заполненный какой-то жидкостью;

- 1 кремневый топор в серо-голубом песке, связанном с разложившейся органикой;

- 2 янтарные привески;

- 1 кремневый нож в 50 см к ЮВ от сосуда.

Кроме того, к ЮВ от сосуда зафиксированы остатки "сосуда" (кольцо) и к ВЮВ - "рамки", возможно, повторяющей погребальную конструкцию (модель - ?) из какого-то органического материала. Керамический сосуд и "рамка", по всей видимости, первоначально располагались на крышке погребальной конструкции, а затем провалились в нее.

Могила 3 (1 погребение) (рис. 2, 4-5; 10):

- керамический сосуд, возможно, провалившийся с крышки конструкции в С части могилы;

- 1 топор-молот, вероятно, также лежавший на крышке конструкции в Ю части могилы (найден в корневой яме);

- 1 кремневый нож и

- 2 янтарные привески у концов ножа в центральной части могилы внутри погребальной конструкции на ее дне на тлене;

- 3 кремневых отщепа в верхней части заполнения могильной ямы.

Участок 2.

---

² Сам С. Н. Фоченков не помнит точное место находки топора и связывает его с сараем-весовой, как главным ориентиром на данной местности, т. е. топор может происходить и из разрушенного хвостом дороги погр. 1 мог. 1 уч. 2.

Могила 1 (два погребения в своих могильных ямах)

Погребение 1 (сохранилась южная половина).

5 кремневых наконечников стрел и кремневый нож на пластине, причем находки располагались на тлене двумя группами: 4 наконечника стрел остриями, видимо, на В (нарушены при прогоне скота) и 1 наконечник стрелы и нож в восточной части могилы в 60 см к 3 от первых.

Погребение 2 (рис. 3, 1; 11, 7-8):

- остатки 1 керамического сосуда, сползшие по стенке с юго-западного угла ко дну в южной части могильной ямы, располагавшегося, видимо на крышке конструкции;

- 1 кремневый топор-клин и

- 1 кремневый нож на дне ямы на тлене под обломками сосуда;

- 1 кремневая пластина в 15 см к Ю от топора и ножа на тлене.

Могила 2 (погребение 3). Могила частично перекрывала могилу 1 (погребение 2) (рис. 3, 1; 12, 1-2):

- 2 керамических сосуда, один из которых миска, прикрывавшая горло шаровидного сосуда, на дне могилы в В части;

- 1 кремневый топор-клин в центральной части могилы (лежал вертикально);

- 1 кремневый пластинчатый отщеп с нерегулярной ретушью с брюшка со сколами типа резцовых в 15 см к ЮЗ от топора.

Могила 3 (погребение 4) (рис. 3, 2; 12, 3):

- 1 керамический сосуд в восточной части на дне могилы;

- 1 кремневый нож в западной части на дне.

Участок 3.

Могила 1 (два погребения в своих могильных ямах или, скорее, одна могила погребения 2, перекрытая другой - погребения 1).

Погребение 1 (рис. 3, 3; 13, 1):

- 2 фрагментированных керамических сосуда в ЮВ (на боку) и ЮЗ частях могильной ямы на верхнем и нижнем уровнях коричневого углисто-золистого песка на дне (?) могилы в 50 см друг от друга;

- 1 обломок кремневого ножа - скребка на пластине рядом с ЮЗ сосудом.

Погребение 2 (возможно, 2 погребения) (рис. 3, 4; 13, 2-3; 14). Разрушено в верхней части поздней постройкой:

- остатки 3 керамических сосудов: 1 - расплющенный в сером песке поздней ямы в Ю части могилы (возможно и не относится к этому погребению), целый сосуд и развал еще одного в пятне тлена в Ю части погребения;

- кремневый топор-клин, лежавший на ребре в пятне тлена в С части погребения;

- пластина кремня (функционально, вероятно, нож), на наковальне или отбойнике из небольшого кварцитового валуна в пятне тлена в 25 см к ЮВ от топора-клина;

- сверленный топор и кремневый нож рядом с сосудами в пятне тлена в Ю части погребения.

Возможно с разрушенной частью мог. 1 связаны найденные в кв. 16 вокруг и в заполнении могильной ямы изделия из кремня: скребок, нож, отщеп, 2 обломка ножевидных пластин и чешуйка, а также фрагменты еще минимум 8 сосудов.

Могила 2 (погребение 3) (рис. 3, 5; 15, 1-3):

- остатки 2 керамических сосудов в 3-х фрагментах, лежавших на разной глубине и значительном удалении друг от друга;

- кремневый наконечник стрелы в кротовине, нарушившей дно погребения в С его части у В стенки;

- нож-остроконечник из кремня, преднамеренно сломанный на две части, лежащие в С части погребения на расстоянии 50 см друг от друга с разницей в 5 см по глубине;

- чешуйка кремня и кварцитовый скол в перекопе у южного, нарушенного карьером края ямы.

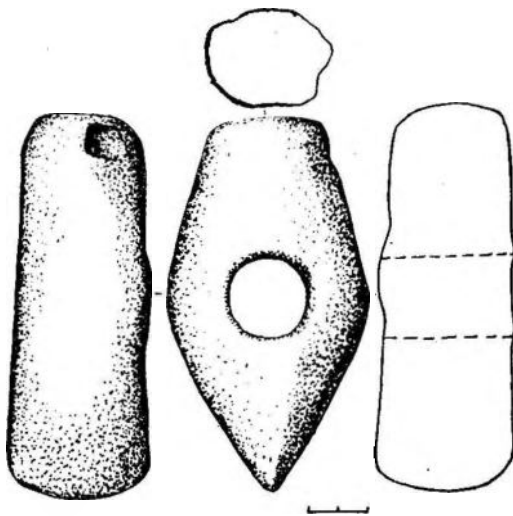

Рис. 4. Могильник Новинки 1. Топор-молот.
Подъемный материал. 1989 г.

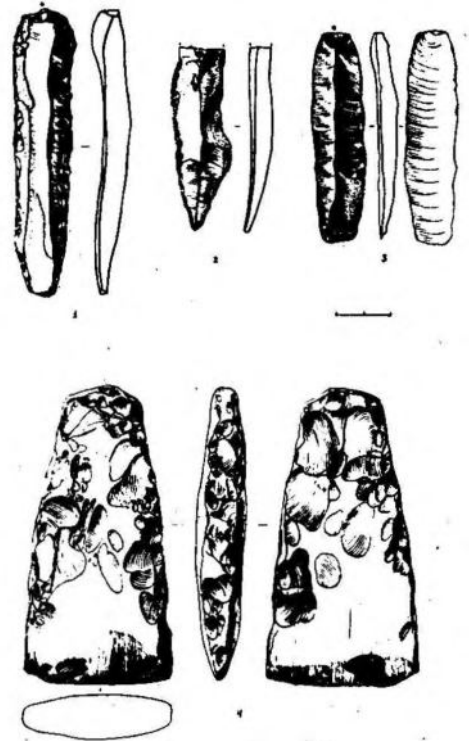

Рис. 6. Могильник Новинки 1. Участок 1.
Могила 1. Кремневые орудия:
1, 3 - ножи; 2 - нож-остроконечник; 4 -
топор-клин

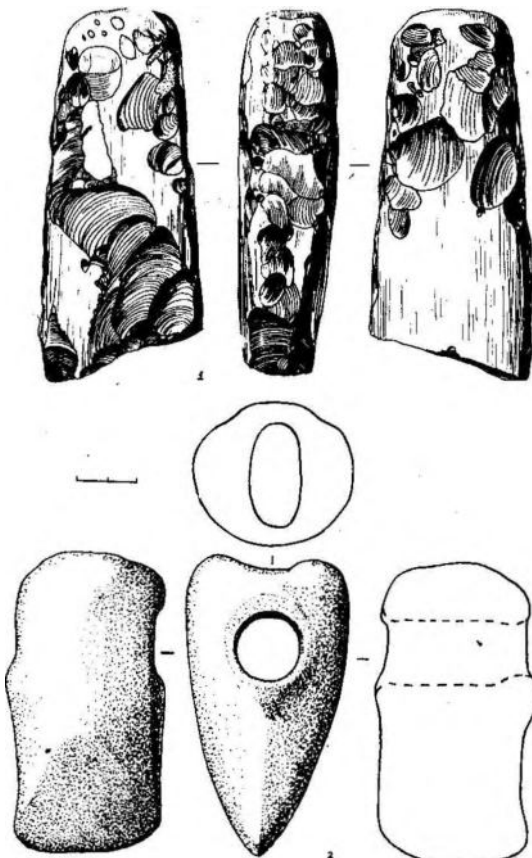

Рис. 5. Могильник Новинки 1. Участок 1.
Могила 1, подъемный материал. 1990 г.:
1 - обух топора-клина, кремнь; 2 - топор-молот, камень

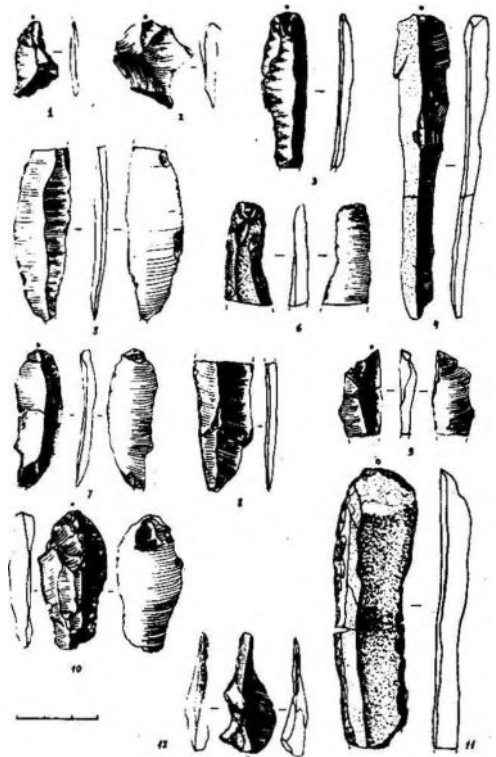

Рис. 7. Могильник Новинки 1. Участок 1.
Могила 1, скопление кремня:
1-2 - отщепы; 3-4 - пластины; 5-10 - ножи,
11 - нож-скребок; 12 - сверло

Рис. 8. Могильник Новинки 1. Участок 1.

Могила 1:

1 - курант, камень; 2 - плита для растирания краски (фрагмент), гранит

Сосудам из разрушенной мог. 2 принадлежат фрагменты, найденные рядом с остатками могилы в кв. 14.

Могила 3 (погребение 4) (рис. 3, 6; 15, 4-5).

В практически полностью разрушенной мог. 3 найдены:

- остатки 2-х раздавленных керамических сосудов;
- кремневый топор-клин и
- кремневый нож (обломок остроконечника - ?), лежавшие рядом под скоплением керамики от сосуда 1.

Могила 4 (или могилы 4-5, погребения 5-6)³.

Погребение 5 (рис. 16, 1-2):

- керамический сосуд на боку в С части на дне могилы;
- нож к ЮВ от сосуда;
- каменный сверленный топор-молот в Ю части могилы.

Погребение 6 (рис. 16, 3):

- керамический сосуд в С части могилы;
- острие на пластине кремня в Ю части могилы.

Возможно к нему относится и обломок ножевидной пластины с нерегулярной микроретущью и сколами типа резцовых, происходящий из верхней части заполнения могильной ямы.

Каменные сверленные топоры в исследованиях 1990-1992 гг. могильника Новинки 1 представлены 5 экз. (табл. 2). 3 топора найдены в погребениях (уч. 1, 3), 2 - в переотложенном состоянии.

Топор из мог. 3 уч. 1 относится к типу обушковых грибовидных (в данной статье используется типология Д. А. Крайнова). Сверление двустороннее, сверлина расположена ближе к лезвию, асимметрична относительно длинной оси топора. Размеры орудия - 14,6х6,8 см, диаметр отверстия - 2,6 см (рис. 10,4)⁴. Топоры этого типа довольно редки. Они встречены на территории Тверской, Московской, Ярославской и Ивановской областей; в могильниках - Абушковском и Ошурковском [4, с. 45].

Топор из мог. 1 (погр. 2) уч. 3 можно отнести к среднеобушковым. Сверлина цилиндрическая, расположена ближе к обуху. Размеры топора - 11,3х5,5 см, диаметр отверстия - 2,2 см. Поверхность полностью зашлифована (рис. 14, 2). Среднеобушковые топоры наиболее распространены в фатьяновской культуре. Центром

³ Привлечены данные раскопок 1993 г.

⁴ Авторы статьи глубоко признательны В. А. Смирнову, выполнившему рисунки находок.

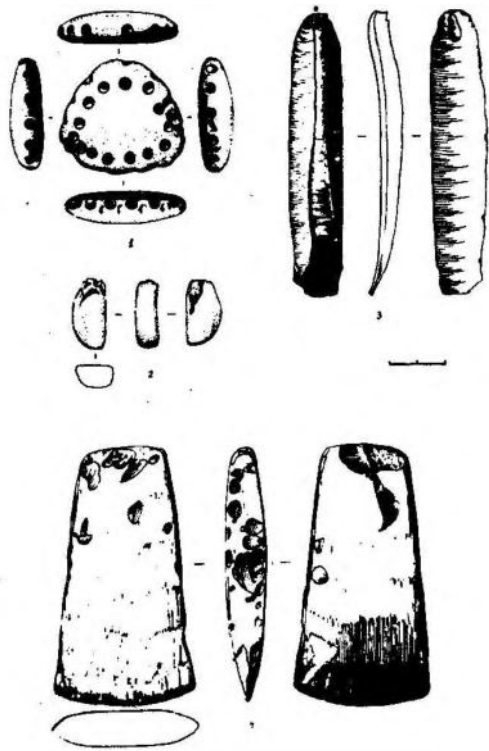

Рис. 9. Могильник Новинки 1. Участок 1.
Могилы 2:
1-2 - привески, янтарь; 3 - нож, кремь;
4 - топор-клин, кремь

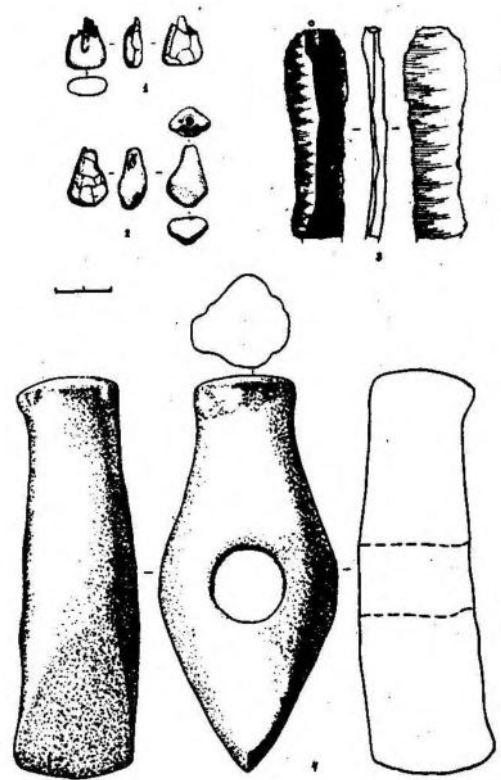

Рис. 10. Могильник Новинки 1. Участок 2.
Могилы 3:
1-2 - привески, янтарь; 3 - нож, кремь;
4 - топор-молот, камень

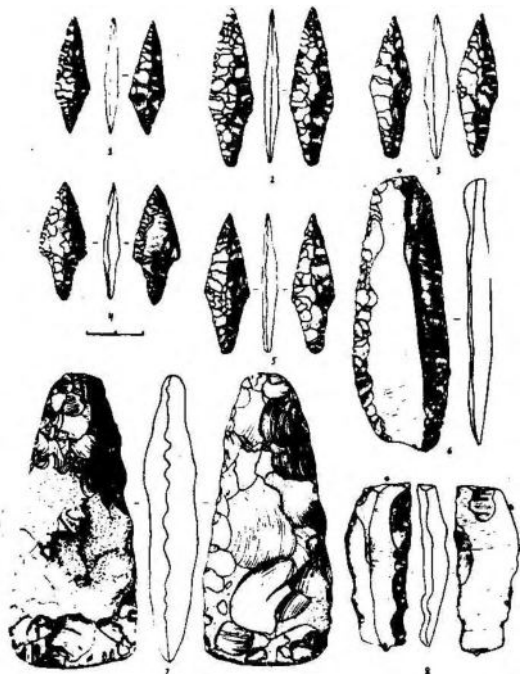

Рис. 11. Могильник Новинки 1. Участок 2.
Могилы 1, погребения 1 (1-6) и 2 (7-8). Изделия из кремня:
1-6 - наконечники стрел; 6, 8 - ножи, 7 - топор-клин

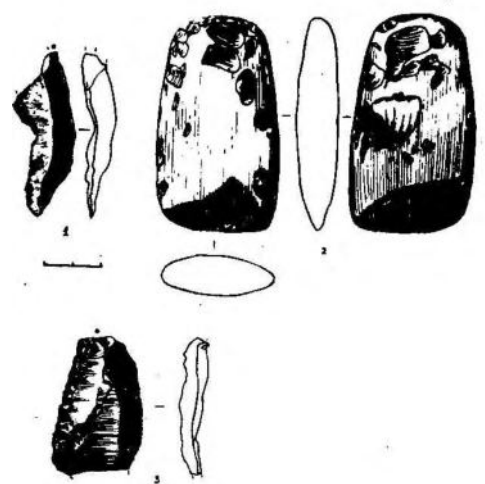

Рис. 12. Могильник Новинки 1. Участок 2.
Могилы 2 (погребение 3) (1-2) и могилы 3 (погребение 4) (4). Изделия из кремня:
1 - отщеп пластинчатый с ретушкой; 2 - топор-клин; 3 - нож-скребок (?)

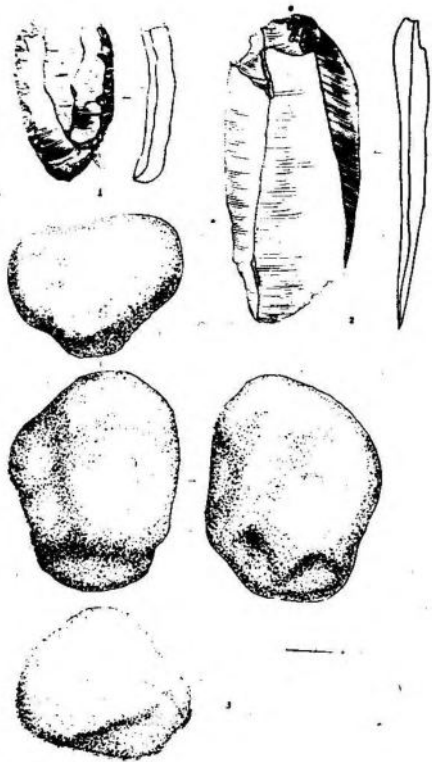

Рис. 13. Могильник Новинки 1. Участок 3.
Могилы 1, погребение 1 (1) и 2 (2-3):
1 - нож-скребок, кремь; 2 - пластина,
кремь; 3 - отбойник-наковальня (?).
кварцит

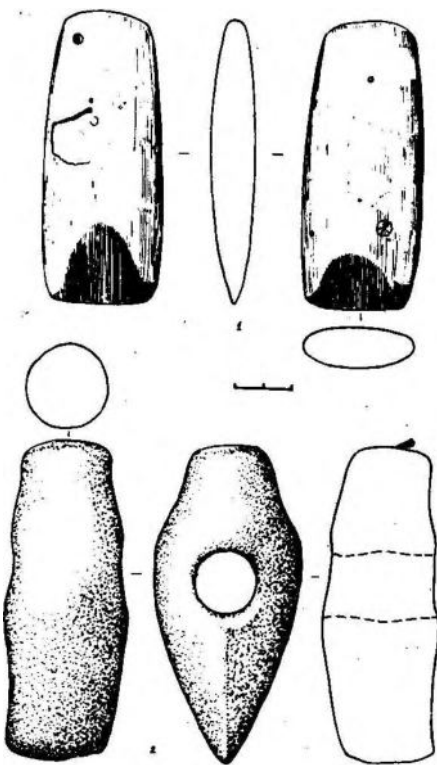

Рис. 14. Могильник Новинки 1. Участок 3.
Могилы 1, погребение 2:
1 - топор-клин, кремь; 2 - топор-молот,
камень

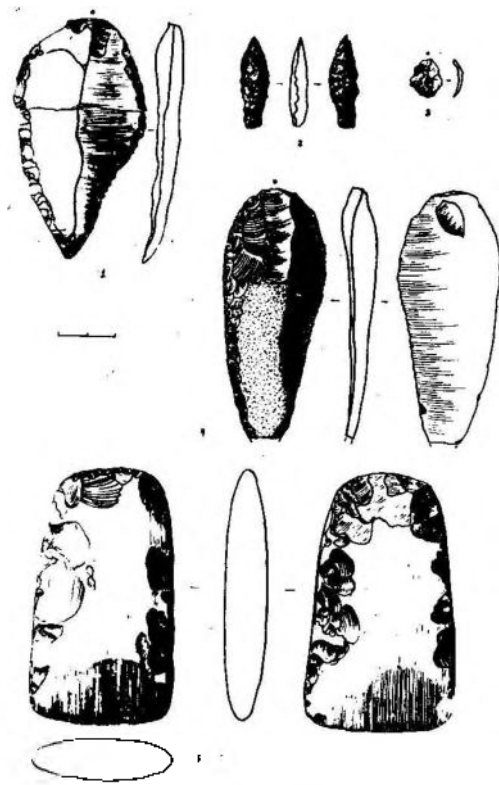

Рис. 15. Могильник Новинки 1. Участок 3.
Могилы 2 (погребение 3) (1-3) и могилы 3
(погребение 4) (4-5). Изделия из крем-
ня:
1 - нож-остроконец; 2 - наконечник
стрелы; 3 - чешуйка; 4 - нож-остроконец
(?); 5 - топор-клин

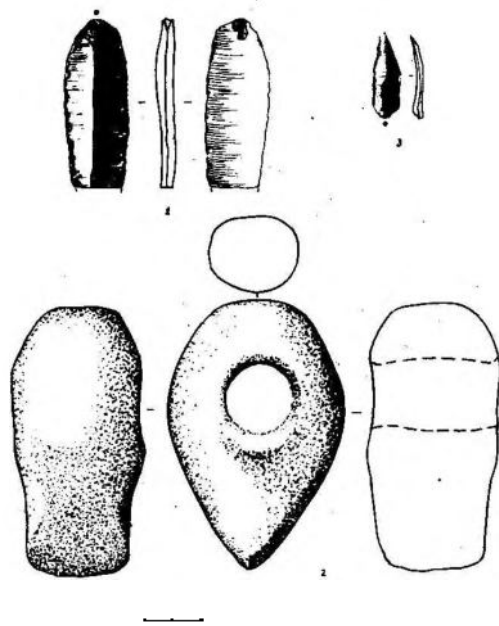

Рис. 16. Могильник Новинки 1. Участок 3.
Могилы 4 (4-5); погребение 5 (1-2) и 6 (3):
1 - нож, кремь; 2 - топор-молот, ка-
мень; 3 - острие, кремь

Таблица 1

Некоторая характеристика погребений могильника Новинки 1
(раскопки 1990-92 г.г.)

№№ п/п.	Местонахождение	Ориентировка могильной ямы	Размеры могильной ямы (max.) в см			Кол-во погребений	Погребальная конструкция	Ориентировка погребальной конструкции	Размеры погребальной конструкции (в см)			Глен	Подсыпка песка на дно могилы	Ступенчатая стенка могилы
			длина	ширина	глубина				длина	ширина	глубина			
Участок 1														
1	Могила 1	З-В	≈800	≈400	?	?	+	З-В	?	?	?	+	+ (?)	?
2	Могила 2	С-Ю	>215	220-230	>22	1	+	С-Ю	95-100	120	>17	+	+	-
3	Могила 3	С-Ю	235-243	150-170	90-108	1	двойная	С-Ю	180-220 170	97-120 80	≈50 >3	+	+	-
Участок 2														
4	Могила 1					2								
	погребение 1	З-В	340-344	>66	80	1	+ (?)					+	-	?
	погребение 2	ССЗ-ЮЮВ	310	200	70	1	+ (?)					+	-	-
5	Могила 2 (погребение 3)	З-В	>144 (160) (?)	80-86	33	1	-					-	-	-
6	Могила 3 (погребение 4)	З-В	>150	46-60	35	1	-					-	-	-
Участок 3														
7	Могила 1					2 (?)								
	погребение 1	ССВ-ЮЮЗ	190/155	180/110	30/60	1-?	-					-	+	-
	погребение 2	С-Ю	230/255	90/150	>60	1-?	?					+	-	+
8	Могила 2 (погребение 3)	С-Ю	>210/140	120/103	>30	1	-					-	-	+
9	Могила 3 (погребение 4)	З-В	>115	?	?	1	-					-	-	?
10	Могила 4*	?				2								
	погребение 1	ССЗ-ЮЮВ	197	50/95	120	1	-					-	-	-
	погребение 2	ССЗ-ЮЮВ	202-230	92-120	120	1	-					-	-	+

* — с привлечением данных, полученных при раскопках 1993 г.

Инвентарь погребений могильника Новинки 1
(раскопки 1990-92 г. г.)

№№ п/п.	Местонахождение	Топор- молот	Топор- клин	Наконечник стрелы	Перфоратор	Скребок	Нож-скребок	Нож	Нож-остроко- нечник	Пластина	Отщеп	Чешуйка	Курант	Шлифовальная плитка	Плитка для рас- стирания краски	Отбойник- наковальня	Кварцитовый скол	Янтарь	Сосуда	Фрагменты сосудов	Краска	Изделия из органики
Участок 1																						
1	Могила 1	1+1 (?)	1+1 (?)	-	1	1	1	8	1	7	14	-	1	1	1	-	-	-	6	+	+	-
2	Могила 2	-	1	-	-	-	-	1	-	?	?	-	-	-	-	-	-	2	1	-	-	2
3	Могила 3	1	-	-	-	-	-	1	-	-	3 (?)	-	-	-	-	-	-	2	1	-	-	-
Участок 2																						
4	Могила 1 погребение 1	-	-	5	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	?	+	-	-
5	Могила 1 погребение 2	-	1	-	-	-	-	1	-	1+1 (?)	2 (?)	1 (?)	-	-	-	-	-	-	1	+	-	-
6	Могила 2 погребения 3	-	1	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-
7	Могила 3 погребения 4	-	-	-	-	-	?	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-
Участок 3																						
8	Могила 1 погребение 1	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-
9	Могила 1 погребение 2	1	1	-	-	1 (?)	-	2 (?)	-	1+2 (?)	1 (?)	1 (?)	-	-	-	1	-	-	3	+	-	-
10	Могила 2 погребение 3	-	-	1	-	-	-	-	1	-	-	1 (?)	-	-	-	-	1	-	2 (?)	+	-	-
11	Могила 3 погребения 4	-	1	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-
12	Могила 4* погребение 5	1	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-
13	Могила 4* погребение 6	-	-	-	1	-	-	-	-	1 (?)	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-

* — с привлечением данных, полученных при раскопках 1993 г.

их распространения является территория, занимаемая Верхневолжской группой [4, с. 43]. Подобный топор найден в погребении 5 Воронковского могильника [5, с. 135, рис. 3, 34], датируемого 2-ой четв. II тыс. до н. э. [4, с. 232].

Топор из мог. 4 (погр. 5) уч. 3 по форме близок к молотковидным. Он небольших размеров: дл. 9,6 см, шир. 6,5 см; - массивный. Сверлина расположена ближе к обуху, ее диаметр 2,4 см. Сверление двустороннее. Поверхность топора слабо зашлифована, видны следы пикетажа. Прямых аналогий этому топору не найдено (рис. 16, 2).

Два топора происходят со дна карьера на уч. 1. Один из них дл. 12,6 см и шир. 6,9 см принадлежит к типу обушковых усеченно-конических топоров (рис. 4). Сверлина диаметром 2,6 см расположена практически по центру. Топоры этого типа распространены достаточно широко, но наибольшее число находок их связано с территорией Ярославской области [4, с. 48]. Появившись на II (Никульцинском) этапе развития ФК, они продолжают существовать в более поздних могильниках Волосово-Даниловского этапа.

Второй топор найден в 10 м к В от мог. 1 и в 2 м к ССВ от мог. 2. Он сделан из лезвийной части более крупного топора, разбитого по сверлине. Поверхность орудия подшлифована, сверление двустороннее. сверлина расположена ближе к обуху (ее диаметр - 2,2 см). Лезвие имеет следы вторичной заточки, выкрошенность; незаполировано (рис. 5, 2). Дл. топора 10,6 см, шир. 6,0 см.

Из раскопанной части могильника происходит 7 кремневых клиновидных топоров. 6 найдены в погребениях, 1 - на дне карьера на уч. 1.

Топор из мог. 1 уч. 1 трапециевидный, широколезвийный с узким тонким обухом (тип 6 по классификации Д. А. Крайнова) (рис. 6, 4). Сечение прямоугольное. Дл. топора 10,8 см, шир. лезвия 5,6 см, обуха - 3 см. Лезвие прямое. Лезвийная часть заполирована, имеет сколы. Обух и тулово зашлифованы менее тщательно, сохраняют фасетки оббивки. Топоры этого типа характерны для памятников Московско-Клязьминской группы [4, с. 65].

Топор из мог. 2 уч. 1 принадлежит к типу 8: трапециевидный в плане, широкий тонкообушковый с прямоугольным сечением. Лезвие дугообразное, хорошо заточено. Поверхность топора тщательно заполирована (рис. 9, 4). Орудие имеет дл. 9,8 см, шир. лезвия 5,1 см, обуха - 3,2 см. Топоры этого типа встречаются на всей территории ФК, но наиболее характерны для памятников ее Верхневолжской группы [4, с. 65-66].

Трапециевидный тонкообушковый топор с линзовидным сечением (тип 11) найден в мог. 1 (погр. 2) уч. 2. Дл. топора 10,8 см. Обух узкий прямой шир. 1,5 см. Лезвие дугообразное шир. 4,6 см, имеет сколы и выкрошенность. Заполирована только лезвийная часть орудия (рис. 11, 7). Подобный топор найден в погребении 2 Детчинского могильника [6, табл. XX, 3], а также в кургане 6 Бельнецкого могильника среднеднепровской культуры [7, с. 159, рис. 3, 6], датируемом кон. III - нач. II тыс. до н. э.

К этому же типу (?) относится и топор из мог. 3 (погр. 4) уч. 3 (рис. 15, 5). Он более массивен, отличает его от первого топора и более широкий дугообразный обух, и более тщательная заполированность. Лезвие прямое, вторично заточенное. Дл. топора 8,9 см, шир. лезвия 5,3 см, обуха - 4 см. Топоры 11 типа имеют широкое распространение на территории ФК. Наибольшее число их встречено в Московской, Ярославской, Калужской, Ивановской и Владимирской областях [4, с. 66]. Они характерны для могильников Волосово-Даниловского и Буньковского этапов [8, с. 40].

Топор-клин из мог. 2 (погр. 3) уч. 2 можно отнести к типу 12 - прямоугольных, тонкообушных топоров с линзовидным сечением. Его боковые грани слегка выпуклы, лезвие прямое со вторичной заточкой. Обух дугообразный. Поверхность за исключением обуха тщательно зашлифована. Дл. топора 7,9 см, шир. лезвия 4,1 см, обуха - 3,5 см (рис. 12, 2). Ранее топоры этого типа были встречены в Змеевском и Фатьяновском могильниках [4, с. 66], относящихся соответственно к Никульцинскому и Волосово-Даниловскому этапам ФК [8, с. 40].

Из погр. 2 мог. 1 уч. 3 происходит прямоугольный тонкообушковый подлинэс-видный топор с прямоугольным сечением (тип. 10). Лезвие и обух слегка дугообразны. Вся поверхность топора тщательно зашлифована (рис. 14, 1). Его размеры: дл. 10,2 см, шир. лезвия 3,7 см, обуха - 3,3 см. Этот тип топоров характерен для поздних памятников Тверской, Ярославской и Ивановской областей [4, с. 66].

Обломок массивного топора-клина (?) найден к В от мог. 1 уч. 1. Лезвийная часть отсутствует. Орудие, видимо, имело подтрапещевидную форму и было прямоугольное в сечении. Обух толстый. Поверхность несет следы шлифовки (рис. 5, 1). Вероятно, это мог быть топор типа 1, характерного для могильников Никульцинского этапа [4, с. 64].

Наконечники стрел найдены в двух погребениях (табл. 2). В разрушенном погр. 1 мог. 1 уч. 2 найдено 5 наконечников стрел из лилового и коричнево-лилово-желтого кремня размерами от 4,2x1,3 см до 5,7x1,6 см (рис. 11, 1-5). 4 наконечника лежали отдельно и были направлены остриями на В, 1 (рис. 11, 5) вместе с ножом в 60 см к ЗСЗ от первых. 4 наконечника принадлежат к удлинённо-черешковым, обработаны по всей поверхности отжимной ретушью. Подобные наконечники встречены в Ошурковском и Тургиновском могильниках [9, с. 95, рис. 2; 4, с. 69, рис. 26]. Один наконечник - треугольно-черешковый. Центральная часть спинки и брюшка не ретушированы. По форме и технике обработки он близок наконечникам Буньковского типа.

Наконечник из мог. 2 (погр. 3) уч. 3 относится к типу удлинённо-черешковых. Он обработан полукрутой ретушью на спинке и уплощающей на брюшке. Наконечник асимметричен, обработка небрежная. Изготовлен он из коричневого кремня и имеет размеры 3,5x1,0 см (рис. 15, 2).

Ножи из погребений представлены 15-17 экземплярами, причем 8 из них найдено в мог. 1 уч. 1 (табл. 2; рис. 6, 1, 3; 7, 5-10), в мог. 2 и 3 уч. 1, мог. 1 (погр. 1-2), 3 (погр. 4) уч. 2, мог. 1, 2 (погр. 3), 3 (погр. 4), 4 (погр. 5) уч. 3 зафиксировано по 1 ножу (рис. 9, 3; 10, 3; 11, 6, 8; 12, 3; 15, 4; 16, 1). Эти орудия представляют собой ретушированные пластины или обломки пластин. Все ножи двулезвийные, часть со сходящимися лезвиями, выделяются также и острокопечники (табл. 2). Техника обработки краев различна: крутая и полукрутая ретушь, отжимная, нерегулярная микроретушь, т. е. встречены как "морфологические", так и "функциональные" орудия. В мог. 1 уч. 1 пять ножей имеют микроретушь, причем два - нерегулярную, что сближает их с ножами из могильников Верхневолжской группы [4, с. 73]. Длина целых орудий до 10,5 см, ширина до 4,7 см.

Острокопечники найдены по 1 экземпляру в мог. 1 уч. 1 (рис. 6, 2) и в мог. 2 (погр. 3) уч. 3 (возможно, - и в мог. 3 (погр. 4) уч. 3). Причем орудие из мог. 2 уч. 3 было преднамеренно сломано пополам и находилось в разных частях могилы. Оно изготовлено на подтреугольной или листовидной пластине лилового кремня с широким основанием (рис. 15, 1). Размеры острокопечника - 8,5x4,5 см. Края обработаны отжимной ретушью. Подобные орудия характерны для памятников Московско-Клязьминской группы [4, с. 73]. В мог. 1 уч. 1 и в погр. 1 мог. 1 уч. 3 найдены комбинированные орудия: ножи-скребки, скребковые лезвия которых расположены на конце пластин и оформлены соответственно крутой и полукрутой ретушью с брюшка (рис. 7, 11; 13, 1).

Перфораторы встречены в двух экземплярах. В мог. 1 уч. 1 найдено сверло, изготовленное на пластинчатом отщепе (?). Жалыце обработано отвесной и крутой ретушью по спинке и плоским сколом на конце (рис. 7, 12). А из мог. 4 (или мог. 5 погр. 6) уч. 3 происходит острие на пластине кремня (рис. 16, 3) с ретушированными с брюшка краями (конец обломан).

Комплекс, вероятно, связанный с растиранием краски, встречен в мог. 1 уч. 1. К нему относятся кусок красной краски, изготовленной, предположительно, из ольхи (см. статью Г. М. Левковской и др. в данном сборнике), плита красновато-серого гранита подтреугольной формы (сохранилась в трех фрагментах) со следами краски (рис. 8, 2) и курант (?) из небольшого валуна овальной с выступом формы со следами затертостей (но без краски) всей поверхности, размерами

8,0x6,5x5,5 см (рис. 8, 1). Следует также отметить, что поверхность части сосудов из погребений была обмазана красной краской, а в мог. 1 уч. 1 сосуды были посыпаны ею.

В погр. 2 мог. 1 уч. 3 найден отбойник или обломок наковальни на куске розоватого кварцита, размерами 8x7x5 см, на котором на ребре лежала пластина кремня с нерегулярной микроретушью, выполнявшая в погребении роль ножа (рис. 13, 2, 3). Наличие в погребении предмета, связанного с обработкой кремня, в некоторой степени свидетельствует в пользу принадлежности этому погребению изделий из кремня как без вторичной обработки - чешуйки, отщеп, 2 обломка ножевидных пластин, так и орудий: однолезвийного бокового ножа на обломке грубой пластины и концевой скребка с дугообразным выпуклым лезвием, ретушированными краями на укороченном пластинчатом отщепе, найденных в верхней части могилы.

Кварцитовый скол (обломок отбойника или наковальни - ?) встречен и в мог. 2 (погр. 3) уч. 3.

Кроме перечисленных выше каменных и кремневых изделий в могилах найдены пластины, обломки пластин и отщепы, в т. ч. первичные, без вторичной обработки. Кремень использовался, в основном, валунный, преимущественно сиреневых, лиловых и коричневых оттенков.

По предварительному анализу кремневый и каменный инвентарь раскопанной в 1990-92 гг. части могильника Новинки 1 имеет черты, характерные как для Московско-Клязьминской, так и для Верхневолжской групп ФК, и соотносится хронологически с Никульцинским и Волосово-Даниловским этапами ее развития по периодизации Д. А. Крайнова, т. е. с XVIII-XV вв. до н. э.

Не противоречат датировке могильника 1-ой четв. II тыс. до н. э. и янтарные украшения, найденные в мог. 2-3 уч. 1. В мог. 2 это сломанная пластинчатая асимметричная привеска зубовидной (?) формы (рис. 9, 2) с боковым сверлением (?) и сердцевидная привеска (по типологии И. А. Лозе), имеющая отверстия: 14 по периметру с одной из сторон (внутренней - ?) и 15 с торцов (двустороннее сверление под углом); служившие для крепления или как элементы орнамента (рис. 9, 1). Ее размеры: основание - 4,5 см, боковые стороны - 4 см, толщ. 0,8. Подобные привески немногочисленны, встречены на стоянке Абора 1, датирующейся по C¹⁴ 1-ой четв. II тыс. до н. э. [9, с. 115-116, табл. LVII, 10, 14]. Из мог. 3 происходят 2 привески: 1 фрагментированная, возможно трапециевидной формы со сверлением с верхней площадки, размерами 1,8x1,4x0,7 см (рис. 10, 1), другая (к грушевидным или усеченно-коническим) - с отверстием для крепления, сделанным путем сверления под тупым углом сверху и сбоку (рис. 10, 2). Ее размеры 2x1,3x0,9 см. Янтарь патинирован, в изломе имеет яркий красноватый и оранжевый оттенки. Аналогичные украшения происходят из памятников Лубанской низменности, где имеют непротиворечащие датировке могильника Новинки 1 по другим показателям даты.

Характеризуя исследованный в 1990-92 гг. памятник, следует упомянуть и о находках, происходящих из раскопов и не связанных с могилами. Кроме средневековых и современных предметов к ним относятся фрагменты керамики, в т. ч. фатьяновской и изделия из кремня и камня. Так, в раскопе на уч. 1 в основном в переотложенном состоянии найдено 75 кремней искусственного происхождения. Среди них обломок нуклеуса от пластин и отщепов, сколы с площадок нуклеусов и ребристая пластина, пластины и обломки пластин, в т. ч. ножевидные и с ретушью, отщепы и чешуйки. Из орудий найдено 3 вкладыша из обломков ножевидных пластин, скобель на отщепе, скребок на отщепе (возможно, из разрушенного погребения). Кроме того, из ямы рядом с мог. 3 (кв. 102, я. 1) происходит 5 обломков пластин в основном из черного кремня и двойной угловой резец мезолитического облика на сломе ножевидной пластины черного кремня. В заполнении карьера недалеко от мог. 2 найдена кварцитовая шлифовальная плита.

В этом же раскопе зафиксировано несколько фрагментов керамики: 1 фрагмент сосуда, предположительно, верхневолжской культуры, 1 - льяловской и 4 - эпохи поздней бронзы, причем 3 из них в верхней части заполнения мог. 3.

Несколько фрагментов одного сосуда льяловской культуры найдено на уч. 2, в т. ч. и в заполнении мог. 1. Здесь же в пределах могильных ям, возможно, в верхней нечитавшейся их части (гл. образом, мог. 1, погр. 2) встречены двойной боковой резец с ретушированной площадкой скола, пластина, 2 отщепа, чешуйка кремня и фрагмент сосуда ФК.

На уч. 3 в слоях, перекрывающих могилы или из которых они были опущены, найдены фрагменты только фатьяновской керамики (от сосудов, не связанных с раскопанными погребениями), и довольно многочисленные изделия из кремня (89 ед.), большая часть которых залегала скоплениями в непо потревоженной карьером верхней (северной) части раскопа (кв. 22-25 - 71 ед.) в пределах пятна и ям темно-серо-коричневого песка, уходящих в стенку раскопа.

В скоплении кремня в кв. 24-25 (43 ед.) в сильно ожелезненном (?) углистом песке найдены изделия, связанные с обработкой кремня (сколы с площадок нуклеусов, чешуйки), говорящие о производственном микроучастке. Это скопление расположено рядом с мог. 4 (погр. 5-6). Кроме пластин, в т. ч. ножевидных, и микропластин (с нерегулярной ретушью и без), отщепов и чешуек в раскопе на уч. 3 найдены 2 скребка и скребок-нож на отщепах, 4 резца: боковые на сломе пластины и с ретушированной площадкой скола; миниатюрные угловой и двойной угловой с ретушированными площадками сколов на обломках пластин с затупленными ретушью концами (в непо потревоженном заполнении могил всех участков могильника резцы не встречены); 2 обломка ножей на пластине и отщепе, вкладыш из обломка ножевидной пластины, сверло (?) из гальки.

Изделия, найденные в раскопах вне могил, также, как и входившие в состав погребального инвентаря, изготовлены главным образом из валунного фиолетово-лилово-оранжевого кремня (все это сочетание цветов встречено на обухе топорovidного орудия из подъемного материала на уч. 1). Есть и изделия из высококачественного черного и коричневого кремня, а также желтого и белого. Единичны находки из кремнистого известняка.

Если отдельные, выпадающие из общего контекста памятника, находки (керамика, резцы, изделия из черного кремня, не характерного для погребений) позволяют говорить лишь о спорадическом посещении места, занятого могильником, в эпохи, предположительно, мезолита, раннего и развитого неолита и поздней бронзы, то довольно многочисленные находки фатьяновской керамики и кремня, сходного с зафиксированным в могилах, на уч. 3, а также стратиграфические наблюдения позволяют, на наш взгляд, ставить вопрос о наличии здесь какой-то поселенческой структуры ФК. Тем более, что исследования последних лет выявили достаточно мощный микрорегион фатьяновской культуры, связанный с бассейном р. Шоши в районе пос. Тургиново. Это и известный Тургиновский могильник (О. Н. Бадер, Д. А. Крайнов, О. С. Гадзяцкая), и местонахождения каменных сверленных топоров в карьере близ д. Непеино, рядом с поселениями со слоями поздней бронзы Непеино 1-2 (Н. И. Черных) и в д. Мелечкино; и местонахождение топора-клина и кремневой пластины на окраине пос. Тургиново (И. Н. Черных). Нет сомнений в том, что детальная разведка в окрестностях могильника Новинки 1 выявит новые памятники фатьяновской культуры.

В любом случае аварийное состояние могильника Новинки 1 и его нучная и историко-культурная значимость требуют продолжения исследований этого археологического памятника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ланцев А. П. Отчет о раскопках и разведках в Калининской области в 1990 г. // Архив ИА РАН. Р-1.
2. Волкова Е. В. Отчет об охранных раскопках могильника Новинки 1 в Калининском районе Тверской области в 1991 г. // Архив ИА РАН. Р-1.
3. Волкова Е. В. Отчет об охранных раскопках могильника Новинки 1 в Калининском районе Тверской области в 1992 г. // Архив ИА РАН. Р-1.

4. *Крайнов Д. А.* Древнейшая история Волго-Окского междуречья. Фатьяновская культура. II тысячелетие до н. э. М., 1972.
5. *Гадзьяцкая О. С.* Воронковский фатьяновский могильник // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М., 1976.
6. *Крайнов Д. А.* Памятники фатьяновской культуры. Московская группа // САИ. 1963. Вып. В1-19.
7. *Артеменко И. И.* Белынецкий могильник (раскопки 1970-1971 гг.) // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М., 1976.
8. *Крайнов Д. А., Гадзьяцкая О. С.* Фатьяновская культура. Ярославское поволжье // САИ. 1987. Вып. В1-22.
9. *Крайнов Д. А.* Фатьяновские памятники Калининской области // КСИА. 1986. Вып. 185.
10. *Лозе И. А.* Поздний неолит и ранняя бронза Лубанской низменности. Рига, 1979.

Институт археологии РАН, Москва
Тверской государственный объединенный
историко-архитектурный и
литературный музей

Е. В. ВОЛКОВА

КЕРАМИКА МОГИЛЬНИКА НОВИНКИ 1 (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 1990-92 гг.)

На трех участках могильника было найдено 36 глиняных сосудов (целых и во фрагментах), из них 29 сосудов непосредственно в могильных ямах. На участке 3 в заполнении могильной ямы 2, нарушенной более поздними ямами, найдены фрагменты от 8 разных фатьяновских сосудов, которые, скорее всего, не имеют отношения к погребению. Кроме того, между могильными ямами на участках 2 и 3 зафиксированы обломки по меньшей мере еще от 7 разных сосудов. Чаще всего они лежали отдельными скоплениями мелких фрагментов стенок сосудов.

В могильнике встречены все категории фатьяновских форм: шаровидные сосуды с выраженной шейкой (их большинство), миски (1 экземпляр), амфоровидные сосуды (2 экземпляра) и кубки (2 экземпляра).

Большинство сосудов сделано из ожелезненной среднепластичной глины, часто с естественной примесью бурого железняка. Только на 2-ом и 3-ем участках могильника найдено небольшое количество сосудов из ожелезненной высокопластичной глины (8 сосудов - 22%). Глина использовалась во влажном состоянии, без предварительного высушивания и дробления.

В качестве искусственных добавок в глину (Г) зафиксированы экскременты животных (О), шамот (Ш) и дресва (Д). Отмечены 3 разных традиции составления формовочных масс сосудов: 1) по рецепту Г+О+Ш, 2) по рецепту Г+О+Д, 3) по рецепту Г+О+Ш+Д.

Традиция составления самого сложного рецепта - Г+О+Ш+Д - доминирует (69,4% от всей керамики могильника). Сосуды с рецептом Г+О+Д (16,7%) найдены только на участке 3 вне могильных ям, либо в их заполнении, но в перемешанной части слоя. Сосуды с рецептом Г+О+Ш (19,9%) в погребениях есть только на участке 1, на остальных участках сосуды с этим рецептом найдены за пределами могильных ям.

Таким образом, в керамике погребений 2-го и 3-го участков отмечается только одна традиция составления формовочных масс - Г+О+Ш+Д, а в керамике погребений 1-го участка - две традиции: Г+О+Ш и Г+О+Ш+Д при доминировании последней.

Во всех сосудах с рецептом Г+О+Ш шамот изготовлен из сосудов с более сложным рецептом - Г+О+Ш+Д за исключением одного сосуда из погребения 1 участка 1, где в составе шамота отмечен рецепт Г+О+Д. Состав шамота в рецепте Г+О+Ш+Д, как правило, повторяет рецепт реального сосуда, т. е. Г+О+Ш+Д (62%), хотя рецепты Г+О+Ш и Г+О+Д в шамоте встречаются чаще, чем в реальных сосудах (по 19% каждый). Это указывает на их большую распространенность в прошлом.

На основании изучения всей фатьяновской керамики и известных закономерностей изменения навыков составления формовочных масс посуды во времени возможно выделить две наиболее ранние группы сосудов могильника Новинки 1: 1) самая ранняя (сосуды 3, 4 из слоя участка 3), 2) чуть более поздняя (погребение 1 участка 1, погребение 3 участка 2 и погребение 2 участка 3).

Таким образом, можно предположить, что наиболее ранней является керамика, найденная вне могильных ям на участках 2 и 3, которая, возможно, происходит из слоя фатьяновского поселения. Это подтверждают различия в традициях

N	Образ	Название образа	Функция в мотиве		Кол-во сосудов, %
			основной	дополнит.	
1		Косая решетка	3	2	5 (25,0)
2		Горизонтальный зигзаг	6	2	8 (40,0)
3		Ромб с решеткой	2	-	2 (10,0)
4		Горизонтальный ряд вертикальных или наклонных линий	1	13	14 (70,0)
5		Группы вертикальных параллельных линий	2	-	2 (10,0)
6		Горизонтальная елочка	4	-	4 (20,0)
7		Вертикальная елочка	2	-	2 (10,0)
8		Ряд параллельных переменного-наклонных линий	5	1	6 (30,0)
9		Заштрихованный треугольник вершиной вниз	1	-	1 (5,0)
10		Сдвоенные заштрихованные треугольники вершинами друг к другу	2	-	2 (10,0)
11		Горизонтальная прямая линия	1	6	7 (35,0)

Примечание: за 100,0% принято общее число орнаментированных сосудов

Рис. 1. Орнаментальные образы на керамике могильника Новинки 1

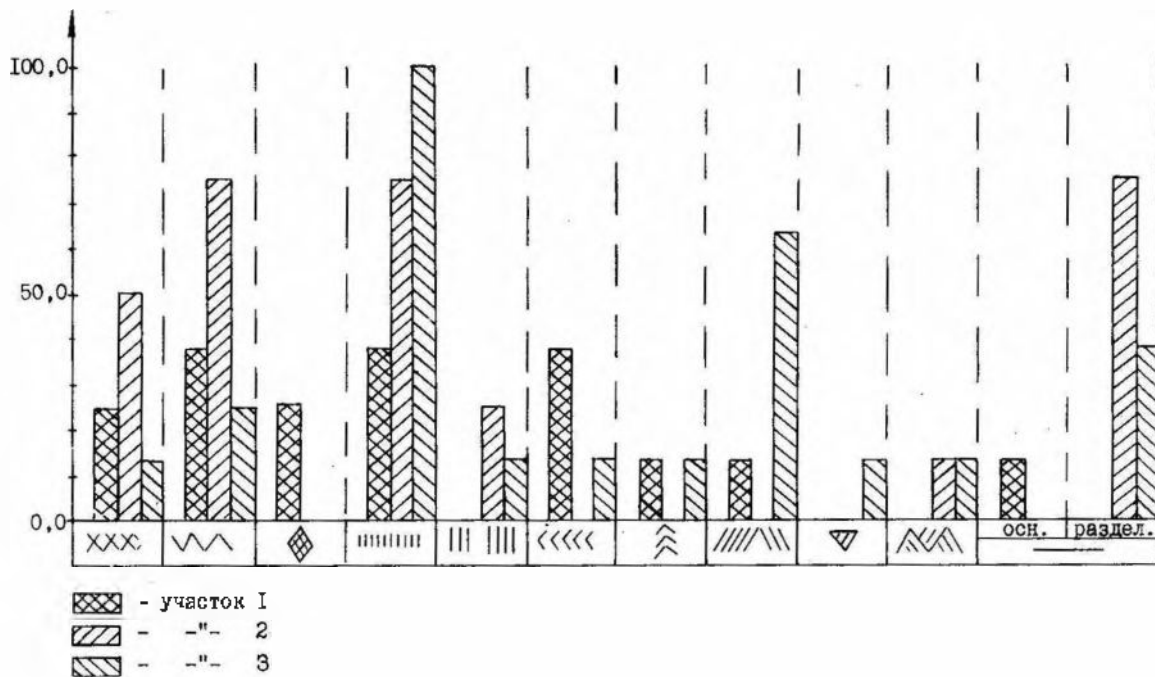

Рис. 2. Орнаментальные образы на посуде разных участков могильника Новинки 1

составления фермовочных масс керамики, найденной в погребениях и вне погребений.

Сосуды могильника Новинки 1 лепились с помощью форм-моделей лоскутно-спиральным налепом. На трех сосудах фиксируется спирально-зональный налеп. На одном сосуде отмечено сочетание лоскутно-спирального налепа на емкости и жгутового налепа на горле (погребение 1 участок 1). На трех сосудах наблюдается конструирование форм из нескольких частей, т. е. емкость сосуда составлялась из двух-трех отдельно вылепленных частей, а затем примазывалось горло. На четырех сосудах отмечена двуслойность, т. е. наращивание дна и стенок двумя последовательными слоями.

Из форм-моделей встречены как формы-основы, так и формы-емкости. С помощью формы делались отдельные части емкости (дно, тулово). Практически на всех сосудах лепка в форме сочетается с последующим выбиванием.

Необходимо отметить, что двуслойные сосуды есть только в погребениях, могильные ямы которых ориентированы по линии В-З (два сосуда из погребения 1 участка 1, один сосуд из погребения 1 участка 3 и один сосуд из погребения 3 участка 2).

Навыки конструирования, отмеченные по керамике могильника Новинки 1, не отличаются от навыков, зафиксированных по керамике фатьяновской культуры в целом.

После выбивания поверхности сосудов тщательно заглаживались твердым инструментом, оставляющим короткие микроскопические следы. Внешние поверхности четырех сосудов с участков 2 и 3 лощенные (погребения 1, 2, 4 участка 3 и погребение 2 участка 2). Лощилась, как правило, только верхняя часть сосуда. Лощение проводилось по влажной поверхности, горизонтальными движениями.

Характеристика приемов обжига доступна сегодня лишь в самой общей форме. Зафиксированы случаи низкотемпературного (до 450 градусов) обжига, когда сосуды обнаруживают способность разрушаться в воде (оба сосуда из погребения 3 участка 2, один сосуд из погребения 2 участка 1 и один сосуд из погребения 3 участка 1). Для остальных сосудов можно предполагать кратковременный обжиг при достаточно высокой конечной температуре (выше 650 градусов). Об этом гово-

рит наличие у них двух- и трехцветных изломов с резкими границами между цветовыми слоями.

Пятнистость внешней поверхности и различная степень прокаленности черепков одного сосуда свидетельствуют в пользу кострового обжига. Нагар на обеих поверхностях большинства сосудов, а также бытовая залоченность указывают на то, что эти сосуды использовались в быту.

При изучении орнамента рассматривались технологические и стилистические орнаментальные традиции. Под "технологическими" традициями мною подразумеваются вид использованного орнамента и способ работы им. Под "стилистическими" традициями я понимаю культурные традиции создания определенного изображения на поверхности сосуда на четырех структурных уровнях орнамента: элемент, образ, мотив и композиция.

Доминирующим орнаментом был зубчатый штамп (47,4% от всей орнаментированной керамики), затем следует гладкий штамп (21,1%). Небольшим количеством представлены шнур, инструмент с тонким острым рабочим краем и инструмент с округлым в сечении рабочим краем (по 10,5%). Имеется один сосуд с отпечатками ногтя.

Сосуды, орнаментированные гладким штампом, в основном, сосредоточены в погребении 1 участка 1. Единственный сосуд с участка 3 (из погребения 4) орнаментирован гладким штампом таким образом, что имитирует гребенку. Имитация гребенки фиксируется также на сосуде из погребения 1 участка 3. Только здесь мастер работал инструментом, оставляющим мелкие овальные ямки. Еще один сосуд с округлыми ямками найден в погребении 4 участка 2. В основном он орнаментирован зубчатым штампом, ямки же являются дополнительным элементом в композиции.

Два сосуда с нарезным орнаментом, сделанным тонким острым инструментом, найдены в погребении 2 участка 1 и в погребении 3 участка 2. На первом сосуде на плече прочерчены ромбы с решеткой, которые сочетаются с горизонтальными отпечатками шнура на горле. На втором сосуде по горлу прочерчен зигзаг, а по венчику идут отпечатки неясного штампа, имитирующего гребенку. Шнур в качестве основного орнамента представлен только на сосуде из погребения 2 участка 1. На сосуде из погребения 2 участка 3 горизонтальные отпечатки шнура служат разграничителями орнаментальных зон.

Зубчатым и гладким штампами, а также инструментом, оставляющим округлые ямки, отпечатки наносились под прямым углом либо под небольшим наклоном к поверхности сосуда.

По технологическим орнаментальным традициям выделяется керамика участка 1. Здесь зафиксировано преобладание традиции использования гладкого штампа, а также использование шнура как основного орнамента. На этом участке найден шаровидный сосуд с выраженной шейкой - единственный неорнаментированный сосуд данной категории на могильнике.

Представляют особый интерес два сосуда участка 3 с имитацией отпечатков зубчатого штампа. На маленьком амфоровидном сосуде из погребения 1 нанесен очень сложный орнамент мелкими овальными вдавлениями, имитирующими зубцы длинного штампа. На кубке из погребения 4 двойные отпечатки короткого гладкого штампа на горле сочетаются с одиночными отпечатками этого же штампа на плече.

Эти два случая отражают смешение разных орнаментальных традиций, при котором в роли доминанты выступала традиция создания зубчатого отпечатка. Кроме того, в этих погребениях было еще по одному сосуду, орнаментированному зубчатым штампом. В ходе их всестороннего изучения выяснилось, что в каждом из погребений соответствующая пара сосудов была изготовлена разными мастерами. Это может отражать акт "приношения" сосудов умершему от разных групп родственников.

В результате стилистического анализа выделились наиболее часто используемые орнаментальные образы: это горизонтальный ряд вертикальных или накл-

лонных линий (70,0%), горизонтальный зигзаг (40,0%), прямая горизонтальная линия (35,0%), ряд параллельных переменного-наклонных линий (30,0%), косая решетка (25,0%) и горизонтальная елочка (20,0%) (рис. 1).

Мотивы этих образов имеют разные функции: они могут быть основными или дополнительными (разделители и ограничители). Среди выделенных массовых образов горизонтальный ряд вертикальных или наклонных линий и прямая горизонтальная линия использованы в орнаменте сосуда, как правило, в качестве

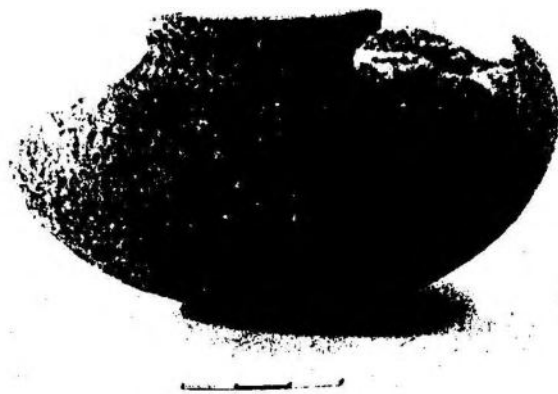

Рис. 3. Могильник Новинки 1, уч. 2, мог. 2 (погр. 3). Сосуд N 2

Рис. 4. Могильник Новинки 1, уч. 2, мог. 3 (погр. 4). Сосуд

разделителей орнаментальных зон. Горизонтальный зигзаг и косая решетка использованы как в основных, так и в дополнительных мотивах. Из всех массовых образов только ряд параллельных переменного-наклонных линий и горизонтальная елочка в большинстве случаев составляют основной мотив.

Самым редким является образ заштрихованного треугольника, расположенного вершиной вниз (один сосуд из погребения 1 участка 3). Остальные образы встречены на двух сосудах каждый: образ ромба с решеткой внутри (погребения 1

и 2 участка 1), группы параллельных вертикальных линий (погребение 1 участка 3 и погребение 4 участка 2), вертикальная елочка (погребение 1 участка 1 и погребение 4 участка 3), сдвоенные заштрихованные треугольники вершинами друг к другу (погребение 2 участка 3 и погребение 2 участка 2).

Сдвоенные заштрихованные треугольники вершинами друг к другу и заштрихованный треугольник вершиной вниз редко встречаются в фатьяновской керамике. Первый образ есть на двух сосудах московской локальной группы (в могильниках Ханевском и Кузьминском), второй - на одном сосуде московской группы (в Детчинском могильнике) и на двух сосудах ярославской группы (в Волосово-Даниловском могильнике).

Образ заштрихованного треугольника вершиной вниз есть на керамике среднеднепровской культуры [1] и на сосудах культуры шнуровой керамики в Польше [2; 3]. Образ сдвоенных заштрихованных треугольников вершинами друг к другу отмечается на керамике среднеднепровской и жуцевской культур [1; 4]. К этому же кругу культур ведет традиция использования шнура для создания прямых горизонтальных линий, отмечаемая на керамке могильника и в большей степени свойственная керамике московской группы. Массовый для керамики могильника образ параллельных переменного-наклонных линий (их обычно больше 3) характерен для фатьяновской керамики калининской и московской групп. Он также типичен для среднеднепровской культуры [1] и шнуровой керамики Польши [2; 3].

По соотношению орнаментальных образов на керамике трех участков наиболее всего выделяется участок 1 при достаточной близости участков 2 и 3. В то же время участок 1 по орнаментальным образам имеет больше сходства с участком 3, чем с участком 2 (рис. 2).

Сходство керамики участков 2 и 3 проявляется в образах, мотивах и композициях орнамента. Особенно близки орнаменты сосудов погребения 2 участка 2 и погребения 2 участка 3, а также орнаменты сосудов из погребения 1 участка 3 и погребения 4 участка 2.

Таким образом, по орнаментальным традициям (технологическим и стилистическим) выделяются две группы керамики: 1) керамика погребений участка 1, 2) керамика участков 2 и 3. Различие в традициях этих групп, вероятнее всего, объясняется различием в составе населения, оставившего погребения участка 1 и погребения участков 2 и 3. Здесь можно предполагать наличие какого-то временного разрыва между участками 1 и 2-3.

Керамику участков 2 и 3 следует рассматривать как единый комплекс, в сложении которого принимали участие две группы населения с близкими орнаментальными традициями, одна из которых, вероятно, связана с населением, оставившим погребения на участке 1.

Помимо орнаментальных традиций керамика участка 1 отличается традициями отбора исходного сырья, а также некоторой спецификой традиций составления формовочных масс и обжига посуды. Не касаясь разбора погребального инвентаря, хочу лишь отметить, что янтарные украшения найдены пока только на участке 1.

Керамический комплекс участков 2 и 3, вероятно, также не одновременен, так как мы фиксируем в нем разные уровни смешения гончарных традиций. По результатам анализа керамики, предварительного изучения погребального обряда и стратиграфических наблюдений можно предположить наличие на участках 2 и 3 как минимум двух хронологических пластов: I пласт - погребения 3 и 4 участка 2 и погребение 1 участка 3 (могильные ямы этих погребений небольшого размера, мелкие, ориентированные по линии В-З), а также, возможно, погребение 4 участка 3; II пласт - погребение 2 участка 3 и погребение 2 участка 2 (могильные ямы этих погребений большие, глубокие, ориентированы по линии С-Ю). Относительно времени других погребений пока сказать что-либо трудно. Между этими пластами временного разрыва практически нет, но можно предположить, что II пласт чуть более ранний.

Вопрос о существовании фатьяновского поселения на участке 2 и 3 пока

остаётся открытым. Керамика, найденная вне погребений на этих участках, возможно, более ранняя, чем в самих погребениях.

Гончарные традиции, выделенные по керамике могильника, в целом соответствуют гончарным традициям уже известных могильников калининской группы, хотя керамический комплекс участков 2 и 3 имеет больше связей с московской группой, чем керамика других фатьяновских могильников Тверской области.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Артеменко И. И.* Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы. М., 1967.
2. *Kostrzewski J., Chmielewski W., Jazdzewski K.* Pradzieje Polski. Wrocław, Warszawa, Kraków, 1965.
3. *Sulimirski T.* Polska Przedhistoryczna. Londyn, 1957-1959.
4. *Лозе И. А.* Поздний неолит и ранняя бронза Лубанской равнины. Рига, 1979.

Институт археологии РАН,
Москва

Г. М. ЛЕВКОВСКАЯ, Е. В. ВОЛКОВА, И. Н. ЧЕРНЫХ

ПАЛИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОТЛОЖЕНИЙ ИЗ МОГИЛЬНИКА ФАТЬЯНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ НОВИНКИ 1

Могильник Новинки 1 находится в Тверской области в бассейне р. Шоши. Он раскапывается экспедицией Тверского государственного объединенного историко-архитектурного и литературного музея [1]. В настоящее время начато изучение могильника естественно-научными методами. Для целей спорово-пыльцевого анализа из различных по планиграфии участков могильника (участки 1-3: могильные ямы, заполнение сосудов, конструкции и т. д.) в процессе раскопок 1990-92 гг. были отобраны серии образцов. Образцы были исследованы в Институте истории материальной культуры РАН Г. М. Левковской. В данной статье рассматриваются пробы грунтов, взятых на участке 1 (могилы 1-3) в 1990-91 гг.

Результаты анализов представлены в таблице 1. Насыщенность образцов пылью и спорами колеблется от 18 до 267 форм на препарат. Полупустыми оказались лишь 2 образца из могилы 2 (N 10 - белесый суглинок, N 12 - пятно). При анализе спектров они в дальнейшем не рассматриваются. Сохранность большинства форм в образцах хорошая.

Состав спектров не однороден. Он изменяется в соответствии с изменениями планиграфии и стратиграфии. Рассмотрим характер изменения некоторых компонентов спорово-пыльцевых спектров.

В общем составе большинства спектров (табл. 1) господствует пыльца древесных пород. Но в трех пробах (NN 7, 8 - могила 2, 14 - могила 3) преобладают споры зеленых мхов, а для одной пробы (N 6 - могила 2) характерно примерно равное соотношение пыльцы древесных пород, травяно-кустарничковых растений и спор. Образцы NN 7, 8, 14 отобраны из сосудов, образец N 6 - из погребальной конструкции.

Среди пыльцы древесных пород отмечается доминирование пыльцы липы почти во всех образцах.

На диаграммах Центра Русской равнины резкий максимум липы датируется примерно 4000 л. н. [2; 3, с. 120-136]. В Восточной Латвии (Лубанская низина) он несколько моложе уровней с датировками 4000 ± 60 , 3870 ± 70 , 3860 ± 100 л. н. на поселениях эпох позднего неолита - ранней бронзы (Эйни, Абора) [4, с. 30-32]. В могильнике Новинки 1 меньше липы лишь в образцах N 1 (могила 1 - превалирует пыльца ольхи), N 6 (могила 2 - содоминирует пыльца ольхи и березы) и N 15 (могила 3 - содоминируют пыльца ольхи, березы, липы). Проба N 1 - это красная краска со дна могильной ямы N 1 участка 1, проба N 6 - погребальная конструкция, проба N 15 - грунт над сосудом в могиле 3.

Состав пыльцы травянистых растений очень разнообразен - определено 36 таксонов. Среди пыльцы травяно-кустарничковых растений во всех пробах господствует пыльца мезофильного разнотравья. Отдельные таксоны распределены в исследованных пробах неравномерно. Обращает на себя внимание приуроченность максимумов пыльцы (табл. 1): 1) водного растения кувшинки - к стерильным пескам под могилой 2 (пробы NN 3, 9), 2) осоковых - к конструкции из могилы 2 (проба N 6), 3) вересковых - к заполнению сосуда из могилы 2 (проба N 7), 4) крапивы - к пробам из тлена в двух могилах (пробы N 2 - могила 1 и N 4 - могила 2).

Результаты спорово-пыльцевого анализа образцов из могильника
фатьяновской культуры эпохи бронзы Новинки 1 (1-я четв. II тыс. до н. э.)

№ образца	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Могила (№)	1	1	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	3	3	3	3
Место нахождения в могиле	Яма могиль- ная	Под кара- микой	Мате- рик	Вост. часть	Ю-З часть	Конст- рукция	Сосуд- методики:		Под сосуд- дом		Ю-З часть	Зап. часть		Сосуд	Над сосуд- дом	
Литология	Краска	Тлен	Песок рыжий	Тлен бурый	Тлен темн.		1	2		Сугл. белес- ый	Грунт над тле- ном	Пятно	Тлен	Запол- нение	Корич. слой	Свро- белес. слой
Общий состав:																
I Пыльца древесных пород и кустарников	50	125	39	119	220	11	5	7	38	2	100	1	25	5	21	63
II Пыльца травянисто-ку- старничковых растений	12	18	12	13	21	12	9	5	10	—	1		4	6	9	13
III Споры	4	29	20	24	26	11	13	19	18	—	45		6	7	4	24
Общее количество пыль- цы и спор	66	172	71	156	267	34	27	31	66	2	146	1	35	18	33	100
I Пыльца древесных пород и кустарников:																
Acer sp. — клен		2		3	5						2		1			1
Alnus sp. — ольха	31	35	9	21	58	4			14		14			1	3	14
Betula sp. — береза	1				12	3							3		3	2
B. humilis — б. низкая		2		6												
B. pubescens б. пушистая	2	1		1							3				2	
Corylus avellana — орешник	8	5	2	7	21	1					7		3	1		3
Cornaceae — кизилловые						1								1	2	1
Caprifoliaceae — жимолост- ные		1		1	3						1		1			
Linnæa cf. borealis — лин- ная северная	1						1								1	
Picea sp. — ель	1	1		2	7						2				1	3
Pinus sp. — сосна				1	1						1		1	2	2	2

Продолжение таблицы 1.

№ образца	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
<i>Quercus robur</i> — дуб	1	2	2	7	23	1			1		13		4		2	5
<i>Salix</i> sp. — ива			10	1	4				5				1		1	1
<i>Tilia cordata</i> — липа	4	75	12	69	86	1	3	5	17	2	57	1	12	2	3	31
<i>Ulmus</i> sp. — вяз		1	4				1	2	1						1	
<i>Viburnum</i> sp. — калина	1															
II Пыльца травянисто-кустарничковых растений																
Ariaceae — сельдерейные	2		2													
<i>Artemisia</i> sp. — полынь					7											
Brassicaceae — капустные					1								1			
<i>Bryonia</i> — бриония				1	1											
Chenopodiaceae — маревые																1
Caryophyllaceae — гвоздичные	1													1		
<i>Campanula</i> — колокольчик								1					1	1		3
Superaceae — осоковые		1		2		7	1	1								2
<i>Drosera</i> sp. — росянка		1		1												1
Ericaceae — вересковые						1	6	1					1	1	2	1
Fabaceae — бобовые						1							1	1		3
Liliaceae — лилейные		1	1		1		1		1		1					
<i>Linum</i> — лен						1										
Lamiaceae — яснотковые	1															
<i>Muriophyllum</i> — sp. — уруть															1	
<i>Nymphaea</i> sp. — кувшинка		1	6		2				8							
Rosaceae — розы	1			1	2										1	
<i>Plantago</i> sp. — подорожник						1									1	
<i>Polemonium</i> sp. — синюха		1	1		1	1		1	1					1		
Plumbaginaceae — свинчаковые					1											
<i>Polygonum</i> — горец														1		
<i>Botanogeton</i> sp. — рдест														1		
<i>Pyrola</i> sp. — грушанка	1	1			1											
<i>Ranishia</i> sp. — рамишия																1
Ranunculaceae — лютиковые		1					1	1						1	1	

№ образца	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
У Макроостатки растений:																
1. Эпидермисы:																
Тип ₁			11				3							1	6	
Тип ₂					1				1						1	
Тип ₃		1					2								1	1
Тип ₄										1						
Тип ₅	3															
2. Угlistые частицы:	X															
У1 Формы неспределанной систематической принадлежности:																
Тип ₁							X									
Тип ₂								X								
Тип ₃								X								
УП Формы перестроенные (четвертичные):																
Osmunda – частоуст					+											
					+											

Условные обозначения в таблице:

цифрами в таблице показано количество форм

+ – находки единичны;

X – находки встречаются в массе;

Среди споровых в большинстве образцов господствуют споры папоротников. Но в пробах NN 7, 8, 13, 14 преобладают споры зеленых мхов. Пробы 7, 8, 14 - это грунт из заполнения сосудов могил 2-3, проба N 13 - это тлен из могилы 3.

В распределении прочих палеоботанических находок наблюдаются следующие особенности: 1) максимум находок остатков диатомовых водорослей приходится на пробы NN 7, 8, 14 (заполнение сосудов могил 2-3), 2) максимум углистых частиц зафиксирован в пробе N 1 (краска из могильной ямы N 1), 3) больше всего эпидермисов встречено в пробе N 15, взятой в могиле 3 над сосудом), 4) массовые находки форм неопределенной систематической принадлежности трех типов приходится на пробы NN 1, 7, 8 (N 1 - краска в могильной яме; N 7, 8 - заполнение сосуда могилы 2). Возможно, это очень мелкие споры грибов - сапрофитов.

Среди изученных проб наименее искажены антропогенным воздействием спектры образцов из стерильных песков (проба N 3 - могила 2), а также из серо-голубого песка под сосудом могилы 2 (проба N 9). Спектры этих двух образцов выделяются находками пыльцы ивы, кувшинки и довольно незначительным доминированием пыльцы липы над пылью ольхи.

Приведенные данные говорят о том, что стерильные пески формировались в зоне макрофитов водоема с глубинами не более 3 м. Вдоль берега были распространены ивняки, далее шли пойменные ольшаники с вязом и липняки. Захоронения на участке 1 могильника (могилы 2, 3) возникли после осушки водоема в липовом лесу с богатым травяным покровом. В этом лесу было много ольхи и дуба. Встречались разнообразные древесные породы: клен, береза пушистая, береза низкая, орешник, свидина, жимолость, линнея северная, ель, сосна, ива, вяз, калина. Деревья были переплетены хмелем.

На лугах или в травяном покрове липняков росли многие травяно-кустарничковые растения (определенно 30 таксонов) и папоротники (табл. 1). На болотах господствовали зеленые мхи и осоки, встречалась росянка, морощка, вересковые. После захоронения на месте могильника (участок 1) появились рудеральные ценозы, образованные орляком и другими папоротниками, о чем говорит максимум спор папоротников в образце N 11, отобранном из грунта над тленом в могиле 2.

Спектры проб, непосредственно связанных с самим процессом захоронения, содержат незначительное количество пыльцевых зерен и спор, поскольку процесс их формирования не был длительным. Так в пробах 6 (конструкция могилы 2), 7, 8, 14 (заполнение сосудов из могил 2-3), 13 (тлен в могиле 3) определено от 18 до 35 форм на препарат. В других пробах насыщенность микрофоссилиями колеблется от 71 до 267 форм на препарат (табл. 1).

В СССР палинологическое исследование могильников в стратиграфическом аспекте проводила Е. А. Спиридонова [5, с. 167-169].

Настоящее исследование представляет первую попытку в нашей стране применить палинологию для изучения их планиграфии. В зарубежной литературе имеются отдельные публикации по данному вопросу. Например, в публикации А. Леруа-Гурана приведены данные о цветах на могиле неандертальского ребенка в пещере Шанидар в Ираке. Но эти публикации малочисленны и вызывают дискуссии. Рассмотрим планиграфические материалы по могильнику Новинки 1. Так, в тлене в ряде случаев зафиксирован максимум пыльцы крапивы (проба N 2 - тлен под керамикой в могиле 1, проба N 4 - тлен бурый в погребении 2 участка 1). До недавнего времени некоторые народы Сибири из крапивы ("кендырь" - по-сибирски) изготавливали одеяние для умерших.

Погребальная конструкция могилы 2 (проба N 6) выделяется максимумом пыльцы осок и массовыми находками очень мелких овальных форм - "тарелочек", являющихся остатками грибов-сапрофитов.

Отличительная особенность спектров краски со дна могильной ямы 1 (проба N 1) - максимум остатков углистых частиц и резкое доминирование пыльцы ольхи. Ольха относится к числу красильных растений [6, с. 1-400]. Еще сравнительно недавно она использовалась для окрашивания кожи в красные, оранжевые и коричневые тона. Древние люди, возможно, жгли ольху, изготавливая краску по како-

му-то особому рецепту. Краска изготовлялась, по-видимому, ранней весной, т. к. в наших широтах ольха зацветает одной из первых древесных пород. Некоторые рецепты окрашивания шкур корой ольхи чукчами, коряками опубликованы [7, с. 232].

Специфика спектров проб из сосудов могил 2-3 NN 7, 8, 14: 1) доминирование в общем составе спектров спор, 2) преобладание среди спор зеленых мхов, 3) массовость находок остатков пресноводных диатомовых водорослей порядка *Pennales*, 4) присутствие единичных диатомовых водорослей порядка *Centrales*. В сосуде из могилы 2 обнаружены тысячи очень мелких (около 10 микрон) органических образований бобовидной формы без характерных морфологических признаков, различимых на световом микроскопе. Возможно, это вторая разновидность остатков грибов-сапрофитов, обнаруженных в могильнике. В обоих сосудах (могилы 2-3) найдены также единичные пыльцевые зерна медоносов - колокольчика, гвоздичных, бобовых, синюхи, лютиковых, вересковых (вересковые более обильны в заполнении сосуда из могилы 2). Палинологические данные, полученные для заполнения сосудов, в настоящее время интерпретировать преждевременно. Для объективной интерпретации этих данных необходимо дальнейшее накопление фактического материала по палинологии могильника Новинки 1.

Таким образом, палинологические данные по исследованному могильнику содержат традиционную информацию о палеофлоре (систематический состав ее иллюстрирует таблица 1) и палеорастительности. Наблюдаются также определенные планиграфические закономерности в распределении пыльцы в могильнике. Они содержат информацию о палеоритуалах, что показывает перспективность применения палинологического метода для изучения могильников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ланцев А. П. Отчет о разведках и раскопках в Калининской области в 1990 г. // Архив ИА РАН. Р-1.
Волкова Е. В. Отчет об охранных раскопках могильника Новинки 1 в Калининской области в 1991 г. // Архив ИА РАН. Р-1.
Волкова Е. В., Ланцев А. П., Черных И. Н. Могильник фатьяновской культуры эпохи бронзы Новинки 1 на р. Шоше в Тверской области // В наст. сборнике.
2. Хотинский Н. А., Фоломеев Б. А., Гуман М. А. Археолого-палеогеографические исследования на Северной Оке // СА. 1979. N 3.
3. Фоломеев Б. А., Гласко М. П., Хотинский Н. А., Гуман М. А., Александровский А. Л., Былинская Л. Н. Монастырщина II - неолитическое и средневековое поселение на Куликовом поле в верховьях Дона // Археология и палеогеография мезолита и неолита Русской равнины. 1984.
4. Левковская Г. М. Природа и человек в среднем галоцене Лубанской низины. Рига, 1987.
5. Спиридонова Е. А. Результаты палинологического изучения образцов из толщ четвертичных отложений могильника Дашти-Кози // СА. 1989. N 1.
6. Гроссгейм А. А. Растительные ресурсы Кавказа. Баку, 1948.
7. Митлянская Т. Б. Сельскому учителю о некоторых художественных ремеслах Сибири и Дальнего Востока. М., 1983.

Институт истории материальной культуры РАН, С.-Петербург
Институт археологии РАН, Москва
Тверской государственный объединенный музей

А. Д. МАКСИМОВ

КРАТКИЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ

История изучения дославянских древностей Тверского края VIII-VII вв. до н. э. - VI-VII вв. н. э. насчитывает уже более 250 лет. Еще знаменитый русский историк 1-ой пол. XVIII в. В. Н. Татищев в "Лексиконе Российском", описывая с. Кимры Кашинского уезда, отмечал недалеко от него древние городища, которые, судя по его описанию, можно связать с сохранившимися до настоящего времени городищами Пекуново и Белый городок. Он также полагал, что эти поселения оставлены сарматским народом "Кимери", одержавшим много побед над римлянами [1, с. 324-325]. Позднее, в 1775 г. первый тверской археолог Д. И. Карманов уточнил, что на месте, где впоследствии возникло Тверское княжество, жили финны и мордва, происходившие из числа сармат, а оставшиеся после них городища на р. Волге существовали еще до Нестора [2, с. 22, 25-26].

В настоящее время в пределах Тверской области насчитывается 550 археологических памятников, относящихся к раннему железному веку. Все они представляют собой остатки поселений /233 городища и 317 селищ/. Раскопки проводились на 78 памятниках, включая и разведочные шурфы, давшие датированный материал (табл. 1). Достоверных могильников до сих пор не обнаружено. Поселения располагаются на территории Тверской области очень неравномерно. Более 90% памятников (497) охватывают зону, составляющую менее 58% площади всего края. Достаточно сказать, что только в 6 районах: Андреапольском, Вышневолоцком, Западнодвинском, Калининском, Торопецком и Удомельском - сконцентрировано более 50% известных поселений, а площадь их составляет всего лишь 23,1% от территории всей области (19445 км²). С другой стороны, в 7 районах: Бельском, Нелидовском, Оленинском, Рамешковском, Сандовском, Спировском и Фировском, составляющих 17,2% от территории всей области (14492 км²), известно только 20 памятников раннего железного века (3,6% от всех известных в области). В Весьегонском, Краснохолмском, Сонковском, Кесовогорском, Лихославском и Кувшинском районах городищ и селищ этого времени нет совсем.

Неравномерность размещения памятников на территории Тверской области позволяет выделить 5 микрорегионов их наибольшей концентрации, которые условно обозначены по сторонам света (табл. 1). Ввиду того, что в настоящее время мы не можем достаточно точно определить культурную и этническую принадлежность большинства памятников раннего железного века Тверской области, разделим их на 2 большие группы в соответствии с двумя хронологическими этапами: VIII-VII вв. до н. э. - II-III вв. н. э. и III-VII вв. н. э. Эти этапы характерны для всех известных археологических культур, имевших распространение и в Тверском крае, и на соседних территориях. Более того, по исследованиям датского археолога К. Рандсборга, 3, 7 и 10 вв. н. э. являются фазами, которые нужно рассматривать при изучении основных перерывов экономической, социальной и культурной жизни 1 тыс. н. э. всей Европы [3, с. 10-11].

Во II-III вв. н. э. в бассейне Верхней Оки, где в 1 тыс. до н. э. и первых веках н. э. существовала верхнеокская культура, начинает складываться мощинская культура [4, с. 43-44]. Приблизительно в это же время происходит распад единой об-

Карта памятников раннего железного века Тверской области

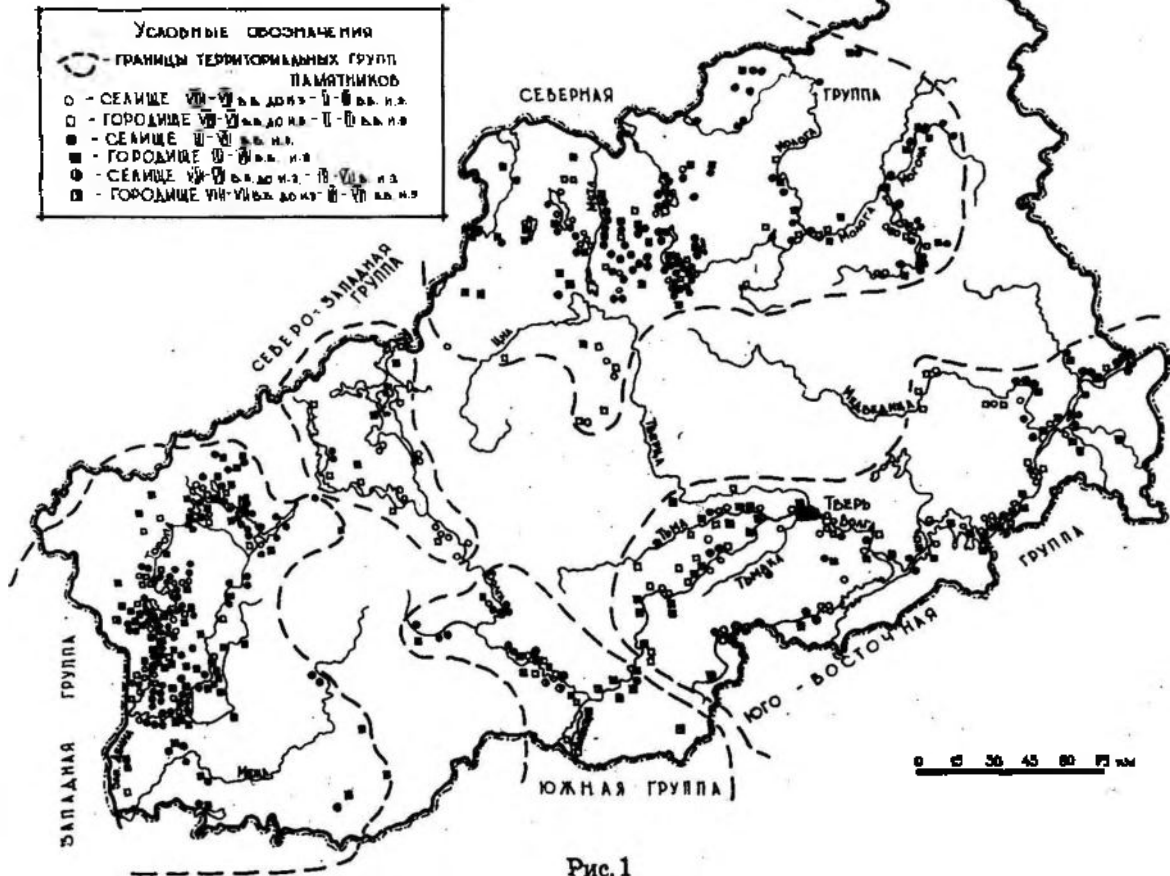

Рис. 1

шности рогожной керамики, известной в науке как городецкая культура и имевшей распространение в бассейнах Средней и Нижней Оки и Средней Волги с притоками [5, с. 5, 14-15]. Здесь образуются культуры, послужившие впоследствии основой для формирования раннесредневековых поволжско-финских племен и народностей: муромы, мещеры, мордвы и марийцев [6, с. 81-115]. Третий век явился рубежом и для племен днепро-двинской культуры бассейна Верхнего Днепра и среднего течения Западной Двины [7, с. 120]. На месте исчезнувшей общности возникает новая тушемлинско-банцеровская культура [4, с. 39; 8, с. 17-18]. Особо следует остановиться на общности сетчатой керамики, известной в науке как дьяковская культура. Ранее отмечалось, что это пока единственная из всех культур раннего железного века, существование которой в пределах Тверской области не вызывает возражений у исследователей [9, с. 44], и до последнего времени в ареал ее распространения включается основная часть территории Тверской области [10, с. 18-19; 11, с. 56, рис. 3]. Все, кто занимался изучением этих древностей, особо выделяют II-III вв. н. э. и определяют их или как начало нового этапа дьяковской культуры [12, с. 79; 13, с. 248-251], или как нижнюю дату двух новых археологических культур, возникших на базе предшествующей [14, с. 195, 196; 15, с. 41].

Проведем небольшой статистический анализ данных о памятниках 5 выделенных территориальных групп Тверской области и проверим: насколько они соответствуют понятию единой культурной общности.

Северная группа памятников.

Наибольшее количество городищ и селищ открыто и обследовано здесь в Вышневолоцком районе. К западу и востоку от него их число постепенно уменьшает-

Таблица 1

Общее количество памятников периода раннего железного века Тверской области
по районам и территориальным группам (УШ-УІІ вв. до н. э. — УІ-УІІ вв. н. э.)

Название территориальной группы	№ по порядку	Название района по алфавиту и порядковый номер по списку районов Тверской области	Общее количество памятников по району			Количество памятников, изучавшихся раскопками			Количество памятников I хронологического этапа (УШ-УІІ вв. до н. э. — I-III вв. н. э.)			Количество памятников II хронологического этапа (III-УІ вв. н. э.)		
			городищ	селищ	всего	городищ	селищ	всего	городищ	селищ	всего	городищ	селищ	всего
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Северная	1	2. Бежецкий	6	18	24	1	3	4	2	10	12	4	8	13
	2	4. Бологовский	10	10	20	3	1	4	5	4	9	8	6	14
	3	6. Вышневолоцкий	17	40	57	1	2	3	7	11	18	10	30	40
	4	18. Лесной	3	8	11	—	1	1	1	1	2	2	8	10
	5	20. Максатихинский	8	6	14	—	—	—	5	—	5	3	6	9
	6	21. Молоковский	3	5	8	1	1	2	—	—	—	3	5	8
	7	28. Сандовский	1	2	3	—	—	—	—	—	—	1	2	3
	8	31. Спировский	—	1	1	—	—	—	—	1	1	—	—	—
	9	33. Торжокский (северная часть)	2	1	3	—	—	—	2	1	3	—	—	—
	10	35. Удомельский	11	21	32	1	3	4	2	6	8	9	16	25
	11	36. Фировский	3	1	4	2	1	3	1	1	2	2	—	2
Общее количество памятников по северной группе			64	113	177	9	12	21	25	35	60	42	82	124
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Юго-восточная	1	10. Калининский	14	19	33	2	4	6	11	14	25	9	7	16
	2	11. Калязинский	3	6	9	2	1	3	3	3	6	3	5	8
	3	12. Кашинский	6	12	18	1	1	2	6	8	14	4	9	13
	4	14. Кимрский	9	12	21	6	5	11	9	10	19	5	4	9
	5	15. Конаковский	8	8	16	5	—	5	5	5	10	7	3	10
	6	26. Рамешковский	2	—	2	—	—	—	2	—	2	—	—	—
	7	32. Старицкий	14	7	21	3	1	4	11	4	15	7	3	10
	8	33. Торжокский (южная часть)	3	2	5	—	—	—	2	2	4	1	1	2
Общее количество памятников по юго-восточной группе			59	65	125	19	12	31	49	46	95	36	32	68

Продолжение таблицы 1.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Южная	1	9. Зубцовский	12	1	13	1	—	1	11	1	12	9	1	10
	2	23. Оленинский	1	3	4	—	—	—	—	—	—	1	3	4
	3	27. Ржавский	7	13	20	2	8	10	4	7	11	4	11	15
Общее количество памятников по южной группе			20	17	37	3	8	11	15	8	23	14	15	29
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Западная	1	1. Андреапольский	16	23	39	2	—	2	9	5	14	10	19	29
	2	3. Бельский	2	1	3	—	—	—	—	—	—	2	1	3
	3	7. Жарковский	3	3	6	—	—	—	—	—	—	3	3	6
	4	8. Западнодвинский	31	35	66	2	1	3	14	8	22	24	28	52
	5	22. Нелидовский	1	2	3	—	—	—	—	—	—	1	2	3
	6	25. Пановский (без св. части)	4	12	16	—	—	—	1	—	1	4	12	16
	7	34. Торопецкий	24	29	53	2	2	4	10	6	16	17	24	41
Общее количество памятников по западной группе			81	105	186	6	3	9	34	19	53	61	89	150
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Северо-западная	1	24. Осташковский	6	7	13	2	2	4	5	6	11	3	1	4
	2	25. Пановский (св. часть)	1	2	3	—	—	—	1	—	1	—	2	2
	3	29. Селижаровский	2	7	9	—	2	2	2	7	9	—	—	—
Общее количество памятников по северо-западной группе			9	16	25	2	4	6	8	13	21	3	3	6
Общее количество памятников по 5 территориальным группам Тверской области			233	317	650	39	39	78	131	121	252	156	221	377

ся (табл. 1). Наиболее четко прослеживается восточная граница группы, которая проходит по западной границе трех районов: Весьегонского, Краснохолмского и Кесовогорского, где, как отмечалось выше, памятники раннего железного века не обнаружены. Западная граница находится между Фировским и Бологовским районами Тверской области, с одной стороны, и Демянским и Валдайским районами Новгородской области, с другой, о чем свидетельствует небольшое количество памятников в Фировском районе (4). Южная граница группы прослеживается также достаточно хорошо, отделяясь от юго-восточной территории, где или вообще не встречено городищ и селищ (Кувшиновский и Лихославльский районы), или они представлены единичными объектами (Спировский, северная часть Торжокского и Рамешковский районы). Следует отметить, что сближение Северной и Юго-восточной групп памятников на двух участках до 50 км можно объяснить или заинтересованностью населения двух зон в контактах, или еще довольно крепкими родственными связями, существовавшими между этими регионами. Немаловажным является тот факт, что такое положение существовало только до III в. н. э. Позднее на этих участках - в южной части Вышневолоцкого и северной части Торжокского районов, а также на границе Рамешковского и Кашинского районов - памятники исчезают, а расстояние между ближайшими поселениями этих территориальных групп увеличивается до 100 км. Северная граница Северного скопления памятников находится за пределами Тверской области и проходит, очевидно, по южным районам Новгородской области.

Для лучшего понимания истории края в раннем железном веке наибольшее значение имеют статистические данные как об общем количестве памятников на I и II этапах существования поселений, так и показатель количественного соотношения городищ и селищ на этих этапах. Для большей ясности необходимо еще выяснить и процентное соотношение по совпадению местонахождений памятников I и II этапов. Для Северной группы поселений такая работа была уже проделана [16, с. 7-9, 22, табл. 3]. Полученные данные свидетельствуют о том, что только 5% поселений III-VII вв. н. э. совпадают по местонахождению с памятниками VIII-VII вв. до н. э. - II-III вв. н. э. Общее количество ранних поселений здесь вдвое меньше, чем поздних (60 и 124). Неодинаковым является и соотношение укрепленных и неукрепленных поселений на разных этапах. Если до III в. н. э. количество городищ и селищ приблизительно одинаково (25 и 35), то для периода III-VII вв. н. э. наблюдается явное преобладание открытых поселений (42 и 82).

Юго-восточная группа памятников.

С севера отделена от южной границы Северной группировки целым рядом районов без памятников или с единичными объектами, как отмечалось выше. Восточная и южная границы этого скопления городищ и селищ находятся за пределами Тверской области и проходят по территории Ярославской и Московской областей. Западная граница на карте почти не фиксируется, однако она хорошо определяется по другим признакам. Не случайным представляется факт значительного преобладания укрепленных поселений над неукрепленными только в одном из восьми районов всей Юго-восточной группы (табл. 1). В Старицком районе городищ в 2 раза больше, чем селищ. В то же время в Южной территориальной группе только в Зубцовском, соседним со Старицким, районе отмечается подавляющее число городищ (табл. 1). По всей видимости, между Старицким и Зубцовским районами проходила западная граница Юго-восточной группировки и восточная граница Южной.

Наибольшее количество памятников отмечается в Калининском районе (33). К востоку и западу от него их число меньше, но в целом поселения распределены по территории Юго-восточной группы равномерно. Резкое сокращение городищ и селищ наблюдается только в более северных районах микрорегиона. По предварительным данным, местонахождение 38 памятников из 125 совпадает, что составляет соответственно 40% от памятников I хронологического этапа и 56% от II. Интересно отметить, что в трех самых восточных районах этой группировки (Ки-

мрский, Кашинский, Калязинский) это соотношение составляет 53,8% и 70%. Особенности микрорегиона, в отличие от Северной группы поселений, являются две: большая концентрация ранних поселений на единицу площади и значительное сокращение числа поселений III в. н. э. По соотношению количества городищ и селищ на I и II этапах наблюдается стабильность. Ранние и поздние памятники дают почти одинаковую пропорцию укрепленных и неукрепленных поселений, причем с некоторым преобладанием городищ над селищами на всем протяжении раннего железного века.

Южная группа памятников.

С запада и севера отделена от других территориальных групп широкой контактной зоной, включающей несколько районов, где памятников раннего железного века или нет совсем, или они представлены единичными объектами. Сюда входят районы: Старицкий (северо-западная часть), Кувшиновский, Селижаровский, Нелидовский и Бельский. Судя по общему количеству памятников в группе, южная граница микрорегиона выходит далеко за пределы Тверской области и проходит по территории Московской и Смоленской областей. Наибольшее количество памятников открыто в Ржевском районе (20). Здесь, в отличие от Зубцовского района, селища значительно преобладают над городищами уже на I этапе, а на II этапе их число превышает укрепленные поселения почти в 3 раза. Местоположение 15 поселений из 37 совпадает, что составляет 40,5% от общего количества городищ и селищ этого микрорегиона. В отличие от Юго-восточной группы памятников, число поселений здесь после III в. н. э. увеличивается. Выделяет эту территорию и соотношение городищ и селищ в ранний и поздний периоды. Для I хронологического этапа характерно явное преобладание укрепленных поселений над неукрепленными (15 и 8), а на II этапе количество их почти одинаково (14 и 15).

Западная группа памятников.

Четко отделяется территориально от Северо-западной и Южной групп. Восточная граница проходит между Бельским, Нелидовским и восточной частью Андреапольского районов, с одной стороны, и Оленинским, Селижаровским, с другой, где памятники раннего железного века не встречаются на значительной площади, или встречаются немногочисленные поселения, главным образом, II этапа. Южная граница проходит по зоне соприкосновения Тверской и Смоленской областей, т. е. в южной части Западнодвинского и Жарковского районов количество поселений резко сокращается. Западная граница проходит по территории Псковской области, включая в Западную группу ее юго-восточные районы, о чем свидетельствуют исследования Я. В. Станкевича в этом регионе [17, карта, ил. 111-113, 210, 211, 213, 214, 216, 221, 223, 224, 226, 227]. Северная граница микрорегиона проходит по южным рубежам Маревского и Холмского районов Новгородской области, на что указывает почти полное отсутствие поселений раннего железного века в северной части Торопецкого и Андреапольского районов. Наибольшее количество памятников в Западной группе известно в Западнодвинском районе (66). К северу от него их число постепенно уменьшается и резко сокращается к востоку и югу. Процентное соотношение по местонахождению памятников I и II этапов выглядит следующим образом. Из 186 поселений всей группы только 16 совпадают по местоположению, что составляет 8,6% от общего количества. На I этапе существования городищ и селищ количество укрепленных поселков почти в 2 раза больше, чем неукрепленных (34 и 19), тогда как на II этапе начинают заметно преобладать селища. Западный микрорегион дает самое значительное увеличение числа поселений на II этапе по сравнению с другими территориальными группами Тверской области. Количество памятников в III-VII вв. н. э. почти в 3 раза больше, чем в предыдущее время.

Северо-западная группа памятников.

Самая малочисленная из всех территориальных групп Тверской области. Включает 9 городищ и 16 селищ. Границы ее определяются достаточно хорошо. Все памятники локализируются по берегам Верхневолжских озер и оз. Селигер, отделяются пустующими зонами от Западной, Северной и Южной групп поселений. Главной особенностью микрорегиона является почти полное исчезновение здесь памятников раннего железного века на II этапе. Из 25 памятников группы только у двух совпадают местонахождение, что составляет 8%. Соотношение укрепленных и неукрепленных поселений на I этапе сходно в процентном выражении с памятниками I этапа Северной группы, тогда как соотношение между разными типами поселений II этапа наиболее близко к памятникам Южной группы.

Подводя итоги анализа статистических данных о памятниках раннего железного века 5 территориальных групп Тверской области, можно сказать следующее:

I. Данные об увеличении количества городищ и селищ в период с III по VII вв. н. э. в Северной, Южной и Западной группах следует рассматривать или как сведения об этапе расцвета предыдущей культуры, или как свидетельство о новом культурном явлении. С другой стороны, сокращение количества поселений в Юго-восточной и Северо-западной группах однозначно констатирует факт упадка предыдущей культуры.

II. Процент совпадения местонахождения памятников I и II хронологических этапов в разных микрорегионах показывает, что только в Юго-восточной и частично Южной территориальных групп у населения ранних и поздних поселений существовала культурная преемственность. Памятники Северной и Западной групп III-VII вв. н. э., в сравнении с поселениями предшествующего времени, являются носителями иных культурных традиций.

III. Соотношения укрепленных и неукрепленных поселений на разных этапах существования памятников раннего железного века показывает, что городища и селища всех территориальных групп представляли собой вполне самостоятельные культурные образования уже на I этапе. Некоторое преобладание в ранний период количества селищ в Северной группе и городищ в Юго-восточной оказывается не случайным, а закономерным явлением, о чем свидетельствует соотношение укрепленных и неукрепленных поселений в этих регионах на II этапе. Значительное преобладание на I этапе городищ над селищами в Западной и Южной территориальных группах, также является индикатором иных культурных традиций. Следует только отметить, что на I этапе возникает единство у памятников Ржевского и Селижаровского районов, которое на II этапе перерастает в одну общность Южной и Северо-западной территориальных групп. На II этапе только в Юго-восточной группе сохраняется прежнее соотношение городищ и селищ, что является бесспорным доказательством единой культурной принадлежности ранних и поздних памятников в этом регионе. В Северной, Южной и Западной группах появляется совершенно иное соотношение городищ и селищ, что, в свою очередь, свидетельствует о новых социально-экономических процессах, начавшихся здесь, а следовательно и появлении иных общественных отношений и структур.

Таким образом, с дьяковской археологической культурой можно связывать только памятники Юго-восточной территориальной группы I и II этапов раннего железного века, как наиболее близкой к основной группе поселений дьяковской культуры на территории Московской области. Памятники Западной группы дают 2 самостоятельных культурных образования в раннее и позднее время, которые частично уже охарактеризованы в литературе [18, с. 9-14]. Памятники Южной группы, отделенные пустующей контактной зоной от Западной, представляют другую культуру VIII-VII вв. до н. э. - II-III вв. н. э. и еще одну III-VII вв. н. э. [19, с. 158-159; 20]. Северная группа поселений III-VII вв. н. э. также представляет собой самостоятельную культуру, которая уже определена и частью обоснована в литературе [16; 21, с. 22-35]. Памятники VIII-VII вв. до н. э. - II-III вв. н. э. в этой зо-

не, как показывает анализ статистических данных, тоже представляли собой вполне законченное культурное образование.

Дальнейшие исследования и, главным образом, анализ вещественного комплекса помогут окончательно определить этническую и культурную принадлежность памятников раннего железного века 5 территориальных групп Тверской области.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Татищев В. Н.* Избранные произведения. Л., 1979.
2. *Карманов Д. И.* Собрание сочинений, относящихся к истории Тверского края. Тверь, 1893.
3. *Рандсборг К.* Методология археологического анализа истории Европы 1 тысячелетия н. э. // *Взаимодействие древних культур в бассейне Балтийского моря.* Л., 1989.
4. *Седов В. В.* Восточные славяне в VI-XIII вв. М., 1982.
5. *Смирнов А. П., Трубинова Н. В.* Городецкая культура // *САИ.* 1965. Вып. Д1-14.
6. *Финно-угры и балты в эпоху средневековья* // *Археология СССР.* М., 1987.
7. *Шмидт Е. А.* Племена верховьев Днепра до образования Древнерусского государства. Днепро-двинские племена (VIII в. до н. э. - III в. н. э.). М., 1992.
8. *Лопатин Н. В.* Проблемы и перспективы изучения древностей типа Тушемли-Банцеровщины // *Памятники железного века и средневековья на Верхней Волге и Верхнем Подвинье.* Калинин, 1989.
9. *Максимов А. Д.* К истории изучения памятников раннего железного века Верхнего Поволжья и Подвинья // *Археологические исследования в Верхневолжье.* Калинин, 1983.
10. *Вишневский В. И.* Дьяковская культура в Верхнем Поволжье (VIII-VII вв. до н. э. - VII-VIII вв. н. э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1991.
11. *Смирнов К. А.* Развитие производящего хозяйства у населения Волго-Окского междуречья в 1 тыс. до н. э. - первой половине 1 тыс. н. э. // *Древности славян и финно-угров: Доклады советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии 16-22 мая 1986 г.* СПб., 1992.
12. *Смирнов К. А.* Дьяковская культура (материальная культура городищ междуречья Ски и Волги) // *Дьяковская культура.* М., 1974.
13. *Дубынин А. Ф.* Щербинское городище // *Дьяковская культура.* М., 1974.
14. *Третьяков П. Н.* О ранних и поздних городищах дьякова типа // *Pronksiajaast vargase feodaliainini.* Tallinn, 1966.
15. *Краснов Ю. А.* Предисловие // *Дьяковская культура.* М., 1974.
16. *Максимов А. Д.* Памятники III-VII вв. Мстинско-Моложского междуречья (Постановка проблемы) // В печати.
17. *Станкевич Я. В.* К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н. э. // *МИА.* 1960. N 76.
18. *Короткевич Б. С.* Верхнее Подвинье в раннем железном веке // *Памятники железного века и средневековья на Верхней Волге и Верхнем Подвинье.* Калинин, 1989.
19. *Максимов А. Д.* Первое поселение балтов на верхней Волге // *Тез. докл. Всесоюз. археологической конф. Суздаль, 1987.* М., 1987.
20. *Максимов А. Д.* Отчет о раскопках селища Суходол 2 и стоянки Суходол 12 в Ржевском районе Калининской области в 1986 году // *Архив ИА РАН.* Р-1.
21. *Максимов А. Д.* Некоторые формы лепных сосудов с затертой поверхностью с городища Орлов городок // *Керамика раннего железного века и средневековья Верхневолжья и соседних территорий.* Тверь, 1991.

Тверской государственной
университет

П. Д. МАЛЫГИН

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ДРЕВНОСТЕЙ ТЕРРИТОРИИ ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ

Проблема преемственности и взаимосвязи памятников позднего периода раннего железного века и раннего средневековья (прежде всего стратиграфические наблюдения на многослойных городищах и селищах и сравнительный анализ керамического материала) для территории Тверской области пока остается не разработанной.

Традиционно древнейшими погребальными памятниками раннего средневековья на территории Тверской области считаются длинные курганы (ДК) и сопки. Общая характеристика этих памятников дана нами в специальной работе [1, с. 32-36]. Здесь же мы ограничимся рядом наиболее существенных замечаний с учетом новых данных.

По данным группы "Свод памятников Тверской области" в настоящее время зафиксировано 219 курганных могильников и одиночных насыпей культуры ДК (рис. 2), которые группируются в 9 скоплений или регионов (рис. 1). Приведенная цифра имеет тенденцию к увеличению за счет "боровых" курганных групп с округлыми невысокими насыпями, расположенных на значительном удалении от воды.

Не вызывает возражений тот факт, что в западных и северо-западных районах Тверской области встречаются как Псковско-Новгородские, так и Смоленские ДК, отличающиеся друг от друга на более широких территориях рядом особенностей погребального обряда. Раскопанных насыпей ДК на территории области по сравнению с другими районами немного. В настоящий момент нет четких критериев, чтобы разграничить в западных и северо-западных районах области ДК Смоленские и Псковско-Новгородские.

Хорошо известно, что особенностью Новгородских ДК является наличие в некоторых могильниках высоких сопковидных насыпей ("сопки в борах"), как правило, имеющих четко выраженные кольцевые рвы. На территории Тверской области выявлено 17 таких могильников. К этим сопковидным насыпям, связанным с ДК, следует отнести и уплощенные "блинообразные" насыпи высотой до 2 м с очень большим диаметром (15-32 м), с широкими кольцевыми рвами. Такие насыпи отмечены в 5-ти пунктах Верхнемстинского и в 4-х пунктах Тверецкого регионов.

Вопрос датировки погребальных памятников культуры ДК на Верхней Волге остается еще недостаточно разработанным. Одно из погребений длинного кургана в группе Гринино 1 Селигерского региона (раскопки И. Н. Черных) датировано радиоуглеродным методом 610 ± 30 г. Удалось получить радиоуглеродную дату для одного из курганов культуры ДК Шлинского региона (раскопки В. А. Бузова) - 770 ± 60 г. На основе 52-х раскопанных курганов И. В. Исланова датирует культуру ДК в Мстинско-Моложском междуречье (Верхнемстинский регион) в основном VI-VII вв. Причем, по ее мнению, в западном микрорайоне этого региона "погребения начинают совершаться несколько раньше - с конца V в., а в восточном микрорайоне последние захоронения производятся несколько позже - в начале VIII в." [2, с. 27]. Иная датировка ДК Тверецкого региона. М. В. Фехнер по поводу

курганной группы Березино 1 отмечала: "Курганы по погребальному обряду и инвентарю (призматическим бусам из темно-синего стекла, поясной бляшке, лепной керамике) могут быть отнесены к IX-X вв." [3]. А. Х. Репман, исследовавший насыпи культуры ДК в 3-х Ивановских группах, датировал их "на основании погребального обряда, лепной урны и типа насыпей" VIII-IX вв. [4]. Таким образом, ДК Тверецкого региона видимо появляются позднее насыпей более северных и западных районов. Тверецкий и Волжско-Шошинский регионы расположены в районе, отличающемся полным отсутствием озер. Тверецкий регион приурочен к плоским увалам Новоторжской гряды, а Волжско-Шошинский - к равнинной поверхности Приволжской низменности. Здесь прослеживается четкая приуроченность могильников культуры ДК именно к дерновокарбонатным и вообще плодородным почвам в окраинных регионах, не характерных по рельефу для основного ареала Псковско-Новгородских ДК.

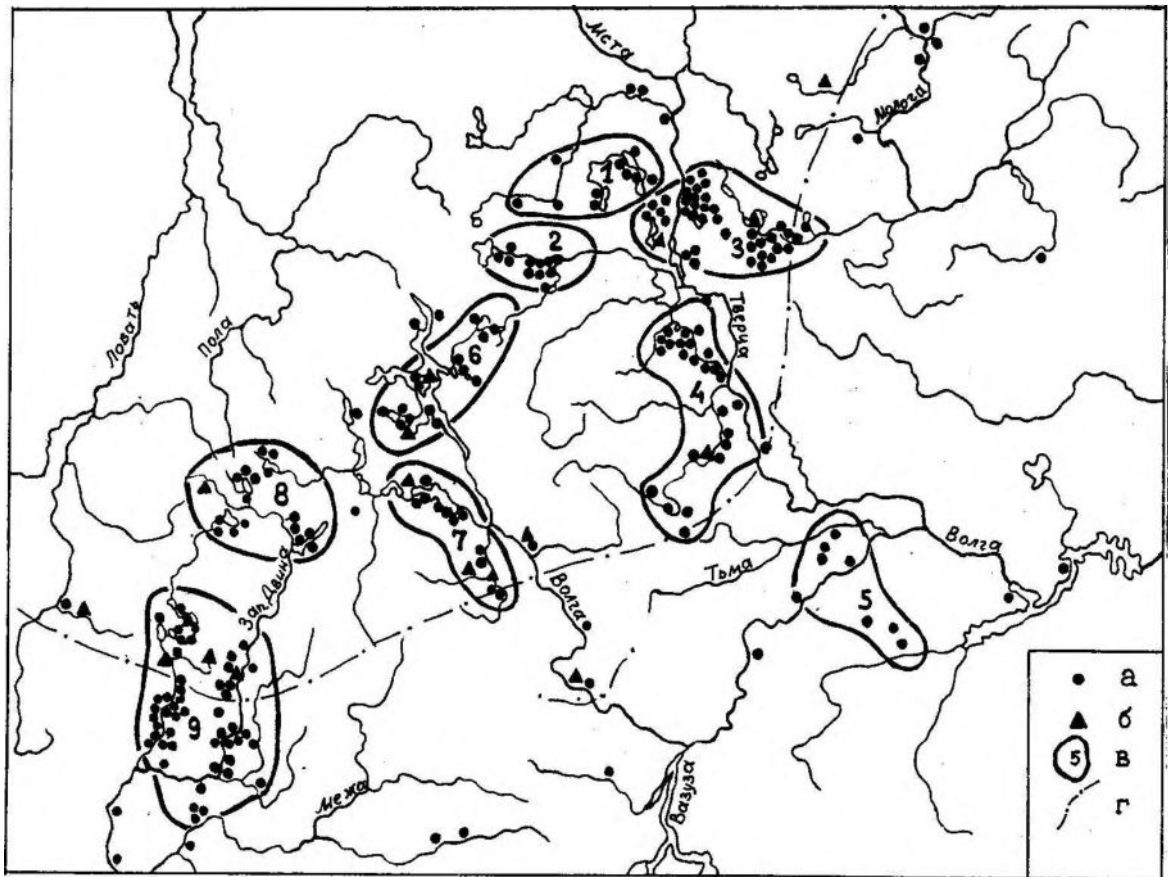

Рис. 4. Погребальные памятники культуры длинных курганов на территории Тверской области:

а - курганные могильники; б - высокие насыпи в группах ("сопки в борах"); в - выделенные регионы (1. Бологовский; 2. Шлинский; 3. Верхнемстинский; 4. Тверецкий; 5. Волжско-Шошинский; 6. Селигерский; 7. Верхневолжский; 8. Водораздельный; 9. Подвинский); г - условная граница высоких насыпей КДК

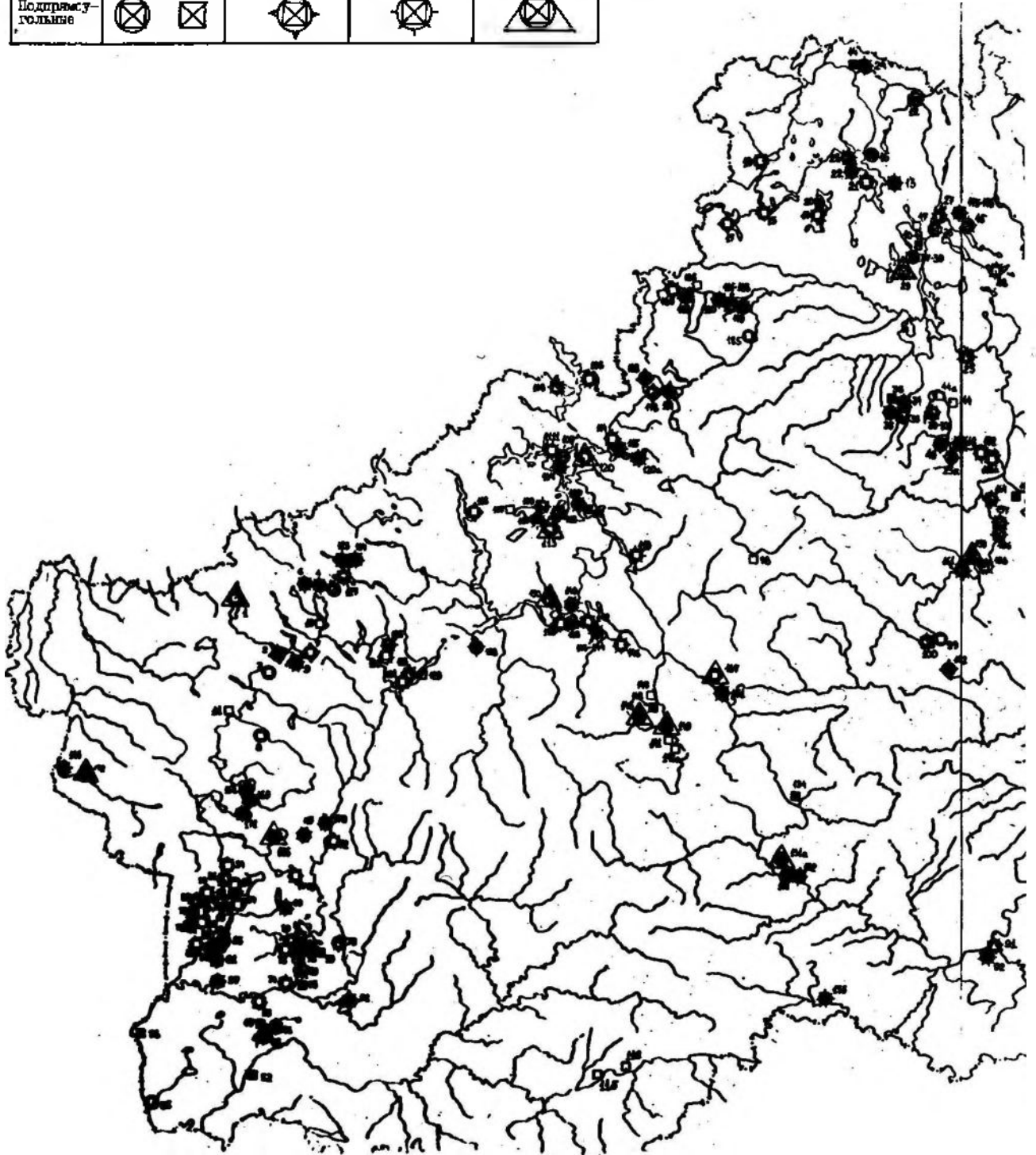
В основу схемы расположения сопок и сопковидных насыпей (рис. 3) легли насыпи, имеющие высоту свыше 2,5 м (кроме высоких насыпей в группах с ДК). На территории области по нашим подсчетам сопки и сопковидные насыпи встречаются в 195 пунктах. По сравнению с ДК, сопки занимают здесь более обширную территорию, захватывая верховья Мологи, что подтверждает, на наш взгляд, высказанное Е. Н. Носовым и В. В. Седовым предположение о двух миграционных волнах славянского заселения северо-запада [5, с. 20-35; 6, с. 10-15].

Рис. 2. Длинные курганы на территории Тверской области

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

	ДК групповые		ДК с курганами с обкладкой из камней	ДК с курганами без обкладки из камней	ДК с "сопками в борах"
Длинные	●	■	⊗	⊙	▲
Удлиненные	○	□	⊕	⊘	△
Подпрямоугольные	⊗	⊗	⊗	⊗	▲

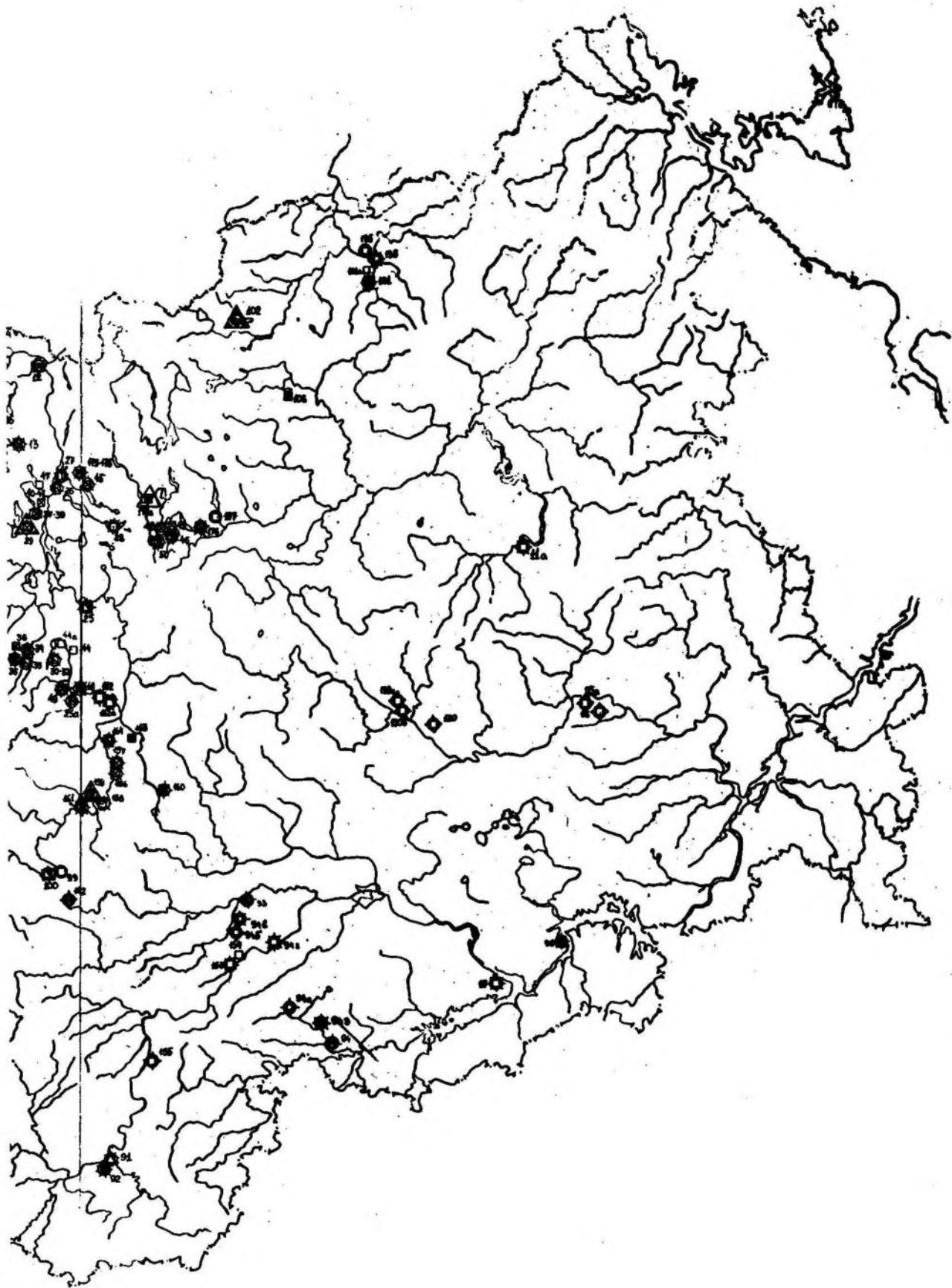
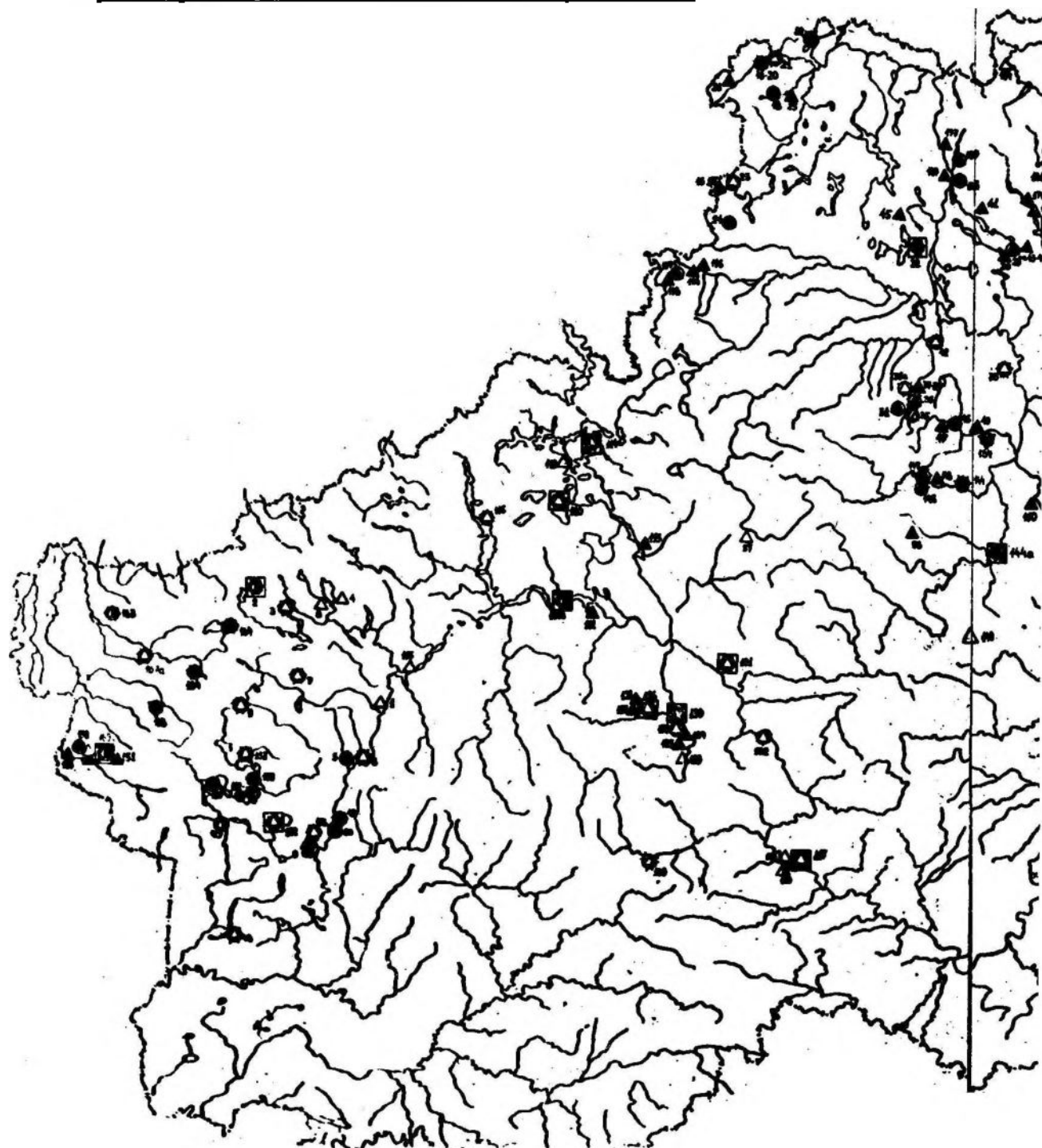
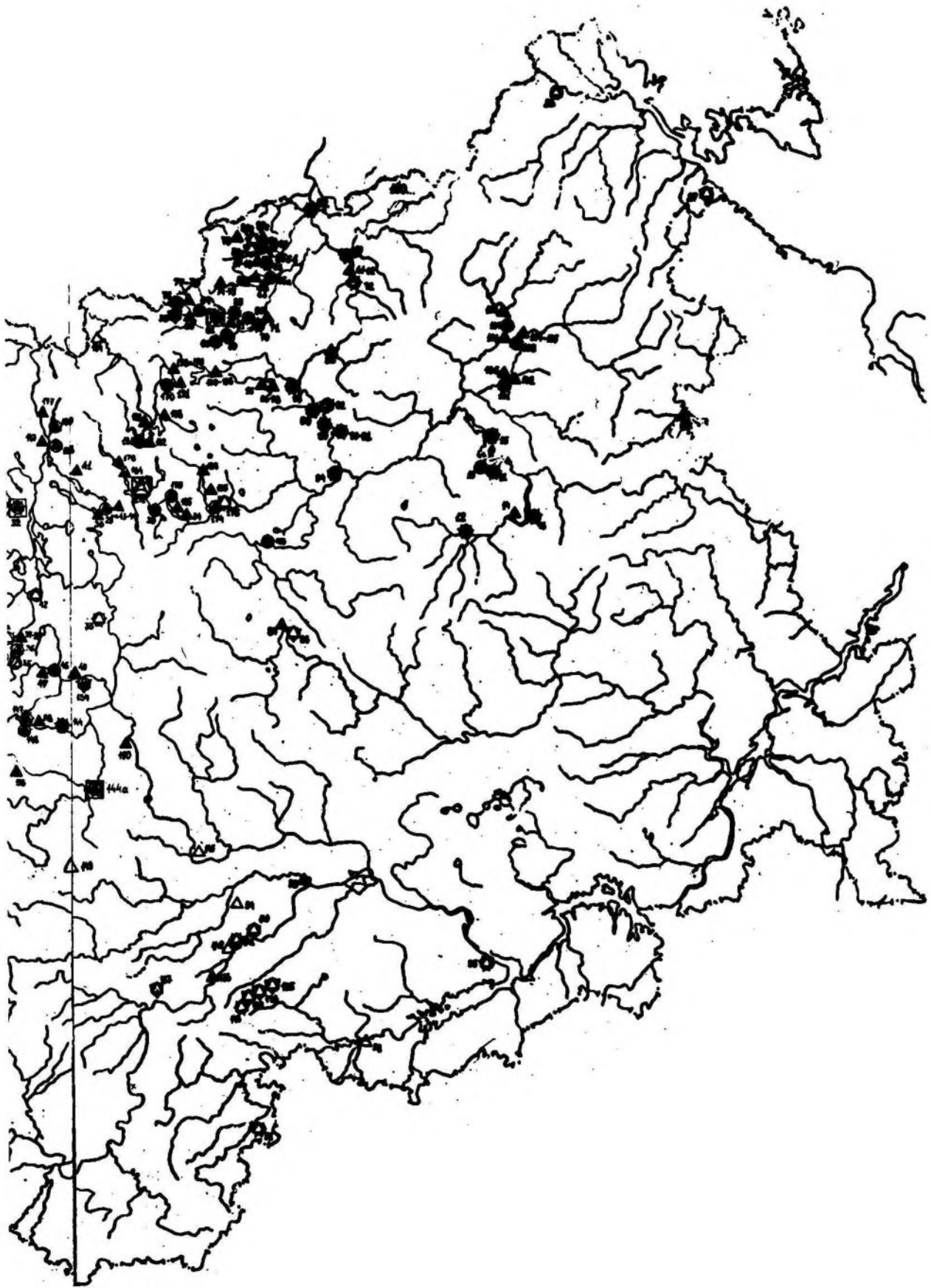

Рис. 3. Сопки и сопковидные насыпи на территории Тверской области

УСЛОВНЫЕ ОБЗНАЧЕНИЯ

	Группа	Сдвоенные	В группе с курганами с обкладкой из камней	В группе с курганами без обкладки из камней	"Сопки в бороздах"
Сопки					
Сопковидные насыпи					

В центральной части Тверской области выделяется 3 скопления сопковидных насыпей, которые совпадают с выделенными регионами ДК - Верхневолжский, Тверецкий и Волжско-Шошинский (рис. 4). Раскопки О. М. Олейникова в Струйском на р. Волге (Ржевский район) курганного могильника, близкого по топографии к памятникам Волжско-Шошинского региона, позволяют датировать начало сооружения высоких насыпей кон. 1 тыс. н. э. В соседнем с сопковидной насыпью кургане найден денарий, чеканенный в 978-1016 гг. [7].

Весьма любопытно расположение выделенных Тверецкого и Волжско-Шошинского регионов по направлению Верхняя Мста - Торжок - Волок Ламский [1, с. 35-36]. В совокупности Тверецкий и Волжско-Шошинский регионы соответствуют Новоторжско-Волоцким территориям XII в., в связи с этим возникновение именно в этих районах двух исконно новгородских городов Торжка и Волока Ламского представляется вполне закономерным.

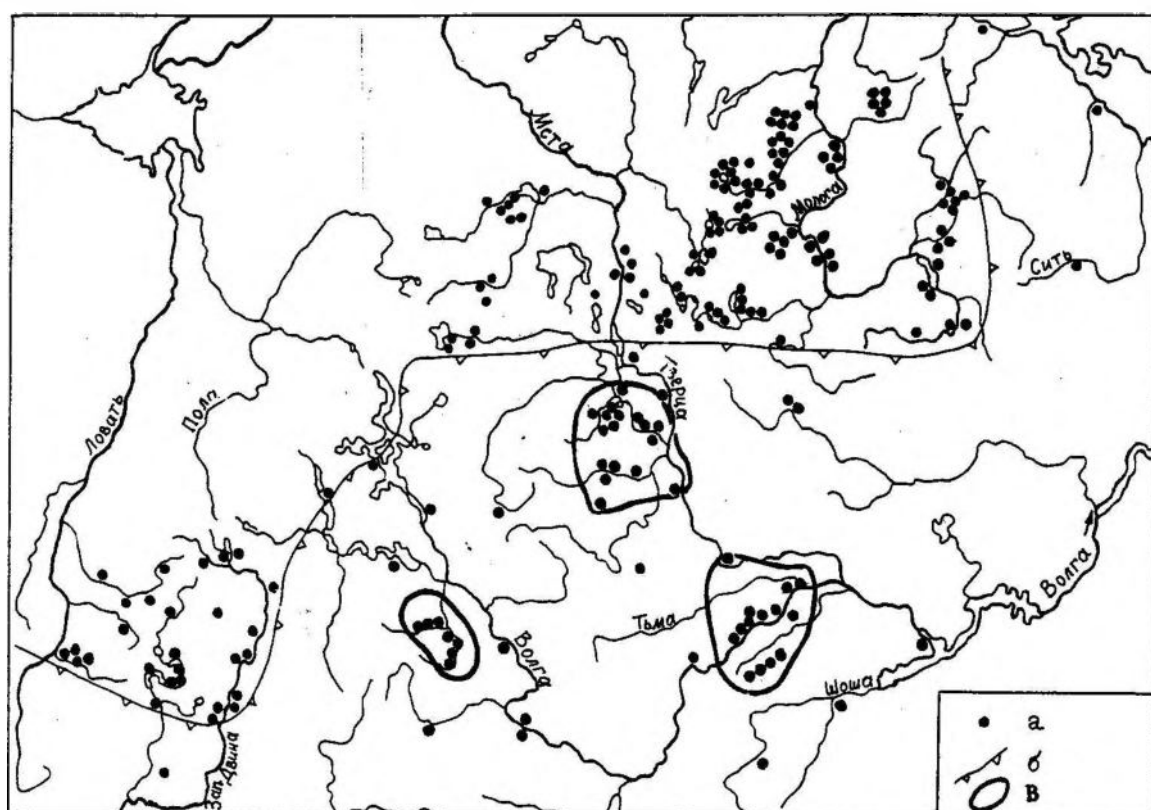

Рис. 4. Погребальные памятники культуры сопок на территории Тверской области:
а - погребальные памятники; б - граница основного ареала культуры сопок; в - выделенные регионы

На территории Тверской области у д. Городище Сандовского района с сер. XIX в. известен уникальный археологический комплекс культуры сопок. В 1990 г. он был обследован автором совместно с А. П. Ланцевым и В. П. Веселовым. Комплекс расположен на правом коренном берегу р. Саванки (правый приток р. Ратыни, правого притока р. Мологи) на высоте 7-10 м над уровнем воды. Он занимает территорию в 225 га (рис. 5). Почвы представлены легким суглинком. Большая часть территории комплекса распаивается, остальная часть занята островами сосновых боров. Рельеф местности сильно пересечен заболоченными оврагами, которые составляют единую систему с долиной безымянного ручья, правого притока р. Саванки. Центральную часть комплекса занимают городище и 2 селища. Городище мысового типа размерами 90x60 м с напольным дугообразным в плане валом высотой до 2,5 м и шириной в основании до 10 м. У северной оконечности вала чет-

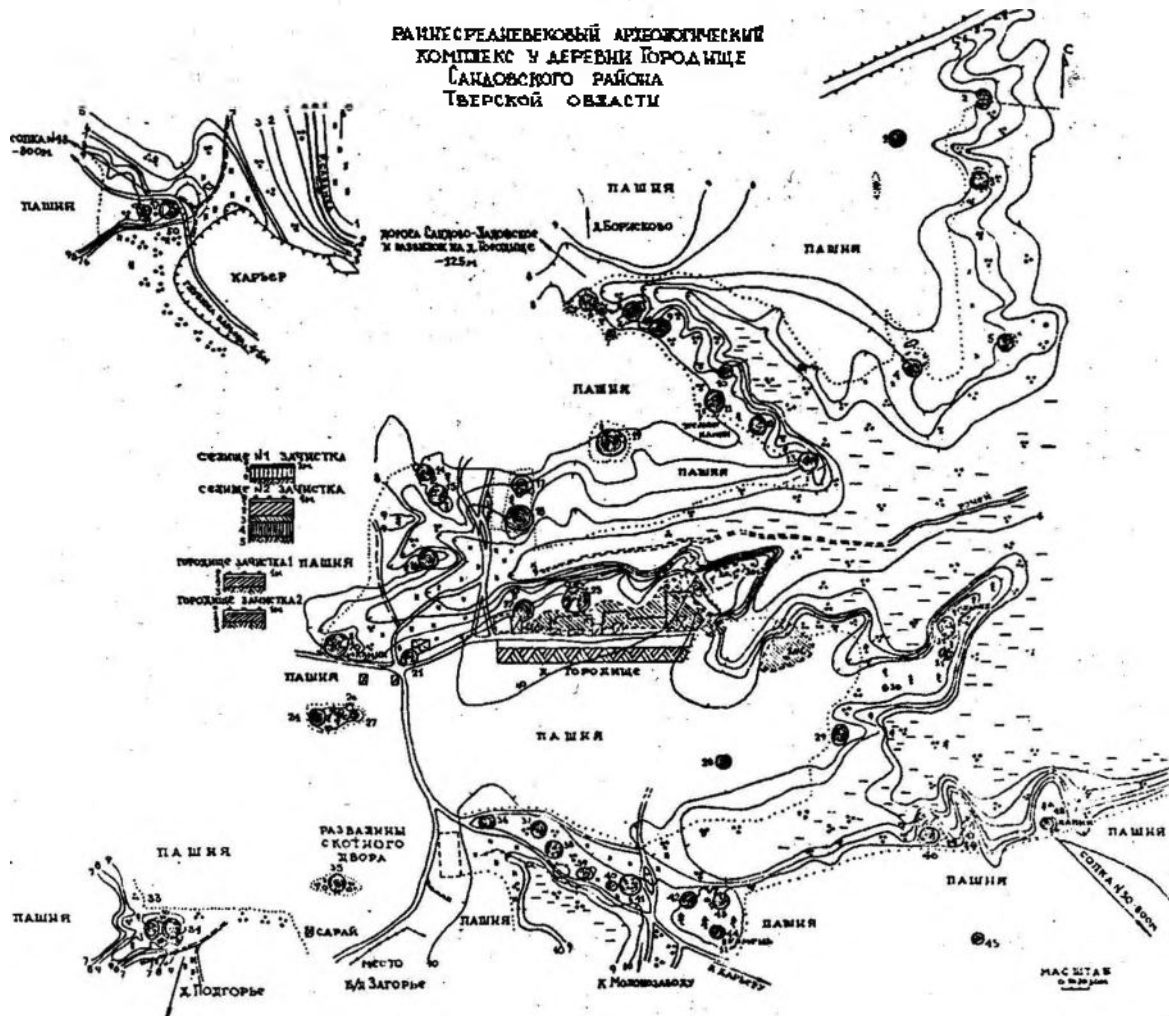

Рис. 5. Археологический комплекс культуры сопок у д. Городище Сандовского района

ко прослеживается въезд на площадку городища, а также спуск в долину ручья. Тонкая прослойка подзола (0,17 м) на территории городища связана с распашкой площадки, которая проводилась еще 30 лет тому назад. Никаких находок в зачистках не найдено. По-видимому, это было городище-убежище. Напольный ров городища практически не прослеживается. От подножия вала начинается селище, протянувшееся вдоль берега ручья на 200 м (его ширина 25-55 м). Мощность культурного слоя (черно-коричневый гумус) - 0,9 м. Материал представлен лепной и раннекрутовой керамикой, железными шлаками. Еще одно селище к юго-востоку через овраг от городища имеет размеры 55x70 м и мощность культурного слоя (темно-коричневый сутлинок) до 0,4 м. Материал также представлен лепной и раннекрутовой керамикой.

Практически со всех сторон поселенческий комплекс окружен 50-ю сопковидными насыпями. В прошлом количество насыпей было большим - несколько сопок было скрыто при строительстве дороги. Большинство сопок расположено цепочками вдоль берегов оврагов. Сопки, как правило, не имеют ровов в основаниях, однако часто расположены на мысах между небольших оврагов, образованных, судя по всему, выборкой грунта для насыпки сопок. Насыпи округлые в плане, диаметром от 8,5 до 33,5 м при высоте от 2-2,5 до 9,1 м. У ряда насыпей в основании прослеживаются обкладки из камней. 5 насыпей, включенные в общее число, отличаются небольшими размерами (диаметр - 6,2-9,0 м, высота - не более 1,7 м). Археологический комплекс у д. Городище несомненно представляет большой научный интерес. Во многом он схож с синхронным комплексом Любытино на р. Мсте,

где для IX-X вв. исследователи фиксируют процесс формирования дружинной прослойки на основе протогородского локального центра, прерванный в 947 г. походами княгини Ольги [8, с. 38-39; 9, с. 130-131].

Курганная культура XI-XII вв. на территории Тверской области - обширная и самостоятельная тема. Ограничимся здесь двумя замечаниями. Для Ржевского Поволжья и среднего течения р. Мологи прослеживается четкая приуроченность крупных археологических комплексов с курганами: XI-XII вв. к районам выходов известняков ("опоки"), благодаря которым почвы, понижая свою кислотность, приобретали повышенное плодородие. Самым крупным курганным могильником, расположенным в районе наиболее плодородных почв, может считаться ныне уничтоженная карьерами курганная группа у с. Сукромля под Торжком, в которой по данным А. А. Спицына насчитывалось "свыше 1000 насыпей" [10, с. 39].

Исследования средневековых сельских поселений территории Тверской области ведутся в настоящее время в нескольких микрорегионах комплексным методом. Е. Н. Носовым исследована волость Буйцы (Андреапольский район) [11, с. 110-114], а В. А. Буровым - Жабенская волость (Фировский район) [12, с. 34-68; 13, с. 74-84]. Непосредственно с изучением поселений связана разработка хронологических шкал керамики на основе дендрохронологических датировок. Такая шкала уже имеется для Торжка [14, с. 128-216], начато создание хронологии тверской керамики на основе раскопа Л. А. Поповой на территории Кремля у медицинского института (1985 г.). Для западных регионов области необходима разработка хронологии торопецкой керамики. В создании хронологии керамики непосредственно сельских поселений помогают писцовые книги XV-XVII вв., которые порой достаточно точно фиксируют время возникновения поселения или прекращения жизни на селище.

Одной из ключевых проблем средневековой истории Верхневолжья является вопрос о времени возникновения Твери. Поиски ответа на данный вопрос во многом усложнены следующим обстоятельством. Территория Твери является крупным гидроузлом, заселенным с эпохи мезолита. Одновременно с этим несомненно городской "влажный" культурный слой отложился на весьма ограниченной площади, за пределами которой слои домонгольского времени сельских поселений могут быть приняты за городские слои. Есть и чисто источниковедческие и историографические проблемы. Ряд исследователей до сих пор не может отказаться от традиционных, но в настоящее время "тупиковых" направлений в изучении древней Твери:

1. Несомненно следует отказаться от даты 1135 г. по отношению к "тверскому гостю", упомянутому в "Рукописании" князя Всеволода. В. А. Кучкиным аргументированно доказано, что "тверской гость" фиксируется в приписке к "Рукописанию", датируемой не ранее кон. XIII в. [15, с. 209-230].

2. М. Н. Тихомиров и Л. В. Алексеев резонно отметили, что упоминаемый в летописи под 1206 г. Отроч монастырь связан не с Тверью, а со Смоленском [16, с. 419; 17, с. 243]. С этим согласуется и замечание "Повести о Тверском Отроче монастыре", которая относит основание монастыря ко 2-ой пол. XIII в., при этом говорится о предварительной вырубке леса на месте строительства этой обители [18, с. 675, 682].

3. Весьма сомнительной кажется гипотеза о косвенном упоминании Твери как одного из шести "городков" летописной статьи 1149 г. [15, с. 228-230; 19, с. 149-158].

Несколько лет тому назад мы отмечали, что предматериковый городской слой на территории Тверского кремля, судя по такому надежному хронологическому индикатору как стеклянные браслеты, не может быть датирован ранее 2-ой четв. XIII в. С этим обстоятельством, как нам представляется, согласуется и замена церкви Козмы и Дамиана собором Спасо-Преображения в кон. XIII в. и известная статья Воскресенской летописи о послемонгольских мероприятиях князя Ярослава Всеволодовича [19]. Однако при этом остаются необъяснимыми летописные упоминания о Твери под 1209 и 1215-16 гг., и, возможно, наиболее ран-

нее упоминание о Твери в "Сказании о чудесах иконы Владимирской Божьей Матери". Таким образом возникает вопрос о местоположении древнейшей Твери. Писцовая книга 1626 г. упоминает о существовании городища на Загородском посаде: "От Воскресения Христова идучи в улицу в тупик к Рождеству Христову на г л и н н о е г о р о д и щ е..." [20, с. 61]. Церковь Воскресения Христова на Хлынове с приделом Ильи Пророка с кон. XVII в. именовалась уже церковью Ильи Пророка, церковь Рождества Христова существует в настоящее время. Думается, что при решении вопроса возникновения Твери поиски и исследование района "глинного городища", располагавшегося практически напротив устья Тверцы, будут необходимы.

Проблема средневековой топографии городов территории Тверской области была поставлена более 100 лет назад целым рядом местных исследователей. Ее успешное решение зависит от полноты источниковой базы (прежде всего чертежи и планы с дорегулярной застройкой).

Для Кашина имеется два подробных чертежа кон. XVII в., на основе которых сделаны разработки топографии города Э. А. Рикманом еще в 1949 г. [21, с. 62-69] и совсем недавно Г. Я. Можеевым [22, с. 85-94]. Топографию Торопца детально исследовали П. А. Раппопорт [23, с. 11-20], Ю. М. Лесман [24, с. 73-82], а также Д. И. Фояков, опубликовавший недавно план города и окрестностей 1-ой пол. XVIII в. [25, с. 91-96] и широко использующий ценнейший источник - Торопецкую писцовую книгу 1540 г. [26, с. 277-357]. Существует план Старицы 1777 г. [27] с отмеченной полной дорегулярной планировкой. Иначе обстоит дело с топографическими источниками по Торжку. Лишь план центральной части этого города 1767 г. [28] имеет фрагменты дорегулярной планировки, составляющие всего около 5% от общей площади средневекового города. Топография средневекового Торжка в общих чертах реконструирована главным образом на основе данных археологии, летописных и актовых источников с привлечением плана Э. Пальмквиста 1674 г. [29, с. 85-96].

Комплексное изучение топографии города позволяет порой выйти на общео исторические и политико-административные выводы. Так изучение топографической ситуации центральной части Торжка привело к выводу об экстерриториальном положении княжеской резиденции (Верхнее городище) по отношению к новгородскому (боярскому) центру (Нижнее городище) [30, с. 17-18]. Система двух городищ является здесь как бы калькой топографической ситуации Новгорода в XII-XV вв. (Детинец - Рюриково городище). Датировка древнейших напластований Верхнего городища Торжка (сер. XII в.) позволила, как нам представляется, решить вопрос о времени возникновения княжеской части на юго-востоке Новгородской земли. Это, в свою очередь, повлекло за собой иное прочтение известной статьи договорных грамот Новгород с князьями: "...а в Торжку, княже, держати тивунъ на своей, а новгородецъ на своей чясти..." [31, N 1, 2 и след.]. Традиционно считалось, что речь здесь идет о распределении торговой пошлины между Новгородом и великим князем в рамках деятельности княжеского тиуна и новгородского тиуна или купеческого старосты, подведомственного новгородскому тысяцкому [32, с. 66, 108]. Однако столь серьезное территориальное разграничение в центре Торжка (Верхнее и Нижнее городища) на фоне непосредственно новгородской системы экстерриториальности князя явно указывает на разделение не только торговой пошлины. Точку над і поставила здесь знаменитая договорная грамота короля польского Казимира 1V с Великим Новгородом 1471 г., в которой, в отличие от договоров Новгорода с русскими князьями, упомянутая статья была сформулирована более детально: "А что пошлина в Торжку..., тивунъ свои держати на своей чясти, а Новугороду на своей чясти п о с а д н и к а держати" [31, N 77, с. 132]. Сопоставляя данную статью с соответствующими статьями в договорах Новгорода с великими князьями русского происхождения, выясняется, что термин "пошлина" - это вовсе не торговая пошлина, а "пошлина" в значении "исконный обычай, исконное право" [33, стб. 1333]. При этом княжеский тиун превращается в княжеского наместника, как это зафиксировано и в летописи, например,

под 1273 г.: "...приходи князь Василии к Торжьку, и пожже хоромы и посади тивунъ свои, и иде назадъ..." [34, с. 322]. Но самое существенное, что на место загадочного "новгородца" грамот Новгорода с князьями в грамоте с Казимиром IV становится реальный посадник, который и должен противостоять княжескому наместнику и княжеской части в Торжке по общей новгородской системе смешанного (т. е. смешанного) суда. И тогда становится понятным до этого трудно объяснимое полное отсутствие в Торжке вислых печатей новгородских тиунов или купеческих старост, столь часто находимых в самом Новгороде.

Метод изучения и исторической интерпретации топографии Торжка применим и к другим новгородским землям, находившимся в XII-XV вв. в системе смешанного порядка между Новгородом и великим князем. Аналогичным методом может быть интерпретирована статья все тех же договорных грамот в отношении Волока Ламского: "...Волокъ с всеми волостями, а держати ти (т. е. князю) свои тивунъ на половине, а новгородецъ на половине въ всеи волости Волоцьском..." [31, N 1 и след.]. Грамоты XIV-XV вв. отмечают противостояние посадничьего суда и проездного суда наместников московских великих князей в Бежецком Верху [35, с. 84-92; 36, N 165, 170, 179]. Не исключено, что экстерриториальность княжеского наместника топографически выявится и здесь.

Во многом не решенной остается проблема местоположения удельных центров Тверского великого княжества XIV-XV вв. Наряду с такими загадочными поселениями как Радилы, Телятев, Чернятин, как это ни странно, мы не знаем, где находились такие крупные политические центры как Холм и Дорогобуж. Коснемся здесь местоположения Холма. Холм впервые упоминается в летописи под 1346 г. как центр удела князя Всеволода Александровича Холмского [37, с. 217]. В духовной Ивана III 1504 г. (а также под 1491 г. в Симеоновской летописи) он упоминается вместе с так называемым Новым городком: "Холмских вотчину, Холмъ и Новои городок, да волость Олешню, да волость Синюю... писал писец наш Андрей Карамышев" [38, N 89, с. 361, 362]. В меновой грамоте Ивана IV 1566 г. Холм именуется дворцовым селом, а Новый городок, впервые упомянутый в 1491 и 1504 гг., назван Новым городищем [38, N 102, с. 421], а еще позднее (1572 г.) Погорелым городищем: "...с Холмом, и с Погорелым Городищем..." [38, N 104, с. 442].

Еще в XIX в. И. Д. Беляев, В. С. Борзаковский и А. В. Экземплярский начали связывать город Холм с селом Красный Холм, расположенным в современном Зубцовском районе между Погорелым Городищем и Княжьими Горами. Здесь же видит город Холм и В. А. Кучкин [39, с. 176]. Как показали археологические исследования, никаких намеков на укрепления и средневековый культурный слой в селе Красный Холм нет, это достаточно позднее "водораздельное" село [40]. В то же время укрепления на территории современного Погорелого Городища не соответствуют по своим фортификационным особенностям Новому городку, впервые упомянутому лишь в 1491 г., а являются типичными для XIV-XV вв. (мыс в петле при слиянии двух рек) [41, с. 77]. Правда, по мнению В. А. Кучкина Новому городку предшествовал "город Хорвач", лишь однажды упомянутый в летописи под 1368 г. [39, с. 176]. То, что это именно поселение, а не какая-то территория в районе рек Держи и Шоши, из летописной статьи не следует [39, с. 148, 180]. Таким образом, Холм может быть связан по всем своим характеристикам с мощной крепостью на территории современного Погорелого Городища, а Новый городок - это, по-видимому, расширение крепости Холм в кон. XV в., что вполне допустимо, судя по топографии городища при впадении р. Горянки в р. Держу.

В завершении обзора упомяну об одной совершенно новой теме для археологии и истории территории Тверской области. В 1989 г. впервые в нашем регионе в Борисоглебском монастыре Торжка были обнаружены в переотложенном состоянии остатки домонгольского плинфяного храма кон. XII или руб. XII-XIII вв., сооруженного смоленскими зодчими. Этот памятник интересен не только многочисленными фрагментами домонгольских фресок, но и необычным набором плинфы, на которой достаточно часто встречаются различные изображения и даже надписи [42, с. 80-81]. Следует отметить, что на территории Тверской области, помимо

Торжка, существует еще два центра, где не исключено обнаружение остатков до-монгольских каменных храмов. Это, во-первых, Торопец, в домонгольский период бывший вторым по значению городом Смоленского княжества. А, во-вторых, Скнятин, где, судя по Никоновской летописи, в 1134 г. Юрий Долгорукий "заложил град... и церковь в нем созда".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Малыгин П. Д.* К вопросу о славянском заселении юго-востока Новгородской земли // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Вып. 2. Новгород, 1989.
2. *Исланова И. В.* Насыпи культуры длинных курганов Мстинско-Моложского междуречья // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Вып. 2. Новгород, 1989.
3. *Фехнер М. В.* Отчет об археологических работах 1967 г. в Калининской области // Архив ИА. Р-1. N 3566.
4. *Репман А. X.* Отчет о раскопках курганов на ручье Чамка в Вышневолоцком районе Калининской области в 1955 г. // Архив ИА. Р-1. N 1144.
5. *Носов Е. Н.* Некоторые общие проблемы славянского расселения в лесной зоне Восточной Европы в свете истории хозяйства // Историко-археологическое изучение Древней Руси: Итоги и основные проблемы. Л., 1988.
6. *Седов В. В.* Формирование восточнославянской народности // КСИА. 1989. Вып. 198.
7. Доклад О. М. Олейникова на конференции в г. Калинин 11 марта 1988 г.
8. *Конецкий В. Я.* Роль естественно-природных факторов в ранней истории Новгородской земли // 125 лет Новгородскому музею: Материалы научной конференции. Новгород, 1991.
9. *Конецкий В. Я.* К изучению социальных структур славянского населения Приильменья в конце 1 тыс. н. э. // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Новгород, 1992.
10. *Спицын А. А.* Археологический очерк Тверской губернии, 1921 г. Рукопись // Архив ТГОМ. Ф. Р-1. Оп. 1. Ед. хр. 233.
11. *Носов Е. Н.* Новгородская волость Буйцы: Историко-археологический комментарий // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Вып. 3. Новгород, 1990.
12. *Буров В. А.* О происхождении кончанской структуры древнего Новгорода // Археологические источники об общественных отношениях эпохи средневековья. М., 1988.
13. *Буров В. А.* Жаровский конец Жабенской волости в VIII-XVI веках по историко-археологическим данным // Памятники железного века и средневековья на Верхней Волге и Верхнем Подвинье. Калинин, 1989.
14. *Малыгин П. Д.* Типология и хронология новоторжской керамики XI-XIV вв. // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990. М., 1991.
15. *Кучкин В. А.* Возникновение Твери и проблема тверского гостя в "Рукописании" Всеволода // Древнейшие государства на территории СССР. 1983. М., 1984.
16. *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. М., 1966.
17. *Алексеев Л. В.* Смоленская земля в IX-XIII вв.: Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М., 1980.
18. "Изборник": Сборник произведений литературы Древней Руси. М., 1969.
19. *Малыгин П. Д.* Тверь и Новоторжско-Волоцкие земли в XII-XIII вв. // Становление европейского средневекового города. М., 1989.
20. Выпись из Тверских писцовых книг Потала Нарбекова и подъячего Богдана Фадеева 1626 года. Город Тверь, Тверь, 1901.
21. *Рикман Э. А.* Топография Кашина в XIV-XV вв. // КСИИМК. 1949. Вып. 30.
22. *Мокеев Г. Я.* Кашик: Величие и нищета // Памятники Отечества. 1990. N 2.
23. *Раппопорт П. А.* Оборонительные сооружения Торопца // КСИА. 1961. Вып. 86.
24. *Лесман Ю. М.* К топографии Торопца (конец I - начало II тыс. н. э.) // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1990. N 4.
25. *Фочяков Д. И.* Новые материалы по истории средневекового Торопца // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л., 1985.
26. *Тихомиров М. Н., Флоря Б. Н.* Торопецкая писцовая книга 1540 г. // Археологический ежегодник 1963 г. М., 1964.
27. ЦГВИА. Ф. 3. Оп. 26. Д. 3267.
28. ЦГВИА. ВУА. 21586. Ч. 2. С. 26.
29. *Малыгин П. Д.* Топография средневекового Торжка (XII-XVII века) // Памятники железного века и средневековья на Верхней Волге и Верхнем Подвинье. Калинин, 1989.
30. *Малыгин П. Д.* Торжок в составе Новгородских земель (конец I тыс. н. э. - конец XV в.): Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. М., 1992.
31. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.
32. *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X-XV вв. Т. 2. М., 1970.
33. *Средневековый И. И.* Словарь древнерусского языка. Репринтное издание. Т. 2. Ч. 2. М., 1989.
34. Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

35. *Назаров В. Д.* О проездном суде наместников в средневековой Руси // Древнейшие государства на территории СССР. 1987 год. М., 1989.

36. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV - начала XVI вв. Т. 1. М., 1952.

37. ПСРЛ. СПб., 1885. Т. 10.

38. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. М.; Л., 1950.

39. *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X-XIV вв. М., 1984.

40. *Малыгин П. Д.* Отчет о разведках в Калининской области в 1988 г. // Архив ИА. Р-1.

41. *Рихман Э. А.* Обследование городов Тверского княжества // КСИИМК. 1951. Вып. 41.

42. *Малыгин П. Д., Салимов А. М.* Когда основан монастырь? Исследования в Борисоглебском монастыре г. Торжка // Тверская старина. 1991. N 1.

Тверской государственный
университет

Е. А. ШМИДТ

ДРЕВНИЕ ПУТИ ИЗ ДНЕПРА ЧЕРЕЗ ВОДОРАЗДЕЛ В ЗАПАДНУЮ ДВИНУ

В далеком прошлом связи между различными племенами лесной зоны осуществлялись преимущественно по рекам. Археологические источники показывают, что уже в бронзовом веке существовали пути, проходившие через водораздел Днепра и Зап. Двины. Так в Смоленском Поднепровье найдены предметы, происходящие из Прибалтики: бронзовый кельт меларского типа (Наквасино), литейные глиняные формы, изготовленные путем оттиска этого же типа кельта (Жарынь) и др. [1, с. 143-149]. Более интенсивно пути стали использоваться в железном веке, когда значительно расширяются связи племен Поднепровья и Подвинья. Сюда на водораздел проникают различные вещи из Прибалтики и из южных районов Поднепровья и Причерноморья: фибулы, серьги и бусы и другие предметы [2, с. 106-108, 135-137]. С расселением славян в Верхнем Поднепровье, Подвинье, на реках Ловать и Великая пути через Днепро-Двинский водораздел приобретают еще большее значение, так как они, помимо пути из Прибалтики (Зап. Двина - Днепр), включают пути из Днепра через Зап. Двину в Ловать. Таким образом, складывается основная магистраль Восточной Европы, пролежавшая с юга на север и соединявшая Киевские земли и Черное море с Новгородскими землями и заморскими странами Балтии. Эта магистраль проходила через Смоленскую землю. Летописец XII в. в "Повести временных лет" описывает этот путь, называя его путем "из Варяг в Греки" и определяя его основное направление: "из Грек по Днепру, а в верховьях Днепра - волок до Ловати" [3, с. 207] и далее... Археологические материалы показывают, что становление пути "из Варяг в Греки" приходится на IX в. и затем идет все более интенсивное его использование в X в. Об этом говорят вещественные находки, в том числе предметы импорта из Скандинавских стран [4, с. 285-290; 5, с. 175-199]. Но этот путь был не только транзитным, обслуживавшим связи заморских стран, но, в первую очередь, играл важную роль в связях между древнерусскими землями. Его внутреннее значение с XI в. еще более усиливается, что подтверждается и письменными источниками, включая летописи и Смоленские торговые грамоты [6], и вещественными находками. Скорее всего, в XII в. княжеская власть постепенно оформляет определенные структуры обслуживания и охраны путей и волоков, и создается система укрепленных пунктов с небольшими гарнизонами и администрацией. С XIV в. эта система постепенно теряет свое значение в связи с взаимоотношениями Смоленского и Литовского княжеств.

Какой бы вариант пути из верховьев Днепра до Ловати ни брать, он должен проходить через Зап. Двину, а следовательно - пересекать два водораздела: между Днепром и Зап. Двиной и между Зап. Двиной и Ловатью, с преодолением волоков. Наиболее удобными были переходы из Днепра в Зап. Двину на участках между городами Орша и Смоленск на Днепре, с одной стороны, и между городами Сураж и Витебск на Зап. Двине, с другой стороны (рис. 1). Здесь расстояние между этими двумя крупными реками местами доходит до 80 км, а левые значительные притоки Зап. Двины подходят к Днепру или его левым притокам местами до 7-15 км, где переправлять суда волоком в разное время года можно было на расстоянии 10-25 км. Практически такие расстояния можно было преодолеть за один дневной переход. Очень важную роль играли населенные пункты у волоков,

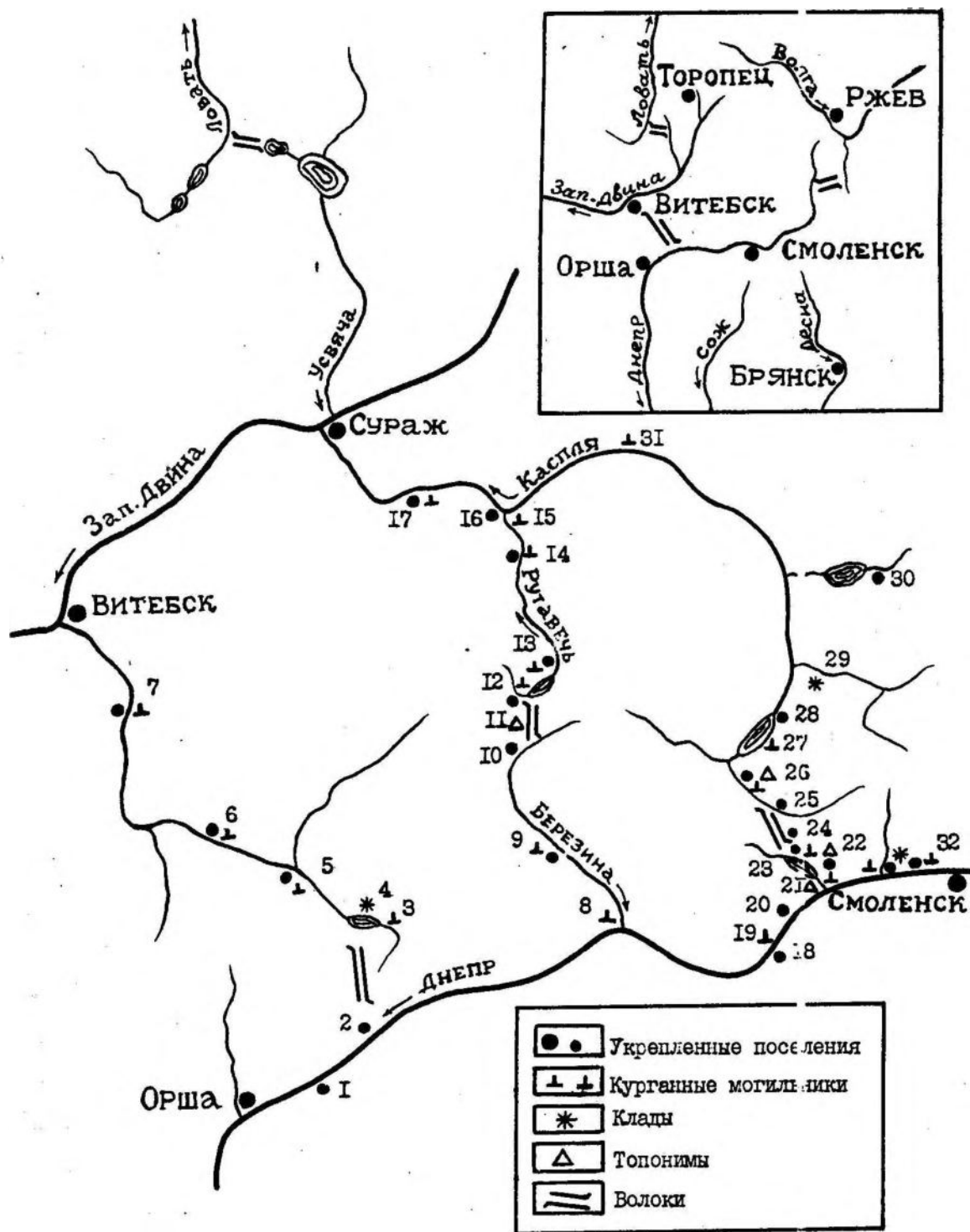

Рис. 1. Схема размещения волоков и археологических памятников:
 1 - Дубровно, 2 - Германы, 3 - Добрино, 4 - Озеры, 5 - Бабиновичи, 6 - Калиновичи, 7 - Селюты, 8 - Комиссарово, 9 - Приволье, 10 - Рудня, 11 - Переволочье, 12 - Микулино, 13 - Заозерье, 14 - Ковали, 15 - Силуаново, 16 - Понизовье, 17 - Верх. Кошевичи, 18 - Городец, 19 - Коробец, 20 - Красная Горка, 21 - Катынь, 22 - Лодыжицы, 23 - Куприно, 24 - Ермаки, 25 - Соболи, 26 - Волоковая, 27 - Пилички, 28 - Каспля, 29 - Кислая, 30 - Миронино, 31 - Минаки, 32 - Гнездово

особенно расположенные у концов сухопутного пути. Можно полагать, жители этих поселений обслуживали волок, гарантируя безопасность, предоставляя тягло, участвуя в ремонте судов, снабжая проезжающих продуктами и материалами.

Основные пути и волоки через Днепро-Двинский водораздел связаны с двумя притоками Зап. Двины - Касплей и Лучесой. На основании археологических материалов и данных топонимики здесь можно выделить три основных направления (рис. 1).

1. Из Днепра выше гор. Орши и д. Германы сразу начинался волок длиной около 14 км к р. Верхите у д. Озеры при высокой воде весной, или же летом, в межень, на протяжении до 25 км к месту впадения р. Верхиты в р. Лучесу, по которой далее в Зап. Двину к г. Витебску. У конца и начала волока находятся укрепленные поселения - городища (Германы и Бабиновичи), курганные группы (Озеры, Судиловичи, Вязовка, Шеки) и обнаружен денежно-вещевой клад IX в. между дд. Добрино и Озеры. Далее от волока по пути к Зап. Двине на р. Лучесе есть три комплекса древнерусских памятников у дд. Бабиновичи Каминовичи и Селюты [7, с. 41, 60]. К сожалению, этот вариант пути на территории Беларуси не подвергся специальному изучению.

Другие основные варианты пути связаны с р. Касплей и ее притоками, расположенными в пределах Смоленской области, исключая некоторый участок Каспли при ее впадении в Зап. Двину у г. Суража в Беларуси. Эти варианты более детально изучены. Выявлены скопления памятников: курганы, убежища, неукрепленные и укрепленные поселения, отдельные находки и клады [8, с. 23-41, 56-92], что дало возможность конкретизировать направление путей и участки волоков.

II. Путь начинался из Днепра у д. Комиссарово, где есть курганы XI-XIII вв., в р. Березину, на берегах которой у д. Приволье находится городище с культурным слоем XII-XIII вв. и курганы. Далее в верховьях р. Березины, на территории г. Рудни было укрепленное поселение - городище (ныне уничтожено при земляных работах), в районе которого начинался волок длиной 8 км до оз. Б. Рутавечь. У волока находится наибольшее скопление археологических памятников: у начала - уже упомянутое городище в г. Рудне, у конца - укрепленное поселение XI-XIII вв. - городище в с. Микулино [8, с. 35-37]. Это нынешнее село в XV-XVI вв. было городом. Здесь же, у конца волока, есть укрепленное убежище, функционировавшее в IX-X вв., обширное селище и большой курганный могильник кон. VIII - нач. XIII вв. [8, с. 23-30]. Курганы IX-X вв., селище и грунтовый могильник находятся у с. Микулино [8, с. 37]. Волок пролегал по сравнительно ровному пространству водораздела через д. Переволочье вдоль руч. Дунайки по краю долины у высоких холмов (здесь и в настоящее время проходит полевая дорога). Наличие многих археологических памятников и находки в них импортных вещей, а также топоним "Переволочье" позволили локализовать волок и определить время его функционирования IX-XIII вв. Из оз. Б. Рутавечь от д. Зозерье путь шел по р. Рутавечь, где он фиксируется группами памятников: селищами и курганами IX-X вв. и городищем XI-XIII вв. у д. Ковали [8, с. 30-32] и далее при впадении р. Рутавечь в р. Касплю городищем у с. Понизовье [8, с. 38] и курганом у д. Силуяново [8, с. 41]. Далее вниз по р. Каспле через д. Верх. Кошевичи, у которой находятся древнерусское городище XI-XIII вв. и курганы [8, с. 32-34], до ее впадения в Зап. Двину у г. Суража.

III. Особенно большое скопление памятников археологии IX-XIII вв. находится в районе г. Смоленска, несколько ниже по течению Днепра. В первую очередь, это - Гнездовский археологический комплекс кон. IX - нач. XI вв. [9, с. 7-10], включающий укрепленные и неукрепленные поселения и огромный курганный некрополь, представляющие все вместе остатки протогорода, прекратившего свое существование в кон. X в. или в самом нач. XI в. Некоторые исследователи считают Гнездово первоначальным древним Смоленском, занимавшим важное место на пути "из Варяг в Греки" и контролировавшим его центральный участок с главнейшими волоками. Исследования Гнездовского комплекса дали огромный материал к характеристике ремесла, культуры и торговли того времени [10, с. 100-114; 11, с. 226-

243], в том числе, подтверждающие интенсивные связи с заморскими странами от Скандинавии [5, с. 175-199] на севере до Византии и арабских стран на юге. Предметы импорта кон. IX-X вв. обнаружены не только в Гнездове, они найдены и в других местах этого района: Новоселки [12, с. 114-128], Рокот [8, с. 39], Кислая [8, с. 63] и др. В XI в. картина резко меняется: в Гнездове жизнь замирает, а на территории современного Смоленска быстро развивается городское торгово-ремесленное поселение, достаточно хорошо изученное археологически [10, с. 92-122; 13, с. 25-49]. Княжеская администрация Смоленска, без сомнения, контролировала и путь по Березине в р. Рутавечь и р. Касплю. Но в большей мере княжеская администрация и население, проживавшее в г. Смоленске и его окрестностях, обслуживали и контролировали другой путь, имевший для них более важное значение, начинавшийся несколько ниже по Днепру от города у с. Катынь и проходивший из Днепра по р. Катынке в оз. Купринское. В бассейне р. Катынки [8, с. 73-76] и вокруг оз. Купринского [8, с. 66-68, 82, 91-93] расположены десять курганных групп и значительное количество одиночных курганов, датируемых VIII - нач. XIII вв., четыре селища этого же времени, два городища-убежища (Ст. Куприно и Ермаки) и городище с древнерусским культурным слоем у современной д. Лодыжицы (бывш. д. Лодейницы), платившей в XII в. 10 гривен дани смоленскому епископу [6, с. 77]. От оз. Купринского начинался волок к р. Удре и оз. Касплянскому через д. Волоковую. Волок при высокой воде составлял около 7-8 км от оз. Купринского до р. Удры у д. Соболи, где находилось городище, и по р. Удре через д. Волоковую в оз. Касплянское. Летом, при низком уровне воды в р. Удре, суда и грузы переправлялись по суше на расстояние около 20 км дорогой Ст. Куприно - Волоковая - оз. Касплянское. В районе д. Волоковая есть городище-убежище и несколько курганных групп [8, с. 56-57, 64]. На южном берегу оз. Касплянского у д. Пилички было городище (ныне разрушено) и курганы, а у северо-восточного края озера в месте выхода из озера р. Каспли находится с. Каспля, известное по письменным источникам с XII в. [6, с. 75], на территории которого расположено большое древнерусское селище и городище с культурным слоем XI-XIV вв. [8, с. 72-73]. Далее путь проходил по р. Каспле, на берегах которой до устья р. Жереспей есть селища, и на р. Жереспее, неподалеку от устья, находятся курганы и два селища, на одном из которых у д. Кислая найден большой монетный клад [14, с. 63-65], состоявший из диргемов, но включавший еще и серебряный брактеат из Хадебю, датированный нач. IX в. После устья р. Жереспей р. Каспля протекает через болотистую и заросшую лесами равнину, где на ее берегах археологических памятников не обнаружено, но на ее правом притоке - р. Свадице, протекающей через оз. Акатовское, находится группа памятников, оставленная населением рассматриваемого нами времени. Далее до устья р. Рутавечь на р. Каспле есть только одна курганная группа и рядом с ней селище у д. Минаки. От устья р. Рутавечь и с. Понизовье путь пролегал к Зап. Двине по местам, уже описанным для второго варианта пути. Скопление археологических памятников на участке Катынь - Каспля и наличие топонимов "Волоковая", "Лодейницы", "Катынь (Катынка)" дают полное основание более конкретно определить участок пути и волок из Поднепровья в Подвинье. Не исключено, что существовал сухопутный путь через водораздел непосредственно из г. Смоленска в с. Касплю, по которому в XI-XIII вв. перевозили товары.

Помимо трех главнейших волоков через Днепро-Двинский водораздел могли использоваться и другие - через р. Хмость в р. Жереспее или через р. Вопь, но эти пути не фиксируются так четко по археологическим данным. Их локализация требует специальных исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шмидт Е. А. О некоторых находках бронзового века в верховьях Днепра // Материалы по изучению Смоленской области. Смоленск, 1974. Вып. 7.
2. Шмидт Е. А. Племена верховьев Днепра до образования древнерусского государства. Днепро-двинские племена (VIII в. до н. э. - III в. н. э.). М., 1992.

3. Повесть временных лет. Под ред. В. П. Андриановой-Перетц. М. - Л., 1950.
4. Пушкина Т. А. Скандинавские вещи из Гнездовского поселения // СА. 1981. N 3.
5. Новикова Г. Л. Скандинавские амулеты из Гнездова // Смоленск и Гнездово. М., 1991.
6. Смоленские грамоты XIII-XIV веков. Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1963.
7. Штыхов Г. В. Археологическая карта Белоруссии. Вып. 2. Памятники железного века и эпохи феодализма. Минск, 1971.
8. Шмидт Е. А. Древнерусские археологические памятники Смоленской области. Часть II. Смоленск, 1983.
9. Авдусин Д. А. Гнездовские курганы // Смоленск, 1952.
10. Авдусин Д. А. Ключ-город // Путешествие в древность. М., 1983.
11. Пушкина Т. А. Торговый инвентарь из курганов Смоленского Поднепровья // Смоленск и Гнездово. М., 1991.
12. Шмидт Е. А. Археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э. на территории Смоленской области // Материалы по изучению Смоленской области. Смоленск, 1963. Вып. 5.
13. Асташова Н. И. Усадьбы древнего Смоленска // Смоленск и Гнездово. М., 1991.
14. Шмидт Е. А. Раскопки в Смоленской области // АО-1968. М., 1969.

Смоленский государственный
педагогический институт

И. В. ИСЛАНОВА

НЕУКРЕПЛЕННЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ МСТИНСКО-МОЛОЖСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ В 1 ТЫС. Н. Э.

Существующие реконструкции сложных этнокультурных процессов, протекавших на Северо-Западе Восточной Европы в 1 тыс. н. э., опираются на материалы погребальных памятников [1, с. 46-66; 2, с. 30-41; 3, с. 49-78]. В последнее десятилетие активно изучаются насыпи культуры длинных курганов (КДК) псковско-новгородской группы, открыты грунтовые могильники с сожжением. Однако поселения, позволяющие судить о материальной жизни тех или иных культурных групп, остаются вне поля зрения археологов.

В результате работ Историко-археологической экспедиции Тверского гос. университета¹ и экспедиций Института археологии РАН во Мстинско-Моложском междуречье была выявлена серия неукрепленных поселений, существовавших на протяжении 1 тыс. н. э. (памятники конца 1 тыс. н. э., связанные с культурой сопок, в работе не рассматриваются). На современном этапе исследования возможна систематизация имеющихся сведений по 48 поселениям и предварительное определение культурно-исторической принадлежности некоторых из них.

Хронологические рамки функционирования основной массы памятников нечеткие, так как главный материал - это находки лепной неорнаментированной керамики. Единичные находки сетчатой и штрихованной посуды на фоне неорнаментированных обломков, по крайней мере, датируют возникновение ряда селищ не позднее 1-ой трети 1 тыс. н. э. (Курово 2, Почеп 1, Дятлово 1, Богатково 1, Падальцево 1, Ящино 1, Михалево). Верхняя граница устанавливается по отсутствию раннекруговой керамики, появившейся в Удомельском Поозерье не ранее 2-ой четв. - сер. X в. н. э. (материалы селища Бережок, раскопки автора).

При выборе места обитания, несомненно, учитывался характер почв и ландшафта. Анализируемый участок представляет собой юго-восточный склон Валдайской возвышенности. Районы средне- и мелкохолмистого рельефа перемежаются с небольшими задровыми равнинами. По берегам многочисленных озер и проток лежат валунные и гравелистые пески. С некоторыми крупными озерами (Пудоро и окрестности) связаны безвалунные пески. Прибрежные участки ряда рек и озер (Наволоки, Песьво, Удомля, Ящино) были покрыты плодородными аллювиальными отложениями. Между озерами Кубыча и Перхово и восточнее - по левобережью р. Волчины - тянется полоса лессовидных суглинков и супесей [4, с. 17-19]. Все поселения 1 тыс. н. э. расположены по берегам водоемов. В зависимости от почв и рельефа выделяются два вида местности (рис. 1): участки с песчаными почвами, покрытые сосновыми лесами (озера и реки не имеют выраженной долины); участки с пестрым составом почв - песчаными, супесчаными, суглинистыми.

---

¹ Пользуюсь случаем поблагодарить Е. В. Бодунова и А. Д. Максимова, позволивших использовать в работе материалы их разведок.

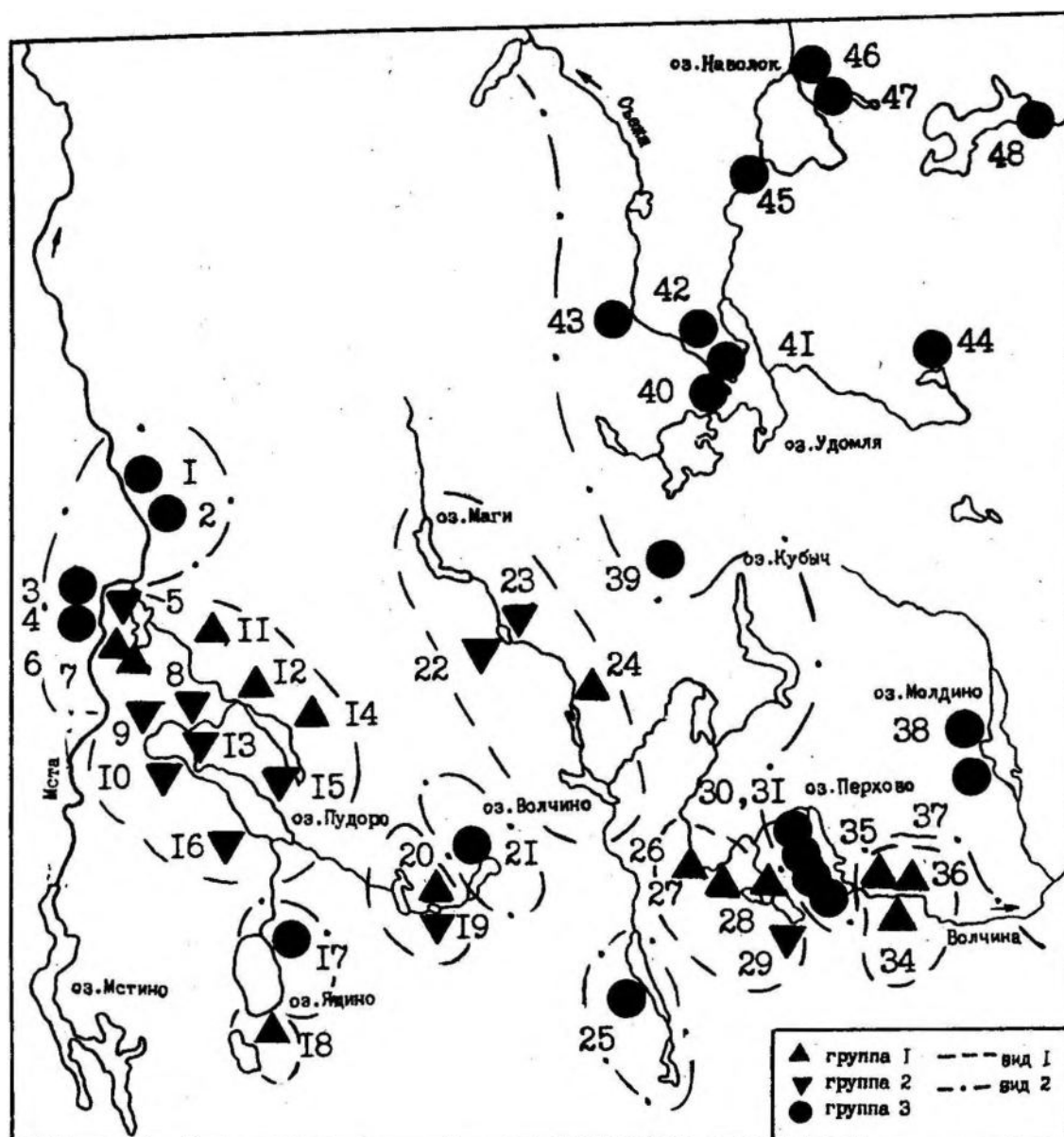

Рис. 1. Неукрепленные поселения Мстинско-Моложского междуречья (нумерация соответствует табл. 1)

По берегам рек и озер фиксируются долины, имеющие пойменные земли, удобные для земледелия.

На протяжении 1 тыс. н. э. неоднократно изменялся уровень водоемов, в зависимости от климатической ситуации [5, с. 74-76]. Соответственно варьировала и высота берега над водой, становящаяся пригодной или непригодной для возведения жилых построек. Благоприятный теплый климат в 1-IV вв. н. э. и с кон. VI по кон. VII вв. чередовался с похолоданиями: с кон. IV до кон. VI вв. и с кон. VII по сер. - кон. IX вв. н. э. Менялся и уровень водоемов: уменьшался в 1-ые вв. н. э. и с кон. VI по кон. IX вв., немного увеличился в III-IV вв. и сильно увеличился с кон. IV по кон. VI вв. н. э.

По высоте террасы над современным уровнем воды выделяются селища, расположенные на берегах: 1-2 м, 3-5 м, свыше 5 м и на склоне, когда первоначальный участок сползшего слоя установить невозможно.

Размеры поселений определены по распространению подъемного материала, пятнам культурного слоя на пахоте, находкам в береговых обнажениях, по материалам, полученным при шурфовке. Преобладают небольшие поселения площадью до 1 тыс. м² (кратковременные?) и 2-4 тыс. м². Отдельной группой представлены поселения площадью в 5 и более тыс. м².

Вблизи некоторых селищ известны погребальные памятники, судя по раскопкам, одновременные им (Пуйга, Степурино - Дягилево, Млевский Бор - Почеп, Овсищи, Богатково, Шихино). Это насыпи КДК, датируемые 3-ей четв. 1 тыс. н. э. [6, с. 30-31] и, видимо, связанные с ними сопковидные курганы (Степурино - Дягилево, Пуйга 1, Овсищи 1). В двух случаях рядом с поселениями обнаружены грунтовые могильники с сожжением (Норфино, Юрьевская Горка). Около остальных поселений возможны в будущем находки грунтовых могильников.

В зависимости от приуроченности к почвенной и ландшафтной зоне и характера погребальных памятников рассматриваемые неукрепленные поселения делятся на три группы (табл. 1).

Группа 1. 14 поселений находятся в местности 1 вида, рядом были возведены насыпи КДК. Небольшим поселениям соответствуют могильники из одного - четырех курганов. Около крупных селищ Почеп 1 и Почеп 2 - скопление из 9 могильников, насчитывающее свыше 54 насыпей [6, с. 26]. Преобладают памятники на береговых террасах высотой 3-5 м. Стационарные раскопки на селищах не проводились. Судя по курганам, они суммарно датируются V-VIII вв. н. э. Нельзя исключать доживания ряда поселений до кон. 1 тыс. н. э., по аналогии с памятниками Поплюсья и Полужья [7, с. 24]. Группа 1 в дальнейшем пополнится за счет выявления селищ при известных курганных могильниках в Василеве, Камушках, Брякове.

Группа 2. 11 поселений в местности вида 1. Господствуют селища малых размеров (1-2 тыс. м²) на низких берегах (1-2 м). Около Норфино - грунтовый могильник, вблизи остальных погребальные памятники не выявлены. Для захоронений могильника Норфино были выбраны небольшие естественные всхолмления. Похоже, что такие погребения являются переходным этапом к курганному обряду и подтверждают схему развития обряда КДК, предложенную Е. Н. Носовым [8, с. 16-17]. Судя по расположению на низменных берегах, ряд поселений предположительно мог существовать в кон. VI-VII вв. и был синхронен группе КДК, а некоторые предшествовали им и функционировали в 1-е вв. н. э.

Для населения, оставившего памятники групп 1 и 2, размещенные на песчаных почвах в местности, покрытой сосновыми борами, видимо, был характерен определенный хозяйственно-культурный тип, сочетавший подсечное земледелие с охотой, рыболовством и лесными промыслами [9, с. 10-12]. Кратковременное использование подсечных земель приводило к частой смене мест обитания, что подтверждается небольшими размерами памятников.

Группа 3. 23 селища расположены на относительно плодородных, в результате аллювиальных отложений, почвах местности вида 2. У поселения Юрьевская Горка известен грунтовый могильник с сожжением, вблизи остальных памятников могильники не выявлены. Господствуют небольшие селища площадью 1-4 тыс. м². Половина поселений приурочена к низким берегам, почти половина - к террасам высотой 3-5 м, в одном случае высота берега 7-9 м. Это указывает на несколько хронологических этапов для памятников группы 3. На поселениях Курово 2, Троица 1 и Юрьевская Горка проводились стационарные раскопки [10, с. 11-12; 11, с. 102; 12, с. 34].

По материалам Курово 2 прослеживается не менее двух этапов в заселении низменного берега оз. Наволок: в кон. 1 тыс. до н. э. - 1-ой пол. 1 тыс. н. э. и в VII-X вв. н. э. В эти хронологические отрезки могли существовать и другие поселения, лежащие на высоте 1-2 м над водой. Селище Троица 1, занимающее преимущественно террасу 2-4 м, датируется 2-ой четв. 1 тыс. н. э. Поселение Юрьевская Горка возникает в VI в. на 7-9 метровом берегу р. Съежи во время высокого уровня водоемов. Удобные подходы к воде позволили здесь жить и в последующий климатический отрезок - в VII-VIII вв. Какая-то часть памятников группы 3 фун-

Таблица 1

поселение		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
группа 1	6. Почеп 1			х			?		х			х	х		
	7. Почеп 2			х			?		х			х	х		
	11. Дягилево 3		х				х		х		х		х		
	12. Пуйга 2			?			х		х		х		х		
	14. Малошевино Б.		х			х			х			х	х		
	18. Шепелькино 2			х			х		х			х	х		
	20. Дятлово 1		х			х			х			х	?		
	24. Никулкино			х	х				х			х	?		
	26. Овсищи 1			х				х	х			х		х	
	27. Овсищи 4	х						х	х			х		х	
	28. Богатково 1		х					х	х				х	х	
	34. Шихино		х					х	х			х		х	
	35. Карзово 3	х						х	х			х		х	
	36. Карзово 2	х				х			х			х		х	
группа 2	5. Почеп 3		х			х			х			х			х
	8. Пуйга 1	х				х			х		х				х
	9. Болдырево 2			х		х			х			х			х
	10. Норфино 1			х		х			х			х		х	
	12. Болдырево 1		х			х			х			х			х
	15. Зашишевые	х				х			х			х			х
	16. Филино	х				?			х			х			х
	19. Дятлово 2	х				х			х			х			х
	22. Пальцево		х			?			х			х			х
	23. Дерягино 1		х				х		х			х			х
	29. Пададьцево		х		х				х			х			х
группа 3.	1. Казикино			х			х			х	х				х
	2. Млево 3		х			х				х	х				х
	3. Поляны 2		х		х					х	х				х
	4. Поляны 1		х			х				х	х				х
	17. Яшино 1		х			?				х		х			х
	22. Дудиха 4		х			х				х		х			х
	30. Труфаныха 2	х				х				х		х			х
	31. Труфаныха 5		х			х				х		х			х
	32. Очеп 2	х				х				х		х			х
	33. Очеп 1	х				х				х		х			х
	37. Михалево	?					х			х		х			х
	38. Полукарпово		х			х				х		х			х
	39. Елманова Горка		х			х				х		х			х
	40. Троица 1		х					х		х		х			х
	41. Стан 3		х		х			х		х		х			х
	42. Юрьевская Горка			х				х		х	х			х	
	43. Доронино	х						х		х	х				х
	44. Мишутинское 1-2		х			х				х		х			х
45. Заселище 1	х				х				х	х				х	
46. Курово 4	х						?		х		х			х	
47. Курово 2		х			х				х		х			х	
48. Устье 2		х					х		х		х			х	

Характеристика поселений: 1 - площадь менее 1 и 1 тыс. м²; 2 - 2-4 тыс. м²; 3 - 5 и более тыс. м²; 4 - склон берега; 5 - берег 1-2 м; 6 - берег 3-5 м; 7 - берег выше 5 м; 8 - местность вида 1; 9 - местность вида 2; 10 - приурочено к реке; 11 - приурочено к озеру; 12 - рядом насыпи КДК; 13 - грунтовый могильник; 14 - погребальные памятники не выявлены

кционировала одновременно с этими поселениями.

Для земледелия вблизи селищ группы 3 использовались пойменные участки озерных и речных долин. Существовало, видимо, пашенное земледелие с использованием перелога как на пойменных лугах, так и в лесу [13, с. 31]. Курово 2 (первый этап) и Троица 1 по вещевому и керамическому материалу принадлежат дьяковскому кругу древностей, возможно одному из вариантов этой культуры. По набору керамики, элементам погребального обряда, характеру построек поселения Юрьевская Горка относится к новому типу памятников 3-ей четв. 1 тыс. н. э., существовавшему параллельно КДК [14]. Жители селища представляли разные культурные традиции: местного прибалтийско-финского населения и пришлого, возможно, раннеславянского; фиксируются также контакты с КДК. Среди памятников группы 3 будет выявлен еще ряд селищ, относящихся к выделенному новому Удомельскому типу.

В кон. 1 тыс. н. э. местность вида 2 занята культурой сопок, представляющей начальный этап древнерусской культуры. На памятниках кон. 1 тыс. н. э. фиксируются местные элементы, оставленные потомками жителей поселений группы 3. Местность вида 1, где существовали селища групп 1 и 2, в том числе и памятники КДК, с кон. 1 тыс. н. э. примерно до сер. II тыс. н. э. остается почти незаселенной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Седов В. В.* Восточные славяне в VI-XIII вв. М., 1982.
2. *Левдеев Г. С.* Археологическое изучение Новгородской земли // НИС. Л., 1982. N 1 / 11 /.
3. *Носов Е. Н.* Проблемы изучения погребальных памятников Новгородской земли (к вопросу о славянском расселении) // НИС. Л., 1982. N 1 / 11 /.
4. *Морозов С. С.* Почвы и условия почвообразования в Калининской обл. // Ученые записки МГУ. География. М., 1939. Вып. 29.
5. *Олейников О. М.* Климат в районе Верхней Волги в средние века // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород., 1992. Вып. 8.
6. *Исламова И. В.* Погребальные памятники культуры длинных курганов верховьев Мсты и Волчины // Памятники железного века и средневековья на Верхней Волге и Верхнем Подвинье. Калинин, 1989.
7. *Кузьмин С. Л.* Археологическая карта Поплюсья и проблемы истории населения Северо-Запада Новгородской земли // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1988.
8. *Носов Е. Н.* К вопросу о сложении погребального обряда длинных курганов // КСИА. 1984. Вып. 179.
9. *Конецкий В. Я.* Некоторые вопросы исторической географии Новгородской земли в эпоху средневековья // НИС. М., 1989. N 3 / 13 /.
10. *Леонтьев А. Е., Сидоров В. В., Исламова И. В.* Волго-Окская экспедиция в 1977-1983 гг. // КСИА. 1986. Вып. 188.
11. *Сидоров В. В.* Раскопки на озерах Удомля и Неро // АО-1985. М., 1987.
12. *Исламова И. В.* Работы Верхне-Мстинской экспедиции // Обзор памятников истории и культуры Тверской области. Тверь, 1990.
13. *Кирьянова Н. А.* Сельскохозяйственные культуры и системы земледелия в лесной зоне Руси XI-XV вв. М., 1992.
14. *Исламова И. В.* Поселение и могильник Юрьевская Горка. Доклад на научной конференции "Новгород и Новгородская земля. История и археология". Январь 1993. Новгород.

Институт археологии РАН,
Москва

В. Я. КОНЕЦКИЙ

ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКЕ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ДРЕВНЕРУССКИХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ (по материалам Федовского могильника)

Участие автохтонного неславянского населения в процессе сложения древнерусской народности на Северо-Западе относится к кругу вопросов, уже давно попавших в поле зрения историков русского средневековья [1, с. 100-109]. Вследствие крайней скудности письменных источников, по мере развития археологии ее материалы все более привлекались для решения проблем этнической истории данного региона. Уверенность в неограниченных возможностях археологии базировалась, в конечном счете, на постулате о соответствии археологической культуры и этноса. В ходе дискуссии, развернувшейся в 60-70 гг. по проблемам выделения и интерпретации археологической культуры, стала очевидной неправомерность жесткого соотнесения данных понятий [2]. Однако реликты прямолинейного отождествления этноса и культуры проявляются в исследовательской практике вплоть до настоящего времени.

Проиллюстрировать существующие в настоящее время подходы к этнической оценке древнерусских погребальных памятников Северо-Запада представляется весьма удобным на материалах Федовского грунтового могильника. Он обладает достаточным уровнем документированности и принадлежит к типу памятников, принципиально важному для правильного понимания хода этнокультурных процессов на территории Новгородской земли.

Федовский могильник, расположенный рядом с сопками у д. Федово в верховьях Мсты, был открыт и исследован в 1903 г. А. А. Ширинским-Шихматовым [3, с. 53-61]. При этом было вскрыто 84 погребения, 50 из которых сопровождалось вещевым инвентарем, имевшим типичный древнерусский облик. Неожиданной явилась ориентировка погребенных, подавляющее большинство из которых было направлено головами на восточный и северный секторы горизонта. А. А. Спицын, первым проанализировавший материалы Федовского могильника, не придавал данному обстоятельству особого значения. "Если наблюдения безусловно точны, - писал он, - то придется признать, что в 11-12 веках мстинские новгородцы не держались определенного правила при ориентировке своих могил" [4, с. 1-5].

Т. Н. Никольская считала, что могильники, подобные Федовскому, характерны для ильменских славян, также не обращая внимания на необычную ориентировку [5, с. 98].

В начале 80-х гг. нами впервые материалы Федовского могильника были проанализированы по комплексам, что позволило выделить тип женского убора, характерного для данного памятника. Он является структурно тождественным убору, фиксируемому на широчайшем круге древнерусских памятников северо-западной и северо-восточной Руси, и существенно отличается по структуре от убора, свойственного соседним неславянским племенам [6, с. 89-97; 7, с. 162-164].

Удалось также установить, что приписываемые ранее этому памятнику особенности ориентировки в значительной степени основывались на ошибке, когда при снятии копии отчета в Археологической комиссии были перепутаны запад и восток [8, с. 74-77]. В результате предлагаемой поправки Федовский могильник во многом лишается своей уникальности, хотя высокий процент (чуть менее полови-

ны) погребений с ориентировками северного и восточного направлений в нем все же имеет место.

Таким образом, согласно данной историографической традиции Федоровский могильник принадлежит к конкретному и достаточно определенному пласту памятников - древнерусским грунтовыми могильникам Новгородской земли, которые характеризуются обычными типами погребального инвентаря, а специфика ориентировки расценивается как местная особенность, не имеющая принципиального значения.

Иной подход к оценке данного памятника был предложен В. В. Седовым, который считал, что в ориентировке "отчетливо проявляется... неславянский характер многих погребенных в Федовском могильнике". По мнению исследователя, основная часть погребенных имеет финское происхождение, на что указывают наличие меридиональной ориентировки; браслетообразные височные кольца с сомкнутыми концами, которые В. В. Седов, вопреки существовавшей традиции, счел возможным отнести к финно-угорским субстратным элементам, а также "ритуал разрушения трупов", который зафиксирован в 35 случаях [8, с. 74-77].

Дальнейшее развитие линии, намеченной В. В. Седовым, было предпринято в конце 80-х гг. И. В. Ислановой, результаты исследования которой приведены в двух публикациях, практически совпадающих по сути выводов, и несколько различающихся лишь по четкости их формулировки [10, с. 84-89; 11, с. 79-81]. Объясняя наличие на Федовском могильнике ориентировок, отличных от западной, и связывая их, вслед за В. В. Седовым, с финно-уграми и балтами, И. В. Исланова попыталась найти соответствие данному факту в характере погребального инвентаря. Были выделены три "варианта костюма", сопоставленные с "ориентировкой, хронологией и топографией", что позволило исследователю выделить три группы погребений. Эти группы, по мнению И. В. Ислановой, "видимо, отражают реальный сложный процесс сложения древнерусского населения Верхней Мсты. Кроме славянских элементов костюма, в уборе и ориентировке явственно прослеживаются балтийский и финно-угорский субстраты" [11, с. 80-81].

Данные выводы весьма уязвимы для критики. Касаясь чисто доказательной стороны, заметим, что корреляция выделенных "вариантов костюма" с направлениями ориентировки, которым придается этнический смысл, крайне слабая. Так, из пяти погребений с первым вариантом, восточная ориентировка представлена лишь в одном случае; пяти погребениям второго варианта соответствуют два погребения с западной, причем в одном из этих погребений "костюм" отнесен одновременно ко второму и третьему типам. В восьми погребениях третьего варианта северная ориентировка представлена лишь единожды [10, с. 86]. Но, в конечном счете, арифметические выкладки здесь не самое главное. Гораздо важнее обратиться к методике исследования и прежде всего проанализировать элементы культуры, которые являются объектами сопоставления.

Начнем с восточной и северной ориентировки. В 60-е гг. В. В. Седов посвятил ряд статей обоснованию неславянского происхождения данной детали погребальной обрядности в древнерусских памятниках [12, с. 103-121; 13, с. 73-81; 14, с. 246-251]. Что касается восточной ориентировки, то безусловное соотношение ее с балтским субстратом вызвало дискуссию, в которой против выводов В. В. Седова выступили Г. Ф. Соловьева и Ф. Д. Гуревич [15, с. 124-132; 16, с. 17-22]. Оппоненты В. В. Седова пришли к выводу, что нет оснований видеть в данной черте обрядности пережитки только балтского погребального ритуала. Ф. Д. Гуревич, исключая районы контакта древнерусского населения с латгалами, считала, что "данный элемент является составной частью славянского обряда, в котором запечатлена длительная история языческих верований" [16, с. 22].

Открытие в дальнейшем многочисленных погребений с восточной ориентировкой на северо-восточных окраинах Руси, далеко за пределами ареала балтской гидронимии в значительной степени снимает остроту проблемы. Во всяком случае Н. А. Макаров в своей монографии, посвященной Восточному Прионежью, где подобные погребения представлены весьма широко, даже не ставит вопрос о балтском происхождении данного элемента обряда [17, с. 21-24].

Несколько иначе обстоит дело с меридиональной ориентировкой. Частота ее встречаемости у некоторых финно-угорских племен и распространение на древнерусской территории главным образом в зоне финно-угорской гидронимии является аргументом в пользу гипотезы В. В. Седова [14]. Допуская неславянское происхождение рассматриваемых особенностей погребального обряда в древнерусских памятниках, необходимо четко осознать, что речь идет лишь о происхождении данных элементов культуры, а никак не об этносе их носителей. В данной связи совершенно справедливо замечание Е. А. Рябина, который писал: "не исключено, что некоторые особенности погребального ритуала (речь идет об ориентировке - В. К.) являются более архаическими традициями местного населения, чем остальные элементы культуры, и отражают не современную этническую ситуацию, а реликты более ранних этнических массивов, уже распавшихся, и сильно видоизменившихся к 11-12 вв." [18, с. 95]. Иначе, это означает, что соответствующие представления финно-угров при их ассимиляции славянами на конкретных территориях могли включаться в мифологическую систему складывающегося древнерусского населения этих территорий. Меридиональная ориентировка в таких случаях будет естественным и органичным компонентом культуры этих групп.

И все же "этнические" факторы нельзя считать исчерпывающими при объяснении причин появления данной черты в погребальном обряде. Анализ этого явления в грунтовых могильниках и типологически близких им жальниках, составляющих основной объем погребальных памятников Приильменя, показывает, что такие случаи имеют место чаще, чем это представляется обычно. Меридиональная или близкая к ней ориентировка представлена на большинстве из грунтовых могильников Ильменского бассейна, хотя процент ее по сравнению с Федовым, безусловно, невелик [19, с. 158-160; 20, с. 47, 48].

Среди жальников можно назвать достаточно заметную группу памятников, где меридиональная ориентировка доминирует. Заметим, что для этих памятников источниковая база по данному вопросу более широка, поскольку о меридиональной ориентации погребений можно судить и без раскопок - по каменным обкладкам. Промежуточная ориентировка зафиксирована в десятках случаев, причем на каждом конкретном памятнике преобладают отклонения либо к северу, либо к югу. В целом со 2-ой пол. XII-XIII вв. наблюдается тенденция к стабилизации ориентации, причем часто вовсе не в западном варианте, а со значительными отклонениями. Данный процесс на разных памятниках имеет различную динамику [29, с. 8].

Установление на грунтовых могильниках и жальниках стабильных ориентировок в вариантах, отличных от западного, может быть объяснено появлением на данных памятниках эталонных постоянных ориентиров, какими являлись часовни или церкви. Обычность же отклонений от линии запад-восток в ориентации церквей - факт известный [29, с. 43-48; 23, с. 40-44].

В отдельных случаях колебания ориентировки (Рашутино) или преобладание почти меридиональной (Горка) связано с рельефом, когда ряды могил располагались параллельно горизонталям склона.

Таким образом, говоря о преобладании на средневековых памятниках Приильменя ориентации погребенных головой на западный сектор горизонта, нельзя не отметить, что данное правило не является абсолютным. Многие памятники обладают существенной конкретной спецификой. В числе наиболее ярких примеров такого рода находится и Федовский могильник. Каким же образом можно объяснить его специфику? Вполне вероятно, что ответ здесь является гораздо более простым, чем это представляется сторонникам "этнического" подхода. Еще первый исследователь памятника А. А. Ширинский-Шихматов отмечал, что большинство погребенных были ориентированы головами на сопку [3, с. 56]. Истинные масштабы этого явления стали ясны лишь с учетом предложенной нами поправки, о которой уже шла речь. По самым строгим подсчетам (исключая погребения, ориентированные по касательным к основанию сопки) доля погребенных, ориентированных на сопку, составляет 70% (31 из 44), т. е. почти три четверти. Данное

обстоятельство нельзя считать случайным, поскольку погребения окружают сопку фактически со всех сторон [3, с. 56]. Отмеченный факт представляется тем более интересным, что в соответствии с трактовкой сопок, получившей определенное распространение за последние годы, они расцениваются в качестве не обычных погребальных памятников, а как сложные сакрально-погребальные сооружения, своего рода "языческие храмы" [24, с. 142-144].

В данном контексте объяснение специфики ориентировки погребенных в Федовском могильнике как отражение языческой традиции почитания сопок, которая на окраине Новгородской земли могла сохраняться в XI-XII вв., представляется достаточно вероятным.

Другой объект анализа, предпринятого И. В. Ислановой, - "варианты костюма". Однако применение данного термина в рассматриваемой работе достаточно условно. Выделенные варианты отличаются друг от друга лишь отдельными категориями украшений, которые и составляют их "характерные особенности". Так, для первого варианта это гривны и цепочки, для второго - лунницы и для третьего - бусинные височные кольца [10, с. 85-87; 11, с. 80]. Нетрудно заметить, что в данном списке названы преимущественно такие типы украшений, которые в литературе соотносились с различными конкретными этносами. Данное направление исследований связано, прежде всего, с именем В. В. Седова. По его мнению, некоторые типы гривен связаны с балтским субстратом, а лунницы являются славянским этноопределяющим элементом. Многобусинные височные кольца В. В. Седов отнес к племени воль [12, с. 112; 25, с. 192-195]. Однако, в материалах Федовского могильника специфически неславянские элементы отсутствуют. Гривны Федовского могильника (витые и круглопроволочные с крючками на концах) распространены на обширнейших территориях Древней Руси и не могут быть связаны с балтами. По мнению исследователей, эти украшения, как правило, служили знаком высокого социального престижа их владельцев [26, с. 55-86]. Относительно бусинных височных колец, которые являлись предметом городского ремесла, заметим, что трудно назвать другой столь распространенный тип общерусских украшений [27, с. 18-23].

И тем не менее, вопрос о возможности использования женских украшений как источника при оценке этнической специфики отдельных групп древнерусского населения, затронутый И. В. Ислановой, представляется весьма актуальным. Ответ на него, очевидно, следует искать в анализе особенности формирования древнерусской культуры.

Сложение достаточно полного набора женских украшений на территории Северо-Запада относится в основном к XI - 1-й пол. XII вв. В составе данного набора прослеживаются различные по происхождению элементы. Одни из них восходят к славянским древностям предшествующего периода, другие являются результатом инновации, третьи имеют и местные, дославянские прототипы. Таким образом, сложившийся женский убор унаследовал не только славянские, но и местные традиции.

Формирование общей культуры потомков славян и отдельных групп автохтонного населения, оказавшегося в зоне славянского влияния, облегчалось тем, что все они находились на примерно одинаковом уровне социально-экономического развития. Это обусловило определенное сходство элементов мифологии, что проявилось особенно отчетливо в культах коня и птицы, отражавшихся в женских украшениях [28, с. 54-60].

Важным фактором, способствовавшим нивелировке культуры, было возникновение крупных центров по производству украшений, связанных прежде всего с городами, но и не только с ними. Из таких центров происходила масса серийных украшений, имевших широкое распространение, но вместе с тем концентрировавшихся в районах производства, тем самым придавая последним специфическую культурную окраску [28, с. 60; 29, с. 56-61; 17, с. 125-128].

Итак, распространение женских украшений в XI-XIII вв. на Северо-Западе независимо от их происхождения определяется, прежде всего, факторами социально-экономического порядка (центрами производства, торговыми связями, со-

циальным и экономическим статусом потребителей и т. д.), а не этническими причинами. В XI-XIII вв. эти украшения составляют единый северо-русский узор, свойственный населению Северо-Запада. Таким образом, говорить о связи отдельных его элементов с различными по происхождению группами населения не представляется возможным.

Как уже упоминалось, основной методический прием, использованный И. В. Ислановой, заключается в сопоставлении по погребениям элементов культуры, которые считаются субстратными. Чтобы оценить правомерность такого подхода, необходимо обратиться к самому определению субстрата. Данный термин в исторической науке в широком смысле означает аборигенное население, ассимилированное пришельцами [30, с. 281]. Однако, применительно к археологии под субстратом, очевидно, следует понимать совокупность элементов культуры, восходящих к традициям местного населения, ранее проживавшего на данной территории.

Механизмы формирования отдельных субстратных элементов, как мы попытались показать на примере женских украшений и особенностей ориентировки, различны, и, соответственно, различно их значение, как источников для реконструкции этнической истории. Женские украшения отражают пути формирования культуры, свойственной населению обширного региона, и мало что значат для выяснения этнической специфики их конкретных носителей. Особенности же ориентировки погребенных (с учетом вышеприведенных оговорок) в отдельных случаях, видимо, могут свидетельствовать об участии автохтонов в формировании конкретных локальных групп древнерусского населения Северо-Запада, но лишь в их происхождении, а не этническом самосознании в XI-XIII вв.

Рассмотренные субстратные элементы не были связаны в сознании их носителей в единую систему. В этом легко убедиться по редкой совстречаемости в погребальных памятниках Северо-Запада меридиональной ориентировки погребенных и наиболее характерного типа украшений, связанного по происхождению с финно-угорским миром - шумящих привесок. Корреляция этих элементов низка даже на уровне могильников, не говоря уже об отдельных погребениях [14, с. 247, карта].

Таким образом, материалы Федовского могильника, на наш взгляд, не дают никаких оснований рассматривать данный памятник вне общего контекста соответствующего пласта древнерусских грунтовых могильников Новгородской земли. Население, оставившее подобные памятники, является потомками носителей культуры сопок, с которой связывается основной славянский компонент на Северо-Западе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рябинин Е. А. Проблема финно-угорского субстрата в древнерусской (русской) народности (обзор историографии XIX - 20-30-х гг. XX вв.) // Современное финно-угроведение. Опыт и проблемы. Л., 1990.
2. Монгайт А. Л. Археологические культуры и этнические общности (к вопросу о методике историко-археологических исследований) // Народы Азии и Африки. 1967. N 1; Каменецкий И. С. Археологическая культура - ее определение и интерпретация // СА. 1970. N 2; Клейн Л. С. Проблема определения археологической культуры - там же; Смирнов А. П. К вопросу об археологической культуре // СА. 1964. N 4 и др.
3. Ширинский-Шихматов А. А. Федовский могильник // Тр. П обл. АС. Тверь, 1906.
4. Спицин А. А. Старейшие русские могильники в Новгородской обл. // ИАК. 1905. Вып. 15.
5. Никольская Т. Н. Этнические группы Верхнего Поволжья в XI-XIII вв. // КСИИМК. 1949. Вып. 24.
6. Конечный В. Я. Хронология и этапы формирования Федовского могильника // КСИА. 1981. Вып. 166.
7. Конечный В. Я., Носов Е. Н., Хвоцинская Н. В. О финно-угорском и славянском населении центральных районов Новгородской земли // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л., 1984.
8. Конечный В. Я. Об ориентировке погребенных в Федовском могильнике // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего Средневековья. Л., 1982.

9. *Седов В. В.* Браслетообразные височные кольца восточных славян // Новое в археологии. М., 1972.
10. *Исламова И. В.* Субстратные традиции в элементах погребального обряда Федовского могильника // КСИА. 1989. Вып. 198.
11. *Исламова И. В.* Костюм и ориентировка погребений Федовского могильника // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тез. докл. науч.-практ. конф. Псков, 1988.
12. *Седов В. В.* Следы восточнобалтийского погребального обряда в курганах древней Руси // СА. 1961. N 2.
13. *Седов В. В.* Еще раз о вкладе балтов в культуру восточных славян (о статье Г. Ф. Соловьевой "О роли балтского субстрата в истории славянских племен Верхнего Поднепровья") // СА. 1973. N 3.
14. *Седов В. В.* Финно-угорские элементы в древнерусских курганах // Культура древней Руси. М., 1970.
15. *Соловьева Г. Ф.* О роли балтского субстрата в истории славянских племен Верхнего Поднепровья // СА. 1971. N 2.
16. *Гуревич Ф. Д.* О восточной ориентировке славянских погребений // КСИА. 1971. Вып. 126.
17. *Макаров Н. А.* Население Русского Севера в XI-XIII вв. (По материалам могильников восточного Прионежья). М., 1990.
18. *Рябинин Е. А.* Чудские племена Древней Руси по археологическим данным // Финно-угры и славяне. Л., 1979.
19. *Конецкий В. Я.* Некоторые итоги исследования древнерусских грунтовых могильников в центральных районах Новгородской земли // Археологическое исследование Новгородской земли. Л., 1984.
20. *Конецкий В. Я.* Древнерусский грунтовый могильник у поселка Деревяницы около Новгорода // НИС. Л., 1984. Вып. 2 (12).
21. *Конецкий В. Я.* Население центральных районов Новгородской земли в начале II тысячелетия н. э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1984. (Вопрос об особенностях ориентировки погребенных в жальниках и грунтовых могильниках подробно рассмотрен в тексте диссертации на с. 47-50, 90-91).
22. *Раппопорт П. А.* Ориентация древнерусских церквей // КСИА. 1974. Вып. 139.
23. *Гаряев Р. М.* К вопросу об ориентации древнерусских церквей // КСИА. 1978. Вып. 155.
24. *Конецкий В. Я.* Новгородские сопки и проблемы этносоциального развития Приильменья в VIII-X вв. // Славяне. Этногенез и этническая история. Л., 1989.
25. *Седов В. В.* Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода // СА. 1953. Т. XVIII.
26. *Фезнер М. В.* Шейные гривны // Очерки по истории русской деревни X-XIII вв. М., 1967 (Тр. ГИМ. Вып. 43).
27. *Левашева В. П.* Височные кольца // Очерки по истории русской деревни X-XIII вв. М., 1967. (Тр. ГИМ. Вып. 43).
28. *Рябинин Е. А.* Зооморфные украшения древней Руси X-XIV вв. // САИ. 1981. Вып. Е1-60.
29. *Рябинин Е. А.* Новгород и северо-западная область Новгородской земли. (Культурные взаимодействия по археологическим данным) // Культура средневековой Руси. Л., 1974.
30. *Бромлей Ю. В.* Очерки теории этноса. М., 1983.

Новгородский государственный
педагогический институт

Е. Н. НОСОВ, А. В. ПЛОХОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В АНДРЕАПОЛЬСКОМ РАЙОНЕ ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ В 1988 г.

Древнейшая из сохранившихся русских жалованных грамот, датированная 1130 г., гласит: "Се азъ Мьстиславъ Володимиръ сынъ, държа Руську землю, въ свое княжение повелелъ есмь сыну своему Всеволоду отдати Буице святому Георгиеви съ данию, и съ вирами, и съ продажами, и вено во...кое", а также "даль рукою своею и осеннее полюдие даровьное, полътретьядесяте гривнь". [1, с. 140, 141, N 81]. Большинство исследователей согласно в том, что, вероятно, в грамоте говорится о волости Буйце с центром в одноименном селении.

Содержания грамоты в той или иной форме касались многие исследователи, занимавшиеся вопросами социально-экономической истории Древней Руси. Однако в литературе, по-существу, не было попыток точного определения местоположения волости на местности, установления ее размеров и границ, хотя в ряде работ селение Буйце нанесено на карты.

Локализация волости Юрьева монастыря может быть предпринята на основании ее описания в Переписной оброчной книге Деревской пятины, составленной около 1495 г. [2, стб. 806-826]. Из книги явствует, что "волость великого князя Буец" получила свое название от одноименного озера Буйце. К. А. Невалин в 1853 г. по имевшимся в его распоряжении спискам населенных мест и картам "никакого селения с именем Буец", как и озера, не нашел. Тем не менее, на составленную "Карту пятин новгородских в XVI веке", он это селение поместил: близ истока р. Пола, на озерке к северо-западу от оз. Лопастино (ныне Лопастницы) и к северу от оз. Видбино (ныне Витбино). Таким образом, центр волости Буйце был указан северо-западнее центра другой волости - Лопастницы, принадлежавшей Аркажскому монастырю. Вслед за К. А. Невалиным аналогичным образом определяли место расположения поселения Буйце С. А. Тараканова, А. Н. Насонов, А. В. Успенская и М. В. Фехнер, авторы "Аграрной истории Северо-Запада России", В. Л. Янин, Б. А. Рыбаков (3, с. 110). Точка зрения о расположении волости Буйце у верховьев р. Пола прочно заняла место в литературе.

Обращение к трехверстным картам XIX в. и более поздним показало, что озеро Буйце находится совсем не там, где предполагали К. А. Невалин и, вслед за ним, ряд исследователей, а в 30 км к югу от ранее предполагаемого места, на территории Андреапольского района Тверской области. Это небольшое узкое озеро шириной 150-250 м и длиной около 1,8 км, самое южное в цепи озер Бросно, Бриссо и Бойно. Сейчас оно называется Бакановским по одноименной деревне на его берегу.

Осенью 1988 г. сотрудниками Новгородской областной экспедиции Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (ныне ИИМК РАН) была предпринята поездка в район оз. Буйце, где осмотрены известные археологические памятники в целях более детальной оценки характера археологических древностей территорий, позднее вошедших в состав Новгородской земли.

Обследование проведено на основании данных, собранных в книге Я. В. Станкевич [4] и материалов археологической разведки 1979 г. А. Д. Максимова [5]. Ученные археологические древности показывают, что территория, входившая в

пределы волости Буйце, принадлежит к районам древнего освоения. Здесь известны различные археологические памятники, относящиеся в том числе и к I тыс. до н. э. - нач. II тыс. н. э.

В 1988 г. нами были осмотрены три могильника древнерусского времени, находящиеся на склоне северного берега оз. Буйце. В первом, отстоящем на 0,5 км от д. Баканово, насчитывается 40 курганов и жальничных могил, далее по берегу во втором могильнике - 5 курганов, в третьем - 7. Ряд курганов обложен по основанию камнями [5, л. 14-17, NN 38, 39, 43-6]. Несомненно, что первый могильник ранее был больше, поскольку он частично распахан, а также разрушен дорогой и при строительстве линии электропередач. Именно эти курганные группы, судя по всему, и относятся к летописному селению Буйце.

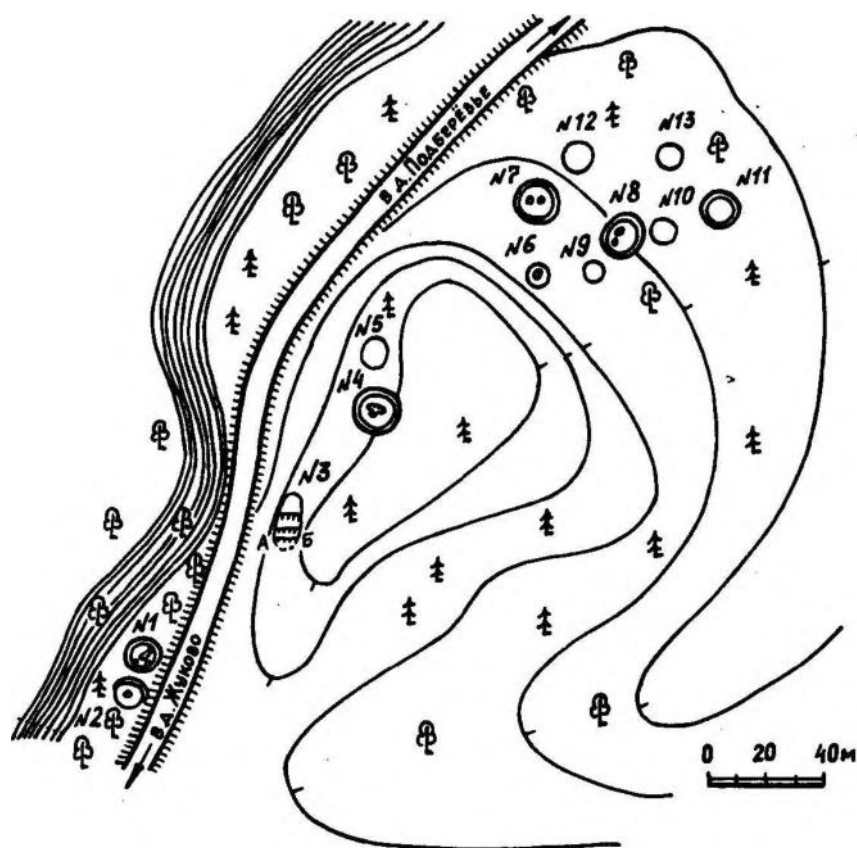
Ближайшие от центра волости значительные могильники древнерусского времени известны в 4,5 км к северу, на западном берегу западного залива оз. Бросно у д. Дядькино (68 курганов, в том числе с каменными обкладками) [5, л. 23], в 4 км к северо-востоку, на берегу южного залива оз. Бросно у д. Ольховец (более 40 курганов, как сопочного типа высотой до 4 м, так и небольших курганов с камнями в насыпях и жальничных могил) [4, с. 287, 288], в 7,5 км к северо-востоку, на берегу р. Бросницы у д. Андроново (более 55 курганов, половина из которых с каменными обкладками в основании) [4, с. 288, 290-293]. В 2 км севернее д. Андроново на берегу р. Болкоты у д. Песчаха находится городище, на котором, по сведениям Я. В. Станкевич, мощность культурного слоя древнерусского времени превышает 1 м¹ [4, с. 289]. Городище и селище у д. Истомино на южном берегу оз. Бросно, городище Подберезье (Тюховское) при истоке р. Бросницы из оз. Бриссо, обследованные и нами, имеют материалы конца I тыс. н. э. [5, л. 19, 24, 25, NN 52, 72, 73]. Одним словом, археологические материалы убедительно говорят об освоенности населением берегов оз. Буйце и его ближайших окрестностей в древнерусское время.

В ходе осмотра известных археологических объектов на курганной группе у д. Подберезье и на селище в урочище Красный ручей, где разрушение памятников древности требовало незамедлительного археологического вмешательства, были проведены небольшие охранные работы.

По данным Ю. Н. Урбана, между дд. Жуково и Подберезье у дороги расположены 3 группы курганов, насчитывающие соответственно 2, 2 и 6 насыпей [5, л. 16, NN 41-43]. Наше обследование показало, что между дд. Жуково и Подберезье вдоль юго-восточного берега озера Бойно тянется сухой сосновый бор, через который проходит дорога. Все курганы несомненно образуют одну группу, типичную по расположению и характеру для могильников культуры длинных курганов псковско-новгородского типа. Группа вытянута с юго-запада на северо-восток на 270 м и удалена от д. Подберезье на 0,5 км к юго-востоку (рис. 1). В могильнике насчитывается 13 курганов разных форм. Часть из них расположена рядом один с другим, некоторые насыпи находятся от прочих в 30-55 м, но несомненно, что это единая группа.

В могильнике представлены 4 достаточно крутобоких полусферических кургана высотой 1,8-2 м и диаметром 10-14 м (NN 2, 4, 7, 8), полусферический курган N 11 высотой 1,5 м при диаметре 10 м, полусферический курган высотой 0,5 м диаметром 8 м (N 10), 6 курганов с уплощенной вершиной, из которых 3 более крупных, высотой 1-1,3 м при диаметре 8-10 м (NN 1, 5, 6), и 3 маленьких, высотой до 0,3 м при диаметре 7-10 м (N 9, 12, 13). Наконец, курган N 3 имел овальную в плане форму, размеры 9x19 м и высоту 0,4 м. Все курганы насыпаны из песка, поросли лесом. Вокруг 6 курганов, имевших небольшой диаметр, зафиксированы при осмотре ровики (NN 1, 2, 4, 7, 8, 11). В целом сохранность курганного могильника хорошая. Лишь небольшие нарушения имеются на вершинах нескольких курганов.

¹ Нами встречена только лепная и раннегончарная керамика.

КУРГАН № 3

РАЗРЕЗ

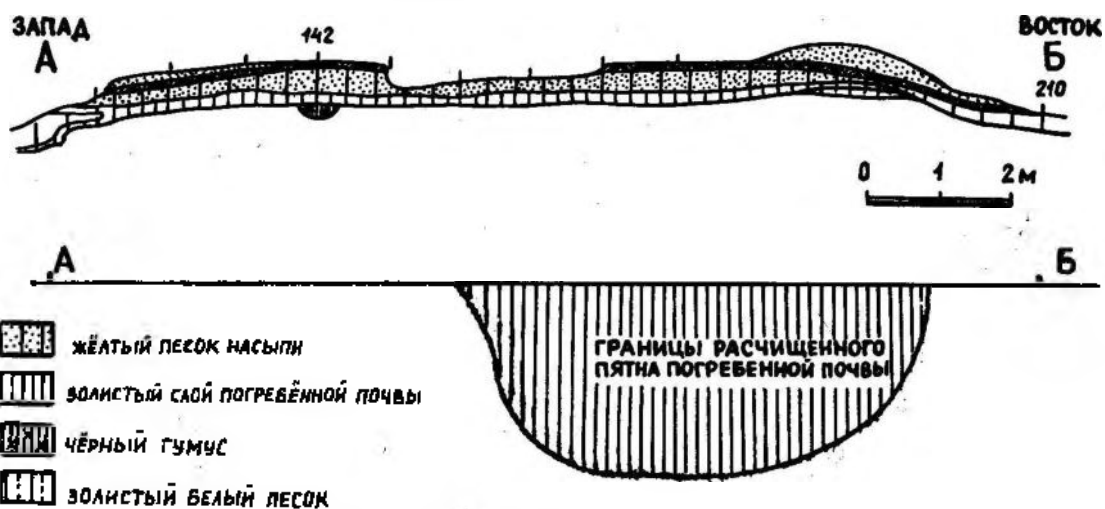

Рис. 1. Курганный могильник у д. Подберезье

Сильно поврежден курган N 3. При расширении дороги грунт бульдозерами растаскивался в стороны от нее, в результате чего половина насыпи оказалась снеженной. В южной части кургана частично было нарушено погребение по обряду трупосожжения: найдены разбросанные кальцинированные кости, часть костей была видна в стенке траншеи, проделанной бульдозером. Здесь мы провели зачистку южной, разрушенной части насыпи. Удалось в стенке траншеи зафиксиро-

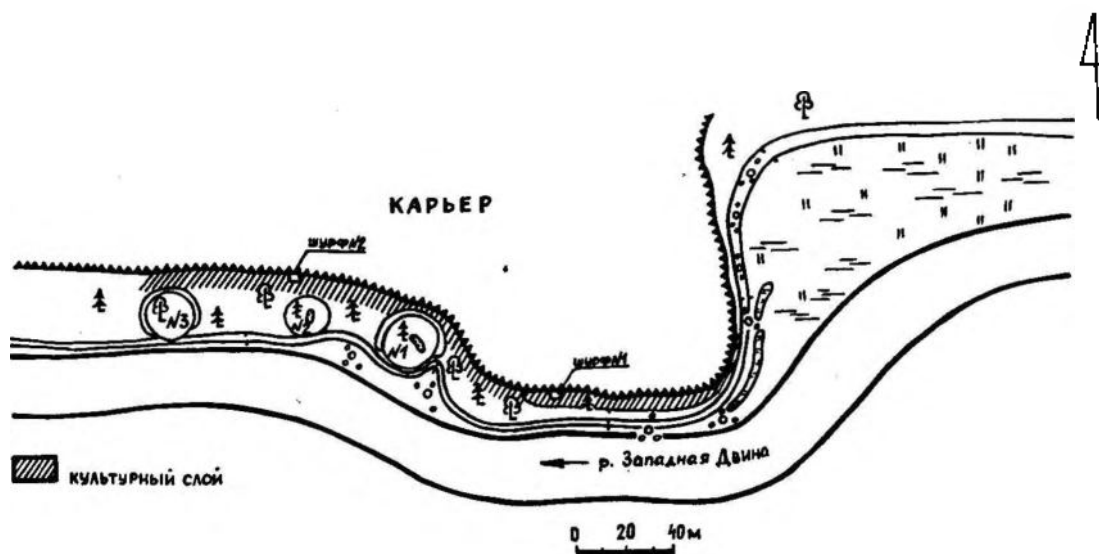

Рис. 2. План поселения и сопки в урочище Красный ручей

вать остатки захоронения (рис. 1). Кальцинированные кости и угольки были осыпаны в ямку диаметром 0,4 м, глубиной 0,25 м, имевшую вогнутое дно. Четко зафиксировано, что погребенная почва кургана (золистый песок мощностью 0,1 м) перекрывала захоронение. Это говорит о том, что после совершения погребения над ним образовался дерновый слой, а курган был насыпан гораздо позже. В южной части последнего под остатками насыпи на площади около 10 м² была зафиксирована древняя погребенная почва. При осмотре разрушенных частей кургана N 3 ближе к дороге найдена спекшаяся синяя бусина.

Комплекс памятников в урочище Красный ручей, состоящий из трех сопки и примыкающего к ним селища, был открыт в 1950-е годы Я. В. Станкевич (4, с. 223, 224, NN 32, 33). Сопки расположены в линию по самому краю террасы правого берега р. Западной Двины, в 0,5 км к востоку от д. Ерошихи (Ерохино) (рис. 2). Терраса возвышается на 5-7 м над уровнем реки. Сопка N 1 имеет высоту 7,5 м и диаметр 25 м и является самой крупной в группе. Сопка N 2 высотой 3 м и диаметром 18 м отстоит от сопки N 1 на 22 м к западу. Сопка N 3 имеет высоту 3,5-4 м, диаметр 20 м и находится в 35 м к западу от сопки N 2. Насыпи поросли лесом, задернованы. Вокруг сопки NN 1 и 3 зафиксированы ровики шириной 1,5-2 м при глубине до 0,5 м. Насыпи сопки сооружены из культурного слоя поселения.

По свидетельству Я. В. Станкевич, площадь селища имела размеры 60x150 м. В настоящее время селище практически не существует. На его месте находится гигантский карьер, из которого брали песок при строительстве нефтепровода "Дружба". Остатки культурного слоя селища (песчаный гумус различной интенсивности мощностью 0,2-0,3 м) прослежен узкой полосой шириной 2-7 м на протяжении 240 м вдоль южного края карьера и 20 м - вдоль восточного края (рис. 2). В древности поселение, очевидно, было вытянуто вдоль берега реки.

Для получения дополнительной информации о материалах поселения и в охранных целях в двух местах, где в карьер интенсивно осыпались части древних комплексов, были заложены шурфы. Шурф N 1 находился в 50 м к юго-востоку от сопки N 1. Он имел размеры 2x4 м, был ориентирован по сторонам света и вытянут с запада на восток. Культурный слой здесь имел толщину 0,2-0,3 м и представлял собой гумусированный темно-коричневый песок. В нем найдено несколько фрагментов лепных неорнаментированных сосудов. На фоне материка выявлено

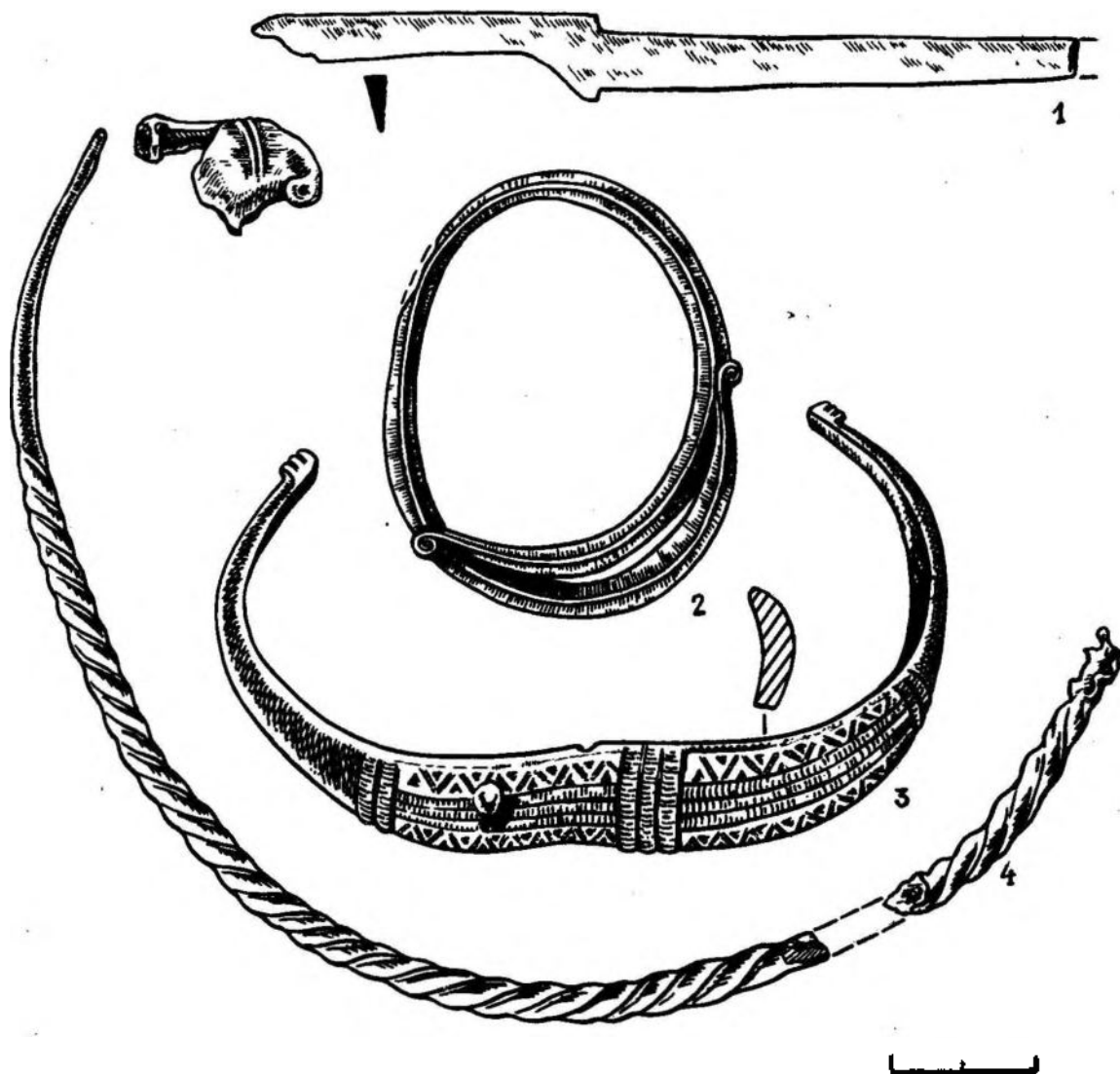

Рис. 3. Селище в урочище Красный ручей. Находки из шурфа N 2:
1 - нож; 2 - височное кольцо; 3 - браслет; 4 - гривна

пятно черного гумуса, разборка которого показала, что перед нами часть углубленного в материк на 0,4 м сооружения размерами 0,9x3 м (северная часть комплекса обрушилась в карьер и ее размеры не ясны). Заполнение сооружения представляло собой однородный черный гумус, в котором встречены обломки лепной неорнаментированной профилированной керамики посл.четв. 1 тыс. н. э. (рис. 4, 6-7), фрагменты железных шлаков и ошлакованной глины.

Шурф N 2 (1,5x2 м) был заложен в 10 м к северу-западу от северной полы сопки N 2. Культурный слой оказался почти на всей площади шурфа перемешанным копытами коров, которых ежедневно прогоняли вдоль карьера. Лишь у южного края шурфа установлено, что слой достигал толщины 0,2-0,3 м и представлял собой гумусированный темно-коричневый песок. После разборки перемешанного слоя, в котором найдены фрагменты лепной неорнаментированной керамики, на фоне материка было зафиксировано округлое в плане пятно черного гумуса. При его разборке выявлена углубленная в материк на 0,2-0,4 м яма размерами 1,2x1,6 м. Северная ее часть разрушена карьером, западная граница неотчетлива из-за

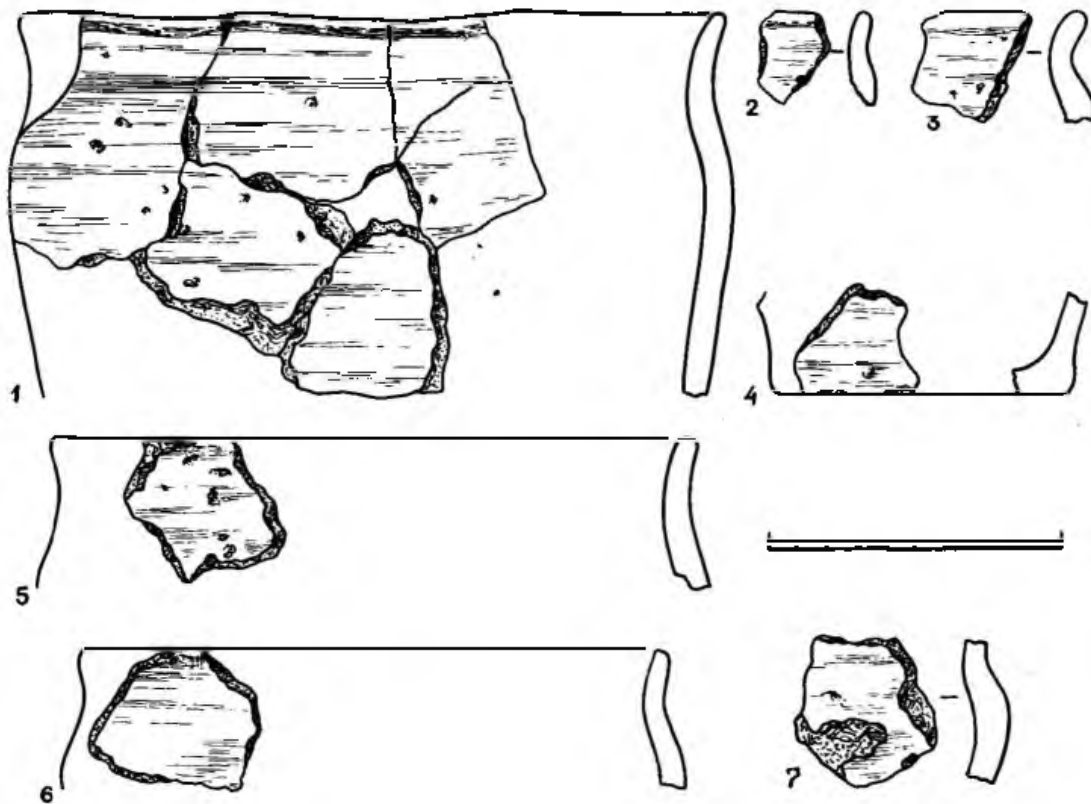

Рис. 4. Керамика селища в урочище Красный ручей:
1-2 - шурф N 1; 3-7 - шурф N 2

сильной гумусированности в этом месте материка. Заполнение ямы представляло собой интенсивно черный гумус с включением отдельных камней со следами пребывания в огне, нескольких мелких фрагментов кальцинированных костей, обломков лепной неорнаментированной керамики (рис. 4, 1-5) и вещей. Среди последних: железный нож с выраженным уступом при переходе от лезвия к черенку (рис. 3, 1), относящийся к четвертому типу ножей, по Р. С. Минасяну [6, с. 72-74], височное кольцо с серповидными концами (рис. 3, 2), типичное для памятников культуры смоленских длинных курганов [7, с. 53, 54], бронзовый ладьевидный браслет (рис. 3, 3), имеющий многочисленные аналогии в древностях Скандинавии и Финляндии I-X в. [8, с. 154; 9, с. 238-241; 10, с. 75, 76, 83, 84], и обломки бронзовой крученой гривны с концом седловидной формы (рис. 3, 4). Все предметы, кроме височного кольца, носят следы интенсивного воздействия огня. Данный факт, как и сам набор вещей, наталкивают на мысль, что нами открыты остатки захоронения. Однако этому противоречит прежде всего отсутствие как в яме, так и в слое над ней или рядом с ней человеческих кальцинированных костей. Характер комплекса остается до конца не ясным, что связано с его сильной нарушенностью.

В целом археологические памятники в урочище Красный ручей безусловно относятся к числу крайне интересных древних объектов, несмотря на полное разрушение селища. Несомненно, здесь во 2-й пол. 1 тыс. н. э. существовало поселение, на краю которого из культурного слоя в кон. 1 тыс. н. э. возвели сопки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.
2. Новгородские писцовые книги. Т. 11. Переписная оброчная книга Деревской пятинны около 1949 года. Вторая половина. СПб., 1868.

3. *Носов Е. Н.* Новгородская волость Буйцы. Историко-археологический комментарий // Новгород и Новгородская земля. История и археология (Тез. науч. конф.). Новгород, 1990. Вып. 3.
4. *Станкевич Я. В.* К истории населения Верхнего Подвизья в I и начале II тысячелетия н. э. // МИА. 1960. N 76.
5. *Максимов А. Д.* Отчет о разведках и раскопках в Калининской области в 1979 г. // Архив ИА РАН. Р-1. N 7526.
6. *Милютин Р. С.* Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего средневековья (к вопросу о появлении славянских форм в лесной зоне) // АСГЭ. Л., 1980. Вып. 21.
7. *Енуков В. В.* Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей (по археологическим материалам). М., 1990.
8. *Petersen J.* Viringetidens Smykker. Stavanger, 1928.
9. *Kivikoski E.* Studien zu Birkas Handel im östlichen Ostseegebiet // Acta Archaeologica. København, 1937. V. 8.
10. *Korkeakoski-Väisänen K.* Manner-Suomen viikinki- ja ristiretkiajan rannerenkaat ja niiden ornamenttiikka. Turku, 1981.

Институт истории материальной культуры РАН, С.-Петербург

М. В. ВОЛКОВА

ДОПОЛНЕНИЯ К АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЕ БЕЖЕЦКОГО КРАЯ (К ВОПРОСУ О МЕСТОПОЛОЖЕНИИ НОВГОРОДСКОЙ ВОЛОСТИ ГОРОДЕЦ-ПАЛЕЦ (ПАЛИЦ))

Расположение археологических памятников древнерусского времени на археологической карте Бежецкого района Тверской обл. до самого последнего времени характеризовалось приуроченностью памятников этого периода главным образом к берегам р. Мологи и проточных оз. Верстово и Ямного [1].

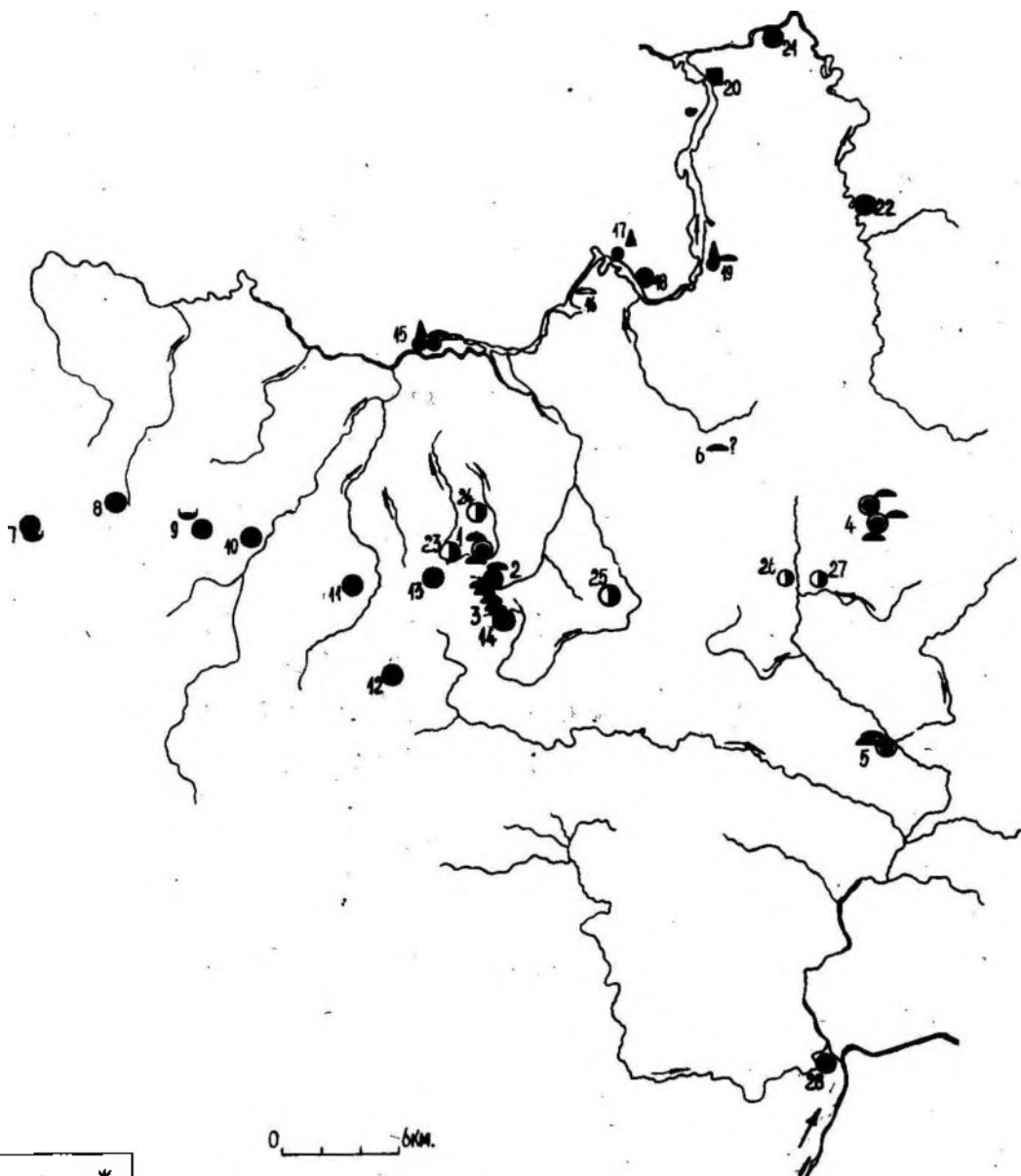
Археологические исследования на прилегающей территории бассейна верхнего течения р. Мологи до 1986 г. практически не проводились. Отсутствует информация о памятниках археологии данной территории и во всех имеющихся сводках памятников, за исключением кратких упоминаний в известной сводке В. А. Плетнева: "о древнем кладбище по имени Терентьево" в районе с. Моркины Горы и курганчиках к северу от д. Воротилово" [2, с. 446].

Предпринятые автором с 1986 г. археологические разведки, охватившие часть территории водораздела рр. Мологи и Медведицы, выявили ряд новых, ранее неизвестных памятников археологии, датируемых периодом от раннего до развитого и позднего средневековья, что позволило расширить границы собственно Бежецкой округи для разных периодов времени с учетом географических особенностей местности [3].

В целом на указанной территории водораздела разведками обнаружено три района компактного расположения памятников археологии периода раннего средневековья. Это археологические комплексы, каждый из которых состоит из поселения и синхронных наиболее ранним напластованиям этого поселения курганных могильников (рис. 1, 1-6).

Памятники древнерусского времени, кроме археологического комплекса Михалево-1, расположенного в верховьях р. Дрезны, левого притока р. Медведицы, находятся на берегах ручьев, имеющих ярко выраженное овражно-балочное русло, относящихся к бассейнам как р. Мологи, так и р. Медведицы, и приурочены к истокам этих ручьев с вершин моренных холмистых поднятий с общим названием Бежецкий Верх [4, с. 27] (рис. 2, 1-III, рис. 3). Общие расстояния между выявленными микрорегионами расположения памятников в пределах территории водораздела и от синхронных им памятников верхнего течения р. Мологи (археологические комплексы у с. Дрюцково, д. Юрьевское, с. Присеки и с. Любодицы) колеблются в пределах от 10-13 до 20 км (рис. 1). Границами между указанными микрорегионами расположения памятников служат естественные преграды - территории, занятые болотными и подзолисто-болотными почвами.

Наиболее значительное по числу скопление памятников (два селища, шесть курганных групп и один одиночный курган), по своему расположению образующее вытянутую с севера на юг дугообразную цепочку протяженностью около 2 км, зафиксировано в районе с. Намесково и д. Ежево (рис. 1, 1-3; рис. 2, 1-III). По своему местоположению памятники могут быть разделены на три находящиеся приблизительно в 1 км друг от друга археологические комплекса, каждый из которых приурочен к различным, близко смыкающимся в этом районе истокам ручьев бассейна верхнего течения р. Мологи.

■	- А	▲	- Ж
●	- Б	◐	- З
●	- В	◑	- И
○	- Г	◒	- К
○	- Д		
●	- Е		

Рис. 1. Археологические памятники IX-XIII и XIV-XVI вв. территории междуречья Мологи и Медведицы:
 А - городище; Б - селища XII-XIII и XIV-XVI вв.; В - селища XV-XVI вв.; Г - села; Д - деревни, известные по письменным источникам, археологически не датированные; Е - селища IX-XIII вв.; Ж - сопки; З - курганные группы; И - курганные группы, насчитывающие более 50 насыпей; К - грунтовые могильники периодов развитого и позднего средневековья;
 1 - археологический комплекс Намесково 1; 2 - археологический комплекс у д. Ежево; 3 - Ежево 4; 4 - Новгородское 1 - 2; 5 - Михалево 1; 6 - курганная группа в верховьях р. Каменки¹; 7 - Данилково 1 ("Никола лапти"); 8 - Антипково 1 ("Барсукова гора"); 9 - Терентьева Гора 1 ("Слезолейка"); 10 - Красная Горка 1; 11 - Домацкое 1 ("Гостимирова гора"); 12 - Шульгино 1 ("урочище Вильское"); 13 - Косоногово 1 ("Дядькино"); 14 - Ежево 2 ("Гришкина гора"); 15 - Дроцково 1 - 2; 16 - Юрьевское 1 - 2; 17 - Присеки 1 - 2; 18 - Присеки 2; 19 - Любодицы 1 - 2; 20 - Городецко, городище и посад; 21 - Городок 2; 22 - Жирки 1; 23 - "село Намесково"; 24 - "село Разморское"; 25 - "село Раменье Красное"; 26 - "деревня Опалиха"; 27 - "деревня Остратиha" [5, с. 10-12, 66]; 28 - Старово 1.

¹ Археологического обследования курганной группы в верховьях р. Каменки в полевом сезоне 1992 г. провести не удалось.

Крайний с севера археологический комплекс, находящийся в истоках руч. Луково, включает в себя селище Намесково-1 площадью 16 тыс. м², датируемое по подъемному материалу (керамике и индивидуальным находкам) XI-XIII и XIV-XVI вв. н. э., и две курганные группы: с напольной стороны от поселения - Намесково-1 /24 кургана/ и на противоположной стороне ручья, на склоне оврага - Намесково-2 /6 курганов/ (рис. 4, 1, 2, 4, 5, 7-13).

Следующий, занимающий промежуточное положение археологический комплекс, приуроченный к истокам руч. Броденец, впадающего в р. Сосницу, состоит из селища Ежево-1 площадью приблизительно 5 тыс. м², датируемого по керамике предварительно XII-XIII и XIV-XVI вв., и остатков двух курганных групп, расположенных с напольной стороны от поселения Ежево-1 /6 курганов/ и на противоположной стороне ручья по склону оврага - Ежево-2 /4 кургана/. К юго-востоку от курганной группы Ежево-2, по правому берегу руч. Броденец зафиксированы приуроченные к небольшим притокам ручья одиночный курган и курганная группа Ежево-3, состоящая из 6 насыпей, относящиеся, по всей видимости, к этому же комплексу, т. к. следов поселения в непосредственной близости от данных курганных могильников не обнаружено.

Третий, крайний с юга археологический комплекс микрорегиона, приуроченный к истокам р. Сосницы, правого притока р. Мологи, представлен курганной группой Ежево-4, насчитывающей 9 насыпей, расположенных на склоне оврага. Поселения синхронного периода функционирования курганной группы Ежево-4 поблизости от нее не обнаружено (селище Ежево-2 - "Гришкина Гора" на противоположной от могильника стороне истока реки датируется по керамике XV-XVI вв. и может быть идентифицировано с селом Гришкино, упоминаемым в актовых материалах XVI в. по Бежецким вотчинам Троице-Сергиева монастыря) [5, с. 49, 66].

Проведенные в 1989 г. раскопки насыпи N 20 курганной группы Намесково-1 обнаружили три разновременные погребения: по обряду трупосожжения на стороне, остатки которого в виде пятна диаметром 3,0 м песчано-золяного спекшегося грунта с включениями зерен злаков и мелких кальцинированных костей обнаружены на уровне древней дневной поверхности, и два впускные безынвентарные погребения по обряду ингумации. К общим внешним конструктивным особенностям курганных насыпей микрорегиона, отсутствующим в конструкциях синхронных им насыпей р. Мологи, относится наличие каменной обкладки по склонам насыпей и в виде скопления камней по всей площади ровиков. Высота насыпей колеблется от 0,5 до 1,2 м при диаметре от 5 до 10 м. Другой район местоположения раннесредневековых памятников /два селища и остатки трех курганных групп/, приуроченный к истокам безымянного ручья, относящегося к бассейну верхнего течения р. Дрезны, обнаружен к северо-западу от д. Новгородское (рис. 1, 4, рис. 3, 1-5). Поселения и примыкающие к ним могильники разделяются одним из русел ручья и могут быть отнесены к двум отдельным археологическим комплексам. На левом берегу ручья расположено селище Намесково-1 площадью 11 тыс. м², датируемое по керамике предварительно сер.- нач. 2-й пол. II тыс. н. э.; но, возможно, содержащее и более ранние напластования, и ограничивающие поселение с двух сторон курганные могильники: Новгородское-1 /9 насыпей/ и, в 180 м от поселения, Новгородское-2 /2 насыпи/. К противоположному правому берегу ручья приурочены селище Новгородское-2 площадью 16 тыс. м², датируемое по керамике XII-XIII и XIV-XVI вв. н. э., и примыкающий к поселению одиночный курган, сохранившийся от разрушенного пахотой более крупного курганного могильника (рис. 4, 3, 6). Каменная обкладка вокруг насыпей курганов могильников не прослежена.

Третий, наиболее удаленный от берегов р. Мологи археологический комплекс древнерусского времени, включающий селище Михалево-1 площадью приблизительно 35 тыс. м², датируемое по находкам керамики ориентировочно XII-XIII и XIV-XVI вв. н. э., и примыкающую к поселению курганную группу, насчитывающую 102 насыпи, зафиксирован в верховьях р. Дрезны, на правом берегу реки, на-

Рис. 2. Археологические памятники в р-не с. Намесково и д. Ежéво:
 А - долины ручьев; Б - селища XII-XIII и XIV-XVI вв.; В - курганная группа; Г - селище XV-XVI вв.
 1 - археологический комплекс в р-не с. Намесково: 1 - Намесково 1; 2 - Намесково 1; 3 - Намесково 2; II - археологический комплекс у д. Ежéво: 4 - Ежéво 1; 5 - Ежéво 1; 6 - Ежéво 2; 7 - одиночный курган N 1; 8 - Ежéво 3; 9 - Ежéво 4; 10 - Ежéво 2

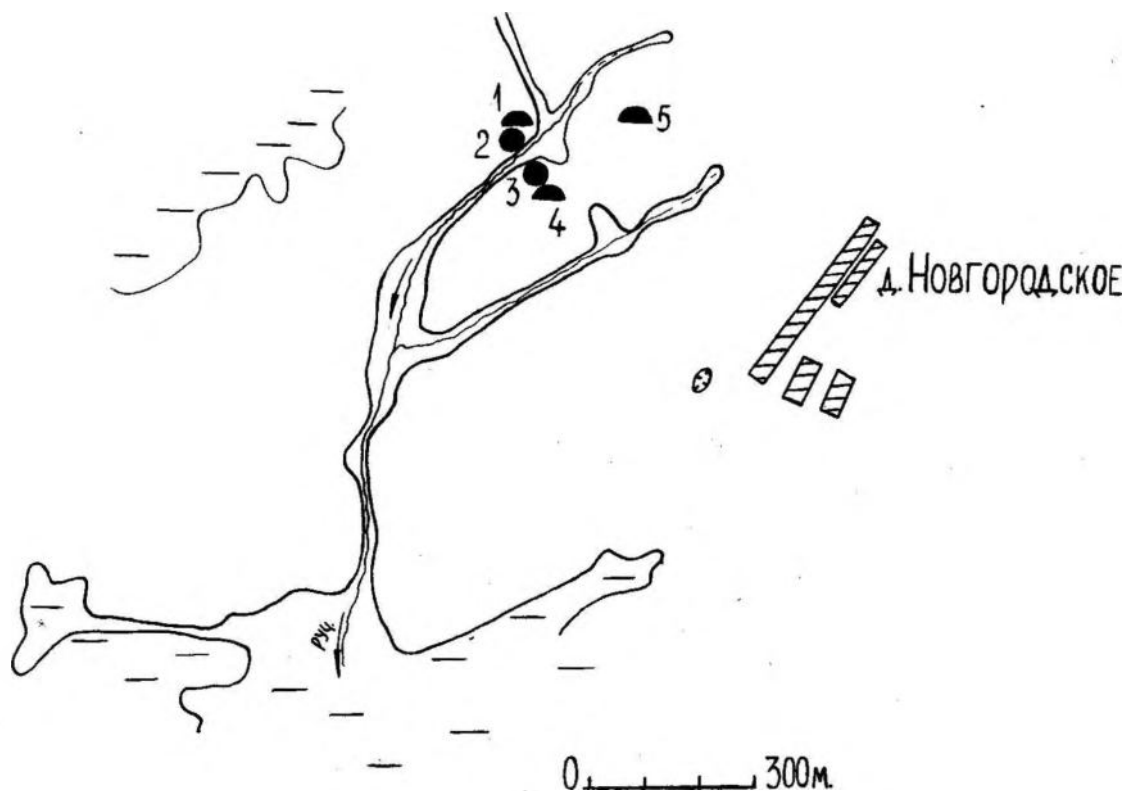

Рис. 3. Археологические памятники в р-не д. Новгородское:
1 - одиночный курган N 1; 2 - Новгородское 2; 3 - Новгородское 1; 4 - Новгородское 1; 5 - Новгородское 2

против впадения в нее р. Югжи (рис. 1, 5). Размеры большинства насыпей могильника: высота 0,5-0,7 м (отдельные насыпи до 1,2 м), диаметр в большинстве случаев не превышает 7 м. В пределах могильника выделяются отдельные группы насыпей, соединенных общей системой ровиков, и присутствует обкладка из крупных валунов, по одному с четырех сторон, наряду с обкладкой склонов и основания курганов небольшими камнями.

Таким образом, общей особенностью расположения курганных могильников территории водораздельного плато является характер расположения их в виде отдельных групп - "гнезд", окружающих поселение. Селища, содержащие культурные напластования курганного периода, занимают полого спускающиеся к воде участки местности и непосредственно тяготеют к руслам указанных водных артерий региона. Следует также отметить на основании предварительной датировки подъемного керамического материала преемственность функционирования поселений водораздельного плато, содержащих культурные напластования курганного периода, от XI-XIII вв. до сер.-нач. 2-й пол. I тыс. н. э.

Иная категория поселений водораздела, обнаруженных разведками, - селища, возникновение которых датируется по керамике временем не ранее XIV-XV вв. н. э. Поселения периода развитого и позднего средневековья топографически занимают выравненные вершины и верхние части склонов холмистых поднятий или вершины отдельных моренных холмов, удалены от естественных водных источников (рядом с большинством поселений обнаружены колодцы-родники или пруды). Они привязаны к современной сети проселочных дорог, возможно, в целом повторяющих траектории дорог средневековья (рис. 1, 7-14, 21-22, 28). К этой же категории поселений следует отнести поселения, известные по письменным источникам, но археологически не датированные и, по всей видимости, совпадающие с современными одноименными населенными пунктами (рис. 1, 23-27).

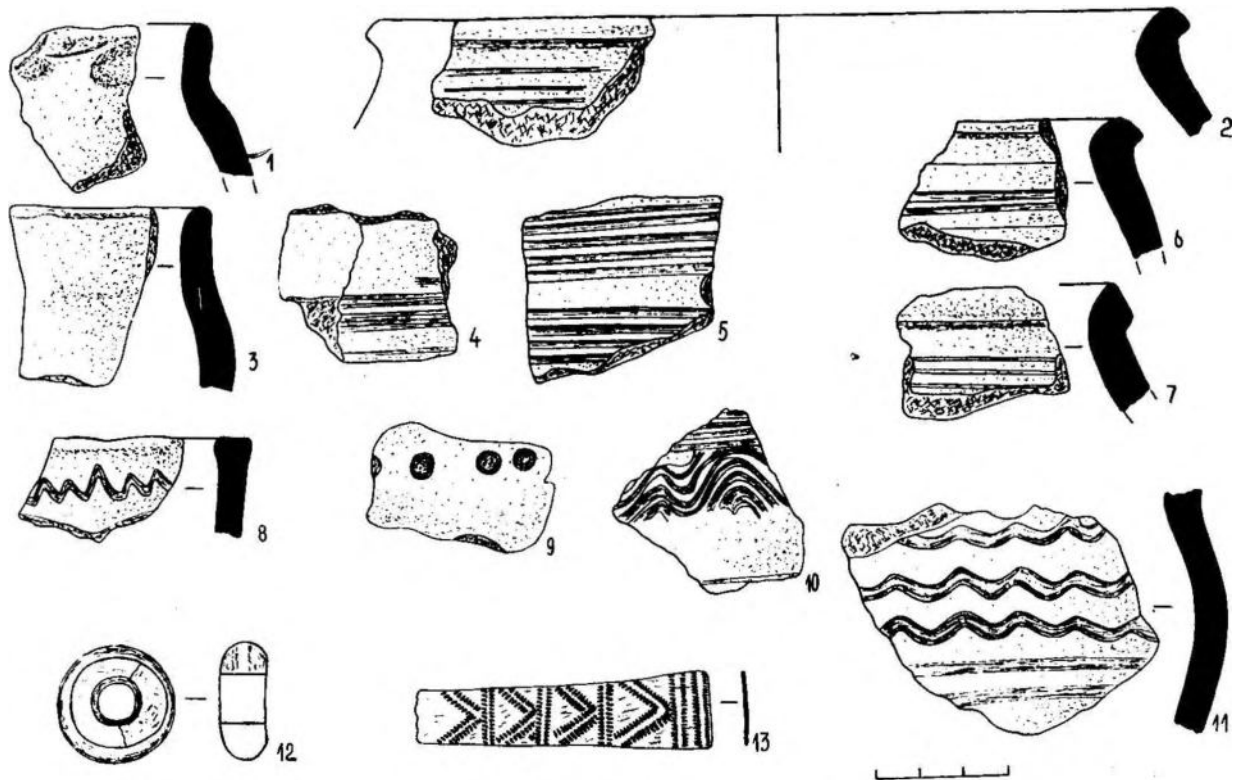

Рис. 4. Поселения водораздельного плато рек Мологи и Медведицы. Находки:
1, 2, 4, 5, 7-13 - Намесково; 3, 6 - Новгородское 2. 1 - 11 - глина; 12 - камень; 13 - бронза

Картирование вновь выявленных памятников археологии в общих чертах фиксирует пределы освоения территории междуречья рр. Мологи и Медведицы в различные исторические эпохи. Древнерусские поселения водораздельного плато, как указано выше, приурочены к истокам ручьев и рек бассейнов Мологи и Медведицы, что указывает на пути направления земледельческой колонизации, связывающие район верхнего течения р. Мологи с бассейном р. Волги через систему небольших ручьев и рек и р. Медведицу, в процессе которой происходило заселение новых территорий водораздела, наиболее пригодных для земледельческого освоения. Начало освоения территории водораздела, по всей видимости, происходило не ранее XI в. и продолжалось на протяжении XII-XIII вв. с разной степенью интенсивности. Характерно, что на конечных пунктах "выезда" из региона верхней Мологи и из региона водораздела находятся наиболее крупные по площади поселения и по числу насыпей могильники (археологические комплексы Дрюцково на верхней Мологе и Михалево в верховьях р. Дрезны), где происходило своего рода накопление населения. Таким образом, поселения водораздельного плато в древнерусское время образуют компактный район, граничащий с севера с поселениями р. Мологи и отделенный от одновременных им поселений р. Медведицы незаселенной для этого периода времени "буферной" зоной.

Напомним, что поселения Бежецкого края по письменным источникам периода средневековья в административно-территориальном отношении образовывали волость Бежичи и, по всей видимости, волость Городец-Палец (Палиц), которая упоминается в договорных грамотах Новгорода с Тверскими князьями в течение XIII-XV вв. (с 1264 г. по 1470-71 гг.) вслед за волостью Бежичи в значении пограничной с землями Тверского княжества новгородской волости, охраняемой администрацией Новгорода от опасности окняжения [6, с. 9-47, 129-132]. Уместно пред-

положить, что памятники археологии территории водораздельного плато рек Мологи и Медведицы, занимающие промежуточное пограничное положение между территорией бывшей волости Бежичи и землями Тверского княжества, и составляли поселения волости Городец-Палец (Палиц), выделенной Новгородской администрацией в самостоятельную территориальную единицу во 2-й пол. XII в. Вопрос о местоположении ее до настоящего времени является дискуссионным [7, с. 270; 8, с. 551; 9, с. 35; 10, с. 91; 11, с. 166].

Территории волостей Бежичи и Городец-Палец (Палиц), по всей вероятности, составили наиболее древнее основное ядро появившейся на политической карте Северо-Восточной Руси в нач. XIV в. новой административно-территориальной единицы "Бежецкий Верх". Практически незаселенная до XIV-XV вв. южная половина территории междуречья рек Мологи и Медведицы, видимо, представляла собой часть территории, на которой происходило формирование пограничной полосы между землями Новгородской боярской республики и Владимиро-Суздальскими землями, а с сер. XIII в. - и землями Тверского княжества [12, с. 155-157].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Леонтьев А. Е.* Древнерусские поселения Верхней Мологи // Археологические исследования в Верхневолжье. Калинин, 1983.
2. *Плетнева В. А.* Об остатках древности и старины в Тверской губернии. Тверь, 1903.
3. *Волкова М. В.* Отчет Бежецкого отряда Калининской археологической экспедиции о работах в 1986 г. Архив ИА РАН. Р-1.
4. *Волкова М. В.* Отчеты о работах Бежецкого отряда Верхнемстинской археологической экспедиции в 1987-1989 гг. Архив ИА АН СССР. Р-1.
5. *Почвы Бежецкого р-на Калининской обл. и их использование.* Калинин, 1974.
6. *Шумяков С. А.* Бежецкие Акты // Чтения Общества Истории и Древностей Российских. СПб., 1899. № 3.
7. *Грамоты Великого Новгорода и Пскова.* М.-Л., 1949.
8. *Костомаров Н. И.* Исторические монографии и исследования. Кн. III. Т. VII и VIII. СПб., 1904.
9. *Готис Ю. В.* Замосковный край в XVII в. М., 1903.
10. *Михайлов А. И.* Очерки по истории Бежецкого края. Новгородский период. Тверь, 1924.
11. *Насонов А. Н.* "Русская земля" и образование территории древнерусского государства. М., 1951.
12. *Куза А. В.* Новгородская земля // Древнерусские княжества X-XIII вв. М., 1976.
13. *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X-XIV вв. М., 1984.

Бежецкий Дворец детей
и молодежи

В. А. БУРОВ

ВОЛОСТКА XV В. НОВГОРОДСКОГО БОЯРИНА ЯКОВА СКОМАНТОВА ПО ДАННЫМ ПИСЦОВЫХ КНИГ И АРХЕОЛОГИИ

На территории современного Фировского р-на Тверской обл., на Валдае в эпоху средневековья располагалась одна из волостей Новгородской земли Жабна. Она входила в состав Деревской пятины. Ее подробное описание содержит Новгородская писцовая книга Деревской пятины 1495-1501 гг. [1, стб. 612-629]. Волость имела сложную структуру. В ее состав входили концы, объединявшие группы деревень, и несколько волосток. По имени боярина Якова Ивановича Скомантова одна из волосток называлась Яковлевской.

Судя по фамилии, Яков - потомок выходцев из Прибалтики, возможно, из земли пруссов. В Новгородской земле ему принадлежало несколько вотчин, разбросанных по разным пятинам. По подсчетам А. М. Гневушева, Яков Скомантов владел 127,5 обжами, занимая 28 место среди 1632 прочих землевладельцев [2, с. 312, 330]. Это крупный боярин.

Яковлевская волостка - рядовая вотчина. Тем она и интересна. До сих пор изучение новгородского боярского землевладения основывалось на комментариях к писцовым книгам. Изредка предпринимались попытки локализации отдельных боярщин с помощью карт, планов Генерального межевания [3, с. 266-273]. Однако это исключение. В основном историки пересказывают писцовые книги. Археологическое обследование вотчин предпринималось лишь С. А. Таракановой [4, 5] и О. В. Овсянниковым [6]. Но и в этом случае основное внимание было сосредоточено на обследовании центральных поселений. Деревни археологически не выявлялись и не локализовались. Таким образом, комплексное историко-археологическое исследование Яковлевской волостки Жабенской волости, осуществленное нами в 1992 г., открывает новый этап в изучении боярского землевладения Новгородской феодальной республики.

Писцовая книга кон. XV в. перечисляет 13 деревень Яковлевской волости: Холуи, Жолницы, Скоково, Становища, Белища, Бисерова Горка, Ермолино, Лядино, Отдыхалово, Пепельниково, Марково, Годышов Брод, Нивки [1, стб. 632-635]. При этом никакой географической привязки не дано. Для локализации указанных деревень были привлечены писцовые книги XVI-XVII вв., хранящиеся в ЦГАДА и до сих пор не опубликованные, планы Генерального и специальных межеваний XVIII-XX вв., исторические карты Новгородской губернии, Валдайского уезда Новгородской губернии. В ходе полевых исследований на местности собиралась микротопонимия, местные предания. В итоге было определено точное или примерное местонахождение всех деревень, установлены границы волостки.

Д. Холуи. В кон. XV в. в ней было три крестьянских двора, двор владельца волостки (в московский период им стал помещик подьячий Ивана III Ивашко Сухой) и два людских двора. Точную географическую привязку дают Переписная книга 1648 г. - "село Холуи... на реке на Граничне" [7, л. 109 об.] - и материалы Генерального межевания 1780 г. - "село Холуи, что ныне Рождество" [8, л. 3]. Село Рождество указано на ряде карт кон. XVIII - нач. XX вв. В настоящее время с. Рождество - центр Рождественского сельсовета. Свое название оно получило по церкви Рождества Христова. В 1820 г. на месте деревянного храма был возведен каменный, на этот раз в честь местной почитаемой иконы Рождества Богородицы.

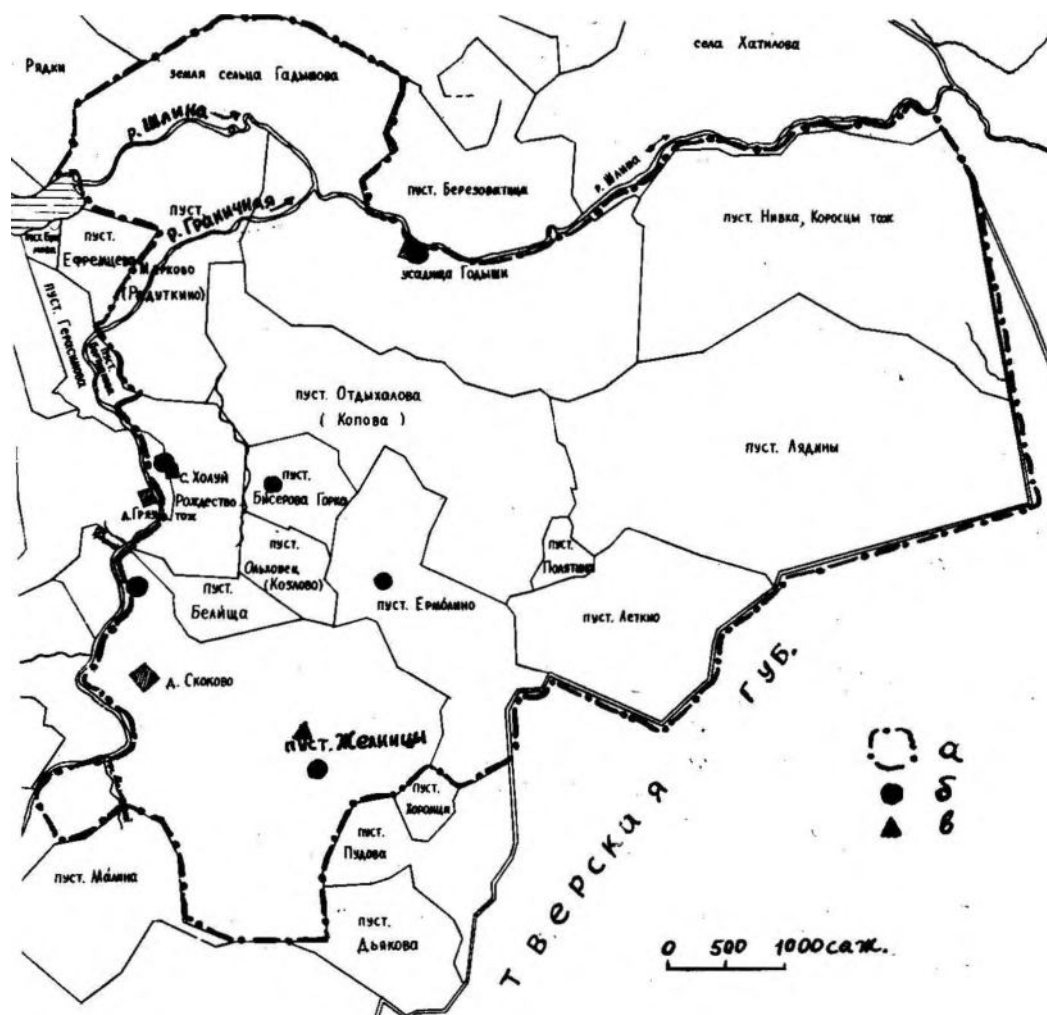

Рис. 1. Фрагмент плана 1788 г. с реконструкцией границы Яковлевской волости:
 а - граница волости XV в.; б - селища, соответствующие деревням писцовых книг; в - жальник

Селище, соответствующее деревне писцовой книги 1495 - 1501 гг., выявлено в 40 м к северу и северо-западу от сохранившейся действующей Рождественской церкви на покатоном склоне холма, опускающегося к р. Граничной. Поселение имело двучастную планировку, будучи расположенным на обоих берегах безымянного, ныне засыпанного ручья, впадавшего в реку. К левому берегу тяготеет селище 30-40 x 160 м. На правом берегу выявлено пятно культурного слоя 30 x 40 м. Перед нами собственно деревня и феодальная усадьба. Боярский двор оказался обособленным от основной застройки. Дата селища по керамике XIV-XVIII вв. Отмечены и поздние фрагменты XVIII-XX вв. Жизнь в Холуях не прерывалась до настоящего времени.

Д. Жольницы. В кон. XV в. здесь насчитывалось три двора. В 1583 г. дворов было пять [9, л. 33 об.]. Далее сведения о деревне обрываются. В XVIII в. жителям с. Скокова была известна пустошь Жальницы. Эта же пустошь известна и сейчас. Она располагается от Скокова в 2 км к востоку. Топоним указан и на современных картах. Он связан с полем. Селище, соответствующее деревне писцовой книги, выявлено на указанном поле в его юго-западной оконечности у низины. Размер 25x45 м. Дата XV-XVII вв.

Д. Скоково. В 1495-1501 гг. в деревне был один двор. Более поздние писцовые книги фиксируют непрерывное существование села Скоково вплоть до наших дней. Переписная книга 1648 г. впервые дает привязку: "...сельцо Скоково на реке на Гранишне" [7, л. 113]. Выявить однодворное поселение XV в. пока не удалось.

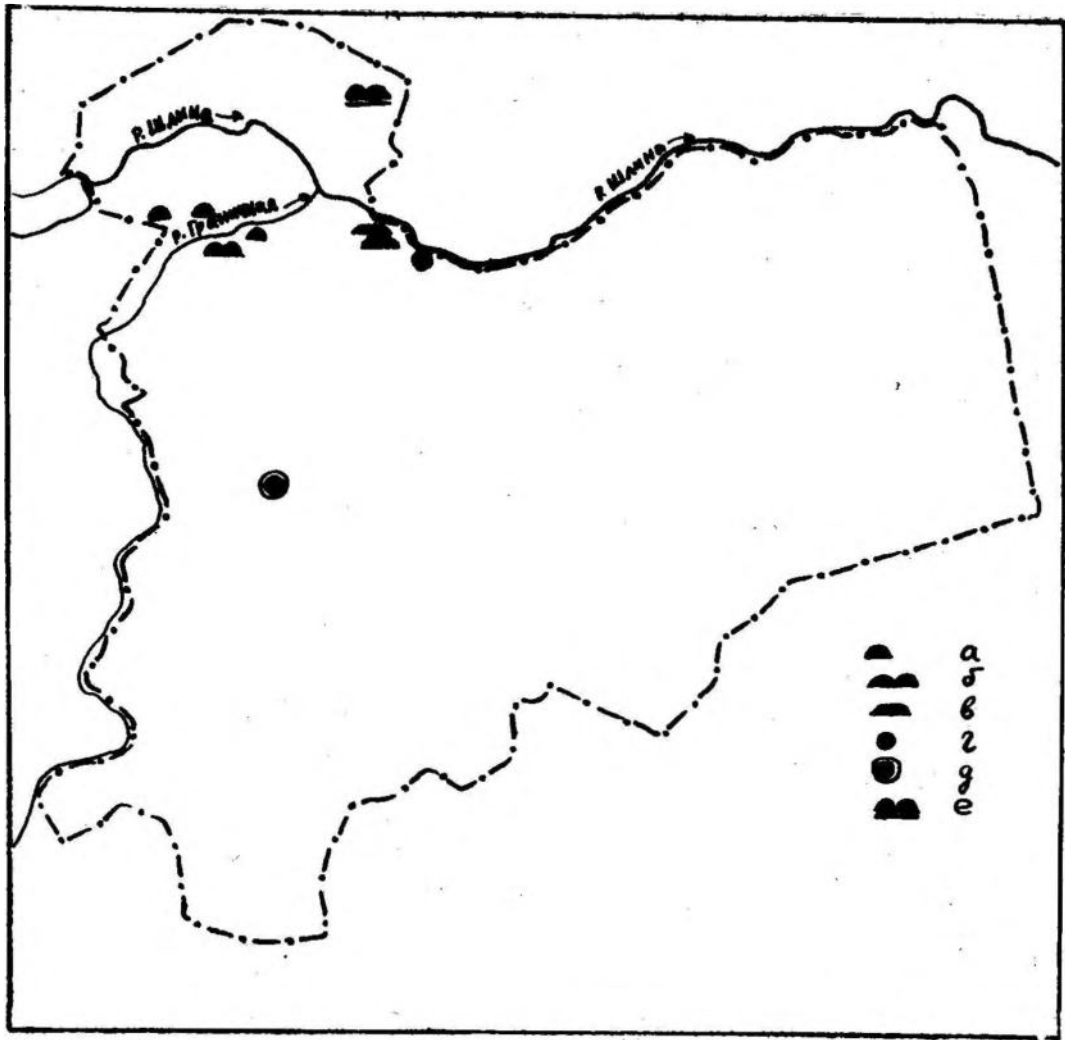

Рис. 2. Памятники археологии на территории Яковлевской волостки кон. I тыс. - XIII в. н. э.: а - одиночный круглый курган эпохи длинных курганов; б - курганная группа эпохи длинных курганов; в - длинный курган; г - селище X - нач. XIV вв.; д - селище XIII в.; е - курганный могильник нач. II тыс. н. э.

Д. Становица. В кон. XV в. это двухдворное поселение. Просуществовала деревня до кон. XVII в. Последний раз упомянута в книге 1678 г. [10, л. 476 об.]. Пустошь Становице (второе название - Акимово или Якимово) на планах Генерального межевания не обозначена, современным жителям неизвестна. Селище, соответствующее деревне, найти не удалось.

Д. Белище. В XV в. здесь насчитывалось четыре двора. Последнее сообщение о ней относится к 1583 г., говорится о восьми дворах [9, л. 33]. Планы генерального межевания и устная традиция указывают на расположение пустоши Белище на правом берегу р. Граничной, к северу от Романова ручья. Селище на месте бывшей деревни выявлено на правом берегу Граничной в 1,3 км к северу от Скокова и в 200 м от устья Романова ручья. Размер поселения 50x90 м. Дата - руб. XIV-XV - XVII вв.

Д. Бисерова Горка. В кон. XV в. в деревне было три двора. В 1583 г. здесь стояло четыре пустых двора. [9, л. 40 об.]. В XVII столетии деревня продолжала существовать [11, л. 416, 416 об.; 7, л. 110 об., 111; 12, л. 59]. В XVIII в. была известна пустошь Бисерова Горка, расположенная на правом берегу руч. Ольховец [13, л. 85]. Топоним Бисерова Горка сохранился до настоящего времени за возвышенностью в 1,3 км по дороге из с. Рождество в д. Ермолино. Здесь на пологом склоне на правом берегу пересохшего ручья выявлено селище 25x110 м с керамикой XIII-XVII вв.

Д. Ермолино. Из двух дворов кон. XV в. деревня выросла до 8 дворов в кон. XVI в. [9, л. 33, 33 об.]. Затем последовало запустение. Через два столетия здесь по-прежнему находилась пустошь. В XIX в. деревня Ермолино возродилась под прежним названием [14]. Существует и в настоящее время. Селище, соответствующее деревне писцовой книги, выявлено в 100 м от современной застройки, западнее, на берегу безымянного ручья. Размер 40x75 м. Дата - руб. XIV-XV - XVI вв.

Д. Лядино. Писцовая книга 1495-1501 гг. фиксирует 4 двора. В 1583 г. на месте деревни была пустошь [9, л. 40, 40 об.]. На плане 1788 г. пустошь Лядины указана в 7 верстах от с. Холуи-Рождество [15]. Селище пока не выявлено.

Д. Отдыхалово. В XV в. деревня состояла из четырех дворов. В 1583 г. дворов было девять, из которых шесть запустили [9, л. 37, 37 об.]. Спустя некоторое время здесь образовалась пустошь. Ее местонахождение указывает план 1788 г. - к северу от д. Ермолино [16]. Селище не выявлено.

Д. Пепельниково. В 1495-1501 гг. деревня была из двух дворов. В посл. четв. XVI в. она запустела [9, л. 37 об.]. По косвенным данным [15] располагалась где-то севернее с. Рождество. Селище, ей соответствующее, выявить пока не удалось.

Д. Марково. В кон. XV в. писцы отметили здесь два двора. В кон. XVI в. деревня запустела, но ненадолго. В XVII в. отмечено два двора [9, л. 37 об., 38; 12, л. 57]. На плане 1788 г. [15] пустошь Марково занимает обширную территорию к северу от ст. Холуи - Рождество по обоим берегам р. Граничной. Археологический эквивалент деревни писцовой книги не установлен.

Д. Годышев Брод. Основана накануне переписи 1495-1501 гг. Просуществовала, судя по писцовым книгам XVI-XVII вв., планам Генерального межевания, картам, до наших дней. Ныне деревню сменил пос. Комсомольский. Селище занимает высокий правый берег р. Шлины у съезда к броду.

Д. Нивки. Основана также накануне составления описи 1495-1501 гг. В 1583 г. наметилось запустение [9, л. 40 об.]. План 1788 г. указывает на ее нахождение к востоку от Годышей, на правобережье Шлины. Поиски селища не велись.

Проведенное исследование позволяет судить о территории Яковлевской волости XV в. Она находилась в нижнем течении р. Граничной при слиянии с р. Шлиной, на правобережье обеих рек. Ее граница - межа - во многом должна совпадать с границами пустошей и деревень, указанных на планах Генерального межевания XVIII в. Площадь Яковлевской волости равнялась примерно 210 кв. км (рис. 1).

До конца XV в. волостка как комплекс археологических памятников имела довольно четкую структуру. Это было "гнездо", состоящее из 11 селищ и единого кладбища - жальника, расположенного в уроч. Жольницы. Жальник занимает вершину и склоны пологой возвышенности. По предварительным данным его площадь 1800 м² (40x45 м). Раскопанное парное мужское и женское погребение было перекрыто сверху каменной кладкой. По фрагменту керамики датируется в пределах XIII-XV вв.

Археологический комплекс Яковлевской волости XV в. аналогичен археологическому комплексу Жаровского конца, представляющего собой территориальную общину [17]. Отсюда можно с уверенностью говорить, что и Яковлевская волостка включала подобную общину. Тем самым археология подтверждает выводы многих отечественных историков о наличии в XIV-XV вв. в боярских вотчинах крестьянской общины (Н. П. Павлов-Сильванский, И. Д. Беляев, Н. Н. Воронин, И. Л. Перельман, Л. В. Данилова, Ю. Г. Алексеев, В. Л. Янин и др.).

Анализ актовых документов и берестяных грамот позволяет рассматривать вотчинную общину как особый тип крестьянской общины. Ее характерными чертами были самоназвание, самоуправление (выборный староста), круговая порука, отсутствие права распоряжения землей.

Археологические памятники эпохи средневековья, выявленные на территории Яковлевской волости, дают возможность проследить историю сложения этой боярщины (рис. 2). В кон. 1 тыс. н. э. низовье р. Граничной было слабо заселено. Здесь отмечено три одиночных кургана круглой формы и один курганный могильник из двух круглых насыпей. На р. Шлине на окраине д. Годыши выявлен

могильник из двух длинных насыпей. Где-то рядом должны находиться поселения, но они фиксируются с большими трудностями. В нач. II тыс. эта местность по-прежнему слабо заселена. Удалось найти лишь одно селище у д. Годыши на правом берегу р. Шлины. Его площадь 0,84 га, дата X - нач. XIV вв. Очевидно, ему соответствует курганный могильник в 2-3 км на левобережье в междуречье Шлины и Шлинки. В XIII в. началось освоение водораздела, возникло поселение в уроч. Бисерова Горка. В нач. XIV в. перестало существовать селище на Шлине, но возникли поселения Холуи, Белище. 2-я пол. XIV-XV вв. - бурное освоение территории.

Тот факт, что на месте боярского двора не найдено керамики ранее XIV в., свидетельствует о вторичности вотчины относительно поселений, существовавших здесь в XIII в. Вотчина возникает не в абсолютно пустынной земле, но на слабо освоенной территории, где на рубеж XIII-XIV вв. начался процесс внутренней колонизации, создания местной общинной структуры. Боярщина вторична к этой общине, она наложилась на нее. Однако точная дата возникновения боярщины неизвестна.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Новгородская Писцовая книга. Т. 1. СПб., 1859.
2. *Гневушев А. М.* Очерки экономической и социальной истории жизни сельского населения Новгородской области после присоединения Новгорода к Москве. Т. 1. Сельское население Новгородской области по писцовым книгам 1495-1505 гг. Киев, 1915.
3. *Витов М. В.* География боярщин на Новгородском севере в XV в. // Славяне и Русь. К 60-летию акад. Б. А. Рыбакова. М., 1968.
4. *Тараканова-Белкина С. А.* Боярское и монастырское землевладение в новгородских пятинах в домосковское время. М., 1939.
5. *Тараканова С. А.* Об археологическом изучении сельских феодальных поселений в пятинах Великого Новгорода // КСИИМК. 1940. Вып. V.
6. *Овсянников О. В.* Сельские укрепленные поселения XV в. в бассейне рек Северной Двины и Ваги // Проблемы истории Новгорода и Новгородской земли XV в. Тезисы докладов и сообщений научного симпозиума. Новгород, 1986.
7. Переписная книга Деревской пятины 1648 г. ЦГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 983.
8. Дело об обмежевании села Холуи, Рождество то ж. 1780 г. ЦГАДА. Ф. 1322. Оп. 1. Ед. хр. 7100.
9. Писцовая книга Деревской пятины 1583 г. ЦГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 727.
10. Переписная книга Деревской пятины 1678 г. ЦГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 8563.
11. Дозорная книга Деревской пятины 1620 г. ЦГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. N 968.
12. Переписная книга Деревской пятины 1669. ЦГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 938.
13. Экономические примечания. ЦГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Ед. хр. 861.
14. Новгородский гос. объединенный музей-заповедник. ОПИ, N 11205.
15. Генеральный геометрический план г. Валдая и его уезда, состоящему в Новгородском наместничестве. 1788 г. ЦГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Ед. хр. 52/3019.
16. План пустоши Отдыхаловой (Коповой). ЦГАДА. Ф. 1354. Оп. 276. Ед. хр. К-153.
17. *Буров В. А.* Жаровский конец Жабенской волости в VIII-XVI веках по историко-археологическим данным // Памятники железного века и средневековья на Верхней Волге и Верхнем Подвинье. Калинин, 1989.

Институт археологии РАН,
Москва

С. Д. ЗАХАРОВ

ПИСЬМЕННЫЕ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О БЕЛООЗЕРЕ XIV в.

Белоозеро, возникшее на самой северной окраине Волжского бассейна, было одним из древнейших и важнейших городских центров Северо-Восточной Руси. Историческая судьба этого города тесно связана и во многом сходна с судьбами других древнерусских городов Верхнего Поволжья. Широкомасштабные раскопки, ведшиеся с 1949 по 1965 гг. под руководством Л. А. Голубевой, позволили исследователю поставить и успешно решить проблемы истории Белоозера. Однако остается целый ряд вопросов, требующих дальнейшего изучения и уточнения.

В первую очередь это касается последних этапов существования города, периода его упадка. В историографии запустение Белоозера всегда связывается с переносом его на новое место - на южный берег Белого озера. Первые сведения такого рода находим в созданном в 1-й четв. XVII в. "Летописце Троицкого Усть-Шехонского монастыря", который располагался в ближайших окрестностях города [1, л. 47 об.]. В "Энциклопедическом лексиконе", справочном издании 1-й пол. XIX в., впервые причиной опустения города и его переноса называется эпидемия моровой язвы 1352 г. [2, с. 551]. Сведения Н. Богословского, опубликовавшего детальное описание Крохинского посада, перекликаются с данными "Летописца" [3, с. 9]. А. И. Копанев, внесший существенный вклад в изучение Белозерья, связывал перенос города с эпидемиями 1352 и 1363-64 гг. [4, с. 14]. Того же мнения придерживались А. М. Сахаров [5, с. 79-81] и В. А. Кучкин [6, с. 77].

Л. А. Голубева последние этапы существования города описала следующим образом. 2-я пол. XIV в. - время упадка Белоозера. Страшные эпидемии чумы и неоднократные нападения новгородцев опустошили город. Часть оставшегося в живых населения в кон. XIV в. переселилась на южный берег озера, где в это время возникает новый город - Белозерск. Старый город запустел, а в нач. XV в. прекратил свое существование [7, с. 58, 196].

Однако повторное обращение к итогам работ Белозерской экспедиции выявило чрезвычайно малое количество материалов XIV в. На это обстоятельство обращала внимание и сама исследовательница. Так, описывая круговую посуду, она отмечала: "Керамика XIV-XV вв. немногочисленна, так как горизонт XIV в. в раскопах стратиграфически не выделен. Он ошутим только в раскопах XXX-XXXI на восточной окраине города" [7, с. 165]. Поэтому на основе отчетов Л. А. Голубевой о раскопках Белоозера и других материалов из архива экспедиции¹ были проанализированы с разной степенью подробности, в зависимости от состояния источников, все раскопы. При этом в ряде случаев удалось несколько уточнить предложенные исследовательницей датировки раскопов. Важную роль в уточнении сыграла корректировка и дальнейшая разработка новгородской хронологической шкалы, проведенная за последнее десятилетие.

Результаты проделанной работы наносились на план города, что позволило очертить его границы для разных периодов существования. Выяснилось, что рас-

---

¹ Выражаю искреннюю признательность Л. А. Голубевой за предоставленную возможность ознакомиться с материалами из архива экспедиции.

цвет города по новым данным необходимо относить ко 2-й пол. XII - нач. XIII вв., а не к 1-й пол. - сер. XIII в., как считала Л. А. Голубева. Во 2-й пол. XIII в. город начинает приходить в упадок - прослеживается значительное сокращение застроенной площади. Материалы XIV в. обнаружены лишь в трех раскопках, причем в раскопке XXXII они крайне малочисленны. По археологическим данным Белоозеро XIV в. занимало самую восточную окраину некогда огромного города. Подсчет площади поселения XIV в. затруднен слабой изученностью этого района и тем обстоятельством, что в настоящее время он в значительной мере затоплен, а его самая восточная часть практически полностью ушла под воду Волго-Балтийского канала. Но, в любом случае, размеры поселения XIV в. не идут ни в какое сравнение с территорией, которую город занимал во 2-й пол. XII в. Все это позволяет признать, что, по данным археологии, Белоозеро XIV в. должно быть названо скорее рядовым поселением, чем городом.

Сделанный вывод находится в некотором противоречии с письменными известиями, поэтому возникает необходимость тщательно проанализировать статьи летописей и другие документы, содержащие информацию о городе XIV в. Как уже отмечалось, перенос города на новое место исследователи обычно соотносят с эпидемиями 1352 и 1363-64 гг. Эти сообщения имеются во многих летописях, но ни один из известных вариантов не позволяет напрямую связывать эпидемии и перенос города. С другой стороны, практически все исследователи считают, что следствием моровых поветрий было не только запустение Белоозера, но и возникновение Белозерска. В связи с этим очень интересными и важными являются результаты начатых в 1989 г. архитектурно-археологических исследований г. Белозерска. На территории кремля удалось обнаружить довольно мощный (до 0,6 м) культурный слой домонгольского времени. Причем верхние напластования древнего слоя были срезаны при строительстве Преображенского собора в кон. XVII в. В слое найдены шиферные пряслица, бусы XII-XIII вв. Надежность ранней датировки подтверждается наличием значительного количества лепной и переходной керамики [8, т. 1]. Размеры поселения раннего времени, а следовательно и его статус, пока не ясны, но совершенно очевидно, что оно возникло не в сер. XIV в., а значительно раньше.

Сообщение о существовании в кон. XIV в. двух городов на Белом озере зафиксированы в трех летописных статьях. Первое из них связано с завещанием Дмитрия Донского. Сам текст духовной содержит лишь слова о передаче третьему сыну Дмитрия Андрею "Белоозера... со всеми волостми" [9, с. 34]. Однако в летописных сводах 1493 и 1495 гг. в статьях под 1389 г. появляется новая информация: "Третьему сыну своему князю Андрею дасть город Можаяск, а на Белоозере два города со всеми пошлинами, а неколи бысть Белозерское княжение великое" [10, с. 256-257, 335]. По мнению В. А. Кучкина, это сообщение заслуживает доверия, поскольку автор записи "в частности знал, что в конце XIV в. существовали два Белозерских городка, а не один" [11, с. 308]. Предлагаемая Устюжской летописью расшифровка названий этих городов - "Каргалом да Каргополь" [12, с. 37, 79] вызывает сомнения, поскольку в других источниках упоминаний о существовании Каргополя в это время нет. Нет данных и о вхождении этого района в состав Белозерского княжества [4, с. 6-8].

Еще 2 сообщения содержатся в Новгородской первой летописи. В "Списке русских городов, дальних и ближних" в числе других называются "на Беле озере два городка" [13, с. 447]. М. Н. Тихомиров, первым привлечший внимание историков к "Списку...", считал, что вероятнее всего он был создан между 1387 и 1392 гг. [14, с. 218]. Комментируя отрывок о двух городках на Белом озере, он писал: "Одним из них является город Белоозеро, другим надо признать городок Усть-Шехонский (Усть-Шоксны) при выходе из Белого озера, часто упоминаемый в духовных и договорных грамотах московских князей". При этом М. Н. Тихомиров ссылался на Указатель географических названий, помещенный в издании грамот [14, с. 252]. Однако обратившись к этому указателю, мы обнаружим, что Усть-Шоксны не город, а волость [9, с. 559]. А из духовной великого князя Ивана Васильевича,

где описывается территория этой волости, следует, что она находилась на другом устье Шексны - при впадении ее в Волгу [9, с. 356].

О месте и инициаторе создания "Списка..." среди историков имеются различные мнения [15, с. 157-163; 16, с. 48], но практически все они сходятся в определении времени его написания, относя это событие к 80-90 гг. XIV в. Естественно "Список..." не был создан единовременно, сведения для него собирались в течение определенного периода. По наблюдениям В. А. Кучкина в него вносились города, существовавшие в разное время. Например, Клецин ко времени появления "Списка..." уже не существовал, а Тмурокань была утрачена русскими князьями в кон. XI в. [6, с. 76].

Другое сообщение зафиксировано под 1398 г.: "И поидоша на князя великаго волости на Белоозеро, и взяша белозерские волости на шит, повоевав и пожгоша и старыи городок Белозерский пожгожа, а из нового городка вышедши князи белозерский и воеводы князя великаго, и добиша челом воеводам новгородским и всем воем, и взяша у них откупа 60 рублей, а полона поимаша бещисла, и животов поимаша бещисла..." [13, с. 392]. Анализируя это сообщение, необходимо отметить, что слова об огромной добыче вряд ли можно воспринимать буквально. Это скорее традиционная формула описания удачного похода. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что захватывается старый городок, а не новый, который несомненно был более богат и значим, раз там находились белозерские князья и представители великого князя. Очевидно, сил у новгородцев для этого не хватало. Захват же старого городка не требовал значительных усилий. Это позволяет предполагать, что под именем "старого городка" скрывалось весьма незначительное поселение, которое называлось городом лишь по традиции.

Подтверждение высказанному предположению находим в одном весьма любопытном документе. Имеется в виду грамота по судебному разбирательству о принадлежности д. Крохинской между Ферапонтовым монастырем и Белозерском. Она датирована 1490-92 гг. [17, с. 311-314]. В текст грамоты входят еще 3 документа, подтверждающие владельческие права монастыря на эту деревню. В ходе судебного разбирательства вызываются свидетели из "старожильцев", которым задается вопрос о принадлежности д. Крохинской "из старины". Ввиду важности этих сведений приведем ответ старцев целиком, "И Гридя Лимонов так рек: Мне, господине, девяносто лет. А Иев так рек: А мне, господине, семдесят лет. Был, господине, некто сын боярский Гаврило Лаптев, а жил, господине, в селе Великом, а то, господине, село его вотчина; а та деревня Крохинская на сей стороне Шоксны, да и на другой стороне Шоксны Середний погост, по речку по Турбай до Белоозера, до устья до Белозерского и до Шохонского, то было, господине, все Гаврилово Лаптева; а и манастырь, господине, Троицкий поставлен на Гаврилово земле. А Гаврило, господине, Лаптев исхол без отрода; и князь Андрей, господине, Дмитриевич взял за себя Великое село Гавриловское Лаптева, а Крохинскую, господине, деревню дал к Троецы на Устье. И Троицкой, господине, манастырь оскудел, игумена не стало. А в ту пору, господине, пришел на Белозеро князь Иван Андреевич, да ту, господине, деревню Крохинскую дал в Ферапонтов манастырь по матери своей по княгине по Огрофене; а та, господине, деревня была пуста". Факт передачи д. Крохинской Ферапонтову монастырю подтверждается жалованной грамотой Ивана Андреевича, датированной 1434/35 гг. [17, с. 300].

К сожалению, точная датировка событий, перечисленных в грамоте, затруднена. По годам княжения Андрея Дмитриевича они должны относиться ко времени между 1389 и 1432 гг. Однако, исходя из логики событий, можно несколько сократить эту датировку. После смерти Лаптева деревня Крохинская переходит к Троицкому монастырю. Проходит некоторое время и монастырь оскудевает. Пустеет и деревня. Несомненно эти процессы протекали в течение достаточно длительного периода. К моменту передачи деревни в 1434/35 гг. Ферапонтову монастырю она полностью заброшена. Установить время упадка Троицкого монастыря невозможно. У П. Строева, собравшего сведения об игуменах этого монастыря к XV в. отнесены 2 игумена - Гурий и Михаил [18, с. 85]. Последний упоминается в документе, имеющем широкую дату - 1448-70 гг. [17, с. 186]. Сведений о Гурии най-

ти не удалось. Представляется заманчивым в причинах оскудения монастыря и деревни видеть последствия набега новгородцев в 1398 г., но достаточных оснований для утверждения этого нет. Однако, в любом случае, смерть "боярского сына" Лаптева должна относиться ко времени не позднее первых двух десятилетий XV в. Косвенным подтверждением этого служит возраст старцев. Следовательно данные о его землевладении с полным правом можно относить к кон. XIV - нач. XV вв., то есть ко времени упоминания в письменных источниках двух городов на Белом озере.

Гаврило Лаптев владел землями на левом и на правом берегах р. Шексны. Левобережные владения Лаптева восстановить достаточно просто, т. к. с. Крохино и с. Великоселье обозначены на плане Генерального межевания. Несколько сложнее определить размеры владений на правом берегу Шексны, т. е. территорию Среднего погоста. Его западная граница находилась в районе истока Шексны из озера. Восточную границу, проходившую, судя по описанию, по р. Турбай, установить нельзя, поскольку это название нигде больше не встречается. Но, в любом случае, территория Старого города несомненно либо входила в его землевладение, либо располагалась в непосредственной близости. В связи с этим вызывает недоумение полное отсутствие в документе каких-либо сведений о Старом городе, топонимов, говорящих о его существовании. Люди, жившие в XV в. в непосредственной близости от Старого города, уже не помнят о нем, указывая лишь на два поселения, находящиеся на правом берегу Шексны - Средний погост и Троицкий монастырь. Наиболее правдоподобным объяснением этого является, по-видимому, отождествление Среднего погоста, принадлежавшего Лаптеву, и "старого городка", сожженного новгородцами в 1398 г.

Таким образом, анализ письменных и археологических материалов позволяет установить, что упоминаемый в летописях в кон. XIV в. старый городок Белозеро, был очень незначительным поселением, принадлежащим живущему неподалеку от него боярину. Имя города сохранялось за ним, вероятно, лишь по существовавшей длительное время традиции, согласно которой на Белом озере располагались два городка. Возникла эта традиция, как и город Белозерск, не в сер. XIV в., а в более ранний период.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. "О зачале и о создании Троицкого монастыря что на усть Шексны реки" // Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, древлехранилище Погедина. N 1579. Сборник 70-80-х гг. XVII в.
2. Энциклопедический лексикон. Т. VII. СПб., 1836.
3. Новгородский сборник. Новгород, 1865. Вып. 1.
4. *Копанев А. И.* История землевладения Белозерского края XV-XVI вв. М.-Л., 1951.
5. *Сазаров А. М.* Города Северо-Восточной Руси XIV-XV вв. М., 1959.
6. *Кучкин В. А.* Города Северо-Восточной Руси в XIII-XV вв. (число и политико-географическое размещение) // История СССР. 1990. N 6.
7. *Галубева Л. А.* Везь и славяне на Белом озере. X-XIII вв. М., 1973.
8. *Хворостова Е. Л.* Отчет об археологических исследованиях на территории г. Белозерска в 1990 г. // Архив ИА РАН. Р-1.
9. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. М.-Л., 1960.
10. Никаноровская летопись: Сокращенные летописные своды конца XV в. // ПСРЛ. Т. 27. М.-Л., 1962.
11. *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X-XIV вв. М., 1984.
12. Устюжские и вологодские летописи XV-XVIII вв. // ПСРЛ. Т. 37. Л., 1982.
13. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л., 1950.
14. *Тихомиров М. Н.* Список русских городов, дальних и ближних // Исторические записки. Т. 40. М., 1956.
15. *Наумов Е. П.* К истории летописного "Списка русских городов, дальних и ближних" // Летописи и хроники. М., 1974.
16. *Подосинов А. В.* О принципах построения и месте создания "Списка русских городов, дальних и ближних" // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978.

17. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси. Т. 2. М., 1958.
18. *Стров П.* Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877.

Институт археологии РАН,
Москва

А. С. ДВОРНИКОВ

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ БЕЖЕЦКА

В настоящей работе предпринята попытка рассмотреть культурный слой Бежецка как реально существующие в настоящее время материальные остатки города и предшествующих городу поселений, располагавшихся на изучаемой территории без хронологических перерывов. Накопление и датировка слоя, рост территории города рассматривались комплексно на основании письменных, иконографических и археологических источников.

К письменным источникам относятся летописные сообщения о средневековом Городецко, писцовые и переписные книги, актовые материалы, житийная литература, отчеты об археологических и архитектурных исследованиях.

Из иконографических источников использованы топографические планы города 2-й пол. XVIII - нач. XX вв.¹ и фотоматериалы кон. XIX - 1-й пол. XX вв., зафиксировавшие участки несохранившейся к настоящему времени городской застройки, изменения планировки, искусственные изменения рельефа местности.

Археологические источники представлены материалами полевых исследований 1984-92 гг. на территории г. Бежецка [1]. Наиболее ценные датированные и стратифицированные материалы дают 4 шурфа общей площадью 76 м². Наибольший объем археологической информации получен в результате археологических наблюдений за отрывом траншей и котлованов (рис. 1)². В ходе наблюдений из стратифицированных слоев и комплексов собрана коллекция находок, позволяющая отнести отдельные участки культурного слоя к определенным хронологическим периодам. Значительная информация для определения распространения культурного слоя и его датировки получена в результате сбора подъемного материала с поверхности огородов, осыпей и отвалов строительных котлованов. На участках, недоступных для археологического исследования, наличие и мощность культурного слоя определялись по данным геологических бурений.³

До XVIII в. г. Бежецк располагался на правом берегу р. Мологи, выше впадения в нее р. Остречины. Южной границей города являлась заболоченная пойма р. Моглуши. Река Похвала, впадающая в Мологу в пределах города, разделяла его на две части - северную и южную. Окружающие город участки речных долин низменные, заболоченные. В пределах города участки коренного берега выходят непосредственно к пойме р. Мологи, их высота от 6 до 19 м над современным уровнем воды. Почвы сложены тяжелыми мелкозернистыми суглинками, в пойме - тяжелыми заиленными глинами.

Систематическое археологическое изучение территории города началось только в последнее десятилетие. В 1984 г. в связи с работой по составлению свода

¹ Наиболее информативным оказался план, датированный 1771 г., на котором на фоне проектируемой регулярной застройки показана исторически сложившаяся, более древняя планировка города.

² В ходе наблюдений осмотрено более 5,5 км профилей, из них около 3 км зачищено, зачерчено в масштабе 1х20, сфотографировано и описано.

³ Следует оговориться, что геологические бурения без присутствия археолога не позволяют датировать культурный слой, а полученные в результате бурений данные о мощности слоя нуждаются в корректировке по материалам археологических работ.

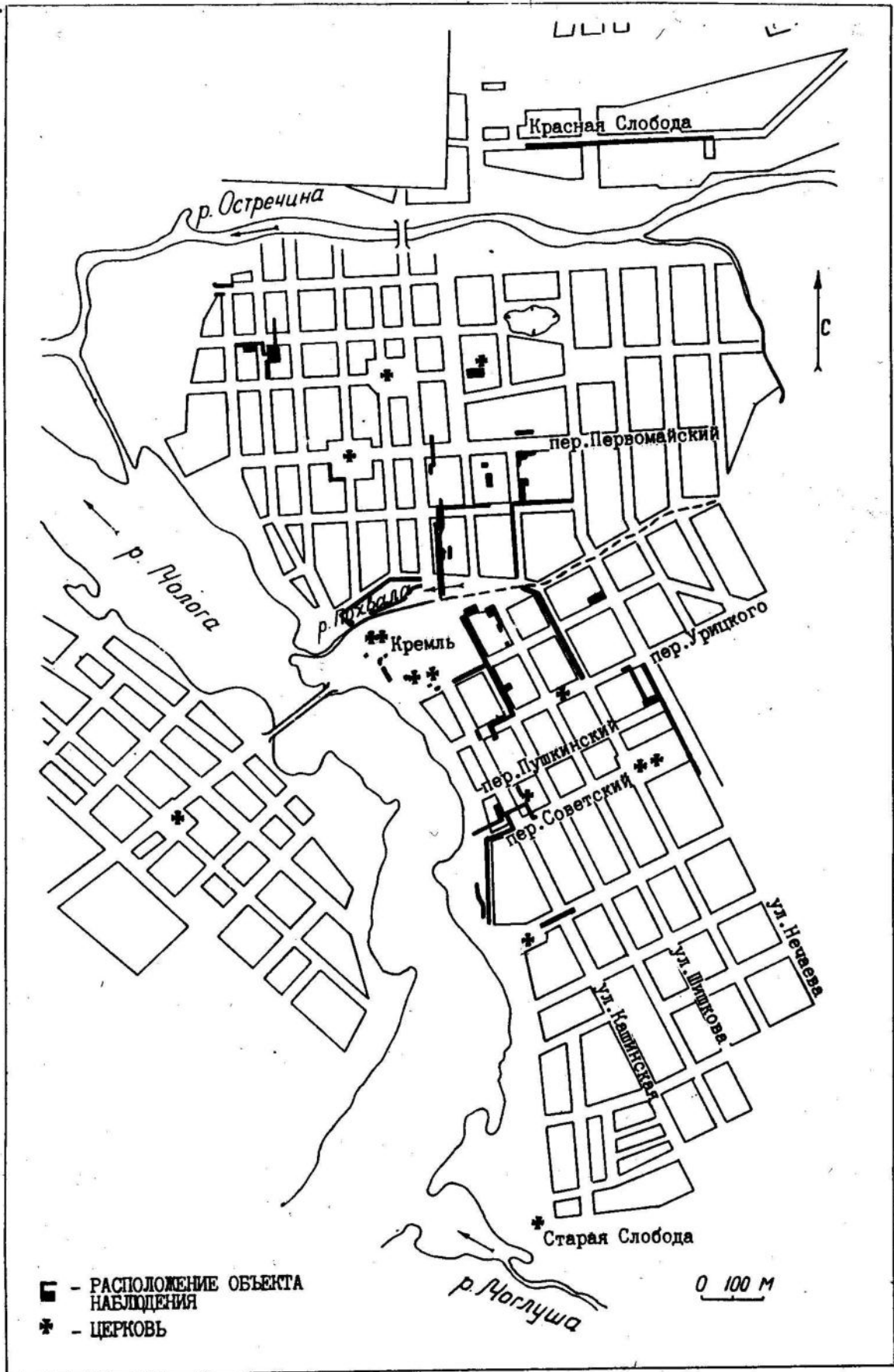

Рис. 1. г. Бежецк. Расположение объектов археологического наблюдения.

археологических памятников области Бежецк обследовался П. Д. Малыгиным и А. Д. Максимовым. Одновременно с осмотром остатков кремля на его северно-западной окраине была сделана зачистка осыпи, выявившая слои XI-XVII вв., а также более позднего времени. Разведка охватила и территорию посада, была принята первая попытка определения его границ [2].

Исследования автора выявили на территории кремля слои древнерусского поселения с лепной и раннегончарной керамикой X-XI вв., и 2 кладбища, по-видимому, XVII-XIX вв.

Таким образом, вместе с известными ранее памятниками, культурный слой г. Бежецка образуют:

- древнерусское поселение с лепной и раннегончарной керамикой;
- городище XI - нач. XVII вв., отождествляемое с летописным Городецком;
- городской кремль XVII - нач. XVIII вв.;
- городской посад XII-XVII вв.;
- территории 4 загородных монастырей XV-XVIII вв., позднее поглощенных посадом;
- 2 кладбища XVII-XIX вв.

Культурный слой перечисленных памятников и является объектом настоящей публикации (рис. 2).

Древнерусское поселение с лепной и раннегончарной керамикой расположено на мысу при впадении р. Похвалы в Мологу на останце коренного берега. Высота поселения над современным уровнем воды в реке от 8 до 14 м. Слой поселения состоит из тяжелых плотных сухих интенсивно гумусированных суглинков темно-серо-коричневого и темно-серого, почти черного цветов, иногда с включениями углей. Мощность слоя на изученных участках не превышала 10-15 см. Индивидуальные находки из слоя представлены фрагментами железных ножей, керамическими грузилами. Среди датирующих находок отметим рубленный бисер зеленого цвета. Площадь поселения более 3 га.

Культурный слой с находками XII-XIII вв. занимает, кроме описанного мыса, прилегающие к нему с напольной стороны участки. Слой сухой, сложенный интенсивно гумусированными суглинками. Мощность слоя на изученных участках не превышает 10-15 см. Форма пятна распространения культурного слоя в плане подтреугольная. Протяженность слоя достигает с ЮЗ на ЮВ, вдоль р. Мологи, 400 м, с З на В - 250 м. Площадь поселения превышает 5 га. Высота поселения над современным уровнем воды в реке 8-16 м. Среди индивидуальных находок 3 фрагмента стеклянных браслетов и 1 фрагмент стеклянного перстня.

Зона распространения культурного слоя XIV-XV вв. делится на 2 участка: южнее и севернее течения р. Похвалы.

Южный участок включает в себя как ранее освоенные территории, так и прилегающие к ним с юга и востока земли. Вновь осваиваемые территории находились на высоте 11-16 м над уровнем воды в р. Мологе на вершине и напольном склоне уже освоенного холма. Отсутствие прямого стока грунтовых вод в реки Мологу и Похвалу в сочетании с водоупорным материком, сложенным глинами, привели здесь к повышенной увлажненности культурного слоя. На увлажненных участках мощность слоя XIV-XV вв. достигала 80 см. Форма пятна культурного слоя в плане трапециевидная. Пятно вытянуто с ЮВ на СЗ, вдоль берега р. Мологи более чем на 500 м, с З на В, вдоль р. Похвалы, примерно на 400 м.

Северный участок распространения культурного слоя XIV-XV вв. состоял из 5 локальных пятен освоения незаселенных ранее территорий, расположенных на высоте 11-16 м над уровнем воды в р. Мологе.

Из находок XIV-XV вв., найденных на территории города, следует упомянуть бронебойный наконечник стрелы и медное пуло тверской чеканки.

Общая площадь распространения культурного слоя в кон. XV в. составляла не менее 15 га. Быстрый рост территории поселения в XIV-XV вв. объясняется перемещением в Городецко волостного центра из Бежиц, произошедшем на рубеже XIII-XIV вв. К началу же XV в. Городецко приобретает все признаки, необходимые для оценки его как поселения городского типа.

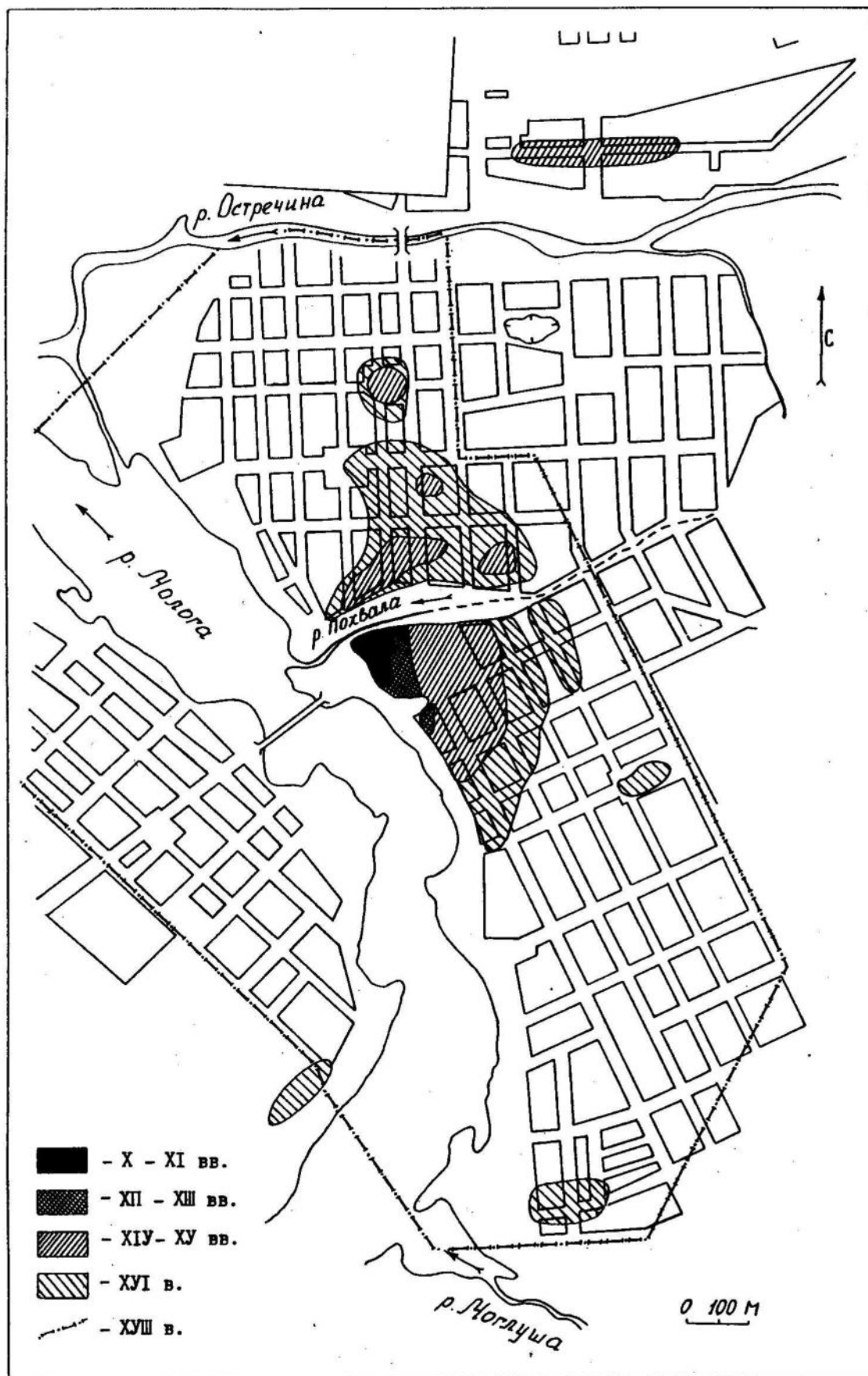

Рис. 2. г. Бежецк. Распространение культурного слоя

В XVI в. продолжается быстрый рост территории поселения. Два основных участка культурного слоя по обоим берегам р. Похвалы по-прежнему тяготеют к историческому центру города. На южном участке осваиваются территории, возвышающиеся над современным уровнем воды в р. Мологе всего на 5-6 м. Культурный слой представлен суглинками. Окраска культурного слоя менее интенсивная, чем в предшествующие периоды.

Северный участок распространения культурного слоя располагается более компактно, чем ранее, свидетельствуя о сплошном освоении северного берега р. Похвалы на площади примерно 350x400 м. Высота освоенных территорий над современным уровнем воды в р. Мологе от 7 до 19 м. Культурный слой представляет собой сухие рыхлые суглинки серо-коричневого и коричнево-серого цветов.

Площадь поселения XVI в. достигала 25 га.

Динамика роста территории города с кон. XVI по нач. XVIII вв. в настоящее время археологически не прослеживается. Письменные источники нач. XVII в. рисуют картину упадка и разорения Городецка [3, с. 39]. Значительная часть ранее освоенных городских площадей была покинута населением. Только к нач. XVIII в. территория города достигла прежних размеров.

В посл. четв. XVIII в. происходит ряд событий, коренным образом повлиявших на условия дальнейшего формирования и сохранения культурного слоя.

До нач. XVIII в. в городе не было каменных сооружений; даже соборная церковь Воскресения Господня, согласно переписи 1616 г., была деревянной [4]. Только во Введенском монастыре, расположенном за городом, в 1670 г. строится первая каменная колокольня. На протяжении же XVIII в. строится целый ряд каменных церквей: в 1783 г. их было уже 10 [5], а в 1846 г. из 14 церквей в городе только 1 оставалась деревянной [6, с. 68]. В посл. четв. XVIII в. начинается массовое строительство гражданских кирпичных сооружений. Согласно Генеральному соображению по Тверской губернии, в 80-х гг. XVIII в. в городе было уже 19 каменных домов, 17 каменных кузниц и 122 торговые лавки. С большими строительными работами этого времени связано возникновение около Бежецка 4-х кирпичных заводов [5, таб. III].

Культурный слой кон. XVIII-XIX вв., связанный с интенсивным кирпичным строительством, представляет собой слабогумусированные рыхлые суглинки, супеси, насыщенные битым кирпичом, щебнем и известью. Структура, цвет, плотность и влажность слоя принципиально отличаются от нижележащих отложений.

В 1771 г. был разработан план регулярной застройки г. Бежецка, высочайше утвержденный в 1777 г. Практическая перестройка города согласно новому плану началась после пожара 1789 г., когда г. Бежецк был "истреблен, едва не весь, пожаром, и с этого времени начато в нем строение по новому подтвержденному плану" [7]. Исторически сложившаяся планировка улиц и кварталов, деление города на кремль и посад - исчезают. Современная планировка города полностью совпадает с планировкой кон. XVIII-XIX вв.

Рельеф центральной части города часто не позволял осуществить регулярную застройку в намеченных местах. Для приспособления заболоченных и изрезанных оврагами участков под регулярную кирпичную застройку во 2-й пол. XVIII-XIX вв. в центре города были проведены крупные нивелировочные работы, вызвавшие значительные перемещения грунта, в т. ч. и культурного слоя. В ходе нивелировок были частично засыпаны русла р. Похвалы и всех ее притоков, а также верховья ручьев в южной части города. Перемещения грунта в ходе нивелировок и отрывки фундаментных рвов XVIII-XIX вв. положили начало массовому разрушению культурного слоя в ходе строительных работ, продолжающемуся до настоящего времени.

Мощность культурных отложений кон. XVIII-XIX вв. 0,4-0,6 м, в местах подсыпок - до 2-2,5 м.

Культурные отложения XX в. представлены современным строительным мусором, дорожным покрытием, в глубине кварталов - мешаным огородным слоем.

Мощность отложений XX в. от 0,2 до 0,6 м, в местах подсыпок до 2-2,5 м.

Общая мощность культурного слоя, выявленная в ходе шурфовок, археологических наблюдений и при геологобурениях колебалась от нескольких десятков сантиметров до 4,8 м.

На приведенном плане горизонтали мощности культурного слоя имеют шаг в 50 см, что выделяет 5 зон (рис. 3).

Зона с мощностью слоя свыше 2 м топографически разделяется на 5 отдельных участков, расположенных в центральной части города. В 4-х случаях из 5 увеличение мощности слоя связано с поздними подсыпками. В пятом случае - с засыпкой оврага.

Зона распространения культурного слоя с мощностью от 1,5 до 2 м также тяготеет к историческому центру города, топографически разделяясь на 6 локальных участков.

Поздними подсыпками XI-X-XX вв. обусловлено увеличение мощности культурного слоя в пойме р. Похвалы, на ЮЗ склоне городища (ЮЗ церкви Иоанна Богослова) и в районе моста через р. Мологу. Несколько раньше, уже в сер. XVIII в. в результате планировок местности на северном, подболоченном склоне надпоймы р. Похвалы увеличивается мощность слоя, достигая к настоящему времени 1,5-1,6 м.

Увеличение мощности слоя на участке, ограниченном на севере р. Похвалой, на юге - пер. Урицкого, на западе - ул. Кашинской, на востоке - ул. Шишкова происходит вследствие большей влажности слоя на данном участке, вызванной высоким уровнем грунтовых вод и отсутствием прямой фильтрации в сторону р. Мологи.

Нарушение естественного водостока явилось причиной избыточного увлажнения слоя и на участке по ул. Кашинской между пер. Пушкинским и Советским. При открытии котлована в 1988 г. здесь были прослежены остатки искусственного водоотвода. Мощность слоя на участке достигала 1,6 м.

Зона культурного слоя с мощностью 1-1,5 м захватывает значительную часть исторического центра города от Первомайского пер. на севере до Советского пер. на юге и от р. Мологи на западе до ул. Нечаева на востоке. Условия накопления слоя и его датировка в этой зоне крайне разнообразны.

На окраинах распространения культурного слоя его мощность не превышает 1 м, преобладают сухие возвышенные участки. Отложения городского слоя в этой зоне относятся к XVI-XX вв.

Таким образом, зоны максимальной мощности культурного слоя тяготеют к историческому центру города. Однако, нельзя сказать, что основным условием увеличения слоя была продолжительность его накопления. Напротив, отмечено, что на вершине кремлевского холма, где культурный слой практически непрерывно откладывается с эпохи раннего железного века, его мощность не превышает 1-1,5 м. Увеличение же мощности слоя до 2-4,8 м приходится на участки осыпей, поздних подсыпок и перекопов.

Малая мощность культурного слоя на его древнейших участках обусловлена низким уровнем грунтовых вод и их интенсивным стоком по крутым склонам кремлевского холма.

Напротив, при меньшей древности культурного слоя на посаде на более низких влагонасыщенных участках, его мощность иногда превышает мощность слоя в кремле, достигая 2 м.

Влагонасыщенность слоя связана с высотой участка над уровнем грунтовых вод, гидроскопичностью материка, рельефом местности, условиями стока грунтовых вод, мощностью, структурой и интенсивностью накопления самого слоя.

Структура культурного слоя зависит от условий его накопления. Нижние культурные отложения, возникшие на поверхности глинистого материка и перемешанные с выбросами из материковых ям, представлены тяжелыми, иногда заиленными суглинками. Верхние культурные отложения, связанные с кирпичным строительством, благоустройством, прокладкой дорог и коммуникаций насыще-

Рис. 3. г. Бежецк. Мощность культурного слоя

ны строительным мусором (битым кирпичом, известью) и привозным грунтом (песком, гравием).

В целом культурный слой г. Бежецка делится на низинные - влагонасыщенные и высокие - сухие участки, что коренным образом влияет на условия его накопления.

Стратиграфически культурный слой делится на 3 горизонта. Нижний горизонт сложен плотными, иногда заиленными гумусированными суглинками, сформировавшимися на основе местного материкового грунта. В историческом центре города горизонт датируется X-XVIII вв. Мощность горизонта достигает 1,5 м.

Средний горизонт связан с кирпичным строительством и нивелировками рельефа XVIII-XIX вв. Представляет собой рыхлые, слабогумусированные суглинки и супеси с интенсивными примесями строительного мусора и привозного грунта. В историческом центре города слой начинает откладываться с нач. XVIII в., на окраинах - только в XIX в. Мощность горизонта 0-0,5 м.

Верхний горизонт связан с современными культурными отложениями XX в. и археологического интереса в настоящее время не представляет. Мощность горизонта от 0,2 до 0,5 м, в местах подсыпок до 2-2,5 м.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Дворников А. С.* Отчет о разведочных работах Суходольского отряда Калининской археологической экспедиции Института археологии АН СССР на территории Ржевского и Бежецкого районов Калининской области в 1987 г. // Архив ИА РАН; Дворников А. С. Отчет о разведочных работах Бежецкого отряда археологической экспедиции Калининского государственного объединенного музея в верховьях реки Молога в 1988 г. // Архив ИА РАН; Дворников А. С. Отчет о разведочных работах археологической экспедиции Калининского государственного музея в г. Бежецке в 1989 г. // Архив ИА РАН; Дворников А. С. Отчет об охранных работах ТНИИР - Центра на окраинах посада г. Бежецка в 1992 г. // Архив ИА РАН; Хохлов А. Н. Отчет о разведочных работах археологической экспедиции Тверского государственного объединенного музея в г. Бежецке в 1990 г. // Архив ИА РАН; Волкова М. В. Отчет об охранных археологических работах в г. Бежецке в 1992 г. // Архив ИА РАН. Р-1.

2. *Максимов А. Д.* Отчет о разведках на верхней и средней Мологе в 1984 г. // Архив ИА РАН. Р-1.

3. Исторические сведения о городских поселениях Тверской губернии. Извлечено из труда Е. К. Огородникова V т., части I. "Городские поселения в Российской империи". Старица, 1905.

4. *Преображенский В. А.* Бежецкие воеводы // Тверские губернские ведомости. 1858. N 48.

5. Генеральное соображение по Тверской губернии, извлеченное из подробного топографического и камерального по городам и уездам описания 1783-1784 гг. Тверь, 1873.

6. Краткое описание Тверской губернии, основанное на сравнении статистических данных 1783 и 1846 гг. // Замечательные статьи из Тверских губернских ведомостей. Тверь, 1847.

7. Бежецк. Историческое и местное его описание // Тверские губернские ведомости. 1839. N 12.

Тверской научно-исследовательский
историко-археологический и
реставрационный центр

Е. Л. ХВОРОСТОВА

ДЕРЕВЯННЫЕ ПОСТРОЙКИ СТАРИЦКОГО ГОРОДИЩА

Территория древнего Старицкого городища, основание которого по летописным сведениям относится к 1297 г. [1, с. 407; 2, с. 35], к настоящему времени полностью свободна от застройки. В результате долговременной эксплуатации под огороды сnivelированы следы деревянных и каменных строений, оборонительных укреплений (кроме напольного южного вала), только на юго-восточном участке прослеживаются всхолмления над развалинами Архангельского собора 1390 г. и Борисоглебского собора сер. XVI в. Известны также места расположения белокаменной Никольской церкви 1403 г. и каменной постройки, предположительно трапезной, к западу от Архангельского собора¹. Постепенное смещение жизни на подол, ближе к берегу Волги, достаточно рано привело к утрате элементов планировки городища. На сохранившихся планах XVIII-XIX вв. показаны лишь укрупненные границы кварталов, линия укреплений по бровке склонов к Волге и Верхней Старице и направления улиц [5, 1777 г.], видимо, еще прослеживавшихся на городище до сер. XVIII в.

Исследования, проводившиеся на городище в последнее десятилетие, позволили выявить остатки деревянных укреплений нескольких периодов по восточному и западному склонам городища, а также на северной оконечности мыса, уточнить стратиграфические особенности культурного слоя по линии раскопов с востока на запад от волжского склона до остатков Змиевой башни, располагавшейся в центральной части западного края городища. Кроме того, полностью вскрыт подвал не известных ранее белокаменных палат, располагавшихся в центральной части городища. Выявление этого, весьма своеобразного, памятника архитектуры нач. 30-х гг. XVI в., побудило произвести обследование прилегающей к палатам территории.

В течение пяти лет, с 1985 по 1989 гг., была исследована территория площадью более 800 м², постепенная расчистка которой с фиксацией разновременных напластований позволила выявить первоначальные на этом участке остатки деревянных срубов, располагавшихся линейно с СЗ на ЮВ. Необходимо сразу отметить, что на этом участке фиксируется достаточно четко читающаяся западина, верхняя часть культурного слоя в которой в значительной степени перемешана, видимо, вследствие того, что во время войны здесь располагались военные укрепления (найлены гильзы, форменные пуговицы и т. д.). В XVIII-XIX вв. застройки здесь не было; от XVII в. сохранились развалины бута от фундамента небольшой деревянной постройки; в XVI в. в северной части вскрывавшегося участка размещалась конюшня (слой навоза, шорный инвентарь, конские черепа); остатков достаточно четко выраженной застройки XV в. не выявлено.

Местоположение исследуемых сооружений локализовалось значительно выше появления остатков деревянных конструкций по достаточно четко читающимся в песчаной верхней части материка пятнам темно-серой земли с вкраплениями угля, в которых по мере понижения расчищены четкие следы большого пожара, под которыми располагались нижние части конструкций срубов.

Наибольший интерес представляют конструкции трех расположенных впло-

¹ Памятники архитектуры вскрывались в нач. XX в. [3] и в послевоенное время [4].

тную один к другому срубов, заглубленных в единый котлован длиной около 25 м, вскрытые в северо-западной части раскопа. Их полная расчистка произведена после фиксации и разборки беспорядочно обрушившихся внутрь срубное обгоревших конструкций перекрытия, засыпанных землей и глиной, видимо, в процессе тушения пожара, в котором погибли срубы.

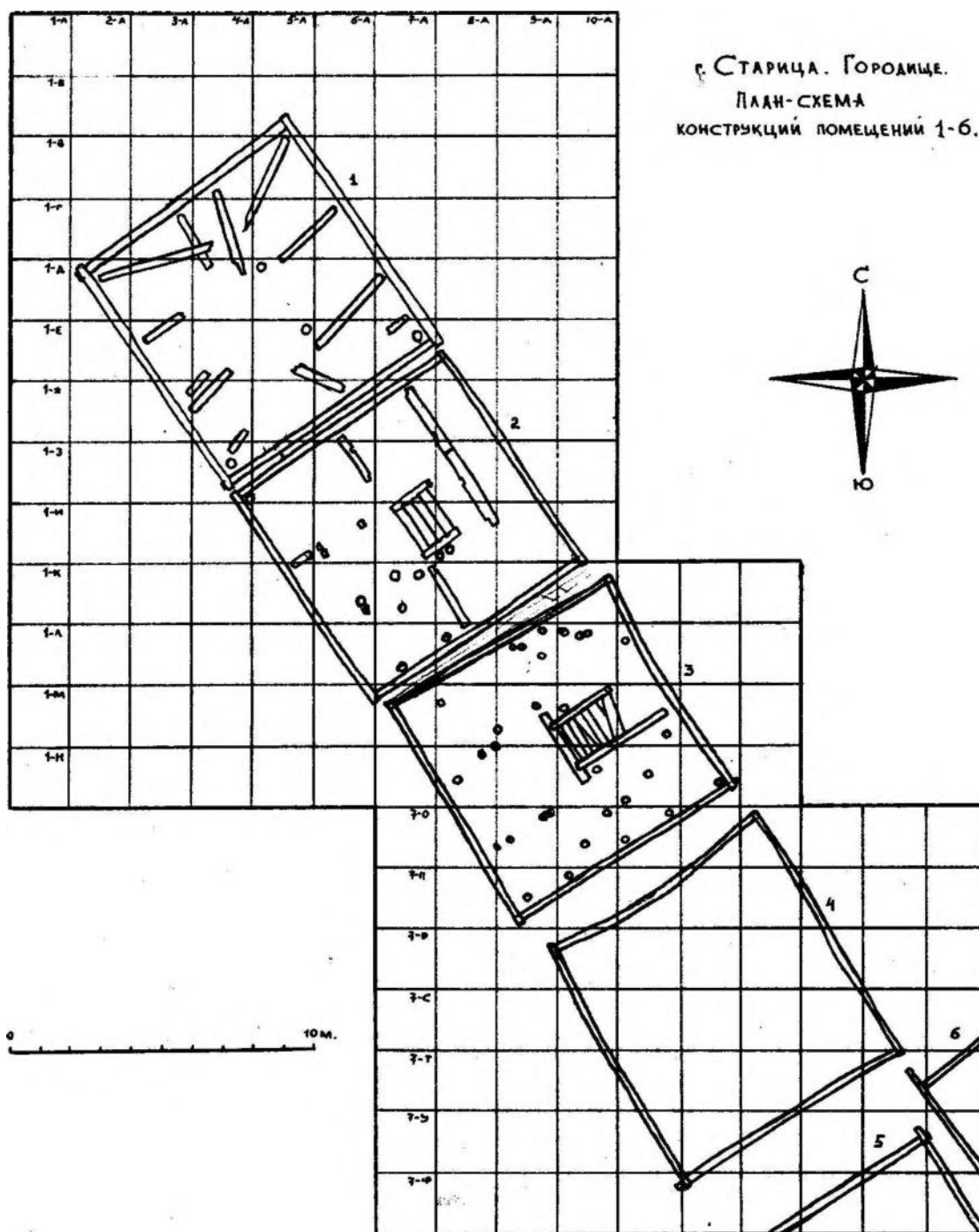

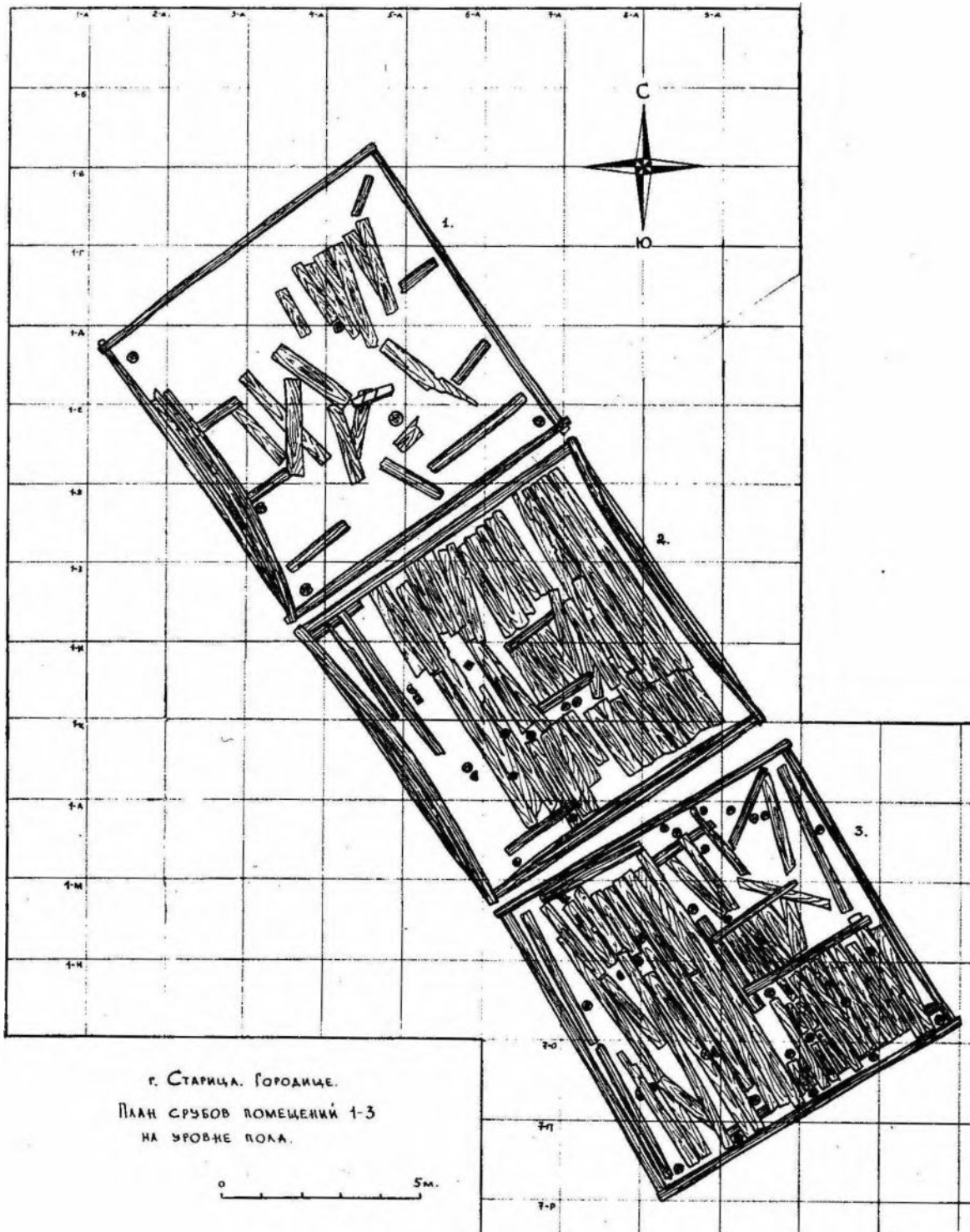
Рис. 1

Сруб 1, сохранившийся на 3-4 венца, имеет в плане практически квадратную форму: длина северо-западной стены 844 см (размеры указываются без выносов остатков бревен при рубке срубов "в обло"), северо-восточной - 868 см, юго-восточной - 840 см, юго-западной - 840 см. Диаметр бревен сруба в основном 24-28 см. Верхние венцы северо-восточной, северо-западной и юго-западной стен обвалились

внутри сруба. Верхние из сохранившихся бревен расчищены с отметки - 145 см (отсчет высот производился от абсолютного уровня 179.51), на этом же уровне и несколько ниже зафиксированы остатки деревянных конструкций перекрытия: фрагменты балок, располагавшихся в основном с ЮЗ на СВ, остатки досок от подшивного потолка, располагавшихся перпендикулярно к балкам и несколько досок, вытянутых в направлении с СЗ на ЮВ поверх остатков балок, которые относились, видимо, к полу располагавшегося выше помещения. Доски достигали в ширину 30 см, толщина их была, по-видимому, около 4 см. Диаметр балок составлял 26-28 см. Почти под прямым углом к стенам сруба находилось несколько бревен, стоявших ранее вертикально по периметру помещения и служивших опорами для перекрытия. Столбы располагались по углам сруба (в северо-восточном и юго-восточном углах столбы сдвоены), кроме того, у средней части юго-восточной стены располагался один столб, а по остальным трем сторонам - по два столба. Расстояния между столбами составляли 2,6-2,8 м. В эту систему входили, видимо, и два столба в центральной части помещения, располагавшиеся на расстоянии 2,1 м друг от друга с СЗ на ЮВ, между которыми вскрыт фрагмент лестничной тетивы с врубками от двух ступеней, относившейся, видимо, к лестнице, ведущей на верхний этаж. Остатки дощатого пола, сохранившегося фрагментарно, расчищены на отметках от 192 см до 216 см под всеми вышеописанными конструкциями. Доски были расположены в направлении с СЗ на ЮВ, их ширина варьировала от 30 до 48 см, толщина - от 4 до 5 см. Положены доски прямо на материковую глину, следов лаг под ними не обнаружено.

Судить достаточно четко о планировочной структуре помещения 1 сложно, однако возможно предположение о наличии дощатой перегородки в его северо-восточной части, так как здесь на одной из досок пола сохранилась врубка от вертикально стоявшей доски или бруса. В связи с тем, что доска явно сдвинута с места, точное место расположения перегородки не устанавливается.

Сруб помещения 2 опущен в тот же котлован. Промежуток между срубами не превышает 20 см, выпуски бревен по углам выступают не более, чем на 10 см. Длина северо-западной стороны (без выпусков) составляет 868 см, северо-восточной - 834 см, юго-восточной - 860 см, юго-западной - 826 см. Диаметр бревен - 26-30 см. Сруб сохранился на четыре венца с отметки - 142 см. По северо-восточной и юго-западной сторонам бревна просели внутрь сруба. Здесь также были зафиксированы остатки деревянных конструкций перекрытия: досок шириной до 50 см, толщиной 4 см, располагающихся в основном с северо-запада на юго-восток, и бревен диаметром до 22 см, фрагменты которых вытянуты в основном с ЮЗ на СВ. Значительно лучше сохранился пол, выполненный из досок шириной от 28 до 45 см при толщине в основном от 4 до 5 см. Набор пола на разных участках выполнен по-разному. Вдоль северо-восточной стены положено несколько досок длиной до 6 м, а промежуток между их концами и юго-восточной стеной заполнен досками, не превышающими в длину 2,5 м. В юго-западной части сруба также отмечено несколько досок, перекрывающих почти все помещение. Скорее всего, набор половицы не из одной, а из двух досок обусловлен не только отсутствием необходимых для перекрытия всего помещения досок большой длины, но и связан с чисто конструктивными соображениями. В центральной части помещения вскрыт фрагмент лестницы, которая вела на верхний этаж и разделяла помещение на зоны. Сохранились четыре ступени лестницы, врубленные в тетивы из толстых досок. Непосредственно на лестнице лежала сохранившаяся на половину высоты дверь с металлической ручкой круглого сечения, составленная из трех досок шириной от 20 до 40 см и скрепленная шпонкой шириной до 7 см. Общая ширина двери 78 см. С северной и южной сторон от лестницы доски пола не подходят к ней вплотную. Естественно, сохранность досок не идеальна, но, видимо, и первоначально половицы доходили только до стоящих вдоль лестницы столбов. Удалось выявить пять оснований столбов диаметром 20-22 см, располагавшихся в целом в одну линию вдоль южной стороны лестницы: два восточных столба поставлены на расстоянии всего 16 см друг от друга непосредственно у лестничной тетивы; следующий к западу столб размещен на расстоянии 50 см от лестницы в створ с преды-

г. Старица. Городище.
План срубов помещений 1-3
на уровне пола.

Рис. 2

дущими; четвертый столб удален от лестницы на 1 м и поставлен в створ с тетивой; пятый столб к западу удален от лестницы на 2,3 м и находится на одной линии с южным краем тетивы, рядом с ним расчищены остатки опоры, образованной половиной расколотого вдоль бревна диаметром 23 см. Этот столб продолжает линию восточных столбов, возможно, он приставлен дополнительно, чтобы выровнять эту линию. С северо-запада от лестницы остатков столбов не обнаружено, но на расстоянии 1 м от лестницы расчищен брусовый столб, соответствующий четвертому столбу, а паре юго-западных столбов соответствует сочетание брусового столба размером 18x19 см и расколотого пополам бревна диаметром до 34 см.

В отличие от помещения 1, не выявлено четко выраженных остатков столбов по всему периметру помещения 2. Столбы расчищены лишь в северо-западном и юго-западном углах, а также у юго-западной стены в створ с северной линией столбов вдоль лестницы и у юго-восточной стены в створ со столбами, расположенными на расстоянии 1 м к западу от лестницы. Возможно, наличие двух рядов столбов в центральной части помещения не потребовало дополнительных опор вдоль всех его стен. К элементам внутренней планировки можно отнести врубки от досок вертикальной перегородки, отделявшей северо-восточную часть помещения: на двух досках сохранилось четыре врубки на расстоянии от 1,3 до 1,5 м друг от друга. Ширина отделенной перегородкой "комнаты" составляла менее двух метров. По-видимому, такая же переборка располагалась в створ с концом лестницы к северу от нее: здесь в половине прослежены две врубки на расстоянии 0,7 м друг от друга. Небольшой фрагмент врубки найден с южной стороны лестницы.

В связи с тем, что как срубы в целом, так и пол не разбирались - не уточнялся характер подготовки под пол или наличие лаг. Однако на тех участках, где полы не сохранились, видно, что полы положены прямо по материковой глине, у стен же доски заведены поверх нижнего венца, утопленного, таким образом, ниже уровня пола, располагающегося в помещении 2 на отметках от - 188 см до - 210 см, то есть, примерно на том же уровне, что и в помещении 1.

Третий сруб опущен в тот же котлован. Он располагается на расстоянии 12-18 см от второго. Северо-западная его стена имеет длину 841 см, северо-восточная - 834 см, юго-восточная - 842 см, юго-западная - 824 см. Диаметр бревен - от 22 до 27 см. Сруб сохранился на 3-4 венца, стоящих достаточно вертикально без выраженного проседания к внутренней части помещения. Врубка произведена в "обло без остатка", так как сруб прилегал непосредственно к стене котлована. Верх бревен прослежен с отметки - 145 см, то есть практически на том же уровне, что и в двух предыдущих помещениях; разборка сгоревших конструкций явно была произведена одновременно на единый планировочный уровень. Внутренняя часть сруба также была завалена остатками обгоревших бревен и досок, засыпанных землей. Среди них можно выделить располагающиеся в направлении с северо-запада на юго-восток остатки переводин (создается впечатление, что потолок был не просто зашит досками, а устроен в виде сплошного бревенчатого наката). Вся эта конструкция обрушилась на дощатый пол, частично проломив его. Тем не менее, удалось уточнить характер планировки и в этом срубе.

В центральной части сруба располагалась лестница, которая вела к северо-восточной стороне на верхний этаж. Ширина лестницы в проеме 123-124 см, ширина ступеней - около 25 см. Тетивы лестницы достигали 27 см в диаметре, они сохранились в длину от 2,4 до 3,5 м. Нижнее опорное бревно лестницы имеет диаметр 31 см, для упора тетив в нем сделаны пазы шириной 27 и 32 см, врезанные в бревно на 17-20 см. Поверх лестницы расчищены фрагменты досок, от дверного полотна, соединенных шпонками. Один из фрагментов сохранил металлическую ручку из круглого прута, концы которого, откованные на острие, загнуты под прямым углом и вбиты в доску, как и на двери из сруба 2.

Настилка полов произведена из досок шириной 30-32 см, толщиной 5-6 см в направлении с северо-запада на юго-восток. Набор произведен в основном из целых досок, перекрывающих все помещение, кое-где более короткие доски составлены торцами без какого-либо дополнительного крепления. На участках, где доски сохранились плохо, удалось проследить лаги - бревна диаметром до 26 см, располагавшиеся в направлении с северо-востока на юго-запад и заглубленные в материк. Судя по прослеженным участкам, лаги не перекрывали сруб по всей длине, доски пола частично были положены на материковую глину.

Конструкция перекрытия опиралась на столбы, поставленные прямо на материк. Пять столбов прослежены вдоль юго-восточной стены; в средней части юго-западной стены на расстоянии 35-40 см от нее расчищено два столба; вдоль северо-западной стены крайний, западный столб обтесан до квадратного в плане

бруса, в центре стены размещены рядом два столба, восточнее - еще один; в северной половине северо-восточной стены прослежен один столб. Столбы сохранились также по обеим сторонам от лестницы, где они могли служить как опорой для перекрытия, так и основанием дощатой заборки лестницы с севера и юга; кроме того, не слишком четкие линии столбов, опирающихся как на материк, так и на доски пола, проходят с юго-запада на северо-восток в северной и южной частях помещения. Весьма вероятно, что они являлись дополнительными опорами для балок, на которые опирался бревенчатый настил, возможно, не имевший в третьем срубе дощатой подшивки. В северо-восточной части помещения расчищено несколько оснований столбов, располагающихся хаотически, видимо, некоторые из них являются частями бревенчатого перекрытия, воткнувшегося вертикально во время обрушения. Необходимо отметить наличие спаренных столбов и столбов-"половинок", аналогичных зафиксированным в первом и втором срубах. По-видимому, такой прием является характерным для этого комплекса.

В целом система конструкций всех трех срубов, сооруженных в едином котловане, заглубленном в материк минимум на 2 м, практически одина. Близки размеры срубов, площадь которых варьировала в пределах 70-72 м². Во всех трех срубах найдены остатки лестниц, ведущих из центральной части помещений на верхний этаж. Во всех трех случаях прослежены столбы, располагавшиеся по периметру стен, вдоль лестницы и с выносом от нее к западу. Возможно, в какой-то степени совпадали и внутренние членения помещений перегородками: во втором и третьем срубах в досках пола сохранились пазы от переборки, которая отделяла северо-восточные части помещения. В двух южных срубах (северный вообще сохранился хуже) на лестницах найдены обрушившиеся остатки однопольных дверей с практически одинаковыми ручками. Одинакова система настила полов, скорее всего, по одному принципу устраивалось перекрытие (за исключением того, что в срубе 3 не было найдено досок, которые с достаточной долей достоверности можно было бы отнести к подшивке потолка). По-видимому, до пожара, уничтожившего срубы, они были достроены и некоторое время эксплуатировались (во всяком случае, функционировала печь на верхнем этаже сруба 3, в развале кирпичного щебня и пережженной глины от которой был найден небольшой горшок с остатками обгоревшей ржи), однако, судя по чрезвычайной скудости археологического материала под развалом перекрытия, время это было весьма непродолжительным.

На расстоянии от 1 до 1,5 м от сруба 3 с уровня - 145 см расчищены остатки четвертого сруба, сохранившегося под слабо выраженным слоем обгоревшего дерева максимум на два венца. Размер стен сруба (последовательно, начиная с северо-восточной стены): 798 см, 897 см, 837 см и 892 см. Бревна затронуты пожаром, древесина сохранилась плохо. Диаметр бревен не превышал 20-22 см; следов пола в срубе не обнаружено, остатков каких бы то ни было конструкций - также. Материковая глина внутри сруба располагается на отметке около - 150 см, таким образом, пол в срубе 4 должен был находиться примерно на 50-60 см выше, чем в трех предыдущих. По-видимому, до пожара постройка не была закончена.

Пятый сруб расчищен на расстоянии 2,75-2,8 м от четвертого. Его нижний сохранившийся венец располагается на уровне около - 124 см. Его образовывали бревна диаметром до 28 см, сохранившие грубо срубленные сучки. Врубка на северо-восточном углу имела выпуск остатка до 30 см. В северо-восточном углу сруба на отметке - 142 см расчищено несколько фрагментов обгоревших досок, возможно, от пола. Направление досок параллельно северо-западной стене. Площадь сруба не вскрыта полностью, вследствие чего размер не установлен; следует отметить, что сруб отступает к юго-западу от общей линии на 70-75 см.²

---

² Вскрытие южной части этого участка, начатое в 1989 г., не завершено в связи с прекращением финансирования работ.

В створ с линией северо-восточных стен четырех северных срубов располагается юго-западная стена шестого сруба, уходящего перпендикулярно к северо-востоку. Он смещен ближе к северным срубам; расстояние между северо-западным углом сруба 6 и юго-восточным углом сруба 4 составляет 125 см. Верхний из двух сохранившихся венцов располагается на отметке - 142 см, верх материка - на отметке около - 160 см; несколько фрагментов истлевших досок на отметках от 152 до 160 см, возможно, являются остатками пола.

Судя по всему, срубы 4, 5 и 6 не были достроены. Отделенность их от трех первых срубов, в основном меньший диаметр бревен, наличие небрежно обрубленных сучков позволяют предполагать, что эти постройки могли носить вспомогательный, возможно, чисто хозяйственный характер, что отнюдь не исключает наличия достаточно четкого планировочного замысла в расположении всего этого комплекса.

Первоначальная датировка срубов на основании минимального выявленного материала была отнесена к кон. XIV - нач. XV вв. В результате проведенных дендрохронологических исследований³ установлено, что бревна для срубов были заготовлены в 1390, 1392 и 1393 гг. Таким образом, четко локализуется и время пожара, в котором погибли срубы: в 1395 г. "...погоре городок на Волзе, еже есть на Старице, от грома" [1, с. 456].

Единовременное строительство выявленного комплекса срубов несомненно, осуществлено в ходе общих работ по укреплению городища, произведенных Михаилом Александровичем Тверским в 1390 г.: "Той же осени прибавиша к Городку на Волзе с приступа города, и ров скопаша" [1, с. 455]. Похоже, что князь занимался строительством и внутри городских стен; скорее всего, создание такого крупного комплекса построек по единому плану, с практически "типовой" структурой трех первых срубов, одно открытие котлована под которые потребовало выемки минимум 800 м³ грунта, не могло быть осуществлено частным лицом. Создается впечатление, что речь может идти и об оформлении планировочной структуры как минимум этой части городища.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тверская летопись // ПСРЛ. Т. XV. М., 1965.
2. Рогожский летописец // ПСРЛ. Т. XV. М., 1965.
3. Крылов И. П. Археологические раскопки в Старицком кремле в 1903 г. Старица, 1907.; Крылов И. П. Старица и ее достопримечательности. Старица, 1914.
4. Воронин Н. Н. Раскопки в Старице // КСИИМК. 1951. Вып. 38; Воронин Н. Н. Зодчество северо-восточной Руси XII-XV вв. Т. 2. М., 1962.
5. ЦГА ВМФ СССР. Ф. 3. Оп. 26. Д. 3267.

НПРП "Симаргл",

Москва.

---

³ Автор приносит благодарность Н. Б. Черных за проведение датировки спилов.

А. В. КУРБАТОВ

ОПЫТ АНАЛИЗА КУЛЬТУРНЫХ ОТЛОЖЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ТВЕРСКОГО КРЕМЛЯ (по раскопкам Л. А. Поповой в 1985 г.)

Реконструкция всеобъемлющей, целостной картины жизни средневекового русского города предполагает не только анализ различных источников и привлечение данных многих научных дисциплин, но и возможность взаимной проверки всех источников, сопоставления материалов и выводов. Такие возможности, в частности, нам предоставляют результаты раскопок на территории Тверского кремля.

В раскопе 1985 г. на ул. Правды, расположенном на Ю участке средневекового кремля, на площади более 150 м² вскрыты несколько ярусов деревянной городской застройки, датированных в ходе изучения, предварительно, сер. XIII нач. XV вв. [1, л. 56]. В дальнейшем были получены даты по 35 спилам, взятым из срубных построек, уличных настилов, частоколов, исследованных при раскопках 2-м и 17-м пластами и охватывающих практически всю толщу культурных отложений на данном участке (Приложение).

Большая часть сооружений, встреченных в раскопе 1985 г., являлась элементами устойчивых комплексов застройки, включавших жилые и хозяйственные постройки с прилегающими деревянными вымостками, мостовые, частоколы, прослеживаемые на нескольких стратиграфических уровнях. Смена таких комплексов происходила достаточно динамично - на уровне одного-двух раскопочных пластов - и сопровождалась перепланировкой застройки, что позволяет выделить несколько горизонтов застройки, фиксируемых на всей площади раскопок (рис. 1). По материалам раскопок можно наметить следующую периодизацию строительной активности. К I горизонту застройки относятся остатки построек, зафиксированных на уровне 1-го пласта и отсутствующих в нижележащих слоях: сруб 2а в кв. 3-4 и сруб 5 в кв. 13-15, 30-31, выделенные в плане и по нивелировочным отметкам конструкций. Предполагается, что к этому же горизонту относится и одна из конструкций, зафиксированных как сруб 1. На южном профиле раскопа (рис. 1) в кв. 1-6 верхний слой с остатками деревянных сооружений с отметками - 100-140 от современной поверхности отделен интенсивно гумусированной супесью от нижних напластований. Перепланировке на I горизонте соответствуют и отмеченные на планах уровня 2 раскопочного пласта горелые постройки, а также соотносимые с ними угольные прослойки в границах кв. 1-2, 11-14, прослеженные по южному профилю. Выделяемый II горизонт застройки (раскопочные пласты 2-6) включает комплексы со срубами: N 1 в кв. 1-3; N 4 в кв. 10-12, 27-29; N 3 в кв. 8-9, 25-26, а также частоколы в кв. 5,22 и 8,25, а кроме того бревенчатую вымостку с северной стороны сруба N 3 (кв. 8-9, 25-26, пласт 3). Основание II горизонта застройки можно видеть в общей смене строений на всей площади раскопок на уровне 5-6-го раскопочных пластов (рис. 1), что выделено стратиграфически на южном профиле прослойками песка в кв. 9-13 на гл. 2, 15-2,40 м от современной поверхности, прослойками песка в кв. 5, 7-8 на гл. 1,90-2,15 м, а также на северном профиле прослойками коры и щепы в кв. 25-28, 31-32. III горизонт застройки включает пласты 7-11/12, на уровне которых исследованы следующие строения: сруб N 7 в кв. 32 - 34 и замененные им срубы N 15 и N 16, а также сруб N 9 в кв. 10-11, 27-28 и сруб N 12 в кв. 4-6, 21. С этим горизонтом связаны следы по-

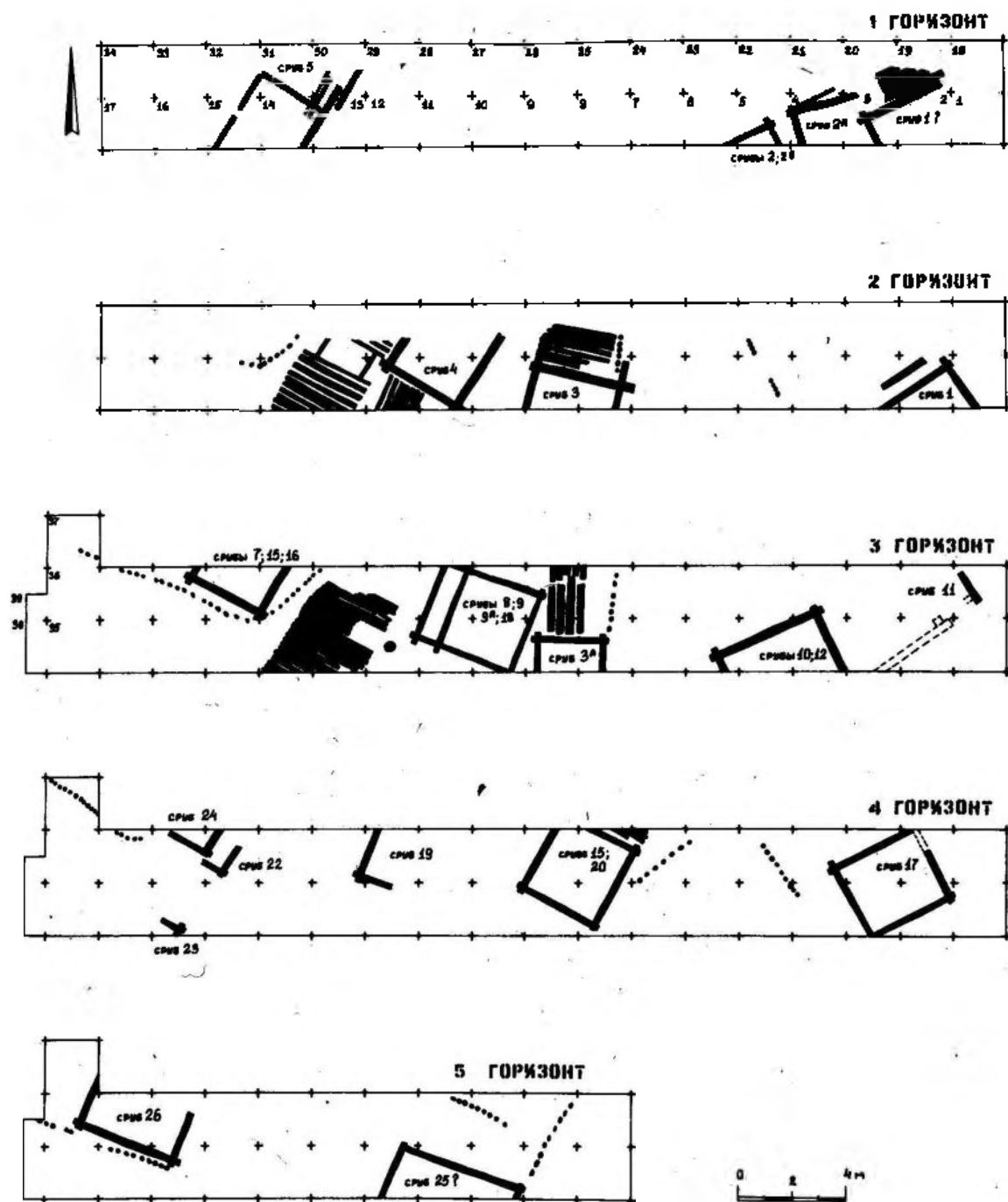

Рис. 1. г. Тверь, Раскоп Л. А. Поповой 1985 г. Реконструкция застройки по горизонтам

жара на плане 12-го пласта, прослойки щепы на южном профиле в кв. 10-13 (уровень 2,8-3-2 м от совр. поверхности) и в кв. 5-8, а также прослойки угля в кв. 3-5 на уровне от 2,2-2,5 м до 2,5-2,8 м (зафиксированы две прослойки угля, разделенные слоем гумуса). На северном профиле основание горизонта фиксирует прослойка угля в кв. 24-25, 28-29. К IV горизонту застройки (рис. 1) относятся пласты 12-15, где разобраны следующие сооружения: сруб N 17 в кв. 2-3, 19-20, сруб N 19 в кв. 29-30 и сруб N 20 в кв. 25-26, а также частоколы в кв. 4-5, 22 и 34-37 и фрагменты некоторых иных объектов. Нижний стратиграфический уровень горизонта маркирует прослойка щепы в кв. 10-12, прослойка песка в кв. 4-9, лежащая в близких к предматериковым отложениях гумуса. Сюда же можно отнести и прослойки уг-

ля в кв. 3-5, 18. К V горизонту застройки, вскрытому раскопочными пластами 16-19 (разобраны только на участке "Б"), относятся сруб N 26 в кв. 16-17, 33-35 и остатки, видимо, разобранных деревянных сооружений в кв. 12-13, 16-17. Стратиграфически эти предматериковые гумусированные отложения фиксируются в кв. 7-17, 35, 38 на южном профиле по прослойкам щепы и имеют соответствия на северном профиле.

При анализе 35 спилов в лаборатории Н. Б. Черных получено следующее распределение порубочных дат дерева (прил.): сруб N 4 - 1380-1404 гг., второй ярус мостовой 1400-1406 гг., подкладка у сруба 3а - 1335 г., венец сруба 9а - 1324 г.?, венцы сруба N 18 - 1318-1319 гг.?, для постройки N 17 - 1299-1300 гг. и постройки N 21 - 1294-1298 гг. Используя полученные даты серии объектов и опираясь на выводы Л. А. Поповой, сделанные при анализе материалов раскопок, можно предложить следующие хронологические рамки функционирования городской застройки на каждом из выделенных горизонтов. I горизонт (пласт 1) - 1-я четв. XV в.; II горизонт, включающий 2-6 раскопочные пласты, имеющий серию датированных спилов сруба N 4 и настила в кв. 13-14, 30-31, определяется посл. четв. XIV - нач. XV вв. III горизонт (пласты 7 11/12) отмечен датированными спилами срубов N 3а и 9а, а также кольев частокола и может быть определен в рамках 2-й четв. XIV в. Застройка IV горизонта (пласты 12-15) определяется порубочными датами венцов срубов N 17, 18, 21 в рамках кон. XIII - 1-й четв. XIV вв. V горизонт, судя по стратиграфическим признакам и комплексу находок, по-видимому, функционировал в посл. чет. XIII в.

Некоторые сопоставления летописных сведений могут быть интересны для подтверждения предложенного стратиграфического членения культурного слоя в раскопе 1985 г. "В лето 6804. Погоре город Тферь по велице дни на шестой недели в субботу, а заутрея собор святых отец 300 и 18", отмечает Лаврентьевская летопись [2, стлб. 484]. Согласно Н. Г. Бережкову, указанный год - мартовский и соответствует 1295/6 г. от Рождества Христова [3, с. 121]. Пожар, следовательно, произошедший на 6-й неделе после Пасхи (а Пасха в тот год - 6803 - приходилась на 3 апреля), относится к 7 мая 1295 г. Можно предполагать, что этот пожар, отмеченный многими летописными сводами, не являлся локальным и, как отмечает Никоновская летопись, "...погоре град Тверь весь" [4, с. 171]. Через 2 года вновь упоминается пожар, но теперь, видимо, локальный, захвативший только княжий двор "На святой недели в субботу на ночь освятающе Фоминой недели", что, учитывая мартовский стиль [3, с. 121] должно соответствовать 12 апреля 1298 г. Эти пожары кон. XIII в. могут быть соотнесены с началом строительной деятельности на уровне выделенного IV горизонта застройки, где серия спилов дает порубочные даты 1294-1300 гг. Вместе с тем, кон. XIII в. вообще отмечен подъемом строительной активности в Твери, в частности, строительством каменного храма Спаса Преображения в 1285-1290 гг. и церкви Афанасия, освященной в 1297 г. Исследователи отмечают подъем художественного ремесла, а вкупе - полосу политического и культурного возвышения Тверского княжества [6, с. 85-86]. Следующая группа пожаров фиксируется в 1316/17-1318/19 гг. "19 марта", - повествует Тверской летописец - (лето 6824) - "загореся град Тферь и множеством людей погашен бысть" [6, стлб. 408]. А через год, "В лето 6826 ...загореся град Тферь и множеством людей угашен бысть, и погоре большая половина града а церковей згоре 6" [6, стлб. 410]. Отражение этих пожаров можно видеть в сгоревших постройках (сруб N 19) на уровне 12-го пласта и соответствующих ему угольных прослойках на северном и южном профилях, а также в перепланировке застройки на уровне 11-го пласта, где определяемые порубочные даты бревен со сруба N 18 дают 1318-1319 гг. Изменения в динамике застройки, возможно, происходили в 3-й четв. XIV в. Характерно отсутствие среди датированных спилов образцов с порубочными годами этой четверти (прил.), серия которых относится к 1369-1372 гг. Более ранняя группа спилов относится к 1334-1350 гг. На основании летописных сведений можно предполагать некоторое затухание городской хозяйственной активности в это время. Отмечается целая полоса неблагоприятных лет". В лето 6872 (1364-1365 от Р. X.)

**Результаты дендрохронологического анализа спилов из раскопа 1985 г.
на ул. Правды (Тверской кремль)¹**

N п/п	Локализация ²			Порубочн. дата (г.)
	Объект	Пласт	Ярус Квадрат	
1	2	3	4 5	6
1.	Столб частокола	2	1 8	1372
2.	Столб частокола	2	1 8	1372
3.	1-й венец сруба N 4	2-3	1 11	1404
4.	Столб частокола	4	1 5	1369
5.	Столб частокола	4	1 5	1388
6.	Бревно настила перед срубом N 4	4	1 12	1390 ?
7.	Бревно настила перед срубом N 4	4	1 12	1381 ?
8.	Бревно сруба N 4	6	1 11	1399
9.	6-й венец сруба N 4	6	1 11	1380
10.	Бревно 2-го яруса мостовой /северная часть/	7	2 30	1406
11.	Бревно 2-го яруса мостовой /западная часть/	7	2 17	1400
12.	Бревно-подкладка под 1-й ярус мостовой	6	1 13, 30	1403
13.	Лага 2-го яруса мостовой /западная часть/	7	2 34	1376 ?
14.	Бревно-подкладка 1-го яруса мостовой	7	1 13, 30	1402
15.	Столб частокола у сруба N 3	7	1 24	1375 ?
16.	Настил пола сруба N 9	7	2 10	1404 ?
17.	Бревно-лага 2-го яруса мостовой /западная часть/	7	2 14	1350
18.	Бревно 2-го венца сруба N 7	7	2 34	1394/7 ?
19.	Лага 2-го яруса мостовой /западная часть/	7	2 30	1403 ?
20.	Бревно-подкладка 2-го яруса мостовой /центральная часть/	7	2 14-15	1405
21.	Столб частокола	8	3 29	1335
22.	Столб внутри сруба N 4	8	3 11-12	1342
23.	Бревно-лага 2-го яруса мостовой /западная часть/	8	2 17	1403
24.	Бревно-подкладка у сруба N 3а	8	3 35	1335
25.	Столб частокола	8	3 29	1320
26.	Бревно-лага 2-го яруса мостовой /западная часть/	8	2 17	1372
27.	Столб частокола /"колышек"/	8	3 12	1336
28.	Столб частокола	8	3 29	1334
29.	Бревно сруба N 9а	9	3 27	1324 ?
30.	Бревно последнего венца сруба N 18 /восточная сторона/	10	4 27	1318 ?
31.	Бревно последнего венца сруба N 18 /западная сторона/	10-11	4 12	1319 ?
32.	Бревно последнего венца сруба N 21	14-15	6 27	1294
33.	Бревно последнего венца сруба N 21	14-15	6 28	1298
34.	Бревно сруба N 17	17	7 2	1299
35.	Бревно сруба N 17	16-17	7 2	1300

1 - автор благодарен Л. А. Поповой за предоставленную возможность оперативного введения в научный оборот важного исторического источника.

2 - сохраняется таксономия по отчету Л. А. Поповой.

бысть мор велик в Новгороде в Нижнем... и тако разыдеся во все грады, и во Тферь и в Володимер и в Суздаль" [7, с. 3]. Ее подтверждает Новгородская 4-я летопись: "В лето 6873 ..был мор в Торжку" [8, с. 65]. И в это же время - "бысть сухмень велия по всей земле и воздух кудряшеса и земля горяше" [7, с. 4]. Не трудно предположить, что мор и засуха привели к резкому сокращению городского населения, частью вымершего, частью спасавшегося от бедствий в других местах. И в последующие годы мор и голод в Твери отмечались "в лето 6876. - "глад велик бысть в Тфери" [7, с. 12], "В лето 6879. Сухмень же бысть тогда велика. И бысть тогда дороговъ хлебная велика и глад велий..." [7, с. 12]. И опять: "В лето 6882 /от Р. Х. 1374/1375/ "...быша зной велици и жары... и на всяк скот был мор велик... Потом же прииде и на люди мор велик..." [7, с. 16]. И в данном случае нельзя считать несоответствием предполагаемой стагнации городской жизни в 1360-е-1370-е гг. наличие серии спиллов с порубочными годами 1369-1372, т. к. строительная древесина, как правило, высушивалась в течение нескольких лет. С другой стороны, мы знаем о работах по укреплению Тверского кремля именно в кон. 60-х - 1-й пол. 70-х гг. XIV в. "В лето 6877. Того же лета в осенине град Тверь срубили древян и глиною помазали" [9, с. 109], а через 3 года: "В лето 6881... князь великий Михайло около града Тфери вал копал и ров копал от Волги до Тмаки..." [6, стлб. 433] - сообщал Тверской летописец. Но следует учесть, что это были государственные, стратегические работы, проводимые привлеченными людьми - "тверскими волостми и новоторжскими". Деятельность строителей в самом городе отмечается только с нач. 1380-х гг., но она связана с кафедральным собором, во-первых, и только с его отделкой, во-вторых [6, стлб. 441]. Оживление городской жизни с 80-х гг. XIV в., в таком случае, можно связать со II горизонтом застройки, выделенным в раскопе 1985 г. Последующая перестройка, отмечаемая на уровне 1-2-го раскопочных пластов (1 горизонт), может быть связана с упоминаемым в летописях пожаром 1412/1413 г. "В лето 6921... погоре Тферь вся" [6, стлб. 486]. Предложенная историческая интерпретация встреченных в раскопе 1985 г. комплексов застройки, даже с учетом многочисленных допусков, может представлять интерес для изучения Твери. Окончательный же ответ на вопросы возможности, целесообразности и методической обоснованности приема прямого соотнесения летописных сведений с археологически выявленными объектами, может быть решен только дальнейшими широкомасштабными раскопками в Тверском кремле.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Попова Л. А.* Отчет об охранно-археологических исследованиях, проведенных в 1985 г. в г. Калинин на территории б. Тверского кремля // Архив ИА РАН. Р-1. NN 11056, 11056а-б.
2. *Лаврентьевская летопись* // ПСРЛ. Т. 1. Л., 1962.
3. *Бережков Н. Г.* Хронология русских летописей. М., 1963.
4. *Никоновская летопись* // ПСРЛ. Т. 10. СПб., 1886.
5. *Николаева Т. В.* Прикладное искусство Московской Руси. М., 1976.
6. *Тверская летопись* // ПСРЛ. Т. 15. СПб., 1863.
7. *Никоновская летопись* // ПСРЛ. Т. 11. СПб., 1897.
8. *Новгородская 4-я летопись* // ПСРЛ, Т. 4. СПб., 1848.
9. *Симеоновская летопись* // ПСРЛ. Т. 18. СПб., 1913.

Институт истории материальной культуры РАН, С.-Петербург

А. В. КУРБАТОВ

КОЛЛЕКЦИЯ КОЖАНЫХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ РАСКОПОК 1985 г. В ТВЕРСКОМ КРЕМЛЕ В СВЯЗИ С ВОПРОСАМИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИИ РЕМЕСЛА В РУССКИХ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДАХ

Изучение материальной базы ремесла в русских средневековых городах наполняет конкретным содержанием представления о бытовых и производственных аспектах жизнедеятельности населения, специфично отражая известные летописные сведения о социально-политической активности городов и княжеств. Определенные возможности уточнения датировок комплексов также связаны с выделяемыми технологическими признаками изделий ремесленного производства.

Для изучения истории развития техники и технологии ремесла особое значение имеют кожаные предметы из раскопок Л. А. Поповой 1985 г. на территории Тверского кремля [1, прил. 1; 2, с. 401-406]. Здесь на площади более 150 м² в слоях с деревянной городской застройкой 2-й пол. XIII - нач. XV вв. среди прочих находок было собрано около 57 тыс. единиц кожаных предметов, включая целые изделия, детали и отходы от раскроя. Основу коллекции составляют материалы обувного производства, но, кроме того, выделено 55 других бытовых изделий: чехлы для ножей, рукавицы, ремни, игровые мячи, детали кошельков и сумок, элементы декора (рис. 1), большинство из которых находят многочисленные аналогии в коллекциях из раскопок Новгорода, Пскова, Москвы и других городов. Можно выделить и оригинальные изделия: заготовку детали мешочка-кошелька с завязками (рис. 1, 8), чехол для приторачивания к седлу топора (или копья) (рис. 1, 16), аппликации (рис. 1, 12), фрагмент детали с оттиском косой сетки (рис. 1, 14).

Однако, для определения уровня развития кожевенного производства наибольший интерес представляют детали обуви. Именно здесь сконцентрированы все технические и технологические достижения эпохи - как в силу сложности изготовления (необходимость соблюдения принципов износоустойчивости моделей, удобства ношения), так и массового характера производства (принципы технологичности операций, соблюдение норм при раскрое и пошиве, унификация элементов обуви, стандартизация моделей). Технические инновации выражены на археологических предметах отдельными, как правило, не бросающимися в глаза, следами на коже, которые только в комплекте деталей одной модели позволяют достаточно определенно реконструировать весь процесс раскроя и сборки обуви, а также объяснить целесообразность каждого элемента и технического приема.

В коллекции обуви из Тверского кремля, по сохраняющимся следам на коже от раскроя и сборки, особенностям моделировки, а также и некоторым признакам выделки сырья можно указать три технологических варианта конструирования моделей, для каждого из которых характерна особая подошва. Первый вариант отличает мягкая однослойная подошва со следами выворотного или тачного шва по краю (рис. 2, 1-4). Такие подошвы, в большинстве с округлыми носками и незначительным сужением в области свода стопы, принадлежали формам низкой обуви (туфли) и, по-видимому, в меньшей степени - мягкой высокой обуви (полусапожки, сапоги). Второй вариант определяет специфичная подошва со сквозным швом по периметру. Применявшаяся, как правило, в формах высокой обуви (сапоги), подошва состояла из 2-3-х слоев кожи. При сборке моделей блок подошв закреплялся на нижней стороне деревянной колодки небольшими

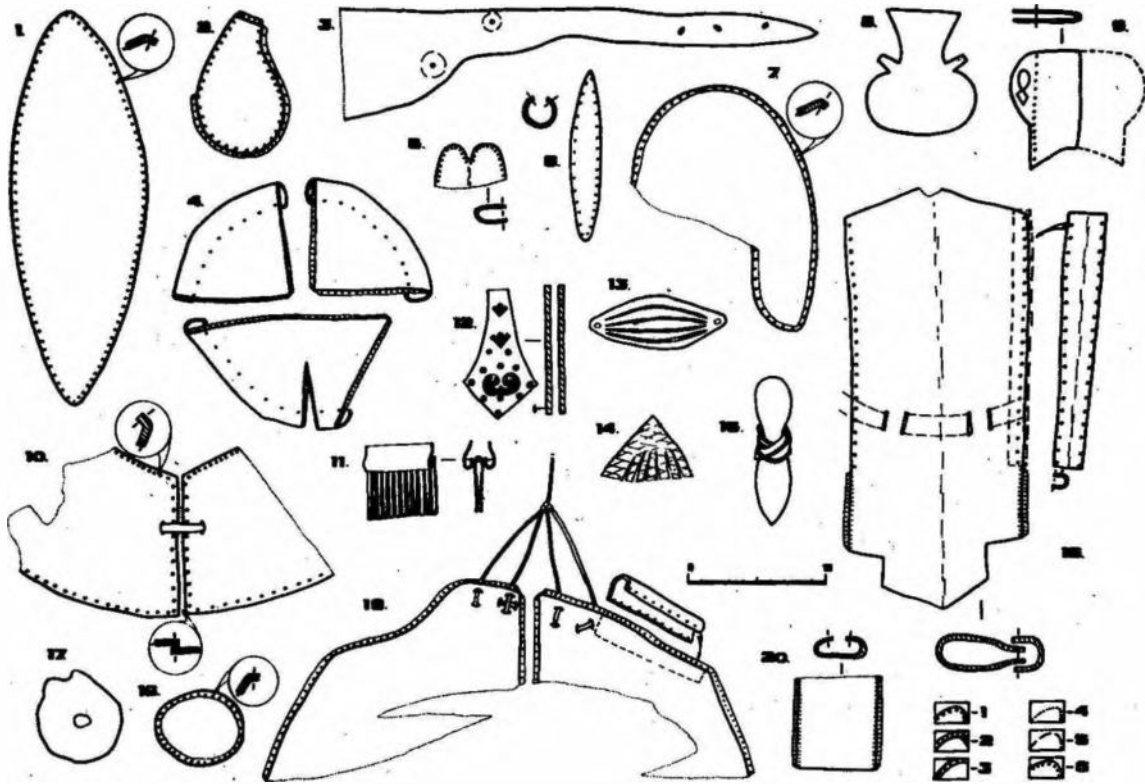

Рис. 1. Детали различных кожаных изделий

1 - деталь мяча (?) или дно сумки-торбы (?), 3 - часть ремня; 4 - кожаный поплавок (?); 6 - дно тканевого мешка (?); 7 - часть рукавицы; 8 - часть заготовки кошелька (?); 9 - обрезок ножен; 10 - кожаный наплечник (?); 11 - декоративная отделка-бахрома; 16 - крепление для топора (?); 17 - прокладка; 18 - часть игрового мяча; 2, 5, 12-15, 19, 20 - детали неопределимых изделий
 Условные обозначения: 1 - сквозной шов; 2 - шов "встык"; 3 - выворотный шов; 4 - обрыв края детали; 5 - реконструируемая часть детали; 6 - шов "через край"

деревянными же шпеньками (рис. 2, 5-9, 13-14). Последние фиксируются на ряде находок т. н. колодок - правил, в большом числе представленных, например, в материалах Новгорода. Затем сверху на колодку накладывалась головка, уже сшитая с задником и голенищем, и вся конструкция соединялась сквозным швом [3, с. 139, рис. 1, 1; 3, 1; 4, с. 39-42]. Третий вариант, самый малочисленный в данной коллекции, отличается использованием потайного шва (шов "в подтай") для соединения подошвы и верха обуви. На внутренней стороне подошвы сохраняется несколько отступающий от края (обреза) детали пояс нес сквозных отверстий, захватывающих половину толщи кожи со стороны бахтармы, без выхода на нижнюю - мерейную - сторону кожи. Канал шовного отверстия был скругленным, что требовало для сшивания применения изогнутых игл, а также и скругленных шильев для тачания шва. Подошвы третьего варианта имеют, по сравнению с другими, большую толщину (2,5-3 мм) и жесткость. Швом "в подтай", как правило, крепились к подошве только головки, тогда как задник - сквозным швом. В конструкции присутствуют подпяточные подкладки и имеются следы вероятного использования гвоздей с широкой шляпкой для предохранения подошв от стирания (рис. 2, 10-12). От гвоздей сохраняются подквадратные отверстия на пяточной части подошвы. Применение их связано с использованием в наборе задника дополнительных вставок - кожаных прокладок и деревянного вкладыша. Данная модель высокой обуви становится известной в русских городах с XIII-XIV вв. и доминирующим видом обуви (сапоги) в XV-XVI вв. [5, с. 87; 6, с. 71-74].

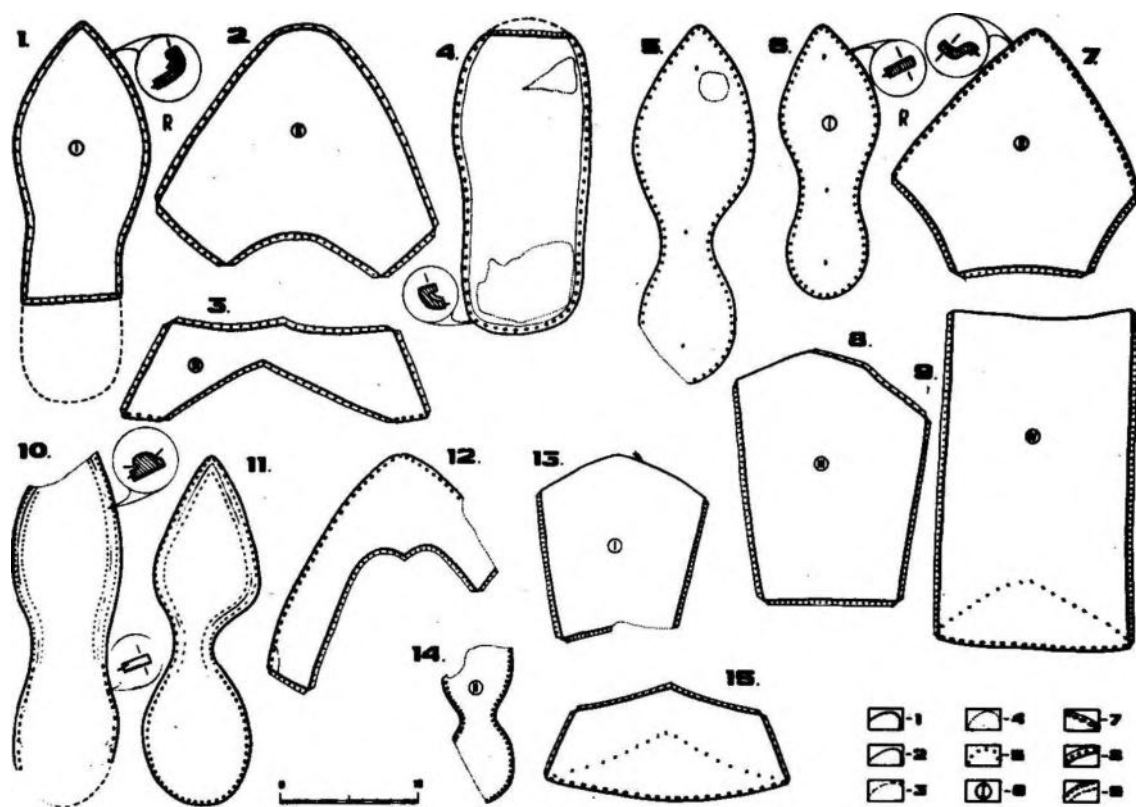

Рис. 2. Детали разных вариантов обуви

1-3 - подошва, головка и задник одной модели 1-го варианта обуви; 4 - отдельная подошва 1-го варианта обуви; 5-9 - обувь 2-го варианта (5 - отдельная подошва; 6-9 - подошва, головка и две части голенища одной модели); 10-12 - обувь 3-го варианта (10, 11 - подошвы, 12 - головка); 13-14 - детская модель обуви 2-го варианта (подошва и часть голенища); 15 - отдельный задник неопределенного варианта обуви

Условные обозначения: 1 - обрез внешней стороны кожи /мерей/; 2 - обрез внутренней стороны кожи /бахтармы/; 3 - реконструируемая часть детали; 4 - равный край детали; 5 - шов "через край" на внутренней стороне кожи; 6 - детали обуви одной модели; 7 - сквозной шов; 8 - шов "встык"; 9 - шов в "подтай"

Находки деталей обуви третьего варианта в Тверском кремле зафиксированы вместе с другими кожаными предметами, в слоях разобранных 6-16-м пластами, и составляют незначительный процент к обуви 1 и 2 вариантов (рис. 3). По стратиграфическим и планиграфическим наблюдениям исключается попадание разбираемых находок из верхних напластований. Значимость выделенных инновационных явлений в кожевенно-обувном производстве Твери усиливается комплексом факторов - возможностью достаточно точного дробного датирования выделенных Л. А. Поповой строительных горизонтов: по комплексам индивидуальных и массовых находок, по сериям дендродат отдельных сооружений, а также благодаря скрупулезности фиксации всех комплексов и строительных горизонтов при раскопках. Большинство сооружений в раскопе 1985 г. при разборке по пластам и прослойкам распространялось на уровни двух и более пластов. Жилые и хозяйственные постройки вместе с прилегающими деревянными вымостками, мостовыми, заборами составляли устойчивые комплексы, зафиксированные на нескольких стратиграфических уровнях. Смена этих комплексов происходила достаточно динамично - на уровнях одного-двух пластов - и сопровождалась перепланировкой застройки. Это позволяет выделить несколько горизонтов застройки, отчетливо фиксируемых на всей площади раскопок. Полученные для 35

спилов порубочные даты позволяют синхронизировать перепланировки на временной шкале. Выделяется 5 горизонтов застройки, охватывающих 9 строительных ярусов, выделенных ранее. 1-й (верхний) горизонт относится, в целом, к 1-й четв. XV в. по комплексу находок и стратиграфическому положению¹. 2-й горизонт застройки маркируется серией спилов в рамках 1380-1406 гг., а также датами по спилам с частоколов. Его можно отнести к посл. четв. XIV в. 3-й горизонт застройки датируется в рамках 2-й четв. XIV в. 4-й горизонт отмечен использованием для срубов бревен с порубочными датами 1294-1300 гг. и, предположительно, определяется кон. XIII - 1-й четв. XIV вв. К 5-му горизонту застройки относятся комплексы объектов, не имеющие определенных порубочных дат деревьев, но выделяемые стратиграфически, а также на основании изменения планировки построек. Период функционирования горизонта - посл. четв. XIII в.

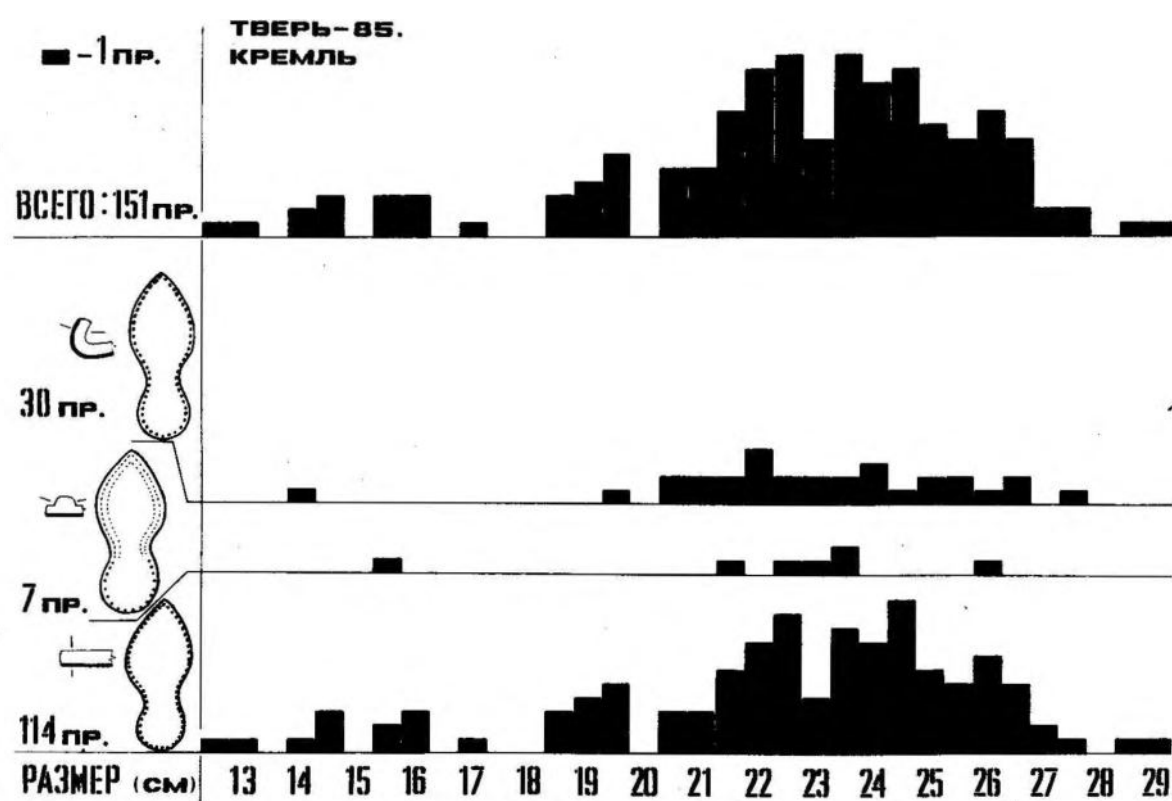

Рис. 3. Гистограмма размеров обуви

Пластография кожаных находок в Тверском кремле, среди которых большую часть составляют обрезки от раскроя, позволяет выделить вероятные участки застройки и отдельные комплексы с активной кожевенно-обувной деятельностью в них. В слоях, разобранных 11-13-м пластами в кв. 15-17, 32-36 [1, альбом, рис. 23-26] собрано более 15,5 тысяч предметов [2, с. 401, табл.], сконцентрированных на площади, ограниченной частоколом усадьбы со срубом N 16 и частоколом соседней, южной, усадьбы. Второе скопление кожаных предметов отмечено при разборке слоя пластами 16-17-м в кв. 11-13, 28-30 [1, альбом, рис. 31-34] и, вероятно, связано с расположенной здесь постройкой N 25. Среди ремесленного инвентаря в слоях с большим количеством кожаных находок встречены специализированные раскро-

¹ Разбор сюжета со строительными горизонтами сделан в докладе "Опыт анализа культурных отложений на территории Тверского кремля по раскопкам Л. А. Поповой в 1986 г. (в наст. сборнике).

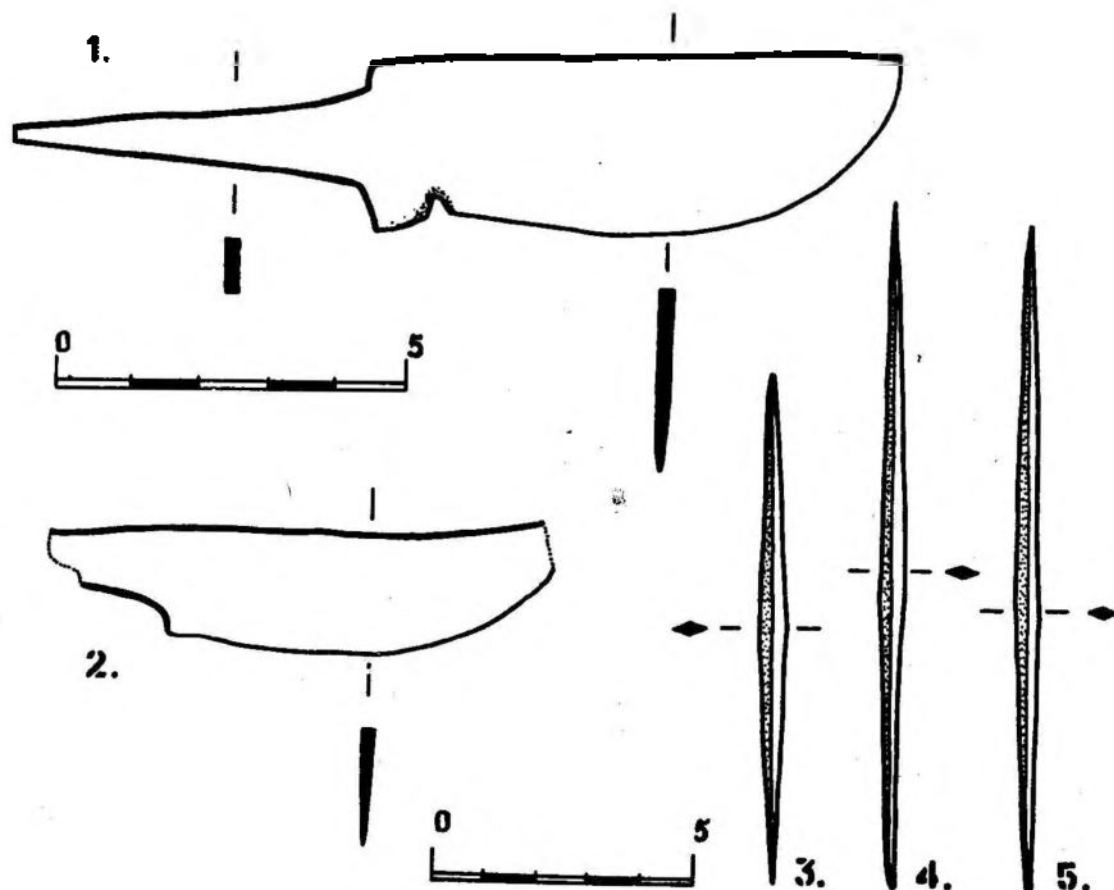

Рис. 4. Инструменты сапожника
1, 2 - раскроечные ножи, 3-5 - шилья

ечные ножи с широким коротким (относительно пропорций других видов ножей) клинком и скругленным кверху лезвием, а также ромбовидные в сечении шилья (рис. 4). Известные материалы из Новгорода [7, с. 56, рис. 43Б; 8, с. 91, рис. 54; 10; 11], где находки имеют привязку к ярусам застройки, показывают появление такой категории сложившегося специального кожевенного ножа не ранее XIV в.

Находки деталей обуви 3 варианта связаны с 4-м горизонтом застройки (пласты 12-15), относимым к кон. XIII - 1-й четв. XIV вв. Подчеркнем, что появление новой конструкции обуви означает и появление в кожевенно-обувном производстве принципиально новых приемов выделки сырья [9, с. 57-61], техники пошива и даже основ моделирования изделий. Изучая материалы статистического комитета по кустарным ремеслам в России на предмет выделения и сравнения условий и форм использования технологических приемов обработки шкур во всех регионах страны, Г. Поварнин пришел к выводу о начале применения в кон. XIII - нач. XIV вв. особой технологической операции в выделке кожи - киселевания, что позволило резко повысить качество красnodубного товара (выделанной кожи), в том числе толстых кож (шкуры взрослых особей крупного рогатого скота). По его мнению, первоначально - в кон. XIII в. - киселевание появилось в верхневолжских городах (Торжке), а в XIV в. стало известно в других центрах [10, с. 147]. В основе киселевания лежит принцип размягчения (распушения) внутренних слоев кожи и лучшего проникновения в них растительных дубителей (таннидов), что не только повысило качество выделки сырья, но и привело к выделению самостоятельного технологического процесса - выделки подошв, включавшего, кроме прочего, и

метод насыщения подошвенной кожи карбонатами (мел) - т. н. техника "нажора", что давало более толстые и жесткие изделия. Выделение ремесленной специальности "подошвенников" и особых подошвенных кож фиксируют письменные источники XV-XVI вв. [11, с. 7-8; 12, табл. 41-50]. Г. Поварнин отмечает, что привнесение в русское кожевенное производство новых технологических приемов произошло, по-видимому, под влиянием проникающих элементов материальной и духовной культуры стран Востока, чему способствовала политическая ситуация в русских княжествах и на сопредельных территориях во 2-й пол. XIII-XIV вв. Образование в Поволжье Золотой Орды, заинтересованной в торговых контактах с северными соседями, привело к усилению политических связей - деятельности посольств и миссионерской активности русской церкви [13, с. 8-34]. В Орде постоянно или временно проживало много русских людей, в т. ч. ремесленников и купцов [13, с. 43-48]. Через Орду в русские города поступали восточные товары: грецкие орехи, самшит, ткани, поливная керамика, драгоценные камни, минеральные красители [13, с. 48; 14, с. 106-111]. Расширению торговли с Востоком способствовало политическое и культурное возвышение Тверского княжества с посл. четв. XIII в. [15, с. 85-88]. С приезжими мастерами в русские города поступали не только восточные товары, но и элементы культуры и быта в целом, в т. ч. и технические приемы некоторых производств. Например, тогда же в русском языке появляются термины из восточного кожевенного производства, связанные с выделкой кожи - лабаз, тузлук, шакша, шадрик, а также - с отделкой и сортами кожи - булгара, мусат, сафьян, бахтарма, башка [10, с. 234, табл. XIV], и, кроме того, ряд наименований одежды и других предметов - сарай, кирпич, башмак, чулок, карман, калита [16, с. 9-25]. В кожевенно-обувном производстве влияние Востока заметно не только в технологии и терминологии, но также и в моделировании обуви. С XIV в. общеупотребительными в русских городах становятся сапоги - тип высокой обуви с "глухим" верхом [17, с. 214-215], в которых позднее, в XV-XVI вв., развился ряд своеобразных черт - загнутый вверх носок подошвы, поперечное линование головки и ее продольная стяжка [6, с. 71-76].

Таким образом, коллекция кожаных предметов из раскопок Тверского кремля значительно расширяет наши представления о ремесленном производстве в русских городах, о характере взаимодействия культур Руси и стран Востока, о значении Тверского княжества в возрождении и становлении Русского государства в XIII-XV вв.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Попова Л. А.* Отчет об охранно-археологических исследованиях, проведенных в 1986 г. в г. Калинин на территории б. Тверского кремля // Архив ИА РАН. Р-1. NN 11066, 11066а-б.
2. *Кузюшкина С. И.* Кожаная обувь из раскопок Тверского кремля 1986 г. // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья: Мат-лы 2-й регион. конф. Нижний Новгород, 1991.
3. *Курбатов А. В.* Методические аспекты историко-археологического анализа средневекового кожевенного производства // Проблемы хронологии и периодизации в археологии. Л., 1991.
4. *Зубкова Е. С., Курбатов А. В.* Сложение традиций средневекового русского кожевенно-обувного производства (по материалам Пскова) // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 1992.
5. *Олтева Е. И.* Обувь и другие кожаные изделия древнего Пскова // АСГЭ. 1962. Вып. 4.
6. *Курбатов А. В.* Коллекция кожаных предметов из Ивангорода (по раскопкам 1980-1986 гг.) // КСИА. 1991. Вып. 206.
7. *Колчин Б. А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. 1959. Вып. 65.
8. *Гайдуков П. Г.* Славянский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп. М., 1992.
9. *Курбатов А. В.* Развитие технологии выделки кожи и кожевенно-обувного производства в средневековых русских городах // Города Верхней Руси. Истоки и становление: Материалы научной конференции. Торопец, 1990.
10. *Поварнин Г.* Очерки мелкого кожевенного производства в России. Ч. 2. СПб., 1912.
11. *Арциловский А. Б.* Новгородские ремесла // Новгородский исторический сборник. Новгород, 1989. Вып. 6.
12. *Маньков А. Г.* Цены и их движение в Русском государстве в XVI в. М.-Л., 1951.

13. *Полубояринова М. Д.* Русские люди в Золотой Орде. М., 1978.
14. *Полубояринова М. Д.* Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды. М., 1991.
15. *Николаева Т. В.* Прикладное искусство Московской Руси. М., 1976.
16. *Козырев И. С.* К вопросу об изучении тюркизмов в русском языке // Тюркизмы в восточнославянских языках. М., 1974.
17. *Иаюмова С. И.* Кожевенное и сапожное ремесла Новгорода Великого // МИА. 1969. Вып. 65.

Институт истории материальной культуры
РАН, С.-Петербург

И. А. ДАШКОВА, А. Б. СИВОЛАПОВА

СТЕКЛЯННЫЕ БРАСЛЕТЫ ИЗ РАСКОПОК КРЕМЛЯ И ЗАТЬМАЦКОГО ПОСАДА г. ТВЕРИ (по материалам исследований 1989-1991 гг.)

Одной из массовых находок в культурном слое Твери являются стеклянные браслеты. Результаты изучения коллекции этих украшений, полученной на кремлевских раскопках NN 2, 3, 5 в 1979-1984 гг. были опубликованы Н. В. Жилиной [1]. К данным материалам обращался П. Д. Малыгин [2].

Цель этой работы - на основе новых материалов¹ с привлечением уже опубликованных выявить особенности тверской коллекции браслетов и проследить ее изменение во времени.

В настоящей работе впервые представлена характеристика браслетов, найденных на раскопках N 3 и N 6 (Затьмачье)², а также материалы Кремлевского раскопа N 7 (рис. 1)³. Были использованы данные, опубликованные Н. В. Жилиной [1].

В общей сложности мы располагаем сведениями о 947 фрагментах стеклянных браслетов. Распределение их по раскопам показано в табл. 1.

Таблица 1

№ раскопа	Количество стеклянных браслетов (экз.)
2, 3, 5 (Кремль) (суммарно)	334 [2, с. 69]
7 (Кремль)	4164
3 (Затьмачье)	111
6 (Затьмачье)	86
Всего:	947

После визуальных наблюдений, на основе существующих в археологической литературе классификаций⁴ все учтенные браслеты были разделены на разновидности по форме поперечного сечения жгута и цвету стекла, из которого они изготовлены. Полученные данные сравнивались с материалами других городов.

¹ В 1985-1991 гг. раскопки на территории Кремля и Затьмацкого посада г. Твери проводились под руководством Л. А. Поповой (ТГОМ), А. Н. Хохлова (ТГОМ, ТНИИР-Центр), О. М. Олейникова (ИА РАН).

² Исследования 1989-1990 гг. экспедиции под руководством А. Н. Хохлова.

³ Исследования 1991 г. экспедиции ТНИИР-Центра под руководством А. Н. Хохлова.

⁴ При статистических подсчетах не учитывались материалы одного комплекса, куда примерно в одно время попал 71 фрагмент браслетов. Остальные учтенные экземпляры равномерно распределялись в культурном слое.

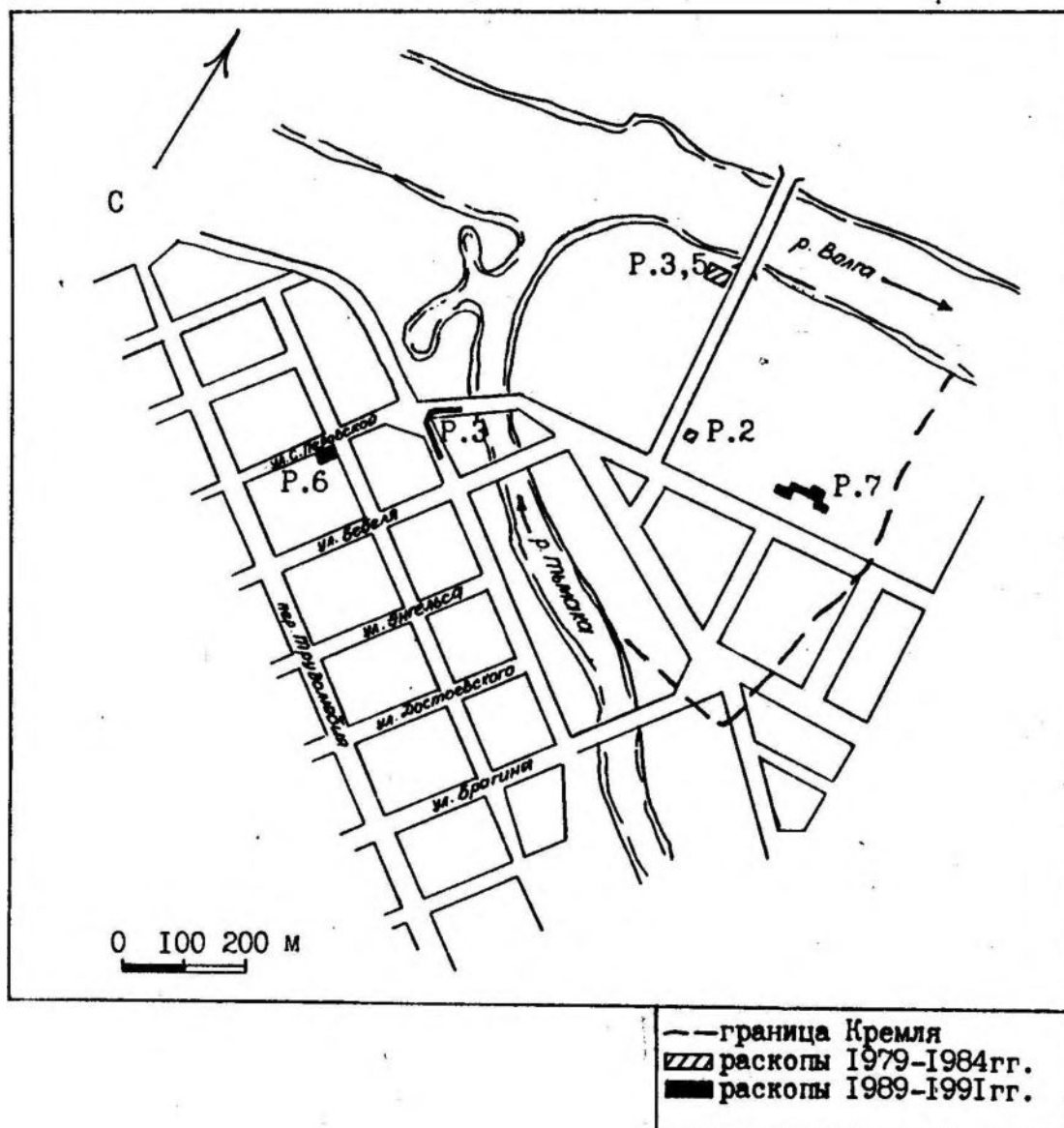

Рис. 1. Тверь. Кремль и участок Затымцакого посада. Схема расположения раскопов

Форму поперечного сечения удалось установить у 876 браслетов. Среди них преобладали круглые гладкие (467 экз. - 53,4%) и крученые (381 экз. - 43,4%). Браслеты других форм (полукруглые, подтреугольные в сечении, рифленые) были встречены в единичных экземплярах (в общей сложности 28 экз. - 3,2%) (рис. 2).

По соотношению браслетов разных форм наиболее близкими к коллекции Твери являются материалы Новгорода, Полоцка, Вышгорода [3, с. 105].

Соотношение круглых гладких и крученых браслетов на каждом из указанных тверских раскопов имеет свои особенности (рис. 2). Для устранения случайных колебаний полученных количественных значений использованы доверительные интервалы [5, с. 74, 75; 6, с. 101]. Они были рассчитаны при доверительном уровне 0,95 по следующей формуле [7, с. 79]

$$K = \frac{wn + 1/2t^2 + tw(1-w)n + 1/4t^2}{n+t^2}$$

где n - количество круглых гладких и крученых браслетов;

w - частность;

t - определяется из таблицы распределения Стьюдента [5, с. 74].

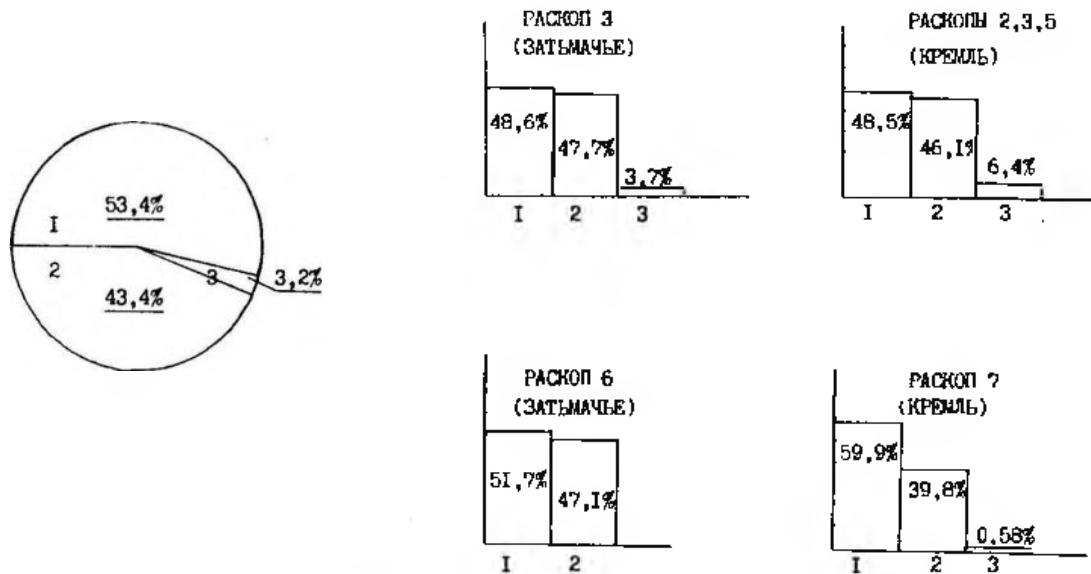

Рис. 2. Характеристика стеклянных браслетов г. Твери по форме: 1 - круглые; 2 - крученые; 3 - браслеты других форм (полукруглые, подтреугольные, рифленые)

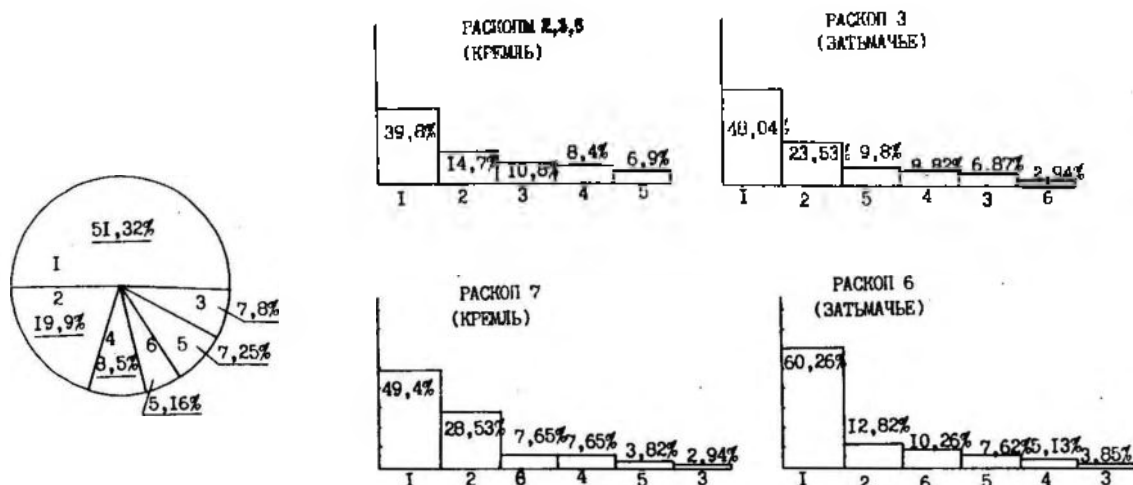

Рис. 3. Характеристика стеклянных браслетов г. Твери по цвету: 1 - черные; 2 - зеленые; 3 - бирюзовые; 4 - желтые; 5 - фиолетовые; 6 - синие

Сравнение доверительных интервалов (табл. 2) позволило установить, что материалы кремлевских раскопов NN 2, 3, 5 и раскопа N 3 (Затъмачье) наиболее близки по соотношению двух массовых разновидностей браслетов (круглых гладких и крученых): их обнаружено примерно равное количество. На этих раскопах встречены браслеты и других форм (от 3,6% до 6,4%) (рис. 2).

Коллекция раскопа N 7 отличается преобладанием круглых гладких браслетов над кручеными. Количество браслетов других форм было минимальным (0,58%) (рис. 2).

Коллекция раскопа N 6 (Затъмачье) по количеству круглых гладких браслетов схожа с коллекцией раскопа N 7, а по числу крученых - с коллекциями кремлевских раскопов NN 2, 3, 5 и раскопа N 3 (Затъмачье) (рис. 2).

Таблица 2

Форма браслетов	Раскопы №№ 2, 3, 5 (Кремль, суммарно)			Раскол № 7 (Кремль)			Раскол № 3 (Затьмачье)			Раскол № 6 (Затьмачье)		
	кол-во (экз.)	%	доверит. интервал	кол-во (экз.)	%	доверит. интервал	кол-во (экз.)	%	доверит. интервал	кол-во (экз.)	%	доверит. интервал
круглые гладкие	162	48,5	44-55	206	59,9	56-66	54	48,6	40-58	45	51,7	55-76
крученые	154	46,1	41-57	133	39,8	34-44	53	47,7	39-57	41	47,1	38-59

Таблица 3

Цвет браслетов	Раскопы №№ 2, 3, 5 (Кремль, суммарно)			Раскол № 7 (Кремль)			Раскол № 3 (Затьмачье)			Раскол № 6 (Затьмачье)		
	кол-во (экз.)	%	доверит. интервал	кол-во (экз.)	%	доверит. интервал	кол-во (экз.)	%	доверит. интервал	кол-во (экз.)	%	доверит. интервал
черные	133	39,9	43-55	139	51,8	46-58	49	48,0	38-58	47	60,0	37-56
зеленые	49	14,7	14-23	60	22,4	17-27	24	23,5	17-33	10	12,8	5-18
желтые	28	8,4	6-14	20	7,46	5-10	9	8,8	5-16	4	5,1	1-10
синие	—	—	—	26	9,7	8-16	3	2,9	1-9	8	10,3	5-18
фиолетовые	23	6,9	7-10	13	4,85	3-8	10	9,8	6-19	6	7,7	4-15
бирюзовые	36	10,8	9-18	10	3,73	2-7	7	6,9	3-14	3	3,8	2-11

По данным М. Д. Полубояриновой [4, с. 172, табл. 2], в Новгороде на уровне 19 - 15 ярусов Неревского раскопа (1134-1224 гг.) [8] наблюдалось преобладание крученых браслетов над круглыми гладкими; на уровне 14-13 ярусов (1238-1268 гг.) - примерно равное соотношение тех и других; с 12 яруса (после 1268 г.) отмечалось резкое увеличение количества круглых гладких браслетов.

В Москве гладкие браслеты бытовали дольше крученых [9; 10, с. 120].

В некоторых древнерусских центрах, уничтоженных монголо-татарами (Старая Рязань, Изяславль), крученых браслетов найдено больше, чем круглых гладких [3, с. 105].

Намеченные различия в соотношении круглых гладких и крученых браслетов на тверских раскопах, вероятно, объясняются одновременным происхождением коллекций. Более ранними являются коллекции кремлевских раскопов NN 2, 3, 5 и затымацкого раскопа N 3. Позднее формировались коллекции раскопа N 6 (Затымачье) и раскопа N 7 (Кремль).

Изучение цветовой гаммы стеклянных браслетов Твери показало, что здесь представлены браслеты всех цветов, встреченных и на других памятниках [3, с. 106, табл. 11].

Первоначальный цвет стекла установлен для 715 браслетов. Из них более половины (368 экз. - 51,38%) составляли браслеты, объединенные в группу черных (сюда включены экземпляры, имеющие в тонком сколе различный цвет: коричневый, оливковый, темно-зеленый (бутылочный) (рис. 3).

Вторую по количеству группу образовали зеленые браслеты (142 экз. - 19,9%), значительно меньше в Твери желтых (60 экз. - 8,5%), бирюзовых (56 экз. - 7,8%), фиолетовых (52 экз. - 7,25%), синих (37 экз. - 5,16%) (рис. 3).

Подобные соотношения браслетов разных цветов характерны для коллекций Новгорода, Полоцка и Смоленска [3, с. 106, табл. 11].

Преобладание черных и зеленых браслетов отмечено на всех рассмотренных тверских раскопах. Соотношение браслетов других цветов на каждом раскопе имело свои особенности, но эти различия устранены при помощи доверительных интервалов (табл. 3).

Изученные материалы позволяют сделать следующие выводы:

1. Наиболее близкими к коллекции стеклянных браслетов Твери являются материалы Новгорода и Полоцка.

2. Намеченные различия среди коллекций браслетов с разных раскопов свидетельствуют об относительно более ранней датировке нижних напластований раскопов NN 2, 3, 5 (Кремль) и N 3 (Затымачье) по сравнению с раскопами N 7 (Кремль) и N 6 (Затымачье).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жилина Н. В. Материальная культура Твери (по раскопам 1979-1984 гг.) // Социально-экономическое развитие древних обществ и археология. М., 1987.
2. Малыгин П. Д. Новоторжско-Волоцкие земли в XII-XIII вв. // Становление европейского средневекового города. М., 1989.
3. Шапова Ю. Л. Стекло Киевской Руси. М., 1972.
4. Полубояринова М. Д. Стеклянные браслеты Древнего Новгорода. // МИА. 1963. N 117.
5. Федоров-Давыдов Г. А. Статистические методы в археологии. М., 1987.
6. Шапова Ю. Л. Естественнонаучные методы в археологии. М., 1990.
7. Енуков В. В. Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей. М., 1990.
8. Колчин Б. А. Дендрохронология Новгорода // МИА. 1963. N 117.
9. Шелляпина Н. С. Археологические наблюдения в Московском Кремле в 1963-1965 гг. // Древности Московского Кремля. МИА. 1971. N 167.
10. Дубынин А. Ф. Археологические раскопки в Зарядье (Москва) в 1965 г. // КСИМК. 1960. Вып. 79.

Тверской научно-исследовательский
историко-археологический
и реставрационный центр

И. А. ДАШКОВА, А. Б. СИВОЛАПОВА

ИССЛЕДОВАНИЕ ЗАТВЕРЕЦКОГО ПОСАДА г. ТВЕРИ В 1992 г. (по материалам раскопа N 1)

В 1992 г. впервые в широких масштабах было проведено обследование Затверецкого посада г. Твери. На 5 раскопах¹, заложенных на разных участках посада (рис. 1), вскрыты напластования XV-XVII вв. и более позднего времени.

Материал XVIII-XIX вв. обычно не привлекает внимание исследователей. Между тем, бытовые вещи XVIII-нач. XIX вв., мало представленные в музейных коллекциях, составляют значительный процент археологических находок.

На одном из Затверецких раскопов (раскоп N 1 - пересечение Затверецкой наб. и Дурмановского пер.) была собрана коллекция керамики, связанная с комплексом, датированным монетами XVIII-нач. XIX вв.

Цель данной статьи - характеристика этой коллекции, сравнение ее с материалами более раннего времени.

На раскопе N 1 было обнаружено ок. 3000 фрагментов керамической посуды.

В процессе работы было отобрано 310 фрагментов (верхних частей сосудов), позволявших восстановить не менее трети формы сосуда.

С наиболее ранним слоем было связано 86 фрагментов посуды (27,9% изученной части коллекции). 83 фрагмента (96,5%) принадлежат горшкам с округлым туловом, имеющим максимальное расширение примерно на уровне верхней трети. При переходе от плечика к шейке у всех горшков фиксируется уступ. Различие в оформлении верхней части сосудов позволило выделить 2 варианта горшков:

I вариант (63 экз. - 75,9%) (рис. 2,1). Горшки с короткой шейкой, завернутым внутрь, отогнутым наружу и слегка уплощенным венчиком.

II вариант (20 экз. - 24,1%) (рис. 2,2). Горшки с вертикальной или слегка наклоненной внутрь шейкой и уплощенным по краю венчиком.

Среди ранней керамики находились 3 фрагмента белоглиняных мисок (3,48%) (рис. 2, 3).

Горшки 1-го варианта и миски были изготовлены из беложгущейся глины с примесью крупнозернистого песка. Горшки 2-го варианта - из красножгущейся глины с примесью мелкой дресвы. Обжиг всех сосудов неравномерный.

Аналогии описанной посуде встречены на Затьмацком раскопе N 3, в слое, датированном нач. XV-XVII вв. [1, с. 91]². Материалы Затверецкого раскопа не позволяют уточнить эту датировку.

Основную массу керамики раскопа N 1 составляют фрагменты посуды, связанной с заполнением заглубленной в материк постройки (рис. 3) (материковая яма N 1). Срубные стены ее сохранились на высоту 4-х венцов. Заполнение постройки стратиграфически делилось на 3 части: нижняя (с остатками лаг и участком настила пола) относилась ко времени строительства и функционирования сооружения.

Вследствие периодических затоплений во время половодий заглубленная часть постройки заполнилась и песчаными отложениями. Заплывшая материко-

¹ Работы на раскопе N 4 проводились под руководством сотрудника ТНИИР - Центра А. С. Даюникова, на остальных раскопах - под руководством И. А. Дашковой

² Пользуюсь случаем поблагодарить А. Н. Хохлова за возможность использовать неопубликованные материалы раскопок.

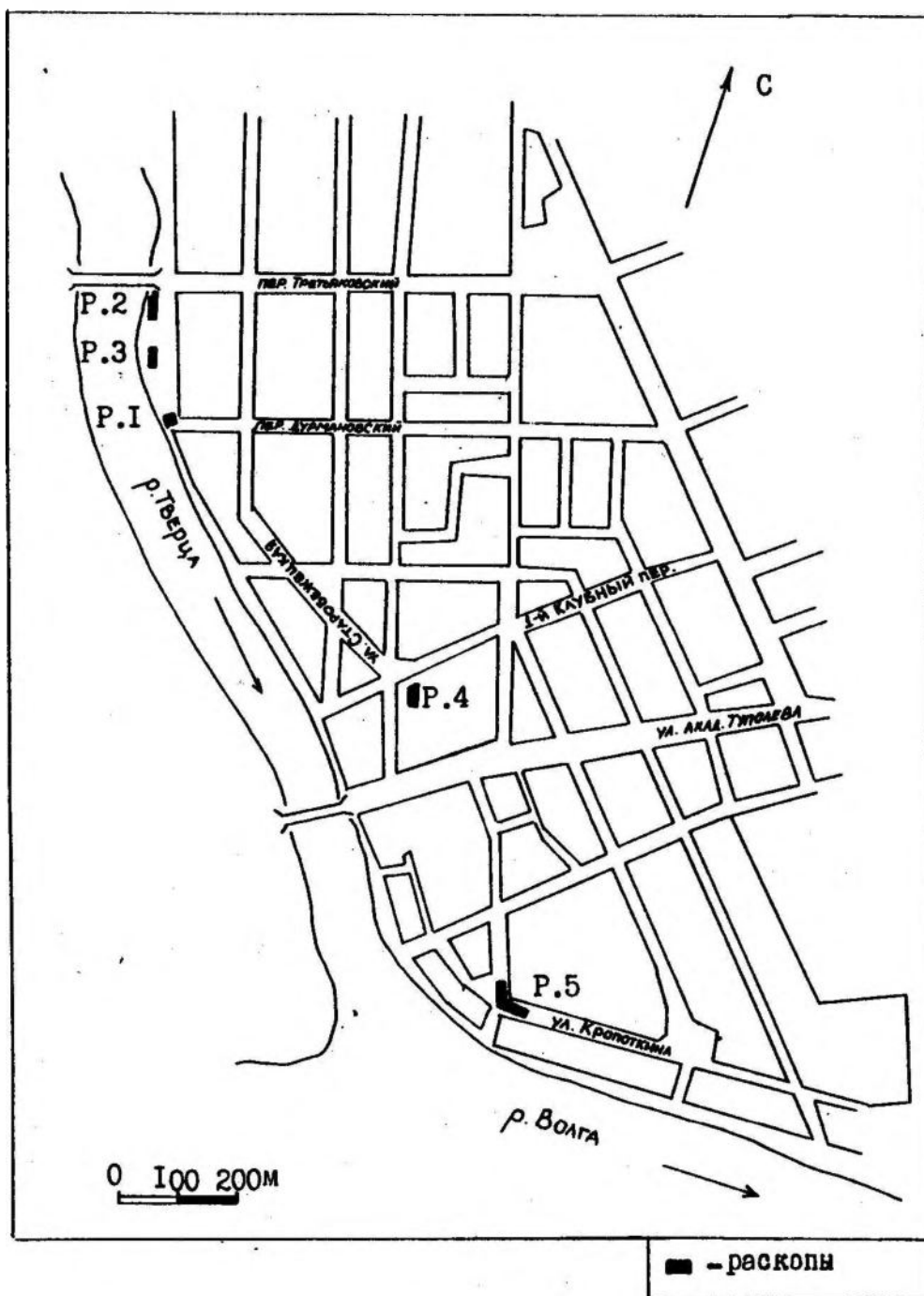

Рис. 1. Тверь. Затверецкий посад. Схема расположения раскопов (1992 г.)

вая яма использовалась позднее для сброса битой стеклянной посуды (штофы, стаканы, бутылки). Ее фрагментами была насыщена прослойка, перекрывающая заполнение постройки. Эта прослойка (не нарушенная перекопами) законсервировала комплекс XVIII в.

Все выделенные этапы заполнения материковой ямы, связанной с постройкой, датируются медными монетами (полушки и денги). 22 монеты найдены в нижней части заполнения. Среди них нет экземпляров, отчеканенных после 1754 г. Время чеканки 19 монет падает на промежуток между 1730 и 1754 гг.

В средней части заполнения была найдена медная копейка, относящаяся к последним годам правления Елизаветы Петровны (1757-1761 гг.). В прослойке, на-

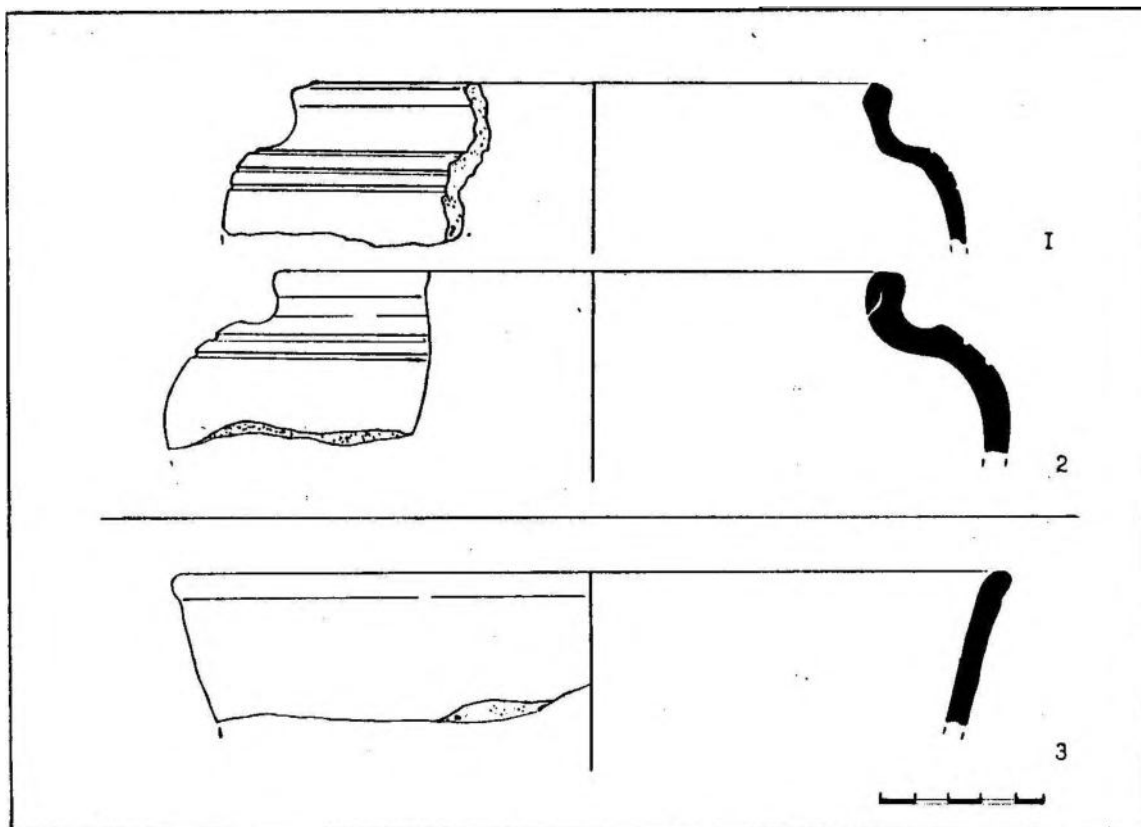

Рис. 2. Керамика XV-XVII вв.: 1, 2 - горшки (1 - вариант 1; 2 - вариант 2); 3 - миска

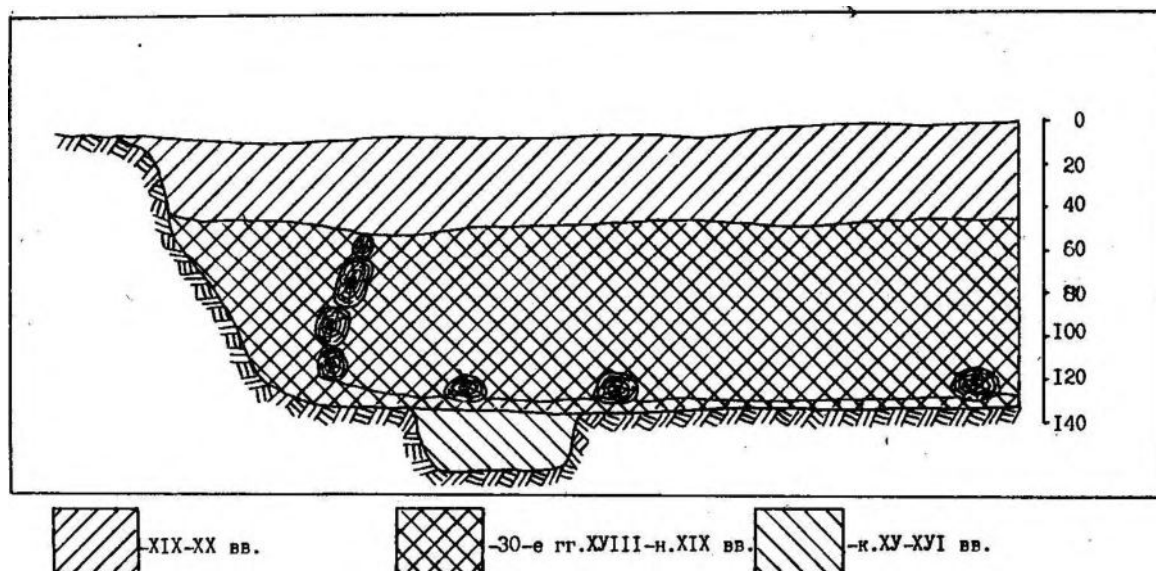

Рис. 3. Тверь. Затверецкий посад. Раскоп 1. Схема стратиграфии

сыщенной фрагментами битой стеклянной посуды, был обнаружен клад медных пятак. Самая ранняя монета клада отчеканена в 1764 г., самая поздняя - в 1803 г.

На сохранившихся стенках 2-х штофов, найденных в той же прослойке, фиксировались даты их изготовления (1803 и 1811 гг.).

Таким образом, формирование интересующего нас керамического комплекса происходило между 30-ми гг. XVIII в. и 10-ми гг. XIX в.

Обратимся к описанию коллекции керамики. Из 224 учтенных 180 фрагментов (80,38%) принадлежат горшкам. Целых форм не найдено. По форме верхней трети сосудов выделено 2 типа горшков:

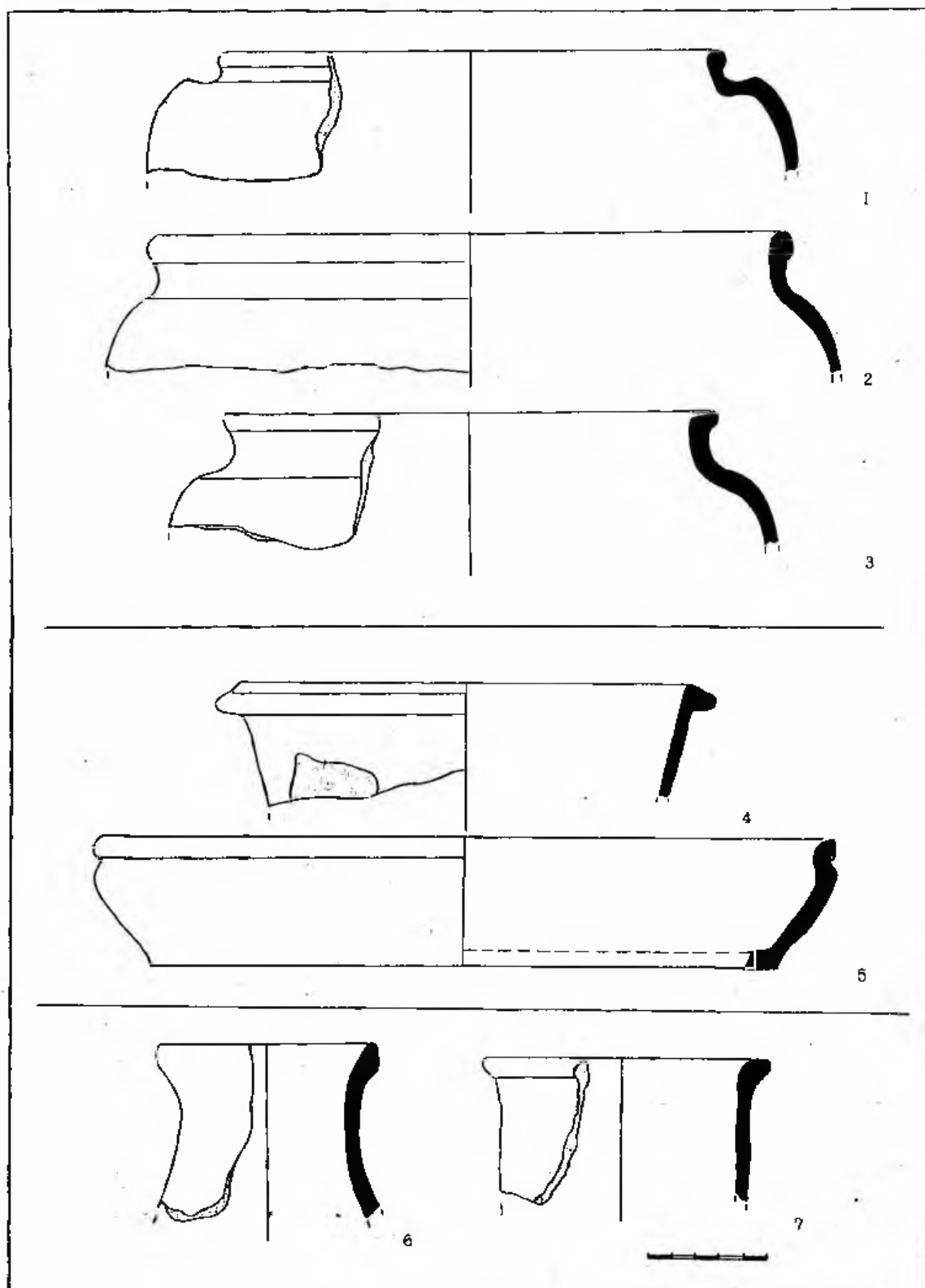

Рис. 4. Керамика XVIII-XIX вв. Группа 1: 1-3 - горшки (1 - тип I; 2 - тип II; вариант 1; 3 - тип II, вариант 1); 4, 5 - миски (4 - тип I; 5 - тип II); 6, 7 - кувшины

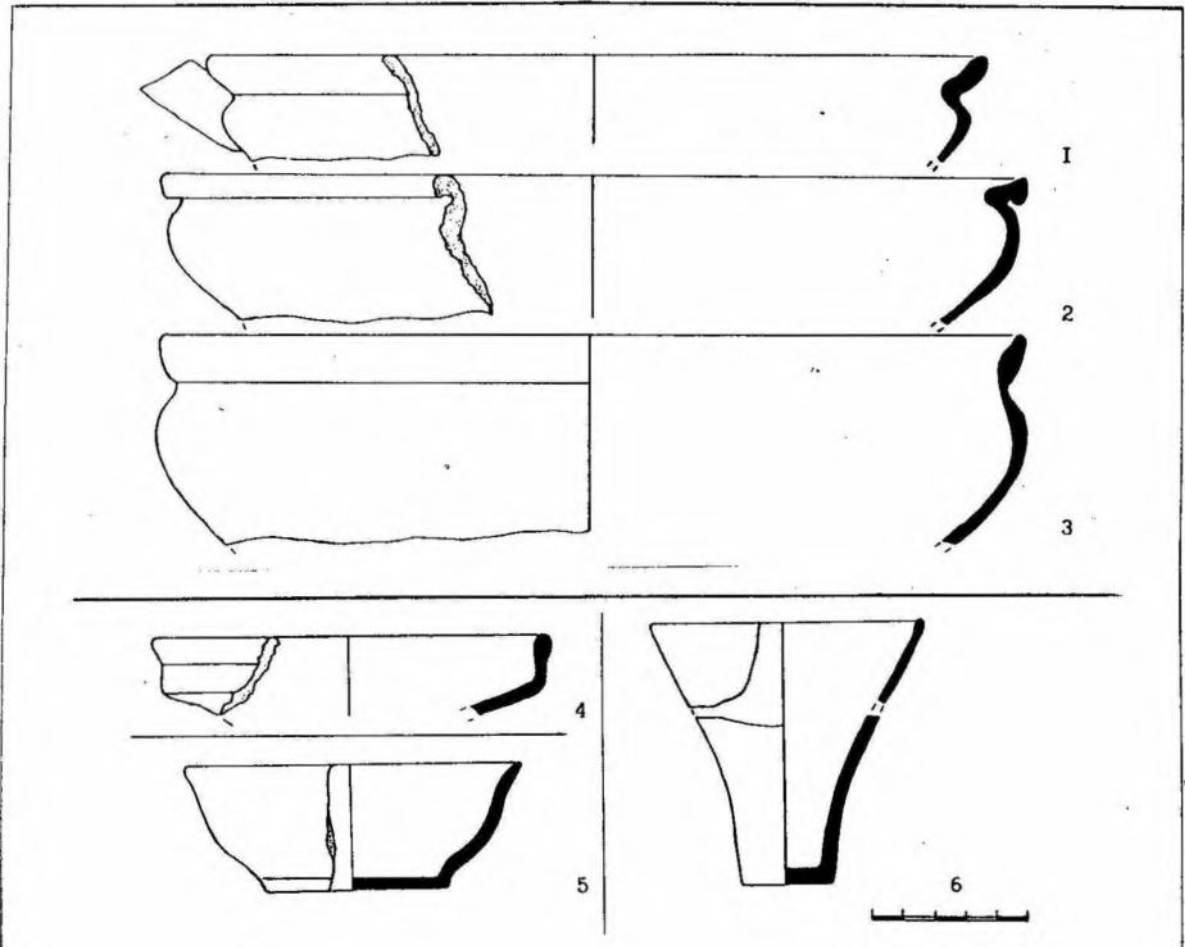

Рис. 5. Керамика XVIII-XIX вв. Группа II: 1-3 - горшки III типа (1 - вариант 1; 2 - вариант 2; 3 - вариант 3); 4 - миска III типа; 5 - чашка; 6 - чарка

I тип (15 экз. - 8,33%) (рис. 4, 1). Горшки с округлым туловом, уступом при переходе от плечика к шейке, коротким, слегка наклоненным внутрь венчиком, край которого закруглен.

II тип (53 экз. - 29,44%) (рис. 4, 2, 3). Высокие сосуды, с округлым туловом, имеющим максимальное расширение примерно по середине высоты. Высокая шейка горшков этого типа слегка наклонена внутрь.

Характер оформления края венчика позволил выделить 2 варианта горшков II типа (рис. 4).

I вариант (28 экз. - 52,83%) (рис. 4, 2). Горшки с завернутым наружу венчиком.

II вариант (25 экз. - 48,17%) (рис. 4, 3). Горшки с оттянутым вверх краем венчика, на внутренней стороне которого фиксируется ложбинка.

III тип 112 экз. (62,22%) (рис. 5, 1-3). Низкие, приземистые, сильно профилированные сосуды. Диаметр их венчика (22-28 см) примерно равен или несколько превышает диаметр максимального расширения тулова. От круглого плечика стенки сосуда резко сужаются ко дну.

По оформлению венчика выделены 3 варианта горшков этого типа.

I вариант (80 экз. - 71,43%) (рис. 5, 1). Горшки с коротким, резко отогнутым наружу венчиком, край которого закруглен. На уровне плечиков у горшков этого варианта фиксируются небольшие (размерами 1,5x1,5 см) четырехугольные в разрезе сливы (длиной до 3,5 см).

II вариант (23 экз. - 20,54%) (рис. 5, 2). Горшки с резко отогнутым наружу и оттянутым вниз венчиком ("карниз").

III вариант (9 экз. - 8,03%) (рис. 5, 3). Горшки со слегка отогнутым наружу и оттянутым вверх венчиком.

В рассмотренной коллекции встречено 34 экз. (15,18%) мисок.

Особенности их формы и размеров позволили выделить 3 типа:

I тип (6 экз. - 17,6%) (рис. 4, 5). Широкие (диаметром 30-32 см), низкие (высотой 5-6 см) миски. Край венчика завернут наружу. Реконструирована 1 полная форма.

II тип (9 экз. - 26,5%) (рис. 4, 4). Миски средних размеров (диаметр венчика - 18 см). Стенки слегка сужаются ко дну, край венчика оттянут наружу с образованием на внешней стороне ложбинки.

III тип (19 экз. - 55,88%) (рис. 5, 4). Небольшие миски (диаметр венчика 13-14 см). Верхняя часть тулова имеет вертикальные стенки. Примерно на середине высоты тулова фиксируется ребро, от которого стенки резко сужаются ко дну.

В заполнении материковой ямы N 1 были обнаружены фрагменты других форм посуды:

- чашек (8 экз. - 3,57%). Удалось восстановить 1 полную форму (рис. 5, 5);

- чарок (3 экз. - 1,34%). Диаметр венчика - 8 см, диаметр дна - 3 см (рис. 5, 6);

- кувшинов (2 экз. - 0,89%) (рис. 4, 6, 7).

Для рассмотренной коллекции среди таких массовых категорий посуды как горшки и миски, характерно присутствие сосудов очень разных, несхожих форм.

I группа посуды (рис. 4) (горшки I типа, миски I, II типов, кувшины) изготовлена из бело- и красножгущихся глин с примесью крупнозернистого песка и имеет неоднослойный обжиг. Сосуды этой группы и морфологически и технологически близки к керамике предшествующего времени.

II группа посуды (рис. 5) (горшки II типа, миски II типа, чашки и чарки) изготовлена из хорошо отмученного теста, без видимых примесей. Вся керамика этой группы мореная и лощеная (лощение небрежное, в верхней части тулова). Керамика II группы, изготовленная в других технологических традициях, отличается специфическими формами горшков и мисок и присутствием таких форм посуды как чашки и чарки.

В керамическом комплексе, сформировавшемся между 30-ми гг. XVIII в. и 10-ми гг. XIX в., сосуществовали 2 группы керамики, различающиеся своими морфологическими и технологическими характеристиками. Очевидно, что посуда I группы имеет истоки в керамике предшествующего времени, посуда II группы не связана напрямую с местными традициями.

Для изученного комплекса характерно преобладание керамики II группы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Козлов А. Н. Отчет об охранных археологических исследованиях экспедиции КГОМ в г. Твери в 1990 г. // Архив ИА РАН. Р-1.

Тверской научно-исследовательский
историко-археологический
и реставрационный центр

Л. А. ПОПОВА

МЕЛКАЯ ПЛАСТИКА ТВЕРИ XIV ВЕКА

Каменные иконки древней Твери являются наименее известной и изученной группой произведений древнерусской мелкой пластики. В статье представлены 3 каменные образки из охранных археологических раскопов Твери, произведенных экспедицией Тверского государственного объединенного историко-археологического и литературного музея под руководством автора.

Первая происходит из раскопа 1985 г., расположенного на территории южной оконечности Тверского кремля.

Иконка из темно-зеленого, почти черного камня, с прямыми нижними углами и закругленными верхними, односторонняя. На камне вырезано поясное изображение святого анфас с согнутой перед грудью и высоко поднятой благословляющей правой рукой и Евангелием, которое он поддерживает левой рукой, прикрытой одеждой. Лицо немного вытянутое, почти круглое, дано довольно выпуклым рельефом, плавно сходящим к фону. Большие глаза обведены одной врезанной линией. На лбу святого имеются морщины, обозначенные двумя короткими врезанными горизонтальными линиями. Такими же врезанными линиями обозначены усы, округлая бородка дана мягко. Голова святого обрамлена волосами, которые показаны короткими штрихами. Рельефный нимб имеет двойную окантовку. На омофоре - два четырехконечных креста, на переплете Евангелия также четырехконечный крест. Одежда святого разделана врезанными линиями, местами с поперечной штриховкой. В целом, фигура хорошо вписывается в плоскость иконки, оставляя мало фона. Изображение не подписано, но в нем легко узнается Никкола по традиционному иконографическому типу. Размеры иконки: 2,0x1,5x0,4 см. Найдена в темном рыхлом гумусе (западная часть квадрата N 34) на глубине - 371, что соответствует 6 строительному горизонту [1, с. 43]. Дендрохронологическая дата 1294-1319 гг.

По опубликованным Т. В. Николаевой и А. В. Рындиной материалам, только две иконки из камня с изображением Николы вполне возможно определить как Тверские. Это двусторонняя иконка XIV в. из красного сланца с рельефными изображениями трех святых (в рост): Федора Стратилата, Козьмы и Демьяна на одной стороне и изображением поясной фигуры Николы на другой [2, табл. 51]. Форма иконки аналогична нашей, но размеры больше: 5,0x4,0x0,3 см. Поступила в 1933 г. из собрания неизвестного. По мнению Т. В. Николаевой, сторона иконки с тремя святыми принадлежит тому кругу произведений среднерусского происхождения, который связан с владими́ро-суздальской пластикой [2, с. 123]. Что же касается изображения Николы, то оно выполнено рукой совершенно другого мастера. Резьба иконки, найденной в 1985 г., заметно отличается от примитивной резьбы отмеченной выше иконки.

Вторая иконка из шифера, с изображением трех святых в рост: Николы, Федора Тирона и Федора Стратилата и благословляющего их Спаса Емануила (Москва, ГИМ, собрание Шукина). Размеры 4,3x3,3x0,4, XIV в.

А. В. Рындина определяет это произведение как тверское, т. к. Тверской Федоровский монастырь был посвящен Федору Тирону и Федору Стратилату. Т. В. Николаева считает это вполне возможным, но, по ее мнению, komponуется это произведение не с новгородской пластикой, а с той группой владими́ро-суздальской, к которой относится и предшествующая икона [3, с. 26].

Таким образом, найденная в Твери иконка с изображением Николая является единственной, принадлежность которой к Твери является бесспорной.

Вторая иконка из светло-серого камня, круглая, двусторонняя, с ушком для шнура, высеченным из этого же камня.

На одной стороне изображена погрудно фигура Иоанна. Неглубоким рельефом дано почти округлое скуластое лицо (монголоидного типа) с четко вырезанными выпуклыми узкими вытянутыми глазами, широкими бровями, удлиненным, резко расширяющимся носом и клиновидной бородакой, разделенной на пряди. На лбу - почти прямая линия морщины, волосы не обозначены. Разделка одежды дана частыми складками. Рельефный нимб дан двумя врезанными линиями. Иконку обрамляет неровно высеченная скругленная рамка, поднятая на высоту изображения.

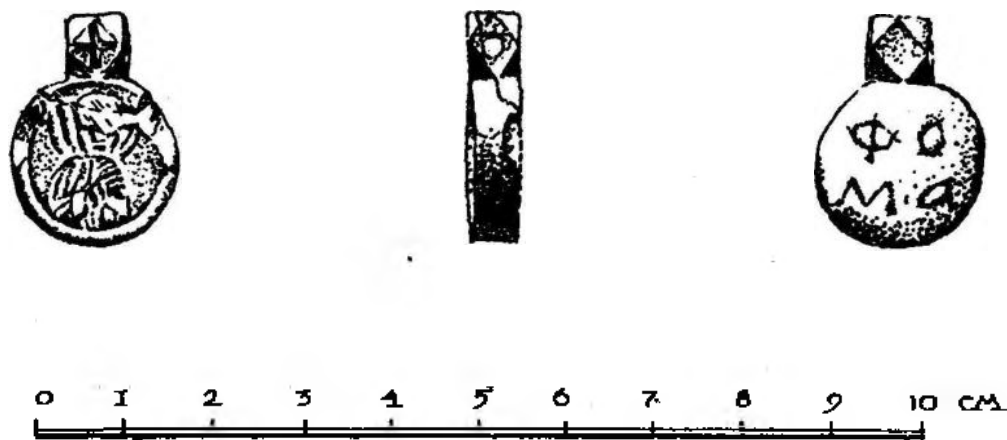

Рис. 1. Иконка нагрудная. Сланец. 1-я пол. XIV в.
г. Тверь

В целом изображение вписано в плоскость иконки не так идеально, как в предыдущей, вследствие чего рельеф нимба надо лбом почти сливается с контуром головы и рельефной рамкой.

На другой стороне в верхней части иконки резные буквы ΙΩ.

По иконографии святых это изображение Иоанна Предтечи. Рельефные складки одежды напоминают изображения власяницы на иконе с Иоанном Предтечей XV в.¹ Размеры образка: диаметр 1,8 см, толщина 0,6 см. Иконка найдена в охранном раскопе 1985 г., севернее бревна сруба N 8 (кв. 3), на глубине - 173, на уровне 2-3 строительных горизонтов. Дендрохронологическая дата 1372-1404 гг. [1, с. 16].

В каталоге Т. В. Николаевой опубликованы 6 каменных иконок XI-XIV вв. с изображениями Иоанна, из них 3 - с изображением Иоанна Предтечи. Иконография иконки из Твери не находит аналогий среди опубликованных материалов каменной пластики.

Третий каменный образец найден на территории Затьмацкого посада при охранных работах 1989 г. Обнаружен в заполнении плохо фиксируемой построй-

¹ Выражаю искреннюю признательность старшему научному сотруднику Тверской областной картинной галереи В. Ф. Герфшельд за научную консультацию.

ки, на глубине 149 (пл. 3, кв. 29). Диаметр 1,8 см, толщина 0,5 см. Иконка из светлорозового сланца (?), круглая, двусторонняя, с ушком для шнура, высеченным из этого же камня.

На одной стороне невысоким, скругленным к фону рельефом изображена погрудно фигура апостола Фомы. К сожалению, изображение лица почти утрачено, по контурам можно предположить его овальную форму, рот обозначен короткой прямой линией. Разделка одежды дана частыми линиями, положенными в разных направлениях. Рельефный нимб дан двумя врезанными линиями. Иконку обрамляет довольно широкая скругленная рамка, поднятая на высоту изображения. На ушке - четырехконечный крест в ромбе.

В целом, как и на иконке с изображением Иоанна Предтечи, фигура Фомы вписана в плоскость так, что рельеф нимба сливается с контурами головы и рельефной рамкой.

На другой стороне - резная двусторонняя надпись $\begin{matrix} \text{ФО} \\ \text{МА} \end{matrix}$.

Ближайшей иконографической аналогией может быть каменный образок из Торжка, найденный при раскопках экспедицией П. Д. Малыгина. Дендрохронологическая дата - 1333 г.²

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Попова Л. А.* Отчет об охранно-археологических исследованиях, проведенных в 1985 г. в г. Калинин на территории б. Тверского Кремля // Архив ИА РАН. Р-1.
2. *Николаева Т. В.* Древнерусская мелкая пластика из камня XI-XV вв. // САИ. 1983. Вып. Е1-60.

3. *Рылдина А. В.* Древнерусская мелкая пластика. М., 1978.

Тверской государственный объединенный историко-архитектурный и литературный музей

---

² Благодарю П. Д. Малыгина за предоставленную возможность познакомиться с материалом.

В. В. ХУХАРЕВ

К ВОПРОСУ ОБ ИЗОБРАЖЕНИЯХ СВЯТОГО МУЧЕНИКА НИКИТЫ, ИЗГОНЯЮЩЕГО БЕСА, НА КРЕСТАХ И ИКОНКАХ ИЗ ТВЕРИ

Среди находок, собранных в г. Твери на размываемых берегах рр. Волги, Твезы, Тьмаки, значительную группу составляют кресты с изображением св. муч. Никиты-бесонога. Подобные находки известны в Старице и ее округе, а также в Ржеве, Торжке и Белом Городке. Сюжет этот давно привлекал внимание исследователей. И. Н. Четыркин и Н. Г. Добрыкин сделали по этой теме доклады на X археологическом съезде в г. Риге в 1896 г. [1]. И. Н. Окунева подробно рассмотрела иконы с изображением св. Никиты-бесонога [2].

По мнению ряда исследователей (А. В. Рындиной, С. В. Гутовой), этот сюжет наиболее характерен для памятников новгородско-тверского круга XIV-XVI вв. [3]. Восходит он к Новозаветному апокрифу "Сказание о Никитиных мучениях" (Житие св. муч. Никиты, Никитино мучение), список которого был впервые открыт А. Н. Пыпиным и издан графом Кушелевым-Безбородко [4].

"Сказание..." известно в нескольких списках на греческом и славянских языках. Датируются они XII-XVI вв. В настоящей работе использовался список XVI в. бывшего Румянцевского музея, опубликованный Н. Тихонравовым [5]. В нем содержится рассказ о Никите, сыне императора Максимиана. История его уверования в Бога, описание перенесенных им мучений за веру, искушение его бесом¹, рассказ о его смерти и посмертных чудесах.

События в апокрифе развиваются следующим образом: пять раз подвергали пыткам Никиту, требуя от него отречься и послужить богам "кумирским". Но за безграничную веру Бог провел его невредимым через все муки. Закованным бросили его в темницу. Тут явился ему дьявол в ангельских одеждах и, выдавая себя за посланника Божьего, начал уговаривать послужить богам "кумирским".

Весь в сомнениях мученик обратился с молитвой к Богу, дабы тот помог ему разобраться. И явился ему архангел Михаил, дав совет подвергнуть "Божьего посланника" испытанию. Что Никита и сделал: "...простре... руку свою, и наступи на шею его... и снем оковы, яже бяху на ноге его... и бьюше дьявола оковами". Дьяволу пришлось несладко, и он признался в своих черных замыслах (Поручение Сатаны). Таким образом Никита избавился от дьявольского соблазна и укрепил свою веру.

Апокрифами в православии назывались произведения церковного содержания, непризнаваемые священными; рассматриваемый нами относится к Новозаветным. В своем отношении к ним РПЦ - прошла от их принятия (они пришли на Русь вместе с православием и были широко распространены) до полного запрещения, при этом часть их дозволялась для чтения, а часть попала в "Индекс" запрещенных книг уже в XVII в. Среди них мы и встречаем наше "Сказание..."

Почти за 600-летнее бытование сюжета о Никите он не оставался неизменным. В христианской культуре пошел процесс слияния всех демоноборцев (архан-

¹ Бес и дьявол в этом списке - слова-синонимы

гел Михаил, Исихаил, св. Дмитрий, св. муч. Никита Готский, св. муч. Никита - ма-
лазийский отрок) в единый образ победителя, символизирующий победу христи-
анства над силою язычества (дьяволом). Выразалось это в отходе от буквальной
иллюстрации текста апокрифа и приобретении демоноборцами ряда общих черт
(одежда, положение и т. д.).

Первый тип

1

2

3

Второй тип

7

4

5

6

8

9

10

Третий тип

11

12

13

14

Типы изображений св. муч. Никиты-бесогона: первый тип (рис. 1-3), второй тип (рис. 4-10),
третий тип (рис. 11-14)

К настоящему времени удалось выявить более 140 носителей изображений св. муч. Никиты. Среди них: рельеф с Дмитровского собора во Владимире (1197 г.), иконы (XVII-XVIII вв.), фреска (1502 г.), многочисленные каменные и металлические иконки и кресты, а также деревянная скульптура из Московского Кремля (нач. XVII в.).

В данной работе анализируются кресты и иконки-образки, происхождение которых связано с Тверью и ее округой.

1. Кресты с изображением святого мученика Никиты-бесогона

К настоящему времени известно 102 носителя. География находок довольно обширна: Калуга (7), Киев (4), Рязань (4), Смоленск (1). С тверским регионом связано 85 находок: Тверь (67), Старица (7), Белый Городок (5), Ржев (3), Торжок (1). Хранятся они в музеях Твери, Санкт-Петербурга и ряде частных коллекций².

Происходят кресты из подъемного материала в местах сильного разрушения культурного слоя (72), чаще всего это берег р. Волги и археологических раскопок (2).

Картографирование находок позволило выявить места их наибольшего скопления. Для Твери это Затьмацкий посад (район нового стадиона), единичные находки происходят из Кремля, Загородского и Затверецкого посадов и Барминовки. Кроме готовых изделий, среди рассматриваемых крестов 15 экз. не закончены изготовлением (у них не просверлено ушко, не спилены окалина и литики; есть по 2-3 креста, отлитые вчерне и соединенные между собой) или представляют собой брак (т. е. не долито ушко или один из концов). Они происходят из Затьмацкого посада (13 шт.) и Барминовской слободы (2 шт., дореволюционные сборы). С Затьмацким посадом связывают и находку целого комплекса вещей, по-видимому, из размытой мастерской меднолитейщика. Это 18 крестов (14 отлиты вчерне) и, кроме того, 2 небольших медных слитка (?). Найдены они были в XIX в. на берегу р. Волги против церкви св. Бориса и Глеба [6].

Кроме того, при археологических раскопках в Затьмацком посаде в 1990 г. (Е. В. Калинина и А. Н. Хохлов, раскоп N 7) было вскрыто несколько комплексов с отходами бронзо-литейного производства. Среди находок - бракованные крестики, фрагменты тиглей. Комплексы эти можно интерпретировать как остатки бронзолитейной мастерской³.

Три находки из Старицы происходят из слоя разрушающегося кладбища. По совместным находкам удельных монет их можно датировать XIV-XV вв. [7].

Находки из Белого Городка [5] тоже происходят из разрушающегося кладбища XVII в.⁴

Все рассматриваемые кресты делятся на две большие группы:

а) **наперсные кресты** (их носили поверх одежды) - наиболее крупные среди рассматриваемых (размеры: 88x58 мм, 48x30 мм, 27x17 мм). У нас их 10 экземпляров: Тверь - 6, Старица - 3, Торжок - 1. Изготовлены они, как правило, из сплавов и лишь один (из Торжка) - из кости.

Изображение св. муч. Никиты может находиться в центральной части креста, в нижней или на обороте. При многофигурной композиции помимо св. Никиты возможны и изображения Спаса Нерукотворного, св. Николы, Распятия, сюжеты 12 праздников.

По типологии эти кресты делятся на:

² Выражаю большую признательность В. Г. Терещенко за предоставленный материал.

³ Любезная информация Е. В. Калининой и А. Н. Хохлова.

⁴ Сообщение О. Н. Барабанова. Хранятся в частной коллекции.

- четырехконечные с прямоугольными концами (7 шт.). Большею частью не опубликованы. Впервые подобные кресты опубликовал А. К. Жизневский, ошибочно датировав XII-XIII вв. [6]. Современными исследователями они датируются XIV-XVI вв.

- четырехконечные с округлыми концами (3 шт.). По литературе известны как псевдоэнколпионы московского типа. Датируются XV-XVI вв. [8].

б/ нателные кресты. Имеют небольшие размеры: 22x15 мм, 22x11 мм (75 экз.). Изготовлены из медного и свинцово-оловянного сплава, биллона (?).

Изображение св. муч. Никиты (ввиду малого места, чаще всего условное) в центре. По бокам могут быть надписи: "НИКИ", "НИКИТА", "НИКИТИА". Основная масса происходит из Твери (66), также есть находки из Старицы (1), Белого Городка (5), Ржева (3). Кресты из Старицы и Белого Городка происходят из слоя разрушающегося кладбища.

Кресты-тельники могут быть как односторонние, так и двусторонние. На оборотной стороне чаще всего - охранная молитва к святому или животворящему кресту ("Кресту Твоему поклоняемся..."). Молитва, как правило, зашифрована в заглавных буквах (типа "ББББ" - "бич божий биетъ бесы").

По типологии они делятся на:

- четырехконечные с прямоугольными концами. Найдены в Твери, Ржеве, Старице по берегам р. Волги. Широко опубликованы А. К. Жизневским (датировал их XVI-VII вв.), Н. Ф. Романченко (датировал XIV-XV вв.), В. Г. Пуцко (датировал XVI в.) [8].

- четырехконечные со скошенными боковыми сторонами (2 экз.). Размеры одного из них 22x10 мм (не публиковался).

- четырехконечный крест с расширяющимися лопастями (типа пушечного или австрийского). Размеры (16x12 мм - обломан). Подобной формы кресты известны в Южной Руси [9].

С крестами в русской культуре связан целый комплекс поверий. Они были широко распространены среди населения. Изготавливали их из золота, серебра, дерева, кости, разных металлических сплавов, но более всего из медных. Хоронили чаще всего с медными или деревянными крестами, серебрянные и железные на покойника не надевали.

По преданию, наперсный крест с двумя (?) изображениями св. Никиты принадлежал Сергию Радонежскому (хранился впоследствии в Павло-Обнорском монастыре Вологодской губернии) [10].

Медные кресты даже в кон. XVI в. были весьма дороги и не всякому доступны, о чем мы находим упоминание в Житии преподобного Иринарха Ростовского (XVI в.) [11].

2. Образки и иконки с изображением святого мученика Никиты-бесогона

К настоящему времени известны 33 носителя изображения. Более чем у половины географическая привязка невозможна из-за их происхождения из частных дореволюционных собраний.

С Москвой связывают порядка 20 носителей, с Рязанью - 4, с Брянском - 1, Ростовом - 1, Тверью - 6 и со Старицей - 1. Хранятся большей частью в музейных собраниях. Изготавливались они из сланца с оправой в серебро, целиком из металла - серебра или медных сплавов.

Три сланцевые иконки связываются с Тверью предположительно, опираясь в основном на сюжет. Они прекрасно опубликованы [12], и разбирать их в данной работе не имеет смысла. Ограничимся лишь перечислением и датировкой:

1. Вознесение - Никита с бесом (XIV-XV вв.).
2. Успение - Никита с бесом (XIV-XV вв.).
3. Христос Пантократор - Никита с бесом (XIV-XV вв.).

Имеются сведения о наличии в частной коллекции в Твери бронзовой с эмалью иконки с Никитой-бесогоном (старобрядческая пластика кон. XVII-

XVIII вв.), а также о нахождении образка-тельника в Белом Городке и каменной иконки с Никитий в Кимрах в 60-70-х гг. XX в.⁵

Большой интерес вызывает иконка (образок-тельник) из Старицы. Автор находки датирует ее XIV-XV вв. (Н. Ф. Романченко) [7]. Аналогию ей удалось найти в Брянском музее (БОКМ, Инв. N 11381). Ее размеры 20x30 мм (старицкая - 23x25 мм), ушко граненое, святой в туникообразной одежде и плаще дубасит суковатой палкой (?) беса, наступив на него ногой. Происходит она из подъемного материала при археологических раскопках у с. Рябцево, датируется XVI в.⁶ Старицкая иконка найдена при одном из погребений кладбища XIV-XV вв. на берегу р. Волги, раскопанного Н. Ф. Романченко в 1896 г. [7].

Суммировав наблюдения над изображением св. муч. Никиты по этим двум группам находок, мы можем сделать следующие выводы.

Бытование этого сюжета на Руси, насчитывающее около 600 лет, требует рассмотрения его путем выделения трех компонентов: а/ изображение самого Никиты, б/ изображение беса (дьявола), в/ детали орнаментального изображения сюжета, положение Никиты и беса относительно друг друга. рассмотрим эти три компонента подробнее.

а) Никита изображается молодым (безбородым), средних или преклонных лет (согнутая спина, борода). Одежда св. мученика то короткополая (типа кафтана), перепоясанная, то длиннополая (типа монашеской рясы), в плаще или без него. Имеются изображения Никиты в латах и шлеме.

б) Бес (дьявол) почти всегда изображается в профиль, пытающимся вырваться из рук святого. Волосы у него вздыблены вверх в форме "колпака" (обычная прическа нечистой силы). Собственно за волосы святой его и держит. Тело дьявола нагое, за спиной бессильно повисшие крылья, руки вытянуты вперед, в одной из рук иногда жезл. Встречаются изображения беса в виде небольшого чертенка или чего-то похожего на короткокрылую курицу.

в) Сцена избияния беса св. мучеником может помещаться на фоне сложной архитектуры (темницы-?). Никита может бить беса как сидя, так и стоя, держа беса на весу или придавив одной ногой.

Учитывая датированные изображения Никиты на различных носителях и построив схему бытования сюжета от максимально приближенного к тексту "Сказания..." до почти полной потери связи с ним, мы получаем возможность уточнения существующей датировки (И. Н. Окунева, Т. В. Николаева) образов (избодов) св. мученика. У нас выделяется три типа образов.

1. Первый тип (рис. 1, 2, 3) наиболее близок к "Сказанию...". Святой в длинном одеянии сидит, привстает или стоит рядом со скамьей. Бес изображается человекоподобным. Святой избивает его кандалами. Датировка - XII-XV вв. Носители: энколпионы (XIII в.), кресты наперсные (XIV-XV вв.), кресты-тельники (XIV-XV вв.), иконки (XIV-XV вв.).

2. Второй тип (рис. 1, с. 4-10). Никита стоит. Одежда св. мученика может сильно варьировать. Бес чаще всего зайце- или курицеподобный. Избивает его св. мученик то вервием, то цепью, то скалкой (?) или суковатой палкой (вальком). Связь со "Сказанием..." начинает теряться. Носители: иконки (XV-XVI вв.), кресты наперсные (XV-XVI вв.), кресты-тельники (XV-XVI вв.). Старообрядческие иконки (XVIII-XIX вв.) сюда относятся как исключение (намеренная консервация древнерусских традиций).

3. Третий тип (рис. 1, 11-14). Изображение св. Никиты отличается большой условностью. Кроме того, наблюдается тенденция к слиянию образов всех демонобогцев в один. Святой может изображаться в воинском облачении. Дьявола (беса)

⁵ Любезное сообщение В. Г. Терещенко и О. Н. Барабанова, нахождение в настоящее время не известно.

⁶ Выражаю большую признательность М. В. Желудковой (БОКМ) за информацию и помощь в работе.

он может поражать даже крестным знаменем. Наблюдается почти полная потеря связи с текстом "Сказания..." Датируется тип XVII в. Носители: деревянная скульптура (нач. XVII в.), иконки (XVII-XIX вв.), иконопись (Калуга, XVII в.), крестики-тельники (XVII в.).

В заключение нужно подчеркнуть следующее:

- находки в Твери большого количества крестов (60%), общего числа известных изделий такого рода полуфабрикатов и брака с изображениями св. муч. Никиты-бесогона, зафиксированные остатки бронзолитейных мастерских, отсутствие находок подобных крестов в Новгороде - все это позволяет отнести памятники, приписываемые ранее новгородско-тверскому кругу, преимущественно к тверским древностям;

- находки наперсных крестов и тельников под Старой Рязанью [8], в Калуге, Киеве, Ржеве, а также иконок-тельников в Старице, Белом Городке и Брянской области можно считать произведениями тверского круга. А подобное широкое распространение находок (например, находка под Ст. Рязанью и др.) считать показателем развития торговых связей;

- бытование сюжета со св. муч. Никитой имеет следующие временные границы: каменный рельеф на западной стене Дмитровского собора во Владимире (1197 г.) - старообрядческие иконки (XVIII-XIX вв.). Период наибольшего распространения - 2-я пол. XIV-1-я пол. XVI вв.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Четыркин И. Д.* К вопросу об изображениях великомученика Никиты // Тр. X археол. съезда. Протоколы. Т. III. М., 1900.
2. *Добрышкин Н. Г.* Об иконографических формах влкм. Никиты // Там же.
3. *Окунева И. Н.* Икона св. Никиты, избивающего беса // *Seminarium Kondakovianum VII*. Прага, 1936.
4. *Гнутова С.* "Крест святой, надежда искупления моего..." // Декоративное искусство. 1990. № 12.
5. *Ложные и отреченные книги русской старины.* Вып. 3. Спб, 1862.
6. *Тихонравов Н.* Житие муч. Никиты // Памятники отреченной русской литературы. Т. II. М., 1863.
7. *Жуаневский А. К.* Кресты // Описание Тверского музея. Археологический отдел. М., 1888.
8. *Романченко Н. Ф.* Образцы старинного литья // МРИ. Л., 1928. Т. 1.
9. *Даркевич В. П., Пуцко В. Г.* Произведения средневековой металлопластики из находок в Ст. Рязани // СА. 1981. № 3.
10. *Хаченко Б. И. и В. Н.* Древности русские. Кресты и образки. Вып. 2. Киев, 1990.
11. *Кунцицкий В. А.* Предметы художественной пластики из Белгорода-Днестровского // Земли Южной Руси в IX-XIV вв.: Сб. науч. тр. Киев, 1985.
12. *Четыркин И.* Иконографические формы св. влкм. Никиты Готского и объяснения значения этих изображений // Изв. КУАК. 1898. Т. 1. Вып. 7-8.
13. *Перетц В. Н.* О некоторых основаниях для датировки древнерусского медного литья. Л., 1933. Вып. 73.
14. *Попов Г. В., Рындина А. В.* Живопись и прикладное искусство Твери XIV-XVI вв. М., 1979.

Тверской научно-исследовательский
историко-археологический
и реставрационный центр

О. М. ОЛЕЙНИКОВ, Т. И. ОЛЕЙНИКОВА

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ НЕКОТОРЫХ ТИПОВ ВЕРХНЕВОЛЖСКИХ СТЕКЛЯННЫХ БУС

Исследованию стекла средневековых бус, распространенных на территории Древней Руси, посвящен ряд работ, в которых изучение их химического состава базировалось в основном на спектральном анализе [1, с. 29]. В практике современного исследования все большее значение приобретают локальные методы, среди которых одно из ведущих мест занимает рентгеновский микроспектральный анализ, использованный в данной работе. Исследования производились на новейшем приборе "Microbeam" одним из авторов настоящей статьи.

Применение рентгеновского микроспектрального анализа для разноцветных бус представляет особый интерес, т. к. позволяет провести количественный анализ отдельных цветных зон, не разрушая самого образца. Непосредственное наблюдение поверхности исследуемой бусины в растровом электронном микроскопе, которым оснащен рентгеновский микроанализатор, дает дополнительную информацию о структуре поверхности, наличии микровключений, их характере и размере. Точные качественные и количественные химические характеристики стекол позволяют с достаточной точностью определить место производства бус.

Для настоящего исследования взяты бусы, наиболее распространенные на древнерусских памятниках в верховьях р. Волги: лимонovidные разных цветов (рис. 1, 1; табл. 1, 1-15), бисер рубленый желтый (рис. 1, 2; табл. 1, 21, 22), глазчатые пастовые (рис. 1, 3; табл. 1, 51-59), зонные синие (рис. 1, 13; табл. 1, 23-24), ягодовидные синие (рис. 1, 4; табл. 1, 41-45), призматические синие (рис. 1, 5; табл. 1, 35-40), битрапиевидные синие (рис. 1, 6; табл. 1, 46-48), золотостеклянные бочонковидные и золотостеклянные цилиндрические (рис. 1, 7, 8; табл. 1, 49, 50), ложнозолотостеклянные лимонovidные (рис. 1, 9; табл. 1, 16-19), эллипсоидальные черные с поперечной белой инкрустацией (рис. 1, 10; табл. 1, 20).

Количественный анализ стекла большинства исследуемых бус проводился по 15 элементам (SiO_2 ; CaO ; MgO ; Na_2O ; PbO ; Al_2O_3 ; FeO ; K_2O ; MoO_3 ; MnO ; SbO ; CoO ; SnO ; SiO), что позволило более точно сравнивать химические типы стекла не только по основным стеклообразующим, но и вспомогательным элементам, которые входят в составы красителей, глушителей и обесцвечивателя. Анализ бус приведен в таблице 1.

Исследуемые стекла, по содержанию в них основных стеклообразующих элементов, можно разделить на три группы. В первую входит стекло бус следующих типов: лимонovidные разных цветов, бисер рубленый, синие зонные, ягодовидные синие, призматические синие, золотостеклянные бочонковидные и цилиндрические, эллипсоидальные черные с поперечной инкрустацией, глазчатые желтые. В этом стекле $\text{K}_2\text{O}/\text{CaO} < 1$.

Ко второй группе относится глухое темное стекло глазчатых бус, в которых $\text{K}_2\text{O}/\text{CaO} > 1$.

Третья группа представлена синим глухим стеклом битрапиевидных бус, изготовленных с помощью навивки, в которых диаметр больше высоты в два раза.

Класс двух первых групп стекол - $\text{K}_2\text{O} \cdot \text{CaO} \cdot \text{SiO}_2$. Класс третьей группы $\text{K}_2\text{O} \cdot \text{PbO} \cdot \text{SiO}_2$.

Химический тип двух первых групп - $\text{K}_2\text{O} \cdot \text{Na}_2\text{O} \cdot \text{CaO} \cdot \text{MgO} \cdot \text{SiO}_2 \cdot \text{Al}_2\text{O}_3$, а третьей - $\text{K}_2\text{O} \cdot \text{CaO} \cdot \text{MgO} \cdot \text{PbO} \cdot \text{SiO}_2$.

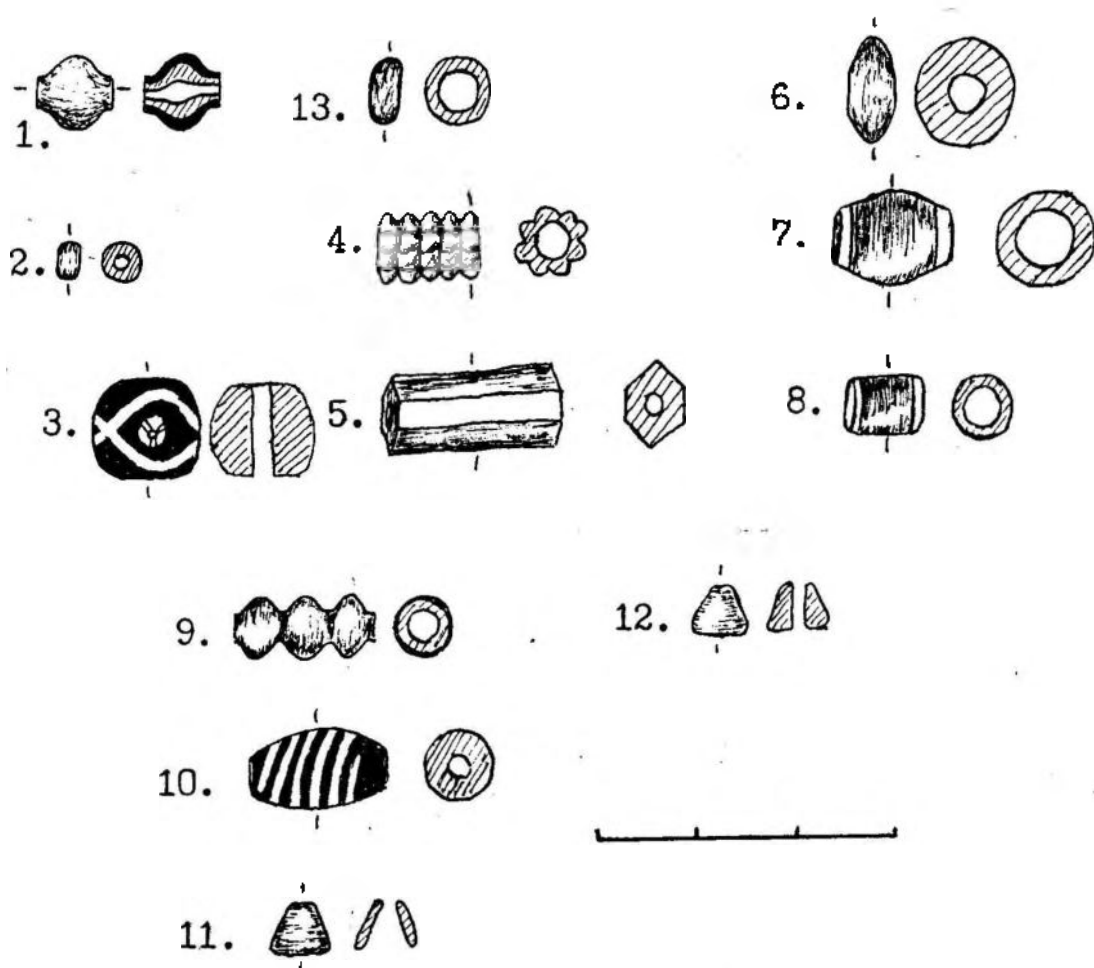

Рис. 1. Типы стеклянных разноцветных бус из средневековых памятников верхней Волги

Первые две группы стекла (почти все исследованные типы бус) изготовлены по одной технологии с применением золы, на что указывает присутствие K_2O [1, с. 29]. Отличие первой группы от второй заключается только в изменении рецептурной нормы (соотношение легкоплавких фракций R_2O/RO). 1 группа - $R_2O/RO < 1$, 2 группа - $R_2O/RO > 1$.

Третья группа стекол изготовлена с помощью поташа и окиси свинца.

Определение состава шихты для всего стекла проводилось следующим образом. Из первой группы в качестве образца был взят наиболее распространенный тип бус - желтые лимонovidные. Стекло, из которого они изготовлены имеет следующие основные стеклообразующие: $SiO_2 \cdot K_2O \cdot Na_2O \cdot CaO \cdot MgO$. Присутствие K_2O в составе стекла может свидетельствовать о применении золы. В настоящее время проведено большое количество анализов химического состава золы различных растений. Так как отношение щелочей в золе равно их отношению в стекле, изготовленном на основе этой золы, то искомой золой будет та, в которой соотношение содержащихся щелочей и щелочных земель будет равно определенному их соотношению в стекле. К исследуемому стеклу более всего подходит зола хвойных растений [2, с. 213; 3, с. 49, табл. 6], в которой соотношение щелочей равно их соотношению в стекле лимонки.

Нам известна древняя рецептурная норма золыстого стекла по производству Теофила. Стекло по этому рецепту изготовлялось из одной части песка и двух частей золы бука. Произведенный М. А. Безбородовым эксперимент по изготовлению стекла по этому рецепту дал следующие результаты: содержание щелочей и щелочных земель в золе бука к их содержанию в стекле определяется как 2:13 [3, с.

54]. В нашем случае содержание щелочей и щелочных земель в золе хвойных растений к их содержанию в исследуемом стекле также равно приблизительно 2:1. Следовательно, можно предположить, что данное стекло изготовлялось из двойной шихты по рецепту: 1 часть песка + 2 части золы хвойных деревьев или других растений с аналогичным химическим составом. Можно предположить, что стекло изготовлялось из тройной шихты (песок + зола + доломит), но т. к. магнезия в исследуемом стекле довольно мало, то присутствие доломита в шихте было бы незначительным (около 1%), что можно отнести к естественной примеси последнего в песке.

Вторая группа стекла была изготовлена по аналогичному составу шихты с добавлением калийсодержащих пород, которые, возможно, входили в краситель.

Третья группа стекла, класса $K_2O \cdot PbO \cdot SiO_2$, имеет следующие основные стеклообразующие: SiO_2 , K_2O , PbO , CaO , MgO . В производстве стекла данного класса использовали песок, поташ, сурик и доломит. В исследуемом стекле битрапиевидных синих бус содержание K_2O = 18%; PbO = 15%; SiO_2 = 60%; $MgO + CaO$ = 4%. Зная процент "утара" для этих стеклообразующих (табл. 2), можно вычислить весовой процент шихты по основным стеклообразующим: SiO_2 = 54%; PbO = 13,7%; $CaCO_3$ $MgCO_3$ = 7,2%; K_2CO_3 = 23,4%. Производство стекла третьей группы происходило, по мнению ряда исследователей, в мастерских Древней Руси и датируется не позже XI в. н. э. [1, с. 183].

В результате проведенных исследований можно предположить, что первые две группы стекол были изготовлены в одном центре, по одной технологии и приблизительно в одно время. Третья группа стекол была изготовлена по принципиально другой технологии, с применением других легкоплавких фракций шихты, но наличие относительно большого процента окиси молибдена в химическом составе всех исследуемых групп стекол дает основание думать, что песок, примененный для варки третьей группы стекол, был аналогичен песку, примененному в первых двух группах.

Качественно-количественная характеристика стекла по 15 элементам позволила определить роль вспомогательных элементов.

В первых двух группах присутствует большое количество окиси алюминия. Известно, что добавление глинозема в шихту способствует провару и осветлению стекломассы. Глинозем также повышает химическую стойкость стекла, что наглядно показывает отличная сохранность бус; улучшает химическую прочность и увеличивает твердость стекла [4, с. 276]. В данном случае алюминий попал, вероятно, с песком в качестве примеси.

Для обесцвечивания исследуемого стекла использовали окись марганца (Mn_2O_3), что наглядно показано на примере внутренней прозрачной зоны желтой лимоновидной бусины (табл. 1,12).

В качестве красителей применялись разнообразные соединения металлов. Проведенные анализы позволили определить некоторые виды красителей, возможно, примененные для окраски разноцветных бус.

Так, для образования устойчивого желтого цвета в лимоновидных бусах применялась окись свинца.

Окраска стекла разнообразными оттенками синего цвета осуществлялась а/ закисью (CoO) или окисью (Co_2O_3) кобальта (окраска в данном случае не зависит от режима варки);

б/ молибденовым ангидридом (MoO_3);

в/ закисью железа (FeO);

г/ окисью марганца (MnO);

д/ 1-2% окисью меди;

е/ сочетание окиси меди, марганца и железа.

Окраска стекла разнообразными оттенками зеленого цвета осуществлялась:

а/ соединением меди в виде закиси (Cu_2O) и окиси (CuO);

б/ окисью меди (CuO) и железа (Fe_2O_3) или хрома (Cr_2O_3);

в/ закись-окисью железа (Fe_3O_4);

- г/ группой окиси меди (SiO), марганца (MnO) и железа (FeO);
- д/ окисью свинца (PbO), олова (SnO) и меди (SiO);
- е/ двуокисью молибдена (MoO₂).

Окраска стекла красным цветом осуществлялась:

- а/ окисью железа (Fe₂O₃) с окисью меди (SiO);
- б/ окисью свинца (PbO), железа (Fe₂O₃) и меди (SiO).

Окраску стекла черного цвета придавали:

- а/ окись железа (Fe₂O₃);
- б/ окись железа с окисью марганца (Fe₂O₃ + MnO).

По микровключениям, обнаруженным в стеклянной массе бус, можно определить непосредственные примеси, вносимые при варке цветного стекла. Так, при варке желтого глухого стекла глазчатых бус применяли различные вещества, одно из которых состоит из окиси свинца и олова, другое - из окиси железа, меди и магния. При варке зеленого глухого стекла глазчатых бус применяли вещество белого цвета, содержащее окись железа, свинца, алюминия и кальция (табл. 1, 59).

Инкрустация эллипсоидальной черной бусины состоит из окиси олова, свинца, натрия, кремния (табл. 1, 20).

Из всего изложенного можно предположить, что на цвет стекла влияет не только вносимый химический элемент или комбинация элементов, но и степень валентности этих элементов.

Исследуемое стекло бус обладает химической неоднородностью, что видно по произведенному количественному анализу в четырнадцати точках лимонovidной двухслойной желтой бусины (табл. 1, 12). Из этого можно сделать вывод, что при варке стекла в средние века состав шихты был неоднороден, температура и длительность варки незначительна.

Для определения места и времени изготовления исследуемых типов бус следует обратиться к опубликованным исследованиям средневековых бус из различных регионов. Аналогии химических составов и форм изучаемым бусам обнаруживаются на средневековых памятниках Дании, Польши и других западноевропейских государств. В таблицах 3 и 4 приведены примеры химического состава стекла из этих памятников, датируемых IX-XIII вв. На памятниках средневековья Юго-Восточной Европы и Ближнего Востока преобладает стекло с большим содержанием окиси натрия (NaO) (натриевые стекла), что не дает основания предполагать изготовление верхневолжских бус в крупных центрах Византийской империи и Ближнего Востока.

На табл. 5 показано изменение химического состава стекла Западной Европы в IX-XIII вв. Так в IX - нач. X вв. н. э., существовало два класса стекла: а) Na₂O-CaO-SiO₂; б) K₂O-CaO-SiO₂. Отличие их друг от друга только в содержании окиси натрия, что связано, по всей видимости, с применением золы различных растений.

В X - нач. XI вв. н. э. вместе с этими двумя классами стали существовать стекло класса PbO-SiO₂, который стал основным в XI в. н. э.¹

На производство стекла на севере Европы указывают мастерские в ряде городов (Щецин, Волин, Крушвица, Ополе). Так, в Щецине при раскопках стеклодельной мастерской сер. IX-X вв. н. э. на тиглях обнаружены капли стекла, химический класс которого K₂O-CaO-SiO₂. Обнаружены также отдельные капли стекла, датируемые нач. X в. н. э., химический состав которых совпадает с химическим составом верхневолжских бус (табл. 4). В связи с этим можно проследить путь попадания разнообразных бус из Западной Европы через Ладугу и Новгород в район Верхней Волги. Пока в поле исследования попали бусы класса K₂O-CaO-SiO₂, производство которых закончилось, вероятно, в XI в. н. э. Бусы класса PbO-SiO₂

¹ Выводы базируются на сравнительно небольшом количестве анализов. Необходимы дальнейшие исследования для их подтверждения.

Химический состав бус (селище „Благовещение“, Тверская обл., Ржевский район)

Тип бус	SiO ₂	CaO	MgO	K ₂ O	Na ₂ O	PbO	Al ₂ O ₃	FeO	MoO ₃	MnO	SbO	CoO	SnO	CuO
1. Лимоновидная синяя	77.1	8.11	2.94	4.23	4.17	0.04	2.12	1.04	0	0.89	0	0.29	0.99	
2. Лимоновидная синяя	77.3	7.21	2.97	4.20	4.55	0	2.55	1.04	0.93	0.44	0	0	0	
3. Лимоновидная синяя	77.7	8.03	1.90	4.66	4.65	0	1.83	0.70	0.59	0.41	0	0	0.01	
4. Лимоновидная синяя	75.9	18.9	0.41	1.89	1.89	0	0	0.96	0.31	0.10	0	0	0	
5. Лимоновидная синяя	80.3	7.21	3.70	3.83	1.19	0	7.52	0.13	0.57	0	0	0.13	1.29	
6. Лимоновидная синяя	80.5	8.69	2.38	3.62	3.29	0.01	2.80	0.59	0.48	0.36	0	0.06	0.46	
7. Лимоновидная синяя	80.4	7.72	3.26	2.77	3.69	0	1.07	1.23	0.10	1.06	0	0.20	0	
8. Лимоновидная синяя	80.3	8.22	3.39	2.90	3.56	0.41	0.43	1.10	0.18	0.84	0	0.05	0	
9. Лимоновидная синяя	79.5	7.69	3.57	2.51	3.60	0	0.52	1.36	1.09	0.45	0	0	0	
10. Лимоновидная синяя	80.0	8.26	3.74	2.72	3.95	0	0.68	1.68	0.54	0.69	0	0.07	0	
11. Лимоновидная синяя	80.3	7.97	3.49	2.72	3.71	0.10	0.68	1.34	0.34	0.50	0	0.08	0	
12. Лимоновидная желтая двух-слойная:														
— внутр. прозр. слой														
а)	68.1	9.05	4.68	5.68	1.51	0.21	4.80	2.43	1.19	2.14				
б)	65.3	7.87	4.33	6.23	3.19	0	6.44	0	5.09	1.50				
в)	66.1	10.9	5.14	7.27	4.88	0	4.12	0	0.79	0.71				
г)	67.5	8.14	4.80	5.75	3.70	1.75	3.72	2.85	0	1.73				
д)	66.1	10.1	4.15	8.33	1.69	0	8.67	0.07	0	0.88				
е)	67.3	8.22	4.91	7.09	3.93	0	5.99	0	1.50	0.99				
ж)	66.7	9.04	4.68	6.76	3.76	0.15	5.33	0.63	0.89	1.33				
— внешн. желтый слой														
а)	60.1	7.56	7.55	3.15	4.37	11.0	2.56	0.35	2.17	1.00				
б)	58.1	7.68	5.23	4.63	3.69	11.7	5.34	2.28	0	0.95				
в)	62.1	6.50	7.13	5.23	3.17	8.81	3.36	0	2.67	1.00				
г)	59.6	7.02	5.09	6.08	3.24	12.1	3.48	0.99	0.36	1.85				

Тип бус	SiO ₂	CaO	MgO	K ₂ O	Na ₂ O	PbO	Al ₂ O ₃	FeO	MoO ₃	MnO	SbO	CoO	SnO	CuO
д)	62.3	10.3	3.26	6.19	5.21	6.91	4.71	1.37	0.28	0.33				
е)	60.5	7.88	5.17	5.28	3.83	9.88	4.23	1.49	0.83	1.03				
— ярко-желтое включение	4.4	4.55	0	0	0	79.4	4.44	4.10	0	2.83				
13. Лимоновидная желтая	65.2	5.31	3.64	4.64	7.26	10.5	3.98	0.98	0	0.89	0	0	0.25	
14. Лимоновидная разноцветная	70	6	3	5	4	след	2	1	0.5	0.5				*
15. Лимоновидная полосатая	69.4	4.31	1.07	5.59	3.83	8.89	2.10	2.71	0.14	0	0	0.05	0.91	1.72
16. Лимоновидная ложнозолотостеклянная														
— внешняя зона	80.0	6.76	4.03	2.57	3.71	0	0.75	0.33	0.77	0.87	0	0	0	0.15
— внутрен. зона	79.3	6.41	5.62	2.91	3.10	0	0.96	0.51	0.59	0.59	0	0	0	0
17. Лимоновидная ложнозолотостеклянная														
— внешняя зона	76.6	7.48	5.01	2.29	3.35	0	2.36	0.37	1.03	0.73	0	0	0	0.48
— внутрен. зона	80.1	6.49	4.99	2.43	3.78	0	0.02	0.56	0.96	0.63	0	0	0	0
18. Лимоновидная ложнозолотостеклянная														
— внешняя зона	77.8	7.09	5.00	2.82	3.61	0	1.31	0.52	1.20	0.56	0	0	0.19	0.43
— внутрен. зона	79.8	6.45	5.31	2.67	3.44	0	0.50	0.54	0.78	0.61	0	0	0	0
19. Лимоновидная ложнозолотостеклянная														
— внешняя зона	78.4	7.11	4.69	2.56	3.56	0	1.48	0.41	1.00	0.72	0	0	0.06	0.33
— внутрен. зона	80	6	5	2.5	3.5	0	1	0.5	0.5	0.5	0	0	0	0*
20. Эллипсоидная черная с белой инкрустацией														
— черное стекло	75.8	6.14	2.97	3.01	3.94	0	2.31	2.43	1.48	1.37	0	0.03	0	0
— белая инкрустация														
а)	21.5	0	0.67	0	3.02	9.64	4.51	0.40	0	0.09	0	0.16	59.4	0.61
б)	24.5	0	0	0	2.42	9.88	0.89	0.13	0	0.34	0	0	61.5	0.26
в)	23.0	0	0.34	0	2.72	9.76	2.71	0.27	0	0.22	0	0.08	60.4	0.43

* Полуколичественный анализ

Тип бус	SiO ₂	CaO	MgO	K ₂ O	Na ₂ O	PbO	Al ₂ O ₃	FeO	MoO ₃	MnO	SbO	CoO	SnO	CuO
21. Бисер рубленый зеленый	70.5	4.37	1.91	5.90	3.49	5.79	3.13	1.05	0.29	0.40	0	0.03	1.40	1.69
22. Бисер рубленый черный	73.0	4.80	0.58	6.51	3.93	0.23	4.41	2.22	1.07	0.11	0	0.11	2.48	0.11
23. Зонная синяя	81.7	14.7	0.5	1.6	0.5	след	2	1	след	след	0	след	след	*
24. Зонная синяя	84.0	11.7	0.3	0.6	0.7	след	2	1.2	след	след	0	след	след	*
25. Зонная синяя	78.1	10.6	2.10	1.48	4.28	0.31	0.79	1.51	1.34	0.10	0	0.25	0	
26. Зонная синяя	79.1	11.1	1.20	2.04	4.75	0	0.53	1.33	0.98	0.13	0	0.01	0.79	
27. Зонная синяя	78.2	10.5	1.01	1.76	4.02	0	1.21	1.36	2.17	0.09	0	0	0	
28. Зонная синяя	79.4	10.7	0.75	1.76	4.05	0.10	0.84	1.40	1.50	0.11	0	0.08	0.26	
29. Зонная синяя	80.4	7.30	2.52	0.81	0.26	0	3.14	0	3.16	2.36				
30. Зонная синяя	80.0	7.65	1.19	0.23	0.01	0	2.53	2.59	4.58	1.15				
31. Зонная синяя	83.6	5.86	1.82	1.09	0.80	0.99	2.58	2.61	0	0.07				
32. Зонная синяя	83.1	6.39	1.89	1.72	0.77	3.04	1.72	0.13	0	1.13				
33. Зонная синяя	83.2	8.01	1.96	0.10	0.77	0	3.06	1.85	0	0				
34. Зонная синяя	83.9	6.59	1.49	0.50	0.38	0.66	2.27	1.83	1.41	0.80				
35. Призматическая синяя	89.0	3.8	1.3	2.8	0.7	0	1.5	0.9	след	0.5	0	след	0	*
36. Призматическая синяя	89.0	5.8	1.4	2.7	0.8	0	1.5	0.9	след	0.4	0	след	0	*
37. Призматическая синяя	82.9	5.42	5.88	3.09	4.03	0	0.79	0.93	1.63	0.25	0	0.18	0	
38. Призматическая синяя	82.6	4.93	4.89	2.77	4.53	0	0	0.56	1.19	0.7	0	0.17	0	
39. Призматическая синяя	82.9	5.15	5.76	2.74	4.58	0	0.25	0.98	1.75	0.53	0	0.26	0	
40. Призматическая синяя	82.5	5.17	5.51	2.87	4.38	0	0.34	0.82	1.58	0.49	0	0.20	0	
41. Ягодovidная синяя	80.	7.	0.8	0.5	4.8	0								*
42. Ягодovidная синяя	80.5	7.81	0	0.50	4.00	0	0	1.32	0	0.07	0.80	0	0.64	
43. Ягодovidная синяя	81.0	8.20	0	1.10	4.34	0	0.22	1.31	1.64	0.31	0	0	0.47	
44. Ягодovidная синяя	80.9	7.53	0	0.71	4.05	0	0	1.27	1.20	0.25	0	0	0.28	
45. Ягодovidная синяя	80.8	7.85	0	0.77	4.13	0	0.07	1.30	0.95	0.21	0.25	0	0.47	
46. Битрапециевид- ная синяя	63.7	2.99	0.38	17.9	0.01	15.0	0.19	0.01	0.01	0.18	0.01	0.17	0.01	

Тип бус	SiO ₂	CaO	MgO	K ₂ O	Na ₂ O	PbO	Al ₂ O ₃	FeO	MoO ₃	MnO	SbO	CoO	SnO	CuO
47. Битрапиевидная синяя	58.2	2.85	1.25	18.3	0.44	16.1	0.60	0.68	0.68	0.01	1.29	0.01	0.41	
48. Битрапиевидная синяя	60.4	2.36	0.54	17.4	0.43	14.9	0.20	0.07	3.74	0.04	0.01	0.12	0.57	
49. Бочковидная золотостеклянная (большая)	80.	11.	0.7	5.	1.3	след	1.							*
50. Цилиндрическая золотостеклянная	80.	6.	1.2	4.	1.	след	1.5							*
51. Глазчатая желтая	62.3	4.67	2.32	3.4	3.41	18.1	2.32	0.64	0	1.13	0	0.07	0.86	0
— включения в виде белых волокон	21.6	2.86	0.92	0.46	2.71	55.4	0.67	0.94	0	0.31	0	0.19	13.6	0.29
— включение белого цвета	17.3	1.46	0.21	0.95	1.71	60.0	0.18	0.41	0	0	0	0.05	17.4	0.15
— включение ярко-белого цвета	0.7	0.07	4.80	0	0	0	0.32	60.6	0	0.78	0.44	0	0.31	16.3
52. Глазчатая черная с зеленой и желтой инкрустацией														
— черный	73.8	4.58	0.83	6.31	4.85	0	4.55	1.43	1.31	0	0	0.21	2.09	1.01
— зеленый	73.5	5.49	1.08	6.26	4.72	0	4.90	1.48	0.96	0	0	0	0.24	0.25
— желтый	60.1	6.68	6.23	4.65	3.71	12.5	5.30	2.61	0.12	0.23	0	0	0.15	0.02
53. Глазчатая черная	73.0	5.01	0.32	6.69	4.99	0.45	4.27	1.01	0.82	0.23	0	0	2.88	0.22
54. Глазчатая черная с красной инкрустацией														
— черный	77.6	4.30	1.75	6.25	4.31	0	3.75	0.89	1.14	0	0	0	0	0.01
— красный	75.1	4.87	1.29	7.59	3.35	0	2.36	2.23	0	0.04	0	0	0	0.45
55. Глазчатая черная с красной инкрустацией														
— черный	77.4	4.42	0.31	7.61	4.39	0	3.02	1.32	0.09	0.14	0	0.05	1.10	0
— красный	74.0	5.61	1.73	7.50	3.43	0	3.06	2.17	1.19	0.04	0	0.07	0.96	0.26
56. Глазчатая черная с красной инкрустацией														
— черный	77.9	4.36	1.03	6.94	4.35	0	3.39	1.11	0.62	0.07	0	0.03	0.03	0.01
— красный а)	72.0	4.59	1.61	7.51	3.85	0.24	3.46	3.09	0.73	0.18	0	0.07	1.83	0.72
б)	74.5	5.03	1.54	7.54	3.55	0	2.97	2.50	0.64	0.09	0	0.05	0.93	0.48

Тип бус	SiO ₂	CaO	MgO	K ₂ O	Na ₂ O	PbO	Al ₂ O ₃	FeO	MoO ₃	MnO	SbO	CoO	SnO	CuO
57. Глазчатая зеленая с черной и красной инкрустацией														
— зеленый	66.7	4.95	1.30	6.50	3.94	8.20	3.40	1.05	0.83	0.22	0	0	1.99	0.90
— черный	77.0	5.21	0.37	6.41	4.86	0	3.18	1.29	0.20	0	0	0.02	0.91	0.47
— красный	68.7	4.32	1.50	5.48	3.49	9.24	2.37	2.25	0.32	0	0	0.09	0.56	1.59
58. Глазчатая зеленая с черной и красной инкрустацией														
— зеленый	69.3	4.24	1.67	5.99	3.10	8.47	3.11	1.05	0.02	0.54	0	0.08	0.03	2.32
— черный	75.5	5.25	0.98	7.14	4.24	0	3.69	1.13	0.11	0	0	0	1.93	0.01
— красный	67.9	3.95	1.95	5.55	3.67	8.28	3.00	3.42	0.22	0	0	0.07	0.68	1.24
59. Глазчатая зеленая с черной и красной инкрустацией														
— зеленый	66.5	3.90	2.75	5.21	3.43	8.88	2.87	1.02	0.01	0.43	0	0	2.18	2.73
— черный	76.2	5.24	0.68	6.78	4.55	0	3.44	1.22	0.16	0	0	0.01	1.42	0.42
— красный а)	69.4	4.20	0.22	5.45	4.05	9.07	1.01	3.20	0	0	0	0	1.07	1.66
б)	68.1	4.74	0.59	5.88	4.09	8.30	1.40	2.74	0	0	0	0.04	1.35	2.38
— включения:														
а) белое	0.59	0.01	3.20	0.07	0.90	0	0.77	84.3	0.26	0	0	0	0	0.56
б) белое	0.44	0.25	2.36	0.10	0	0	0	82.5	0.17	0.34	0.7	0	0.64	1.78
в) белое	0.52	0.13	2.78	0.09	0.45	0	0.38	83.4	0.22	0.17	0.4	0	0.30	1.17
г) синие	46.7	13.5	1.16	2.97	0.38	0.71	10.5	23.3	0.51	0.11	0	0	0	0.46
д) светло-синие	54.7	3.18	0.12	5.31	5.55	11.1	6.71	11.6	0	0.19	0	0	0.81	0.71

Таблица 2

Правила „угара“ для стеклообразующих [6, с. 57]

Материал	Формула	Переход в стекло, вес в %	Угар, вес, %
1. Доломит	CaCO_3 MgCO_3	52	48
2. Поташ	K_2CO_3	68	32
3. Свинцовый сурик	Pb_3O_4	98	2

Таблица 3

Химический состав „гладилок“ [7, с. 146, 174]

Гладилка	SiO_2	CaO	MgO	K_2O	Na_2O	PbO	Al_2O_3	FeO	MnO
1. Из Штурмана (кон. 1X-X в.в.)	59	11	5	18	0,5	0,01	2	1	0,8
2. Из Хаитхабу									
а)	60	12	4	14	1,8	—	2	—	—
б)	61	17	4	11	0,8	—	2	—	—

Химический состав стекол из Болгарии, Польши и Дании
[7, с. 54, 71, 96, 109, 146, 174-175, 180, 184, 187, 210, 214, 222, 235, 249, 301, 312]

Место находки	Дата	SiO ₂	CaO	MgO	K ₂ O	Na ₂ O	PbO
1. Стекло. Преслав. Болгария	У-У1 вв. н. э.	64	7	1	18	18	—
2. Стекло. Преслав. Болгария	1X-X вв. н. э.	65	4.5	0.3	0.7	20	—
3. Лимоновидная бусина. Хаитхабу. Дания	X в. н. э.?	66	5	4	2	11	—
4. Лимоновидная бусина. Щецин. Польша	1X-X вв. н. э.	70	6.1	5.6	2.5	11	—
5. Стекло. Щецин. Польша	1X-X вв. н. э.	60	9	5	19	4.5	—
6. Тигль со стеклом. Щецин. Польша	сер. 1X-X вв. н. э.	70	7	1.8	11	0.7	—
7. Тигль со стеклом. Щецин. Польша	сер. 1X-X вв. н. э.	49	8	1.6	24	0.5	—
8. Тигль со стеклом. Щецин. Польша	сер. 1X-X вв. н. э.	79	1	1.5	3.3	1	—
9. Тигль со стеклом. Щецин. Польша	сер. 1X-X вв. н. э.	68	1	1	14	0.8	—
10. Тигль со стеклом. Щецин. Польша	сер. 1X-X вв. н. э.	86	1	0.7	5	0.6	—
11. Тигль со стеклом. Щецин. Польша	сер. 1X-X вв. н. э.	85	1	0.8	3.5	0.8	—
12. Тигль со стеклом. Щецин. Польша	X в. н. э.?	58	12	2	12	2	—
13. Печеночная глазчатая бусина. Щецин. Польша	УШ-1X вв. н. э.	59	12	5	13	3.5	—
14. Зонная синяя бусина. Щецин. Польша	1X-X вв. н. э.	59	10	5	17	2.4	—
15. Капля стекла. Щецин. Польша	нач. X в. н. э.	72	12	4.2	5.6	0.3	—
16. Лимоновидная бусина. Щецин. Польша	кон. УШ-нач. 1X вв. н. э.	63	6.8	4.3	3	15	—
17. Лимоновидная полосатая бусина. Щецин. Польша	кон. 1X-сер. X в. в. н. э.	62	7.1	3.5	5.4	15	—
18. Лимоновидная желтая бусина. Щецин. Польша	кон. 1X-нач. X вв. н. э.	64	6.3	3.5	3.5	14	1.3
19. Зонная синяя бусина. Щецин. Польша	кон. X-X1 вв. н. э.	70	6	1.4	2	15	—
20. Бисер рубленный. Щецин. Польша	сер. 1X-X вв. н. э.	40	4	1	след	5	30
21. Бисер рубленный. Щецин. Польша	сер. 1X-X вв. н. э.	40	4	1	след	10	40
22. Эллипсоидная бусина с поперечной инкрустацией. Щецин. Польша	X1-XII вв. н. э.	45	0.22	0.42	5	2.5	41
23. Коническая бусина. Щецин. Польша	X1 в. н. э.	38	0.1	0.22	10	2	45
24. Бисер. Щецин. Польша	X в. н. э.	40	0.32	0.4	0.5	2.2	50
25. Усеченноконическая бусина. Щецин. Польша	X-X1 вв. н. э.	42	0.3	0.5	0.8	0.2	52
26. Ягодовидная бусина. Щецин. Польша	нач. XI в. н. э.	43	0.01	1.5	0.1	0.1	52
27. Зонная бусина. Щецин. Польша	XII-XIII вв. н. э.	44	0.06	0.3	0.4	0.3	52

Изменение химического состава стекла Западной Европы в IX-XIII вв. н. э.

IX в. н. э.	кон. IX в. н. э.	нач. X в. н. э.	
1. $\text{Na}_2\text{O} \cdot \text{K}_2\text{O} \cdot \text{CaO} \cdot \text{MgO} \cdot \text{SiO}_2$	1. $\text{Na}_2\text{O} \cdot \text{K}_2\text{O} \cdot \text{CaO} \cdot \text{MgO} \cdot \text{SiO}_2$ 2. $\text{K}_2\text{O} \cdot \text{Na}_2\text{O} \cdot \text{CaO} \cdot \text{MgO} \cdot \text{SiO}_2$ 3. $\text{PbO} \cdot \text{Na}_2\text{O} \cdot \text{K}_2\text{O} \cdot \text{CaO} \cdot \text{MgO} \cdot \text{SiO}_2$	1. $\text{K}_2\text{O} \cdot \text{Na}_2\text{O} \cdot \text{CaO} \cdot \text{MgO} \cdot \text{SiO}_2$ 2. $\text{Na}_2\text{O} \cdot \text{K}_2\text{O} \cdot \text{CaO} \cdot \text{MgO} \cdot \text{SiO}_2$ 3. $\text{PbO} \cdot \text{Na}_2\text{O} \cdot \text{K}_2\text{O} \cdot \text{CaO} \cdot \text{MgO} \cdot \text{SiO}_2$ 4. $\text{PbO} \cdot \text{SiO}_2$	
X в. н. э.	нач. XI в. н. э.	XI в. н. э.	XII в. н. э.
1. $\text{K}_2\text{O} \cdot \text{Na}_2\text{O} \cdot \text{CaO} \cdot \text{MgO} \cdot \text{SiO}_2$ 2. $\text{Na}_2\text{O} \cdot \text{K}_2\text{O} \cdot \text{CaO} \cdot \text{MgO} \cdot \text{SiO}_2$ 3. $\text{PbO} \cdot \text{Na}_2\text{O} \cdot \text{K}_2\text{O} \cdot \text{CaO} \cdot \text{MgO} \cdot \text{SiO}_2$ 4. $\text{PbO} \cdot \text{SiO}_2$	1. $\text{PbO} \cdot \text{Na}_2\text{O} \cdot \text{K}_2\text{O} \cdot \text{CaO} \cdot \text{MgO} \cdot \text{SiO}_2$ 2. $\text{PbO} \cdot \text{SiO}_2$ 3. $\text{K}_2\text{O} \cdot \text{Na}_2\text{O} \cdot \text{CaO} \cdot \text{MgO} \cdot \text{SiO}_2$	1. $\text{PbO} \cdot \text{SiO}_2$ 2. $\text{PbO} \cdot \text{Na}_2\text{O} \cdot \text{K}_2\text{O} \cdot \text{CaO} \cdot \text{MgO} \cdot \text{SiO}_2$	1. $\text{PbO} \cdot \text{SiO}_2$

обнаружены в Новгороде и Белоозере, где датируются сер. XI - нач. XIII вв., что подтверждает сделанные наблюдения.

В результате проведенных исследований можно сделать выводы: а) изученные бусы, найденные на древнерусских памятниках Верхней Волги, относящиеся к химическому классу $K_2O-CaO-SiO_2$, изготавливались в мастерских Западной Европы в X - нач. XI вв.; б) третья группа бус, стекло которых относится к химическому классу $PbO-K_2O-SiO_2$, изготавливалась, вероятно, в мастерских Древней Руси.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Щапова Ю. Л. Очерки истории древнего стеклоделия. М., 1983.
2. Безбородов М. А. Стеклоделие в Древней Руси. Минск, 1956.
3. Безбородов М. А. Химия и технология древних и средневековых стекол. Минск, 1969.
4. Технология стекла. Под ред. И. И. Китайгородского. М., 1967.
5. Щапова Ю. Л. О происхождении некоторых типов древних русских бус // СА. 1962. N 2.
6. Школьников А. Я., Удовенко Г. А., Полик Б. М. Технология стеклоделия. М., 1952.
7. Дешовна М. Szkto w Europie wczesnowredniowiecznej. Wroclaw, 1980.

Институт археологии РАН,
Москва

И. В. ИСЛАНОВА, Л. С. РОЗАНОВА

ЖЕЛЕЗНЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ ПАМЯТНИКОВ УДОМЕЛЬСКОГО ПООЗЕРЬЯ

Удомельское Поозерье, лежащее на Волго-Балтийском водоразделе, в эпоху средневековья входило в состав Новгородских земель. Крупные озера Удомля, Цесьво и Наволок соединены протоками и имеют единственный сток через р. Съезу, принадлежащую бассейну р. Меты.

В результате исследований, проведенных в кон. 70-х-80-е гг. экспедициями Института археологии АН СССР, был собран материал, позволяющий судить о культуре населения этого микрорегиона на протяжении более чем тысячи лет. Изученные поселения сосредоточены на компактном участке; расстояния между памятниками - от 3 до 11 км.

Памятники железного века - городище Юрьевская Горка, нижний слой поселения Курово 2 и один из слоев селища Троица 1. Городище датируется 1-й пол. 1 тыс. н. э. Хронология нижних напластований (частично поврежденных) Курова 2 укладывается в рамки от руб. 1 тыс. до н. э. - 1 тыс. н. э. до сер. 1 тыс. н. э., верхний слой отложился в конце VIII-1-й пол. IX вв. н. э. Напластования селища Троица 1 разрушены пахотой. Судя по керамике, здесь были остатки поселений 2-й четв.-сер. 1 тыс. н. э. и кон. 1 - нач. II тыс. н. э. С последним памятником связана воздвигнутая поблизости сопка.

Материал 3-й четв. 1 тыс. н. э. - слабо изученного периода в лесной зоне Восточной Европы - представляет селище Юрьевская Горка. Памятник возник у подножия городища железного века. Характер вещевого инвентаря и керамики указывает на смешанный состав населения. Наряду с местными жителями, истоки культуры которых следует искать в эпохе железа, отмечается приток инородного, возможно, раннеславянского населения. Прослеживаются отдельные контакты с населением культуры длинных курганов псковско-новгородской группы.

Культура сопок (кон. 1 тыс. н. э.) ярко представлена на селище в урочище Бережок. Слои в месте раскопа датируются IX-1-й пол. X вв. По вещевым и керамическим находкам улавливаются тесные связи с центральными районами Новгородской земли и Старой Ладогой. Похожий материал получен и из верхнего слоя поселения Курово 2.

Весь комплекс полученного в ходе археологических работ материала позволил автору раскопок И. В. Ислановой проследить постепенное развитие местной культуры финно-угорских племен, ее видоизменение при сохранении отдельных элементов под влиянием и в результате притока новых этнических групп в 3-й четв. 1 тыс. н. э. и особенно в кон. 1 тыс. н. э.

В данной статье речь пойдет о технологической характеристике железного инвентаря из разновременных памятников: селищ Курово 2, Юрьевская Горка, Троица, Бережок. Сведения о технологии изготовления кузнечных изделий не только расширяют наши знания о культуре населения этого микрорегиона, но и дают в руки исследователей интересный материал для решения важных историко-технических вопросов. Ответив на вопросы, какими поделочными материалами располагал кузнец, какими технологическими приемами он владел и в какой последовательности их применял, мы можем реконструировать технологию изготовления конкретного предмета. Оценив же знания и владения технологическими приемами каждым отдельным мастером или совокупностью мастеров в опре-

деленный хронологический период, можно установить уровень кузнечного мастерства на рассматриваемом отрезке времени. Сопоставление разновременных технологических характеристик позволит ответить еще на один важный вопрос: изменялись ли приемы изготовления на протяжении более чем тысячелетнего периода.

Набор изделий, найденных при раскопках указанных памятников, весьма скуден и ограничивается пятью категориями: ножами, шильями, кресалами, топорами и гарпунами, представленными в основном единичными экземплярами. Исключением являются только ножи, составляющие основу коллекции. Всего с помощью металлографического анализа исследовано 58 экз. (табл. 1).

Металлографические исследования проведены авторами в Лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН. Хотя объем проделанной аналитической работы сравнительно невелик и, очевидно, что решить исчерпывающе поставленные вопросы на его основе невозможно, тем не менее представляется целесообразным подвести предварительный итог технологическому изучению, поскольку он наметит перспективы и направление дальнейших исследований.

Рассмотрение результатов проведенного металлографического исследования с учетом хронологических реперов памятников позволяет разделить прошедшие аналитическое изучение изделия на три группы:

Первая группа объединяет 24 предмета, происходящие из Курово 2 (нижний слой), Троицы, Юрьевской Горки. Изделия представлены ножами со скошенным мысом и невыделенным черенком (Курово), ножами с прямой спинкой, переходящей в черенок (Юрьевская Горка, Троица), пластинчатыми кресалами (Троица), ножом-секачем, шильями и обломками лезвий топоров (Юрьевская Горка). Во времени они распределяются в пределах с руб. 1 тыс. до н. э. - 1 тыс. н. э. по 3-ю четв. 1 тыс. н. э.

Как показало микроскопическое исследование, все изделия изготавливались в простых технологиях: либо целиком из железа без каких-либо приемов по улучшению рабочих качеств лезвия, либо из мягкой сырцово-стали. Из операций, повышающих твердость рабочей части изделий, использовались (редко) цементация и термическая обработка. Кузнечная сварка применялась в редких случаях и лишь на этапе подготовки заготовки - при пакетовании отдельных небольших кусочков близкого по составу металла - железа и малоуглеродистой стали (табл. 2).

Вторая группа представлена десятью ножами. Они происходят из верхнего слоя селища Курово 2 и датируются кон. VIII-1-й пол. IX вв. Клинки ножей этой группы имеют прямую спинку, а черенок отделен от клинка уступами либо с обеих сторон, либо с одной из них.

На основании микроскопического исследования установлено, что при производстве ножей использовались в основном те же технологические приемы, что и в первой группе: целиком из железа и сырцово-стали, пакетование, цементация и термическая обработка. Впервые в этой группе мы встречаем сложную технологическую схему - трехслойный пакет с последующей закалкой, - прослеженную на трех ножах. Причем два экземпляра изготовлены по классической схеме, предполагающей кузнечную сварку двух железных полос, составляющих наружные плоскости клинка, и одной стальной из высокоуглеродистой стали между ними, выходящей при заточке на лезвие. Характерной особенностью в обоих случаях является использование высокофосфорного железа. Оба ножа обособляются от остальных и типологически. Они характеризуются такими признаками, как узкий короткий клинок с широкой спинкой; длинный (примерно вдвое длиннее клинка) черенок, отделенный от клинка мелкими, но четкими уступами.

В схеме трехслойного пакета изготовлен еще один нож, однако в подборе материала для полос четкого разделения нет: все три полосы - стальные, и различаются они только содержанием в них углерода, при этом наибольшее количество углерода (0,6-0,7%) содержит одна из боковых полос. Очевидно, перед нами при-

Таблица 1

**Распределение исследованных металлографически
предметов по памятникам:**

Памятники (селища)	Ножи	Шилья	Кресала	Топоры	Гарпуны	Всего
Курово 2	16					16
Троица	1		4			5
Юрьевская Горка	7	3		3		13
Бережок	21	2			1	24
ВСЕГО:	45	5	4	3	1	58

Таблица 2

Распределение технологических схем по памятникам:

Памятники (селища)	Железо	Сырьевая сталь	Цемен- тованная сталь	Цемен- тация	Пакето- вания	3-х слой- ный пакет	Вварка	Из 2-х полос
Курово 2 верхний слой	2	2/1*		1	2/1	3/3		
Курово 2 нижний слой	3	1/1		1	1			
Троица		3/1		1/1	1/1			
Юрьевская Горка	7	5/1		1/1				
Бережок	3	7/1	5/3		1/1	6/6	1	1
ВСЕГО:	15	18/5	5/3	4/2	5/3	9/9	1	1

* — знаменатель означает количество термообработанных изделий.

мер раздражительного производства. Но безусловно одно - кузнец видел сами изделия (визуально определить многослойность клинка для профессионала не составляет труда), однако секрет использования высокофосфорного железа в качестве боковых полос ему не был известен.

В контексте нашего исследования можно достаточно уверенно говорить о том, что ножи, выполненные в трехслойной технологической схеме, не являются продукцией местного производства, и рассматривать их следует в качестве импорта готовой продукции.

Третья группа включает 24 предмета: ножи, шилья, гарпун. Происходят они с селища Бережок, датируемого IX-1-й пол. X вв. Основу ее составляют ножи (21 экз.). Технология изготовления представлена разнообразными вариантами: целиком из железа, сырцовый и высокоуглеродистой стали; пакетовое - бессистемная сварка полос железа и стали; целенаправленная сварка двух, трех полос железа и стали с выходом стальной полосы на лезвие; варка стальной полосы в железную основу (табл. 2).

Отметим, что такая технологическая вариативность прослеживается прежде всего на ножах. Стоит подчеркнуть, что ножи с трехслойными клинками изготовлены только по классической схеме, т. е. с использованием высокофосфорного железа с последующей закалкой. При этом следует признать, что выполненные в едином технологическом стандарте ножи с трехслойными клинками не имеют четкого типологического стереотипа. Скорее определенно можно говорить об их типологическом разнообразии, в котором встречается и финская форма (отдел 1, по классификации А. Е. Леонтьева) [1, с. 41]. Отметим и такой факт, как использование высокофосфорного железа у ножа, выполненного по схеме варки стальной полосы в железную основу.

Таким образом, на основании наших наблюдений можно констатировать, что технология обработки черного металла в практике местных кузнецов на протяжении длительного времени, начиная с руб. 1 тыс. до н. э. - 1 тыс. н. э. по VIII в. н. э., была простой и оставалась практически без изменений. Изделия ковались из железа и сырцовый стали. Из приемов, улучшающих рабочие качества изделий, фиксируются цементация и термическая обработка в виде закалки. Активного применения сварки железа со сталью в одном предмете с целью снабдить изделие стальной рабочей частью не обнаружено. Не отмечен ни разу процесс получения цементованной стали, хотя этот прием в кузнечной технике был хорошо известен в указанное время многим племенам Восточной Европы, в частности, населению дьяковской культуры сопредельного Московского региона [2].

Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что изготовление данных изделий на поселениях Удомельского Поозерья вплоть до IX в. н. э. производилось кузнецами-универсалами, владевшими несложными ковочными операциями и простыми технологическими схемами.

Заметный прогресс в железообработке наблюдается лишь в IX в. Он ярко проявился в производстве такой категории вещей, как ножи. Наряду с конструктивно простыми изделиями ощутимую долю (1/3) среди них занимают ножи, выполненные в сложных сварных технологических схемах, таких как сварка из двух полос, трехслойный пакет, варка, сочетающих при изготовлении клинка два вида материала - железо и сталь, с обязательным выходом последней на лезвийную часть. При этом доминирующее положение занимает наиболее сложная схема - трехслойный пакет.

Можно с уверенностью говорить о том, что во всех случаях изготовление ножей с трехслойными клинками проведено на высоком уровне. Правильный подбор сырья, чистые и тонкие сварочные швы, прочно соединившие свариваемые поверхности, мелкоигльчатое строение закаленной стали (структура мелкоигльчатого мартенсита) свидетельствуют о строгом соблюдении температурных режимов при ковке и термической обработке и применении флюсов, что характерно для ремесленников высокой квалификации.

В результате наших технологических наблюдений возник ряд вопросов. Как

распространялись ножи с трехслойными клинками? Поступали ли они только в виде готовой продукции, как было нами прослежено на селище Курово 2? Имел ли место импорт заготовок-полуфабрикатов, из которых местные кузнецы ковали изделия, воспроизводя известные им формы, или пришлые мастера принесли свои традиции обработки черных металлов? Ответ на эти вопросы - дело будущих исследований.

Сейчас же ясно одно: технологическая стандартизация в отношении определенной категории находок свидетельствует о том, что эти орудия являются продукцией специализированного ремесла, имеющего хорошо отработанные и устойчивые традиции, корни которых в практике местных кузнецов не прослеживаются.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Леонтьев А. Е.* Классификация ножей Сарского городища // СА. 1976. N 2.
2. *Хомутова Л. С.* История железообрабатывающего производства у дославянского населения Волго-Окского междуречья в 1 тысячелетии н. э. // Автореф. дис...канд. ист. наук. М., 1981 г.

Институт археологии РАН,
Москва

Л. В. КОРОЛЬКОВА

ВОПРОСЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ НОЖЕЙ С ВОЛЮТООБРАЗНЫМ НАВЕРШИЕМ

В археологии существует точка зрения, что для реконструкции миграционных процессов наиболее перспективными следует считать артефакты, являющиеся материальным выражением "духовного производства" [1, с. 39]. Полагаю, что к таким источникам можно отнести ножи с волютообразным навершием, бытующие в период с VII по XI вв. Эти предметы имеют широкий ареал распространения - от Среднего Подунавья до Прионежья (рис. 1).

Ножи представляют собой железную пластину, заканчивающуюся навершием в виде двух завитков, закрученных в "бараний рог", или двумя волютообразными пластинами с отверстиями посередине. Длина ножей варьирует от 9 до 21 см, ширина от 0,7 до 1,6 см. Двенадцать ножей имеют орнамент. В двух случаях зафиксированы едва заметные округлые отверстия в ножевых пластинах. Рукоятью ножей, по-видимому, служила верхняя часть железной пластины (незаточенная), а нижняя - заточенная, являлась непосредственно клинком. Находки ножей в погребениях в области коленной части ног и остатки цепочек позволяют предполагать, что их носили на поясе.

Историография проблемы насчитывает около шестидесяти работ. В ряде специальных публикаций содержатся каталоги и карты: Шиманский (1964 г.), Шишка (1964 г.), Митреа (1984 г.), Кланица (1986 г.). В отечественной археологической литературе данная тема нашла отражение в работах Р. С. Минасяна и В. Б. Перхавко. Так, Р. С. Минасян включил ножи с волютообразным навершием в славянский хозяйственно-бытовой комплекс (ХБК), появление которого в лесной зоне Восточной Европы он связывал с приходом нового земледельческого населения [2, с. 14-18]. Исследователь неоднократно отмечал, что почти все категории рассмотренных им вещей ХБК имеют "южное" происхождение, однако в отношении распространения ножей с волютами им была предложена следующая последовательность: Польша - Подунавье - Поднепровье - Приднепровье - Приильменье [3, с. 151]. Основанием для такого вывода послужило ошибочное заключение о том, что орнаментированные ножи из Польши являются самыми ранними (VI-VII вв.) [3, с. 151; с. 158-159]. Западнославянским влиянием объяснял появление ножей на памятниках Банцеровщины, а также на роменско-боршевских городищах и В. Б. Перхавко [5, с. 47]. В настоящее время наиболее полная библиография по этим находкам содержится в статье В. Шиманского, которая в 1988 году была опубликована в Польше [4, с. 144-149].

Несмотря на то, что ножи с волютообразным навершием давно введены в научный оборот, многие спорные вопросы еще далеки от разрешения: предложенные ранее классификации ножей не обладают маркирующими признаками. Следует также указать, что все без исключения ранее опубликованные работы, содержащие каталоги и карты, имеют неточности в локализации археологических памятников. Не подтвердилась информация о находках ножей в Мадаре, Кештхее, Сельце. Все это, как мне представляется, вносило неясность в решение вопроса о путях распространения этих предметов. Вышеизложенное, а также новые археологические материалы позволяют вновь вернуться к рассмотрению этой категории находок.

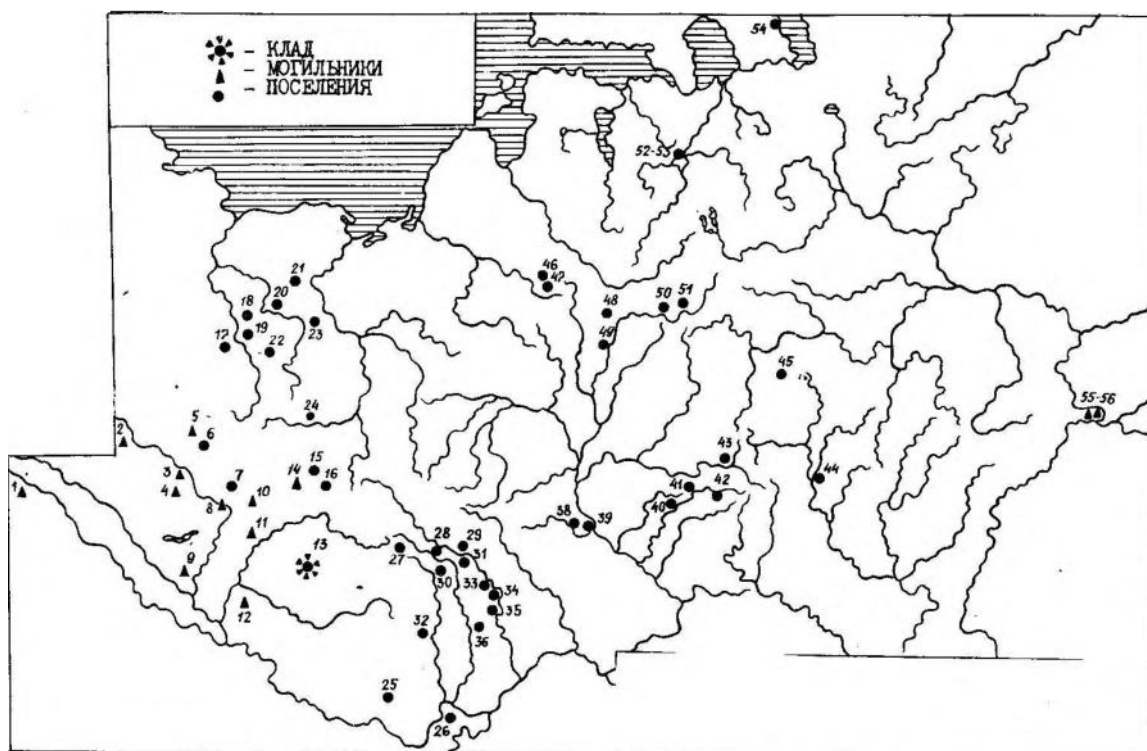

Рис. 1 Карта-схема распространения ножей с волутообразным навершием в Европе:
 1 - Длеш при Бодешцах; 2 - Леоберсдорф; 3 - Цвелфакцинг; 4 - Цилингталь; 5 - Нехвалин; 6 - Микутьице; 7 - Нитра; 8 - Сзоб; 9 - Ромонья; 10 - Желовце; 11 - Алатын; 12 - Кишомбор; 13 - Szilagy-Somlyo; 14 - Шебастовце; 15 - Бреков; 16 - Хнойно; 17 - Жуковице; 18 - Бонниково; 19 - Челадж Велька; 20 - Бнин; 21 - Бискупин; 22 - Милич; 23 - Глезанове; 24 - Краков-Нова-Гута; 25 - Буков-Ротари; 26 - Гарван-Бисерикута; 27 - Ревно; 28 - Рашков; 29 - Бакота; 30 - Лозна-Стратени; 31 - Перерыта; 32 - Извоаре-Багна; 33 - Алчедар III; 34 - Лопатна; 35 - Бранешты; 36 - Требужены; 37 - Плиснецк; 38 - Половецкое; 39 - Канев; 40 - Новотроицкое; 41 - Битица; 42 - Гочево-3; 43 - Шуклинка; 44 - Животинное; 45 - Супруты; 46 - Ревячки; 47 - Городише; 48 - Лукомль; 49 - Тайманово; 50 - Гнездово; 51 - Ярцево; 52 - Георгий; 53 - Васильевское; 54 - Суна; 55 - Новинка; 56 - Шелехметь

В моем каталоге учтены находки из 56 археологических памятников, на которых достоверно обнаружены ножи с волутами. Количество их приближается к семидесяти. Наиболее ранним прототипом ножа является золотая привеска-нож из закрытого комплекса (клада), обнаруженного в Румынии, она датируется VI в. Пятьдесят ножей найдены при раскопках поселений, большинство которых относятся к бесспорно славянским. Остальные находки происходят из славяно-аварских могильников и раннеболгарских погребений на Самарской Луке, причем в Подунавье семь ножей обнаружены в женских могилах. Самый ранний железный нож (1-я пол. VII в.) найден в Кишомборе (Среднее Подунавье) в погребении молодой женщины. Что касается вопроса о появлении ножей на территории Польши уже в V-VI вв. (Глезанове, Милич), то как показало исследование, проведенное в 80-е гг. В. Шиманским "не существует неоспоримых аргументов для таких выводов" [4, с. 159]. Так, например, нож из Милича имеет довольно широкую датировку VI-IX вв. и, вероятнее всего, относится к верхней хронологической границе, так как характерные для этой находки отверстия в ножевой пластине имеют пока единственную аналогию - нож из Словении (Длеш при Бодешцах), который происходит из погребения с северо-восточной ориентировкой, датированного 1-й пол. IX в. Все это дает основание считать Подунавье территорией, на которой первоначально фиксируются эти предметы.

Предлагаемая ниже классификация позволяет уточнить хронологические рамки бытования тех или иных видов ножей. Источником для нее послужили

прорисовки и фотографии находок, а также информация, полученная из публикаций и архивных материалов. Для классификации были отобраны ножи из 36 археологических памятников (41 экз.). За основной критерий для выделения типов ножей была взята устойчивая форма изготовления навершия. Таким образом, были выделены Тип-I - "волютообразная пластина" и Тип-II - "бараний рог" (эти формы бытовали одновременно с VII-X вв.). Каждый тип включает 6 вариантов, различающихся по особенностям оформления волют (рис. 2). Анализ наверший показал, что именно "вариантные" признаки являются хронологически значимыми. Вполне вероятно, что они являются следствием изготовления ножей в определенном, сравнительно узком (локальном) районе.

Тип I		Тип II		
8-10 вв.		Вариант I		8-10 вв.
8-9 вв.		Вариант 2		9 в.
7-8 вв.		Вариант 3		8-10 вв.
8 в.		Вариант 4		до 10 в.
8 в.		Вариант 5		I-я пол. 9 в.
?		Вариант 6		8 в.

Рис. 2. Классификация ножей с волутообразным навершием

О функциональном назначении рассматриваемых предметов высказывались различные предположения. Я придерживаюсь точки зрения исследователей, которые определяют ножи с волютами как культовые (жреческие) [7, с. 400; 7, 227-228]. Форма наверший и орнамент, имеющие символический характер, вероятнее всего, связаны с культом "солнечного божества" - "божества плодородия" [8, с. 16-25]. Наиболее показательной в этом отношении представляется миниатюрная золотая привеска из румынского клада: наизанные на кольцо широколопастный наральник и плужный нож, увенчанный волютами в форме "бараньего рога", ножовая пластина которого орнаментирована зубчатой вертикальной линией, символизирующей дождь [9, с. 159]. Подобные ножи, по-видимому, были связаны с аграрными культами, преобладавшими в среде славян до их христианизации [10, с. 370]. Составной частью этого культа являлось обязательное жертвоприношение. Одним из атрибутов которого, вероятно, и были ножи с волютообразным навершием. Подтверждением этому может служить интересная находка в Ильменском поозерье. В 1958 г. на поселении Георгий, основание которого относят к VIII-IX вв., С. Н. Орловым была обнаружена яма, углубленная в материк (яма находилась почти в центре площадки городища). В ее заполнении был найден нож с волютами, целый скелет свиньи, череп и нижние конечности лошади, обломки лепных сосудов [11, с. 13]. Здесь можно отметить, что еще в древнегреческих земледельческих культах свинья служила обычным символом плодородия и приносилась в жертву Деметре и Коре [12, с. 182]. Не исключено, что обнаруженный комплекс является еще одной разновидностью славянских жертвенных ям [13, с. 54-57].

Находки ножей с волютами на славянских поселениях Центральной и Восточной Европы свидетельствует о том, что ножи получили наиболее широкое распространение у славян. Бытование этих предметов у тюркского населения Подунавья можно объяснить следующими обстоятельствами: 1) археологические исследования в этом регионе показали, что не позднее сер. VIII в. праболгары переходят к оседлому образу жизни. Еще раньше археологически фиксируется процесс деномадизации у аваров (VII в.), а в VIII в. аварские погребения содержат такой же набор сельскохозяйственных орудий, что и славянские, обнаруженные вне контактной зоны [14, с. 33-34]. А так как мировоззрение этноса не свободно от внешних воздействий, то вполне вероятно, что помимо заимствований из материальной сферы в тюркскую среду проникали и какие-то элементы земледельческого культа местного населения; 2) можно также предположить, что символика наверший ножей могла быть близка мировоззрению аваров и праболгар, но понималась ими по-своему. Волюты, олицетворяющие собой "солнечное божество" - "небесное божество" и тонкая железная пластина могли рассматриваться ими как своеобразный "посох" небесного божества, известный в тюркской мифологии [15, с. 37-38].

Учитывая специфику ножей, а также вероятность их локального производства, появление этих предметов на Северо-Западе Восточной Европы и на территории к востоку от Днепра можно рассматривать лишь как следствие миграции отдельных групп населения из Центральной Европы. Подтверждением этому могут служить находки редких по форме (Тип II, вариант 6) ножей в Подунавье (Ромонья II) и в междуречье Днепра и Немана (Ревячки), которые датируются VIII в., а также и сам факт появления ножей в Приильменье и на Самарской Луке, где славяне и праболгары в VIII-нач. IX вв. являлись новопоселенцами.

Прежде, чем перейти к вопросу об исходной территории этих миграций, необходимо уточнить время появления ножей с волютами на северо-западной и северо-восточной перифериях славянского ареала. Сделать это позволяют археологически фиксируемые подвижки населения в этих регионах. Так, по мнению А. З. Винникова, массовое расселение славян в лесостепном Подонье происходило в то время, когда северные и северо-западные границы Салтово-маяцкой культуры уже обозначились [16, с. 127]. В результате этого расселения появляются и славянские городища по р. Воронеж. Учитывая то обстоятельство, что в Подонье аланы и праболгары приходят почти одновременно, примерно в 40-60-е гг. VIII в. [17, с.

268], можно заключить, что на Животинном городище (р. Воронеж) ножи с волютами появляются не ранее посл. четв. VIII в. В отношении датировок находок из памятников Верхнего Поднепровья можно сказать следующее: исследование смоленско-полоцких кривичей, проведенное Е. А. Шмидтом, показало вероятность славянской атрибуции лепной керамики из памятников культуры смоленских длинных курганов (КСДК) [18, с. 232], время ее появления 2-я пол. VIII в. [19, с. 89]. Следовательно, ножи с волютами, обнаруженные на памятниках Банцеровщины (в ареале формирующейся КСДК) вместе с лепными сосудами близкими по форме керамике ЛР и РБ [5, с. 51], можно датировать не ранее этого времени. В этих же хронологических рамках, по-видимому, следует искать и обстоятельства, послужившие причиной переселения.

Анализ исторической ситуации, сложившейся в VIII в. в центрально-европейском регионе, отраженный в работах отечественных и зарубежных исследователей: А. Авенариуса, А. Гильфердинга, В. Д. Королюка, Г. Г. Литаврина, Е. П. Наумова, А. И. Рогова, В. К. Ронина, Б. Н. Флори и др., показал, что именно придунайские земли в VIII в. могли быть исходной территорией миграций. Постоянные военные конфликты, социальная дифференциация населения, междоусобицы у славян и праболгар, введение христианства - все это нагнетало напряженность в этом регионе и приводило к внеэкономическим миграциям [20, с. 53-54]. Археологическими следами этих миграций в Восточной Европе и являются ножи с волютообразным навершием.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Долузанов П. М.* Истоки миграций // Проблемы археологии. Вып. 2. Л., 1978.
2. *Минасян Р. С.* Раннеславянский хозяйственно-бытовой инвентарь и его появление в лесной зоне Восточной Европы. Автореф. дис... канд. ист. наук. Л., 1980.
3. *Минасян Р. С.* Железные ножи с волютообразным навершием // Проблемы археологии. Вып. 2. Л., 1978.
4. *Шиманский В.* Ножи с волютообразным навершием - таинственный компонент славянской и аварской культур // *Studia nad etnogeneza slowian i kultura Evropy wczesno-credniowiecznej*. Т. 2. Wroclaw. 1988.
5. *Перхавко В. Б.* Классификация орудий труда и предметов вооружения из раннесредневековых памятников междуречья Днепра и Немана // СА 1979, N 4.
6. *Шимха Ст.* Ножи с волютообразным завершением рукоятки в культуре городищ // *Archeologicke Rozhledy*. R. 3. Praha. 1964.
7. *Шиманский В.* К вопросу о хронологии и территории использования железных ножей с рукоятками, законченными волютами // WA. 1964. V. XXX. NN 3-4.
8. *Свешников И. К.* О символике вещей михалковских кладов // СА. 1968. N 1.
9. *Маслова Г. С.* Орнамент русской народной вышивки. М., 1978.
10. *Токарев С. А.* Ранние формы религии. М., 1990.
11. *Орлов С. Н.* Отчет о полевых археологических исследованиях в сезон 1958 года в Новгородской области // Архив ИА АН СССР. Р-1. N 1701.
12. *Богатский Б. Л.* Земледельческая религия Афин. Т. 1. Пг., 1916.
13. *Русанова И. П.* Культурные места и языческие святилища славян VI-XIII вв. // РА. 1992. N 4.
14. *Авенариус А.* Авары и славяне. Держава Само // Раннефеодальные государства и народности. М., 1991.
15. *Сагалав А. М.* Урало-алтайская мифология. Новосибирск. 1991.
16. *Винников А. Э.* Контакты донских славян и с ано-болгарским миром // СА. 1990. N 3.
17. *Плетнева С. А.* На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М., 1989.
18. *Шмидт Е. А.* К вопросу об этнической принадлежности женского инвентаря из смоленских длинных курганов // МИСО. 1970. N 7.
19. *Енуков В. В.* Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей. М., 1990.
20. *Койчева Е., Кочев Н.* Болгарское государство в середине VIII до конца IX в. // Ранне-феодальные государства и народности. М., 1991.

Российский этнографический музей,
Санкт-Петербург

И. Н. КУЗИНА

СТЕКЛЯННАЯ "РУЧНАЯ ГРАНАТА" ИЗ РАСКОПОК В ЗАРЯДЬЕ

В музее истории города Москвы хранится необычный стеклянный предмет (ОФ 28958, N 323). Он был найден в 1955 г. при археологических работах в Зарядье в подклете разобранной еще в сер. XVII в. церкви Жен Мироносиц.

Этот предмет, полый внутри, имеет неправильную округлую форму (диам. 9-13 см), несколько уплощенную сверху и снизу, круглое отверстие диаметром 3,5 см (рис. 1). Толщина стенок неодинакова: от 1 до 3 см. Вся внешняя поверхность сплошь покрыта слоем белого зернистого налета - свидетельство начавшейся коррозии стекла. Внутри стенки стеклянного сосуда чисты, без налета, светло-серого оттенка, с пузырьками воздуха, полупрозрачные.

Предмет был изготовлен способом дутья: на противоположной отверстию стороне отчетливо видно, как мастер, стремясь придать изделию форму шара, заглаживал образующийся при дутье конусовидный выступ. В этом месте на внутренней поверхности заметны сходящиеся к центру желобки и наплывы там, где конус сужался.

В полевых описях этот стеклянный предмет назывался корольком, однако подобное определение при изучении археологической коллекции сразу вызвало сомнения. Нельзя отнести этот предмет и к каким-либо известным видам стеклянной посуды из-за необычной для "скляниц" формы, массивности и грубой проработки изделия. Вряд ли также подобный предмет может считаться производственным браком: судя по полевой описи, вместе было найдено сразу три таких предмета: два целых и один в фрагментах (к сожалению, сейчас известен только один из них). Трудно объяснить находку сразу трех одинаковых "бракованных" предметов в церковном помещении.

По предположению известного археолога, исследователя древнего стекла Ю. Л. Щаповой, подобным образом могла бы выглядеть ручная граната. Одна из стеклянных ручных гранат, найденная в Могильно во рву, окружавшем стену монастыря, опубликована в археологическом сборнике Торуньского университета [1, с. 27-37]¹. Граната, найденная в Могильно, была почти правильной круглой формы, диаметром 10x11 см, с толщиной стенок от 0,7 до 1,0 см и диаметром отверстия 3,5 см. По краям отверстия имелся выступ-"шейка" высотой 1,6-1,9 см. Внешнюю поверхность гранаты покрывал коррозионный, зернистый на вид, слой; внутренняя же поверхность чистая, зеленоватого оттенка. Изготовлена граната, найденная в Могильно, способом дутья.

Судя по описанию обоих предметов, несмотря на имеющееся различие, "московская" находка предположительно может быть идентифицирована как ручная граната.

Но к какому времени может относиться предполагаемый снаряд, где изготовлен и каким образом попал он в подклет церкви?

---

¹ Автор приносит благодарность Ю. Л. Щаповой за указание на эту статью.

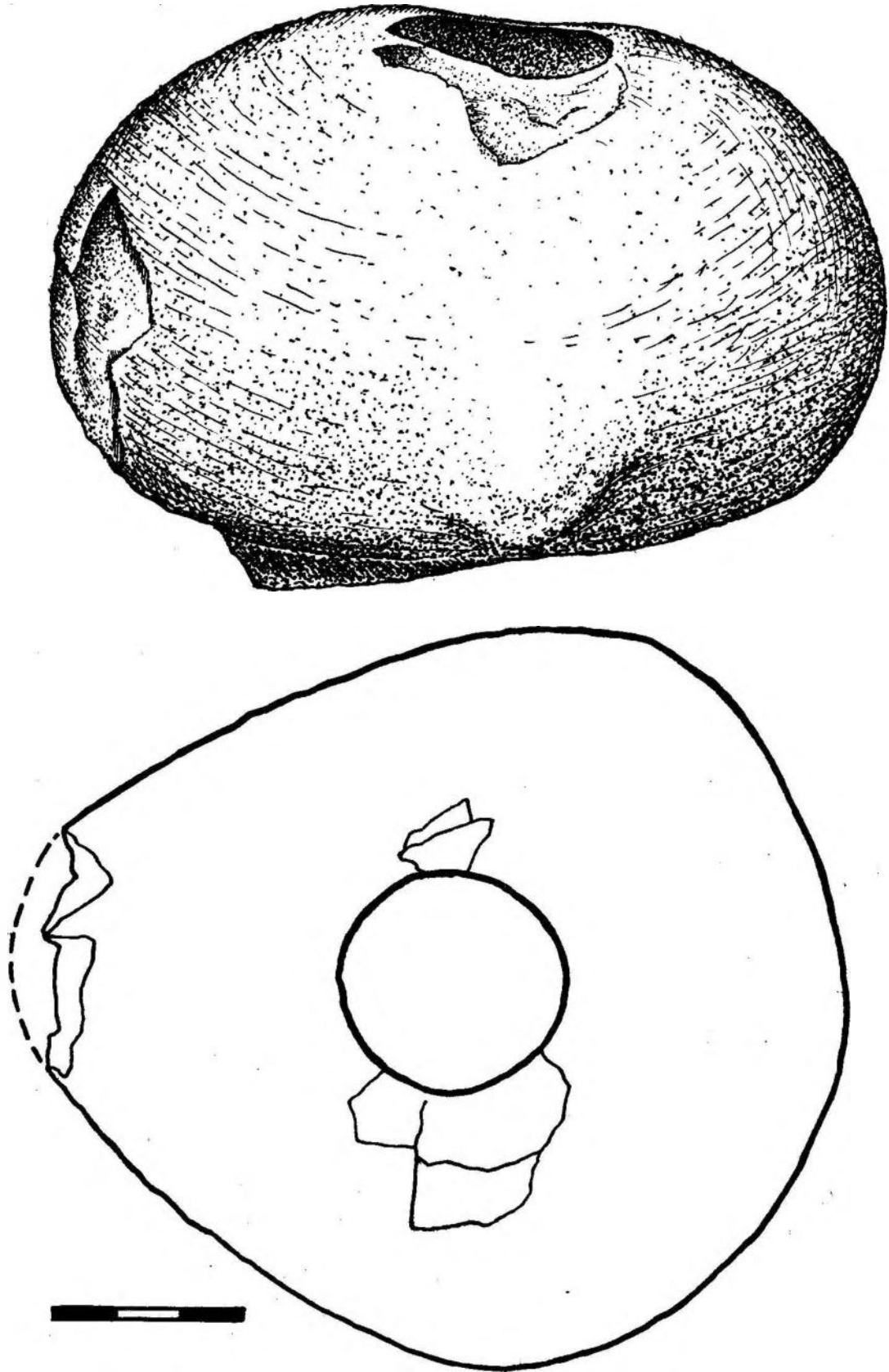

Рис. 1. Стекланный снаряд: общий вид и вид сверху

Ответить на первый вопрос можно попытаться, обратившись к датировке культурного слоя. Однако стратиграфический анализ в данном случае дает скудные и неточные сведения: "граната" найдена в потревоженном поздним строительством слое вместе с фрагментами чернолощеной керамики и муравленых изразцов. Сама церковь Жен Мироносиц, в заполнении подклета которой был найден снаряд, согласно летописям, была построена в 1566 г. и, как показали археологические исследования, постоянно перестраиваясь, просуществовала до сер. XVII столетия [2, с. 115, 166-176; 3, с. 40; 4, с. 352, л. 122]. Исходя из этого, можно считать, что стеклянная "граната", найденная в подклете, также датируется кон. XVI-сер. XVII столетий.

Русское происхождение подобного снаряда в допетровское время нужно исключить, т. к. первый стекольный завод в России, построенный Ю. Койетом недалеко от Москвы, начав свою работу в самом кон. 1630-х гг., выпускал только оконное стекло, химическую посуду для аптек и стопки, бокалы, штофы. В 60-е гг. XVII в. известны еще два, уже казенных, завода: Измайловский и Черноголовский. Из сохранившихся архивных материалов известен полный перечень выпускавшейся ими продукции: для дворцовых нужд расписная и позолоченная посуда, подсвечники и другие "изящные" вещи, на продажу в торговых рядах посуда более простая [5, с. 123, 128-130, 132, 136, 137; 6, с. 4]. Никаких упоминаний об изготовлении гранат не найдено. Не известны также случаи употребления в русском войске XVII в. подобного оружия².

Таким образом, для установления происхождения стеклянного снаряда нужно обратиться к зарубежным источникам.

В Западной и Центральной Европе железные и керамические гранаты стали использоваться с нач. XV в. Позднее появились и стеклянные. Хотя сведения о последних скудны, все же известны, по крайней мере, два сочинения сер. XVII в. [1, с. 32, 33], где упоминаются наряду с другим вооружением и стеклянные ручные гранаты. Известно, например, что они применялись в Европе во время Тридцатилетней войны. Такие гранаты были на вооружении польских гренадерских полков, создававшихся в XVI-нач. XVIII вв. Их применяли в начале атаки для прорыва линии обороны неприятеля.

Из средневековых сочинений известно устройство стеклянных гранат: их начиняли порохом и закупоривали деревянной пробкой со вставленным в нее фитилем.

Найденная в Зарядье "граната" могла попасть в Москву в нач. XVII в. с польскими войсками. Гранаты, видимо, использовались во время уличных боев в Москве. Вооружению польско-литовских и немецких отрядов при описании событий Смутного времени очевидцами уделяется мало внимания, однако упоминания о гранатах вообще все же известны, например, в дневнике С. Маскевича в связи со взрывом одной из башен Белого города в 1611 г., где находился склад гранат, среди которых могли быть и стеклянные [7].

Найденные в подклете церкви Жен Мироносиц гранаты по какой-то причине были не использованы, может быть из-за утраты фитилей или просто в спешке.

Московская находка несколько отличается по форме от известных за рубежом экземпляров: у нее нет "шейки" вокруг отверстия, несколько уплощена форма и толще стенки. Однако можно допустить, что археологически в Европе известны не все употреблявшиеся виды стеклянных ручных гранат, т. к. находок их вообще немного.

Дальнейшие поиски и исследования, сопоставления химических анализов стеклянных снарядов помогли бы уточнить происхождение московского "снаряда" и расширить наши знания об этом виде вооружения.

---

² У автора данных не имеется.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Olczak Jerzy. Ręczny granat szklany z XVII wieku odkryty w Mogilnie // Acta Universitatis Nicolai Copernici. Archeologia. XIV. Torun, 1989.
2. Отчет Московской археологической экспедиции за 1955 г. // МИГМ. НВФ 15371/11. Р. 10
3. Отчет Московской археологической экспедиции за 1956 г. // МИГМ. НВФ 15371/13.
4. Александро-Невская летопись /продолжение/ // ПСРЛ. Т. 29. М., 1965.
5. *Бакланова Н. А.* Стекланные заводы в Московском государстве XVII в. // Очерки по истории торговли и промышленности в России в XVII и начале XVIII столетия. Труды ГИМ. М., 1928. Вып. 4.
6. *Миллер П.* Черноголовский стекольный завод XVII в. // Московский краевед. М., 1928. Вып. 6.
7. *Устрялов Н. Г.* Сказания современников о Дмитрие Самозванце. Ч. 2. СПб., 1859.

Музей истории города
Москвы

ВАЛ. А. БУЛКИН, О. М. ИОАННИСЯН, П. Д. МАЛЫГИН,
А. М. САЛИМОВ

АРХИТЕКТУРНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА СОБОРНОЙ ПЛ. В ТВЕРИ

В 1992 г. архитектурно-археологическая экспедиция кафедры истории искусств исторического факультета Петербургского университета при участии студентов III курса исторического факультета Тверского государственного университета начала исследование Спасо-Преображенского собора в Твери.

История тверского кафедрального собора к моменту его гибели в 1935 г. насчитывала шесть с половиной столетий, поскольку закладка храма состоялась в 1285 г. [1, стб. 406]. Ориентируясь на источники, есть основание считать его первым каменным летописным культовым сооружением, возведенным на территории Руси (за исключением, пожалуй, западно-русских земель) после монголо-татарского нашествия.

В 1290 г. Спас был освящен [1, стб. 406] и в 1292 г. расписан [2, стб. 83]. К сер. XIV в. собор имел два придела, являвшиеся самостоятельными пристройками к основному объему. Со 2-й пол.-кон. XIV столетия связан капитальный ремонт собора. В XV-нач. XVII вв. судьба центрального храма тверской земли весьма смутно прослеживается по косвенным данным писцовых книг [3, с. 138-139]. В 1-й трети XVII столетия - это разрушающееся здание, которое ввиду чрезвычайной ветхости в 1634-35 гг. подверглось значительным переделкам [4, с. 73]. В таком виде храм просуществовал до кон. XVII в. и в царствование Петра Первого его сменил новый собор (1689-96 гг.) [5, с. 147].

Тверской кафедральный собор неоднократно становился предметом пристального внимания исследователей еще задолго до появления фундаментальных работ по древнерусскому зодчеству. Однако наиболее детально в рамках анализа тверского средневекового зодчества он был рассмотрен Н. Н. Ворониным, высказавшим целый ряд предположений об архитектурных формах первого тверского кафедрального собора [3, с. 137-143].

Труды Воронина стимулировали интерес к тверскому искусству и к Спасскому собору в частности, и к настоящему времени имеется еще ряд работ, в которых некоторые положения гипотезы, высказанной Ворониным, были развиты или поставлены под сомнение [6, с. 98, прим. 37; 7, с. 167-177; 4, с. 72-73]. К числу исследователей, кому, вероятно, довелось увидеть остатки древнего собора, можно, по-видимому, отнести Н. П. Милонова, наблюдавшего в 1936 г. за разборкой храма кон. XVII в. [8, л. 16-17]. Его отчет малоинформативен. Однако некоторые фрагменты данного документа, свидетельствующие, что "при разборке фундамента бывшей соборной церкви было вскрыто массовое скопление человеческих костяков, лежащих кучей на глубине 1,50 м", позволяли допускать не только крупномасштабное уничтожение внутрисоборного некрополя, но и незначительную сохранность фундаментов, по крайней мере, постройки кон. XVII в.

Незначительные размеры вскрытой в 1992 г. площади (32 м²) были обусловлены рекогносцировочным характером работ. В задачу экспедиции входила локализация памятника на месте, уточнение степени сохранности его остатков, а также определение мощности и "содержательности" культурного слоя.

Шурфовка на территории современной пл. Революции подтвердила предположения, сделанные на основе отчета Н. П. Милонова. Траншея (2x10 м), зало-

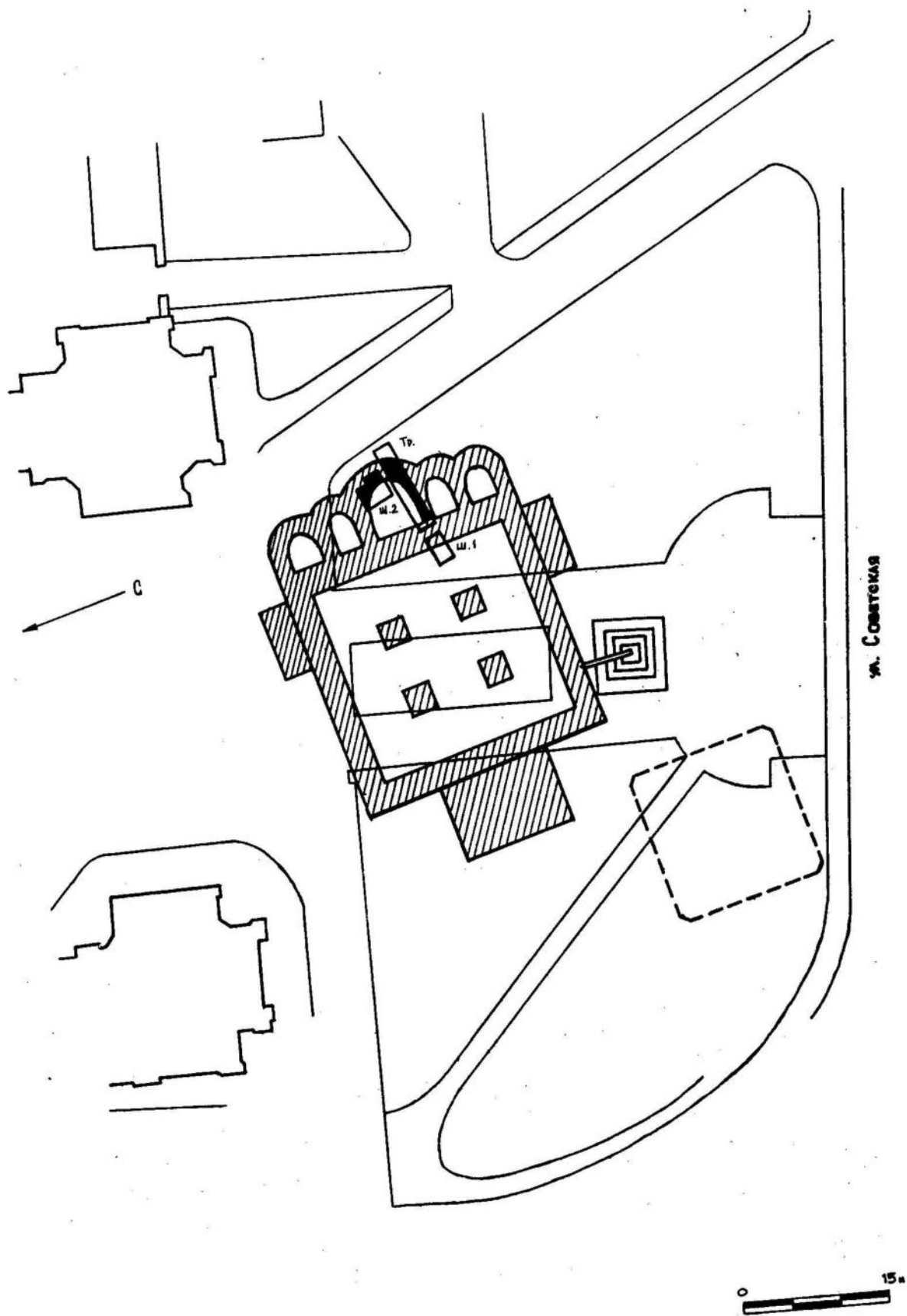

Рис. 1 г. Тверь. Пл. Революции (Дворцовая, Соборная). Привязка Спасо-Преображенского собора кон. XVII в. по результатам раскопок 1992 г. и обмерам 1935 г.

женная по оси восток-запад с учетом фотографий 1-й трети XX в. и обмерных чертежей, выполненных перед разрушением собора московскими архитекторами-реставраторами С. С. Чижевым, Е. Б. Шереметьевой и В. Ляпуновой [9], пересекла остатки фундамента апсиды храма кон. XVII в. (рис. 1). В траншее была зафиксирована южная треть апсиды с южной междуапсидной стенкой, уходящей в северную стенку траншеи и обрывающуюся в 10 см от западного профиля. Обнаруженной оказалась подошвенная (высотой до 25 см) часть фундаментной конструкции, состоящей из кирпичного и белокаменного щебня и мелких булыжников на глине. В окладке встречаются фрагменты растворных швов (до 6 см толщиной). Это известково-песчаный раствор с добавлением кирпичной крошки. Наибольшая по высоте сохранность фундамента фиксируется в южном профиле (50 см от современной дневной поверхности). Толщина фундамента апсиды в среднем равна 2 м. Его края неровные, что, вероятно, говорит о полной в отдельных местах выборке фундамента. Последний лежит на материковом желтого цвета песке или немного заглублен в него. Глубина заложения подземной конструкции постройки кон. XVII в. в среднем равна 125 см от современной дневной поверхности, но по характеру северного профиля траншеи, где отчетливо фиксируется уровень, с которого началась выборка фундамента, его высота по завершению достигала одного метра. В итоге можно сказать, что в алтарной части ширина фундамента равнялась 2-2,3 м, а высота 1 м. Ориентируясь на обмерные чертежи 1935 г., есть основание утверждать, что в траншее сохранилась подошвенная часть южной половины центральной апсиды на всем ее протяжении (ок. 8 м). Фактически у самого западного профиля предполагалось обнаружить остатки фундамента восточной стены основного храмового объема, однако здесь фундамент оказался выбранным полностью.

Попытка обнаружить его к западу в шурфе 1 (2x3 м), заложенном на трассе траншеи, также не дала положительного результата.

Более удачным оказался шурф 2, заложенный к северу от траншеи в створе кв. 2 и 3 (счет квадратов 2x2 м велся в траншее с востока на запад). В шурфе 2 на том же уровне, что и в траншее, было зафиксировано продолжение фундамента центральной апсиды, аналогичное по характеру конструкции, выявленной южнее. В результате в траншее и шурфе 2 обозначился внутренний контур апсиды (по фундаменту) и, помимо южной междуапсидной стенки (в траншее) было зафиксировано начало северной (в шурфе 2).

Стратиграфия практически всех раскопанных участков характеризуется мощным, в некоторых местах доходящим до материка перекопом, связанным с разборкой фундамента и выборкой погребений после разрушения храма в сер. 30-х гг. XX в.

Поскольку глубина шурфов и траншеи была ограничена техническим заданием, выданным гос. инспекцией по охране памятников, то выйти на материк в шурфе 1 не удалось. Однако бурение в углах шурфа на глубину 1,1-1,25 м от дна шурфа дало стерильный материковый песок. Аналогичная работа была проведена на всем протяжении траншеи и в шурфе 2. В траншее фактически шла проверка грунта, ранее определенного визуально как материк. Бурение подтвердило наше предположение. На глубине 1,3 м от дна траншеи шел желтый материковый песок. Столь детальная проверка материкового грунта была обусловлена результатами охранных археологических исследований, проведенных в 1983 г. (Н. В. Мясникова) и в 1991 г. (А. Н. Хохлов) на участках, прилегающих к соборному комплексу с запада и с востока. В первом случае отметка материка соответствовала 3,4-3,8 м, во втором - ок. 3 м. Отсюда следует, что в кон. XIII в. Спасо-Преображенский собор был поставлен на небольшом всхолмлении, существовавшем в тот период на территории Тверского кремля.

Среди кирпичей, выявленных в процессе раскопок, не обнаружено ни одного целого. Некоторые из фрагментов имеют два размера - ширину и толщину - ...13-15,5x6-8,7 см.

Интересен набор плиток пола. В массе своей это квадратные плитки (сторона

квадрата 11-15,5 см) и лишь несколько треугольных (19x13,5x13,5x3,0 см). Несмотря на то, что на 65 фрагментов приходится 3 целых плитки, налицо типологическое разнообразие данного материала, изготовленного, в основном, из красной глины, хотя есть и единичные белоглиняные фрагменты. Вариативность выражается не только в различии основных габаритных размеров, которые свидетельствуют о существовании 3-х или 4-х форм. Характерно, что одним плиткам скос боковых граней свойственен, а другим нет. У одних плиток есть углубление с тыльной стороны, у других - нет. Продолжая цепь противопоставлений, можно отметить различие в размерах углублений даже у одноформатных плит. Лицевая поверхность подавляющего большинства плиток покрыта или была покрыта желтой или зеленой поливой. Наличие или отсутствие последней, как правило, находится в зависимости от изношенности основной плоскости. И если она действительно стерта, то наличие здесь в прошлом поливного покрытия определяется по наплывам на торцах или тыльной стороне. В тоже время полива на некоторых плитках была явно уничтожена пожаром. У двух фрагментов (сторона квадрата 11 см) углубления имеют звездообразные восьмиконечные рельефные знаки, сделанные, по всей видимости, для лучшего сцепления с основой, на которую клались плитки. Таковой, вероятно, служила известковая подготовка, поскольку у многих фрагментов нижняя половина сохранила следы известкового раствора. Некоторые из плиток оказались полностью покрытыми раствором, что говорит об

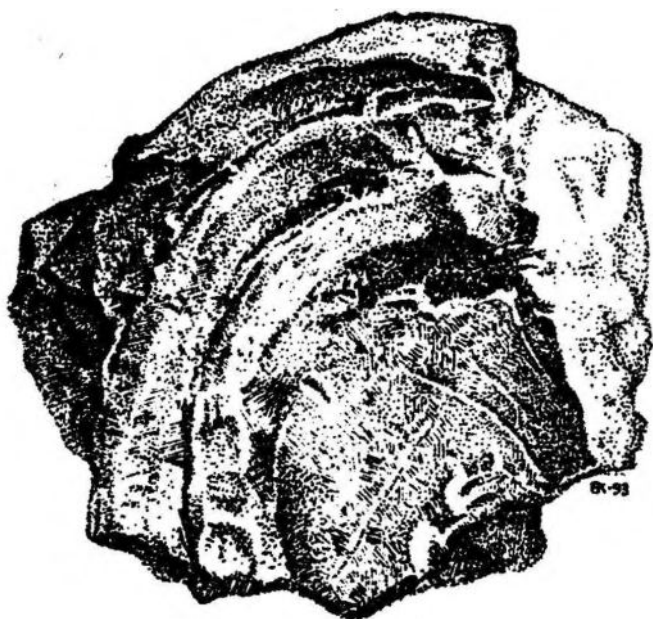

Рис. 2. г. Тверь. Фрагмент резной белокаменной детали. Кон. XIII в. (рис. В. В. Курочкина)

их вторичном использовании в кладке более поздних зданий. Толщина плиток 2,2 (с учетом износа) - 3,8 см.

Принимая во внимание тот факт, что фрагменты плиточного покрытия были обнаружены в перекопе, данный материал, с учетом аналогов, может быть датирован в широком хронологическом диапазоне. Кон. XIII-XV вв. - наиболее приемлемый в данном случае временной отрезок.

В перекопе, перекрывшем остатки фундаментов собора, среди обилия строительного мусора, заполнявшего траншею, обнаружен фрагмент резной белокаменной детали (рис. 2), напоминающий порталную плетенку Дмитриевского собора во Владимире (1190-е гг.). Не исключена соотнесенность этой детали с декором Спасо-Преображенского собора, выстроенного в 1285-90 гг. С этим же храмом могли быть связаны 16 фрагментов фресок, выявленных на разных отметках в траншее и шурфах.

В восточной части траншеи, где мощность культурного слоя (гумусированный песок) достигает 1,7 м, за пределами Спасо-Преображенского собора, на площади 2x2 м вскрыты остатки семи погребений. Два из них (NN 1а и 5) отличаются плохой сохранностью костей. Из района остатков погребения N 5 происходит килевидный вытянутый с наибольшим расширением в средней трети длины пера железный наконечник стрелы. Наиболее сохранившиеся погребения (NN 1 и 6) безинвентарны, имеют западную ориентировку. Наиболее поздние погребения (NN 3-4) также безинвентарны, помещены в одну могильную яму в двух деревянных колодах, сохранившихся в виде древесного тлена. Это мужское и женское погребения с западной ориентировкой и сложенными в области груди костями рук. По заполнению могильной ямы погребения могут быть предварительно датированы XIV-XV вв. и связаны, видимо, с каким-то стихийным бедствием.

Таким образом, в квадрате 1 траншеи вскрыты остатки некрополя, располагавшегося близ восточной стены собора. Данный некрополь многослоен. Древнейшими следует считать разрушенные погребения N 1а и N 5. Если найденный наконечник стрелы XII-1-й пол. XIII вв. связан с погребением N 5, то возможно предположение о наличии в данном месте догородского могильника, т. к. для городских погребений Верхней Волги XII-XVI вв. характерна безинвентарность. Относительная хронология остальных погребений, судя по стратиграфическим наблюдениям, такова. Наиболее ранним из них следует считать погребение N 2, которое частично нарушено погребением N 1. Более поздним, чем погребение N 1, является погребение N 6, а наиболее поздним (в рамках средневековья) следует считать двойное погребение NN 3-4.

Еще одно безинвентарное погребение (N 7) вскрыто в пределах стен собора в шурфе 2 и имеет северо-западную ориентировку. Наряду с фрагментами сосудов, появляющихся с кон. XIV в., в шурфе 2 встречены венчики раннегончарных сосудов с обильной примесью дресвы в тесте. Несколько выше в этом же слое найден фрагмент крученого стеклянного браслета сер. XII-кон. XIV вв., а также фрагмент цельного двухстороннего костяного гребня. К сожалению, этот массив культурного слоя не удалось исследовать до материка, т. к. дальнейшее углубление шурфа было запрещено Инспекцией по охране памятников.

Результатом архитектурно-археологических исследований сезона 1992 г. стало выявление остатков фундамента центральной апсиды Спасо-Преображенского собора кон. XVII в. Раскопки подтвердили информацию, содержащуюся в отчете Н. П. Милонова, о выборке части фундаментов и погребений на глубину до 1,5 м.

В траншее и шурфах, заложенных в восточной части храма XVII в. остатков собора кон. XIII в. обнаружено не было, однако, учитывая традицию постановки вновь сооружаемого культового здания на месте прежнего, есть основание предполагать, что первоначальный собор следует искать в западной половине храма, взорванного в 1935 г.

Непосредственно у центральной апсиды собора, с ее внешней стороны, траншеей был выявлен средневековый присоборный многослойный некрополь, судя по

всему не пострадавший при разрушении храма в советское время. Дальнейшее исследование данного некрополя представляется весьма перспективным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. ПСРЛ. Т. 15., 1863.
  2. ПСРЛ. Т. 18. СПб., 1913.
  3. *Ворокин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси. Т. 2. М., 1962.
  4. *Виноградов А. Д., Виноградова Е. А.* Тверь. Легенды и были. Тверь, 1992.
  5. *Колосов В.* Пршлое и настоящее г. Твери. Тверь, 1917.
  6. *Попов Г. В., Рымдина А. В.* Живопись и прикладное искусство Твери XIV-XVI вв. М., 1979.
  7. *Салимов А. М.* К вопросу о строительстве в гг. Твери, Ростове и Новгороде в посл. четв. XIII в.
- // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья. Горький, 1990.
8. Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 2. Д. 380. (Отчет Н. П. Милонова).
  9. ГНИМА им. А. В. Щусева, Р.У. N 694/1-9. (Обмерные чертежи собора).

Санкт-Петербургский государственный университет,
Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург,
Тверской государственный университет,
ПСБ "Тверьпроектреставрация"

ВАЛ. А. БУЛКИН, А. М. САЛИМОВ

ПАМЯТНИК КАМЕННОГО ЗОДЧЕСТВА КОНЦА XV ВЕКА

Ход развития древнерусского зодчества заметно осложнился в конце XV в. Прежде всего это относится к северо-восточному региону, где ведущая роль принадлежала Москве. С 50-х гг. возобновляется прерванное княжескими усобицами каменное строительство. С приездом в Москву итальянских мастеров развитие архитектуры не только интенсифицируется, но и обретает новые стилистические и образные оттенки, благодаря принесению в местную строительную традицию элементов итальянского зодчества.

Никольский собор Антониева Краснохолмского монастыря привлек внимание исследователей лишь в самое последнее время [1]. В монастырской летописи закладка каменного храма отнесена к 1481 г. Хотя год завершения постройки не назван, можно с большой долей вероятности полагать, что строительство уложилось в обычные для древнерусской практики сроки. В 30-е гг. нашего века храм был частично разобран - уничтожена восточная часть здания, столбы, своды и поздние пристройки. В 1991 г. проведено архитектурно-археологическое исследование памятника, позволившее уточнить отдельные технические и типологические особенности храма [2].

Никольский собор возведен на молообжитом месте. Тонкая углистая прослойка на материковом песке свидетельствует, вероятно, о сгоревшем деревянном храме - предшественнике каменного. Над этой прослойкой идет выброс из фундаментного рва и слой строительства, состоящий из белокаменной крошки и кирпичного щебня. При расчистке апсид выяснилось, что снаружи лицевую обработку имеют четыре цокольных ряда кладки, а внутри лишь два ряда. Поэтому пол собора, благодаря песчаной подсыпке, был значительно выше древней дневной поверхности снаружи. В уровне обреза фундамента обнаружен гидроизоляционный слой - известковая заливка толщ. 2-4 см, перекрывающая всю площадь собора. Фундамент здания, раскрытый в шурфе у центральной апсиды, заложен на глубине 2,3 м. Кладка состоит из валунов с поперечником 20-35 см, в качестве связующего материала использовалась красно-коричневая глина. В действиях строителей определенно просматривается стремление предохранить здание от паводковых и грунтовых вод, усилить подземные конструкции.

Полностью расчищены остатки белокаменной кладки апсид, столбов и алтарной преграды. Над фундаментами храма положен ряд блоков высотой 0,2 м, который служил базой для разбивки плана наземных частей здания. Эта своего рода белокаменная платформа выступает из-под кладки цоколя местами на 0,7 м. На нее опирались межапсидные лопатки прямоугольной в плане формы (сохранилась нижняя часть лопатки между центральной и северной апсидами, ее дл. 0,84 м, шир. 0,36 м). Система кладки апсид полубутовая, полость между наруж-

---

¹ В июне 1960 г. монастырь был обследован экспедицией Государственного Русского музея. Авторы признательны И. Я. Богуславской за возможность ознакомиться с отчетом об экспедиции и рукописью статьи "Забытый памятник древнерусского искусства".

ным и внутренним рядами заполнена белокаменным бутом и залита известковым раствором с примесью песка. Кирпичи из строительного развала, использовавшиеся в кладке верхних частей здания, имеют размер 25-29x12,5-14x5,3-7 см. В большом количестве собраны обломки расписной штукатурки.

НИКОЛЬСКИЙ СОВОР КРАСНОХОЛМСКОГО АНТОНИЕВА МОНАСТЫРЯ
Сводный план
Фиксация I и II этапа археологических исследований

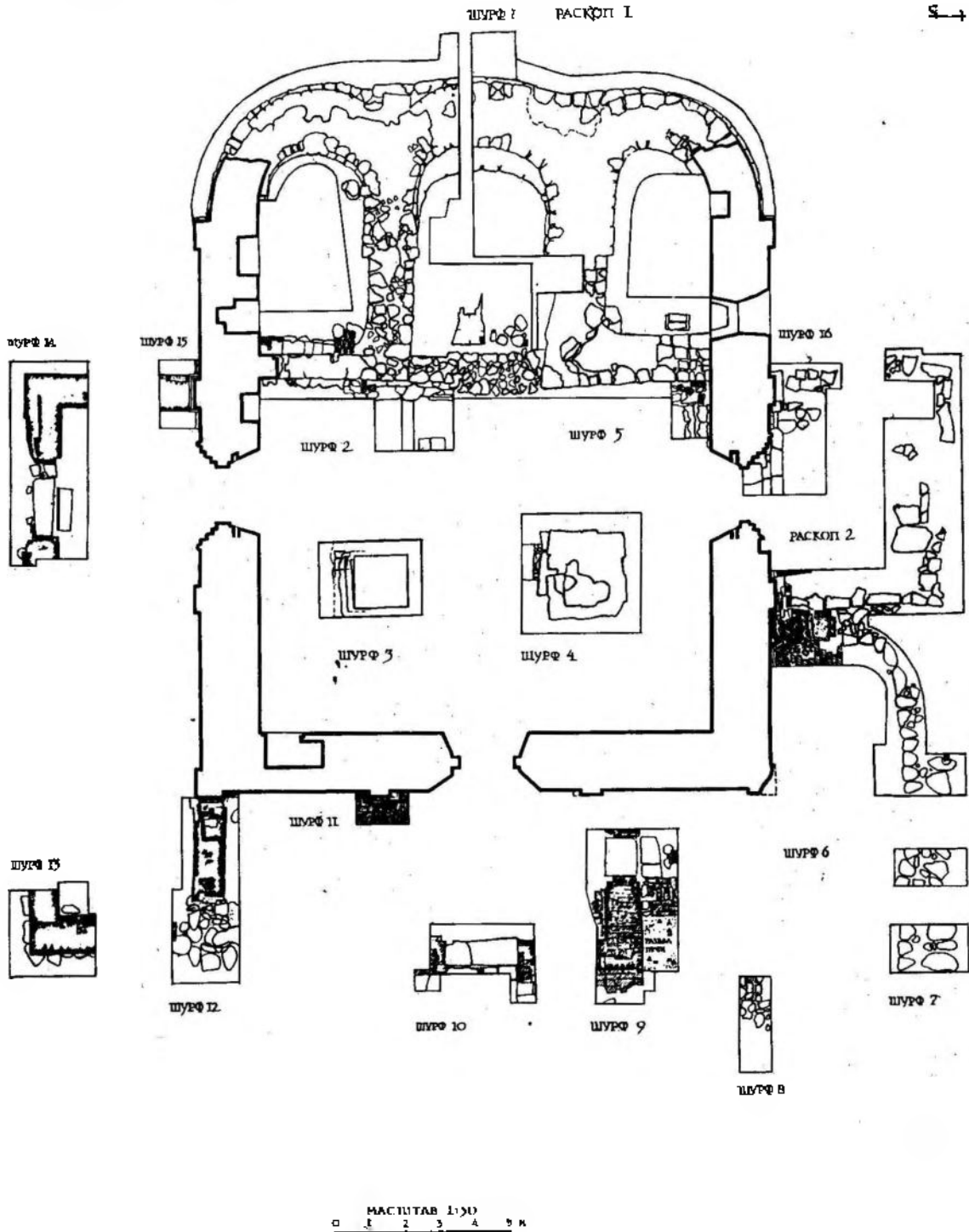

Рис. 1. Никольский собор Антониева Краснохолмского монастыря: Сводный план. Фиксация I и II этапов археологических исследований

Межапсидные стенки, сохранившие до двух рядов кладки, составляют единое целое с алтарной преградой и восточной парой столбов. Следы проемов между апсидами на этом уровне не фиксируются. Восточные квадратные в плане столбы со стороной 1,5 м наземной кладки не сохранились. Два ряда лицевой кладки остались в северо-западном столбе, аналогичном по размерам и форме восточным опорам. У юго-западного столба наземная кладка отсутствует, сохранилась лишь мощная белокаменная платформа, составлявшая его основание. Ленточных фун-

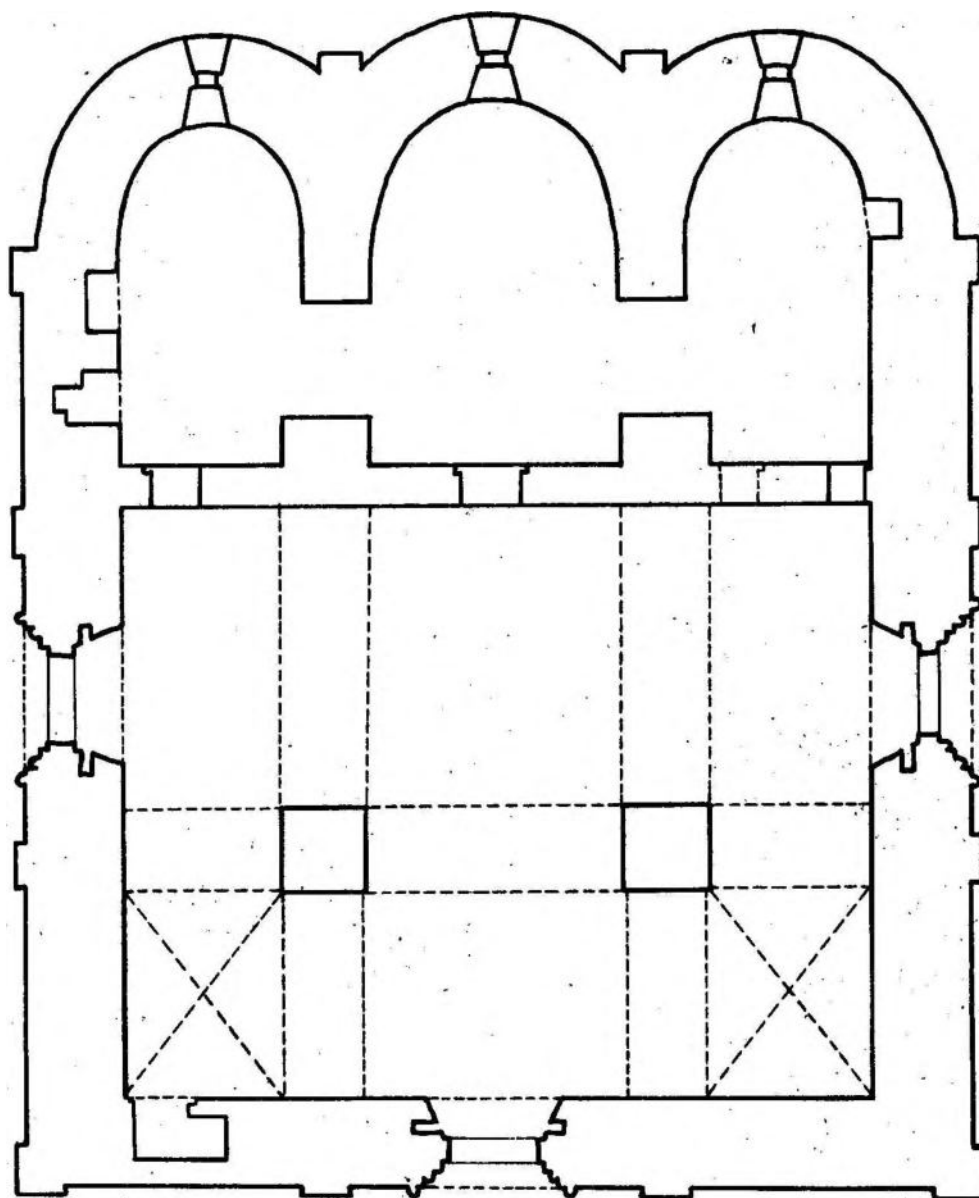

Рис. 2. Никольский собор. Реконструкция плана собора кон. XV в.

даментов между столбами и стенами не было, за исключением южного и северного отрезков основания алтарной преграды, которые можно рассматривать в роли ленточных фундаментов. Расстояние между подкупольными столбами 4,9-5 м (восток-запад), 4,3-4,4 м (север-юг).

Белокаменная алтарная преграда составляла конструктивное целое со стенами и столбами. В основании стобов и алтарной преграды лежит единая фунда-

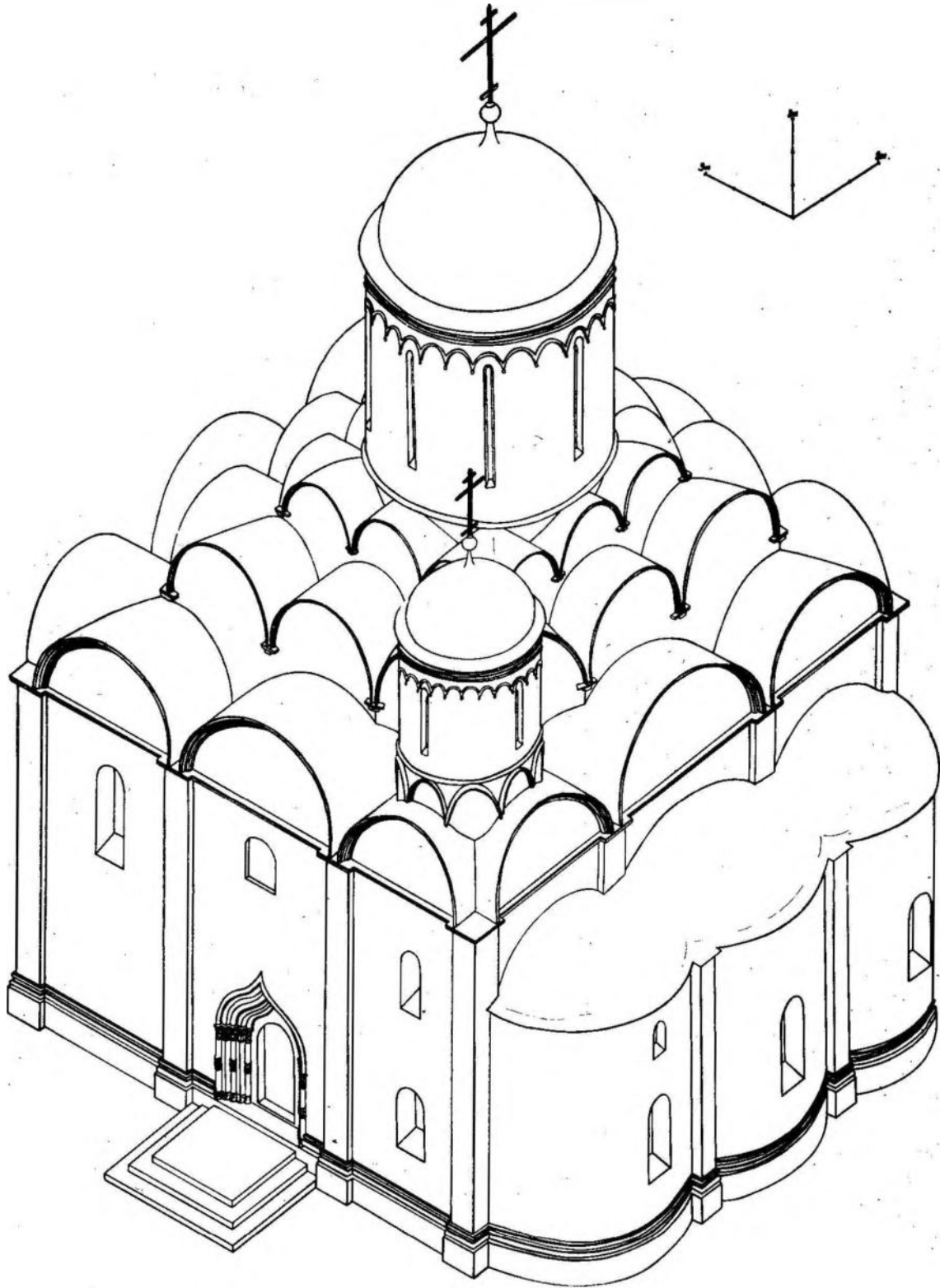

Рис. 3. Никольский собор. Аксонометрия. Вариант реконструкции собора кон. XV в.

ментная лента, а северный и южный торцы преграды сложены в перевязку со стенами храма. С севера уцелевший фрагмент преграды напоминает сильно выступающую лопатку. Южная плоскость выступа имеет лицевую поверхность и является северным откосом входного проема, выведившего в жертвенник. Проем имел полуциркульное завершение, о чем свидетельствует сохранившаяся пята. В центральной части кладка преграды разобрана до фундамента. С юга алтарная стенка была полностью выбрана, лишь два подпятника в южной стене и следы стески на ней указывают местоположение южного прохода из храма в дьяконник. Проем был сильно сдвинут к югу и находился фактически рядом со стеной (вынос южного откоса составлял 11-13 см).²

Алтарная преграда Никольского собора представляла собой сплошную белокаменную стенку толщ. 0,7-0,72 м и выс. 3,3 м, пересекавшую храм по всей ширине. Тремя (или четырьмя) арочными проемами в ней апсиды соединялись с центральной частью интерьера. Западные грани восточных опор находились в одной плоскости с лицевой стороны преграды.

Глухая алтарная стенка относится к тем элементам храмового интерьера, который в кон. XIV-нач. XV вв. получил широкое распространение в московском и, возможно, в тверском зодчестве. Так, при раскопках Михайло-Архангельского собора в Старице (1399 г.) выявлено основание сплошной алтарной преграды, слитой с восточными столбами [3, с. 379, 386]. По числу апсид в ней было устроено три проема. О характере верхних частей можно составить представление по сохранившимся преградам Рождественского собора Саввина-Сторожевского монастыря и Троицкого собора Троице-Сергиева монастыря [4, с. 52-55; 5, с. 35; 6, с. 32, 37; 7, с. 102-103]. В Рождественском соборе алтарная стенка отгораживает только центральную апсиду, т. е. находится между восточными столбами. В Троицком соборе она решена в виде сплошной стены высотой ок. 3 м и отделяет всю алтарную часть от пространства для молящихся. В конструкции преграды были предусмотрены импосты для поддержки нижнего бруса иконостаса [5, с. 35]. На взаимосвязь форм каменной алтарной преграды и иконостаса указывает наличие лопаток (пилястр), специальных капителей и консолей, служивших опорой для основания иконостаса в других постройках XV - 1-й пол. XVI вв. [7, с. 103]. Такую же связь можно предполагать и в Краснохолмском соборе.

В XVI в. в Никольском соборе существовал четырехъярусный иконостас [8, с. 6]. Однако сохранившиеся гнезда от тябел не являются первоначальными. Возможно, четырехъярусный иконостас появился в соборе между 1558 и 1564 гг., когда юрьевский игумен Варфоломей передал в храм новые царские врата [8, с. 24, 35]. Тогда же могла быть разобрана алтарная преграда в центральной и южной части, поскольку имеются сведения о том, что во 2-й пол. XVI в. каменная стенка сохранилась лишь в северной части [8, с. 7]. Что касается первоначального иконостаса, то о его сочетании с алтарной преградой каких-либо данных не имеется. Возможно, иконостас находился только между восточными столбами, и тогда тябла его должны были крепиться в гнездах столбов. Такой вариант соединения каменной преграды и деревянного иконостаса в храмах руб. XIV-XV вв. допускал М. А. Ильин [9, с. 86-87].

Итак, с учетом особенностей наземных частей здания, полученные при раскопках данные позволяют считать Никольский собор своеобразным архитектурным явлением 80-90-х гг. XV в. По особенностям техники, объемно-пространственному решению и стилистике храм несомненно принадлежит столичной архитектуре, московской строительной традиции XIV-XV вв. Близость раннемосковскому зод-

---

² В 1991 году были заложены шурфы и снаружи здания для выявления пристроек XVII-XVIII вв. Обнаружены остатки северной и западной паперти, юго-западного придела и притвора перед южным входом в храм. (Булкин В. А., Салимов А. М. Архитектурно-археологическое исследование Никольского собора Антониева Краснохолмского монастыря. (В печати).

честву обнаруживает тип храма, соотношение столбов и наружных членений фасадов, отсутствие подклета, двуглавие, высота апсид и т. д. Технические особенности, выразившиеся, прежде всего, в сочетании белого камня и кирпича в кладке находят соответствие в московской строительной практике 50-70-х гг. и более позднего времени. На столичную архитектуру указывает и наличие в Краснохолмском соборе деталей, которые свидетельствуют о знакомстве его строителей с новациями, которые появились в архитектуре Москвы с приездом итальянских зодчих (крестовые своды в боковых западных компартаментах, карнизный пояс под закомарами и их полуциркулярная, без килевидного подвышения, форма). Никольский собор является самым ранним примером появления в архитектурной стилистике новых черт, обязанных работам итальянских мастеров.

Это особенно заметно при сопоставлении Никольского собора со Спасо-Преображенским собором в Угличе - постройкой, которая близка рассматриваемому памятнику и по времени и территориально. Древний каменный собор Углича построен несколько раньше, чем краснохолмский храм. На это указывают некоторые технические особенности здания, выявленные при расчистке его северной стены и апсиды - единственно доступных в настоящее время для исследования. Косвенно на более раннюю дату постройки Спасского собора указывает и строительство в 1479-1483 гг. Покровского собора в загородном Покровском монастыре. На основании этого факта можно с большой долей вероятности считать, что городской собор к этому времени (кон. 70-х - нач. 80-х гг.) уже существовал в камне. Кстати, Покровский собор возводился одновременно с краснохолмским храмом и, судя по фотографиям, принадлежал иной стилистической линии в архитектуре 2-й пол. XV в.

Фундамент Спасского собора имеет сравнительно неглубокое заложение - всего 0,7-0,9 м - и лежит не на материке, а на культурном слое. Сложен фундамент из валунов без раствора. Уже эти особенности говорят о другой технической традиции, нежели та, которой принадлежит Никольский собор. Наземная часть стен сложена из белого камня и кирпича. В отличие от краснохолмского собора белокаменная кладка угличского собора занимает более скромное место, она составляет лишь два нижних цокольных ряда. На белокаменном цоколе сохранилось до трех рядов кирпичной кладки на таком же известковом растворе, что и белокаменная часть. Размер кирпича - 28-30x17,5-19,5x6-7 см - близок кирпичу Духовской ц. Троице-Сергиева монастыря и собора Спасо-Каменного монастыря, значительно отличаясь от кирпича краснохолмского храма. Судя по этим данным, Спасский собор несомненно строила другая артель мастеров, нежели работавшая в краснохолмском монастыре.

В практику русских зодчих кон. XV в. новая стилистика входила далеко не сразу, и краснохолмский собор составляет не правило, а исключение. Об этом свидетельствуют постройки двух самых известных артелей этого времени - псковичей, строивших в Москве, и ростовчан, работавших в Белозерье. Воздействие итальянской стилистики на постройки, возведенные этими мастерами, не прослеживается. Ранняя традиция доминировала и в московском строительстве 50-70-х гг. XV в. [1, с. 93-94]. Местная архитектурная норма определяла облик каменного зодчества Новгорода и Пскова. Лишь тверское строительство остается загадкой для историка архитектуры и сохраняется гипотетическая возможность связывать с ним некоторые непроясненные явления в зодчестве XV в. Но, исходя из тех данных, которыми мы располагаем на данный момент, ранние итальянизмы краснохолмского храма приходится связывать с Москвой, прежде всего, с теми мастерами, которые прошли выучку на строительстве Успенского собора в Кремле.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Выголов В. П. Никольский собор Антониева Краснохолмского монастыря (последняя четверть XV в.) // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. М., 1991.
2. Булкин В. А., Салимов А. М. Никольский собор Краснохолмского монастыря // Памятни-

ки истории и культуры Верхнего Поволжья. Тезисы докладов. Нижний Новгород, 1992.

3. *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси. Т. 2. М., 1962.

4. *Бетин Л. В., Шердега В. И.* Алтарная преграда Рождественского собора Саввино-Сторожевского монастыря близ Звенигорода // Реставрация и исследование памятников культуры. М., 1982. Вып. 2.

5. *Балдин В.* Архитектура Троицкого собора Троице-Сергиевой лавры // Архитектурное наследие. М., 1956. Вып. 6.

6. *Подъяпольский С. С.* К вопросу о своеобразии архитектуры московского Успенского собора // Успенский собор Московского Кремля. Материалы и исследования. М., 1985.

7. *Голстая Т. В.* Местный ряд иконостаса Успенского собора в конце XV-начале XVI вв. // Успенский собор Московского Кремля. Материалы и исследования. М., 1985.

8. *Анатолий.* Историческое описание Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря. Тверь, 1883.

9. *Ильин М. А.* Некоторые предположения об архитектуре русских иконостасов на рубеже XIV-XV вв. // Культура Древней Руси. М., 1966.

Санкт-Петербургский государственный
университет,
ПСБ "Тверьпроектреставрация"

А. Е. МУСИН

ХРИСТИАНИЗАЦИЯ ТВЕРСКОГО КРАЯ И ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ ТВЕРСКОЙ ЕПАРХИИ (историко-археологический аспект)

Знакомство Руси с Православием началось задолго до 988 г., когда проповедь христиан получила поддержку и санкцию в своем распространении в лице княжеской власти. Этому процессу сопутствовало становление единой древнерусской народности на всей территории Древнерусского государства, что, конечно же, не отрицало региональных особенностей. На Севере Руси этот процесс дополнялся колонизацией и ассимиляцией, или вытеснением финских племен. Во 2-й пол. XI в. становление древнерусской народности в целом заканчивается. В это же время, по мнению многих отечественных исследователей, третье поколение после Крещения Руси начинает осознавать себя христианами. Таким образом, становлению древнерусской народности соответствует появление определенных форм христианской культуры. Нам представляется, что определенную параллель такому выводу можно найти в археологическом материале Северной Руси. Речь идет о становлении древнерусской погребальной курганной культуры (ДРПКК) в ее сущностных формах во 2-й пол. XI в.

Основным изменением в погребальном обряде на рубеже тысячелетий был переход от трупосожжения к трупоположению. Если для Южной Руси этот процесс изучен более-менее детально, то для Севера он представляется более сложным. Концепции о переходе от сопок и круглых курганов с сожжениями культуры длинных курганов к ДРПКК были подвержены обоснованной критике вследствие возможных хронологических казусов и неславянской интерпретации некоторых памятников. Даже в Смоленском Поднепровье не удастся детально проследить смену обряда и, по признанию Е. А. Шмидта, "судить о языческой погребальной обрядности IX-X вв. можно лишь опираясь на сведения из разных курганов с трупоположениями XI века" [1, с. 92].

Вместе с этим необходимо отметить, что все гипотезы о формировании ДРПКК опираются на применение эволюционной теории в археологии - типологический метод, исключая возможность резких культурных изменений. Согласно этим представлениям переход к христианскому погребальному обряду совершался от кремации в кургане через погребение на материке и в подкурганной яме к непосредственно христианским грунтовым погребениям. Соответственно все промежуточные звенья исключались из христианского погребального обряда или, в лучшем случае, представлялись как свидетельства живучести языческих представлений в христианизируемой среде.

Однако непосредственное знакомство с археологическим материалом показывает несостоятельность таких представлений. Поволжье интересно для изучения древнерусского погребального обряда уже потому, что здесь практически отсутствуют памятники I тыс. н. э. Новый обряд складывается непосредственно в процессе освоения данной территории. При явном преобладании подкурганых погребений на материке погребения в подкурганых ямах не являются завершающим звеном эволюции обряда. Они сосуществуют с ингумацией на горизонте на всем протяжении XI-1-й пол. XIII вв., и их количество не увеличивается к XIII в. [2, с. 109]. Более того, выделяется довольно определенный пласт погребений в ямах 2-й пол. XI в. Прежде всего, это Березовецкий и Пекуновский могильники, связанные с дружинноторговым древнерусским слоем, а также могильники Избрижье,

Плешково, Заборье, Кидомля. Определяющими для датировки здесь могут явиться не только монетные находки и лепная керамика, но и некоторые типы бус и украшений. Наконец известен грунтовый могильник XI-XII вв. при сопке у села Федово. Это свидетельствует о нелинейности эволюции курганного обряда в Тверском Поволжье, а также о том, что "более христианский" обряд зачастую предшествует "менее христианскому".

Все это говорит о том, что курганный обряд в своих разнообразных вариантах появляется в Верхнем Поволжье не ранее 2-й пол. XI в., т. е. ко времени окончательного сложения древнерусской народности. Это означает, что данная обрядность есть обрядность христианского населения Древней Руси. Аналогичный процесс в это время происходит и на северо-западе Новгородской земли - древнерусские курганы появляются там не ранее 3-й четв. XI в. Однако с самого начала массовых раскопок древнерусские курганы выпали из научных представлений о христианском погребальном обряде. Очевидно, что первые исследователи ретроспективно оценивали конфессиональность обряда в свете этнографически известных вариантов сельских погребений. Такие представления были закреплены эволюционистскими представлениями Монтелиуса о принадлежности курганных погребений с инвентарем дохристианской эпохи. В советский период эти взгляды были санкционированы идеологией государственного атеизма, которая стремилась доказать несущественность роли христианства в истории и культуре Древней Руси.

Вместе с тем, ни курганная насыпь, ни наличие погребального инвентаря, ни отсутствие фиксированного положения рук не могут быть сами по себе свидетельством язычества погребенных. Исследования городских погребений при храмах свидетельствуют о наличии в них и погребального инвентаря, и фактов заворачивания в бересту даже церковных иерархов, и нестабильности в положении рук погребенных. Но доказывать, что это христианский погребальный обряд, очевидно, не нужно.

Наличие курганной насыпи, как мы видели (хронологический казус), не связано с эволюцией предшествующих погребальных форм. Взрывообразное появление курганов в христианском обряде можно объяснить воплощением общерелигиозной идеи коммеморативного погребального сооружения, которое связано с его репрезентативностью. Вообще христианизация всегда предстает как своеобразное религиозное творчество личности и общества, в котором сочетаются новые и старые представления.

Наиболее уязвимыми местами в предлагаемой гипотезе являются погребения на материке в отличие от более соответствующих христианскому обряду погребений в ямах и отсутствие стабильной ориентировки. Последнее может и должно объясняться местными и, возможно, этническими особенностями коллектива, совершавшего погребения. Относительно погребений на горизонте необходимо сказать следующее. Необходимо признать, что нормативным христианским погребением на Руси является погребение ямное. Но, как известно, и сам переход от кремации к ингумации в археологической литературе трактуется по-разному. Спектр причин простирается от экономических и социальных до глубокого влияния иранских представлений о загробной жизни на славянское язычество. Нам однозначно представляется, что переход к труположению связан с усвоением древнерусским населением христианских идей "индивидуальной эсхатологии". Этот комплекс представлений связан с учением о грядущем телесном воскресении и будущем воздаянии. В этом случае сохранение тела на горизонте под курганом могло явиться следствием усвоения христианских эсхатологических идей, дополненного примитивными религиозными представлениями о загробной жизни.

Думается, что применительно к курганному обряду Тверского Поволжья можно говорить о местном варианте христианского погребального обряда в его историческом развитии. Курганный обряд модифицирует себя ко 2-й четв. XIII в. Это связано с культурной трансформацией, но не при переходе от язычества к христианству. Синхронность курганных и бескурганных погребений

в Тверском крае свидетельствует лишь о разных культурных, но не религиозных традициях.

Обычно указанием на христианство погребенных считаются находки предметов христианского культа в могилах. Анализ городской и безусловно христианской погребальной обрядности показывает необязательность помещения крестов в могилу вплоть до XVII в. Однако обратиться к предметам христианского культа в погребениях интересно в любом отношении. По предварительным подсчетам в около 1000 учтенных комплексах XI-XIII вв. представлено немногим более 10 крестов соответствующего времени, т. е. в менее 1,5% комплексов. Эти данные хорошо согласуются с цифрами, полученными на материалах Новгородской земли, Московской области, Белозерья, Костромского Поволжья [3].

Особое внимание привлекают к себе находки ранних крестов XI в. с расширяющимися концами, с т. н. грубым изображением распятия [4]. Кресты бытуют непрерывное время с 1000 по 1075 гг. на огромном пространстве от Норвегии до Румынии и Северного Кавказа, захватывая и территорию Древней Руси. При этом в каждом регионе они имеют свои характерные черты, т. е. речь идет об их местном изготовлении по привозным образцам. В Верхнем Поволжье эти кресты происходят из курганных могильников: Глинники N 6, д. Рог N 2 на р. М. Коша, очевидно, Савинские Горки. Находки определенно маркируют пути проникновения христианской религии и культуры в Тверское Поволжье.

Вопрос о путях распространения христианства стоит в связи с проблемой заселения Верхнего Поволжья. Выделенные Т. Н. Никольской три региона расселения: Северный, Верхневолжский и Восточный - на наш взгляд, отражают не столько этнические различия, сколько культурные. Освоение Тверского Поволжья с территории Смоленского Поднепровья несомненно несло с собой южно-русское влияние. Однако надо принять во внимание известие о крещении кривичей в 1013 г. В целом для Северной Руси находки энколпионов в погребениях достаточно редки. Однако Тверское Поволжье дает нам значительную серию таких погребений (Благовещенское, Избрижье, Лопица). Археологические данные хорошо согласуются с историографической традицией. Со Средним Поднепровьем были связаны и преп. Ефрем Новоторжский, постриженники Печерского монастыря Трифон и Никандр, которые, по преданию, около 1100 г. основали Успенский монастырь в Старице; и преп. Исаакий Печерский был родом из Торопца. Такая религиозно-культурная направленность связей может уточнить пути попадания в Тверское Поволжье изделий Западно-европейского художественного ремесла. В частности, это иконка-литик из стеклянной пасты со сценой Крещения, предположительно из Венеции, место нахождения которой неизвестно, хранящаяся ныне в Тверском музее (N 1113, 36, N 134). Она интересна тем, что, судя по всему, стоит у истоков целой серии амулетов-змеевиков, имеющих ареалом своего распространения Южную Русь (единственный экземпляр из Новгородских пределов - раскопки Целепи в Лужском уезде) и датирующихся XIII в. [5, с. 527; 6, с. 71-72]. На нашей иконке фигура Христа на фоне Иордана изображена согнутой в бедрах влево. Святой Иоанн Предтеча изображен справа. Слева изображение ангела с опущенными крыльями. Между Спасителем и Предтечей четырехконечный крест. Но экземпляров с точно таким же изображением известно всего два, остальные восемь демонстрируют зеркально превращенную композицию. Однако издатели каталога древнерусских змеевиков Т. В. Николаева и А. В. Чернецов считают изначальным вариантом именно сюжет большинства. Таким образом, находки предметов христианского культа в Тверском крае помогают прояснить и общерусские художественные процессы. Это, в свою очередь, доказывает, что население Тверского Поволжья было целиком и полностью вовлечено в древнерусскую христианскую культуру.

Однако картина была бы неполной, если бы мы не отметили и влияние в регионе церковной культуры Новгорода, которая отразилась прежде всего в грунтовых могильниках, в курганах с каменными обкладками и каменных крестах. С округой Старицы связаны уникальные памятники ДРПКК, чья принадлежность

христианству уже ни у кого не вызывает сомнений. Речь идет о раскопанных Д. А. Крайновым курганах у д. Иворово. Один из них (1-1967 г.) содержал в себе белокаменный саркофаг с двускатной крышей, другой (1-1973 г.) имел на своей вершине каменный крест, а на погребенной находился венчик лицевого шитья золотом с Деисусной композицией [7, с. 225-230]. Датируются они кон. XII-нач. XIII вв. Здесь еще раз можно отметить непротиворечивость насыпи христианскому погребальному обряду. Представляется, что новгородские переселенцы испытали здесь влияние иной южно-русской церковной традиции. То же, очевидно, можно сказать и о погребальном венчике, который становится элементом обряда Северо-Восточной Руси (Москва; д. Моклаково Рязанской области). Комплекс старицких курганов, на наш взгляд, нелишне сопоставить с грунтовым могильником при сопке д. Федово. Представляется, что они находятся в определенной культурно-типологической близости. Кучное расположение погребений и их групп, ориентированное на выделяющиеся размером и обрядом могилы социальной верхушки, можно отождествить с кладбищем общинной патронимии или боярской вотчины. Однако присутствие христианского элемента в погребальной обрядности позволяет нам перейти из сферы социальной организации в сферу организации церковной. Очевидно, перед нами археологическое отображение той ячейки церковного деления, которая называется приходом. Разумеется, что церковно-административное деление Тверской епархии, которое сложилось в кон. XIX в., прошло сложный процесс становления. Однако сохранение за с. Федовом значения церковного центра с храмом в честь Михаила Архангела представляется многозначительным.

Вообще система церковной организации в Тверском Поволжье к нач. XIII в. принимает зримые формы. Это Старицкий и Новоторжский монастыри, храм святых Козьмы и Доминана, возможно церковь в Зубцове. Эти центры являются проводниками городской христианской культуры, влияние которой полностью оживляет сельский курганный обряд. Все это вкупе с событиями политической истории создает к сер. XIII в. предпосылки к образованию Тверской епархии. К этому вопросу неоднократно обращались отечественные историки, в частности, из среды тверского духовенства. Так, протоиерей Козьма Чердеев впервые сформулировал Полоцко-Кривическую теорию образования Тверской епархии [8]. Кафедра существует с 1271 г. (первое упоминание о храме и епископе во время погребения князя Ярослава Ярославича), а епископ Полоцка Симеон перебирается в Тверь после убийства Товтивила Полоцкого в 1263 г. Несколько позднее протоиерей Григорий Первухин отмечает, что территория Верхнего Поволжья была поделена между тремя епархиями: Смоленской, Новгородской и Ростовской и что христианство приходило сюда преимущественно из Новгорода [9]. Существует еще и Смоленская теория, принадлежащая А. Титову и основанная на летописной статье 1206 г. [10].

На наш взгляд проблему образования Тверской епархии необходимо рассматривать в контексте незавершенности канонической структуры древнерусской Церкви. В кон. XI-1-й пол. XII вв. вся территория от Ростова до Суздаля и Смоленска, включая Тверское Поволжье, принадлежит Переяславской митрополии. Но в 1136 г. образуется Смоленская епископия, а в 1148 г. упоминается и Ростовский епископ Нестор. Владимирская же кафедра появляется в 1214 г. Вместе с тем, положение Тверского края на стыке епархий Новгородской, Смоленской и Ростовской в условиях Новгородской колонизации могло способствовать распространению здесь юрисдикции новгородского архиепископа (ср. посвящение архиепископом Нифонтом в 1148 г. антиминса в Ростовскую епархию). Предложенная гипотеза хорошо согласуется с мнением П. Д. Малыгина о принадлежности Твери к Новгороду до 2-й четв. XIII в. [11, с. 149-158].

Здесь уместно упомянуть о "Сказании о чудесах Владимирской иконы Божией Матери". Речь идет о девятом чуде с подзаголовком "А се бысть в Тфери", которое датируется в пределах 1164-1185 гг. и считается указанием на принадлежность Твери Владимирскому княжеству [12, с. 227]. На то, что таковая принадлежность не вытекает с необходимостью из отрывка, уже указывалось. Но иссле-

дователи обошли молчанием тот факт, что сам эпизод ясно свидетельствует - почитание Владимирской иконы Божией Матери - основной святыни княжества - было здесь совершенно не распространено. Это нелишне сопоставить с практическим отсутствием в археологических материалах Тверского Поволжья литых нагрудных иконок двух типов с изображением Успения Божией Матери и образа Умиления. Они обязаны своим происхождением религиозной жизни Владимирского княжества, датируются сер.-2-й пол. XIII в. [7, с. 225-230]. Окончательное объединение всех земель, вошедших в Тверское княжество, в самостоятельную церковную единицу связано с именами Александра и Ярослава Ярославичей. Как раз в это время Александр княжит в Новгороде, где его деятельность смыкается с активностью митрополита Кирилла II на севере Руси (1251-1263 гг.), Владимирская кафедра, которая формально могла претендовать на Тверь, пустует с 1238 по 1274 гг. - возможно, митрополит сам управлял епархией.

Необходимость рукоположения самостоятельного Тверского епископа диктовалась и увеличением числа жителей княжества, бежавших из разоренных монголами местностей. Первым епископом Твери явился Симеон, упоминаемый летописью под 1271 г. Наименование епископа Симеона Полоцким, возможно, связано с тем, что после литовских событий 1263 г. ему было поручено управление Полоцкой кафедрой.

На канонические споры Твери и Новгорода в Верхнем Поволжье указывает и учреждение Новоторжского наместничества Новгородской кафедры. Его деятельность известна по находкам 18 печатей, которые датируются временем архиепископа Давида (1309-1325 гг.) [14, с. 61]. Учреждение наместничества свидетельствует о достаточно сильных позициях кафедры в регионе.

Таким образом, епархия скорее всего образовалась в сер. 50-х гг. XIII в. на основе территорий, находящихся под Новгородской юрисдикцией, причем, возникает она как компромисс между Новгородской кафедрой и митрополитом Кириллом. Митрополит выступает здесь и как представитель интересов великих князей Владимирских, и как попечитель той массы беженцев, которой необходимо было дать соответствующее архиерейское окормление.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шмидт Е. А. Некоторые особенности погребального обряда смоленских кривичей в период перехода от язычества к христианству // Древности славян и Руси. М., 1988.
2. Лесман Ю. М. Древнерусские курганы Верхней Волги // Проблемы истории и культуры Северо-Запада. Л., 1977.
3. Беленькая Д. А. Кресты и иконки из курганов Подмосковья // СА. 1976. N 4. Макаров Н. А. Население Русского Севера в X-XIII вв. М., 1990. Рябинин Е. А. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л., 1986. Мусин А. Е. Предметы христианской культуры из погребений Водской и Шелонской пятин Новгородской земли (XI-XV вв.) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1990.
4. Седов В. В. Об одной группе древнерусских крестов // Древности славян и Руси. М., 1988.
5. Попов Г. В., Рындина А. В. Живопись и прикладное искусство Твери XIV-XVI вв. М., 1979.
6. Николаева Т. В., Чернецов А. В. Древнерусские амулеты-змеевики. М., 1991.
7. Комаров К. И., Елкина А. К. Курганный могильник в окрестностях Старицы // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М., 1976.
8. Чердеев К., прот. Биографии тверских епископов. Тверь, 1859.
9. Первухин Г., прот. О тверских иерархах. Тверь, 1901.
10. Титов А. Тверские епископы. Тверь, 1901.
11. Малыгин П. Д. Тверь и Новоторжско-Волоцкие земли в XI-XIII вв. // Становление европейского средневекового города. М., 1984.
12. Кучкин В. А. Возникновение Твери и проблема тверского гостя в "рукописании Всеволода" // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1984.
13. Седова М. В. О двух типах привесок-иконок Северо-Восточной Руси // Культура средневековой Руси. Л., 1974.
14. Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X-XV вв. Т. 2, М., 1970.

Санкт-Петербургская Духовная
Академия

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АИЧПЕ - Ассоциация по изучению четвертичного периода в Европе
АО - Археологические открытия
АС - Археологический съезд
АСГЭ - Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Ленинград (С.-Петербург)
АЭ - Археологическая экспедиция
ВУАК - Всеукраинская академия наук
ГИМ - Гос. исторический музей
ГИН - Геологический институт АН СССР (РАН). Москва
ГНИМА - Гос. научно-исследовательский музей им. А. В. Щусева
ИА - Институт археологии АН СССР (РАН)
ИАК - Известия Гос. Российской археологической комиссии. СПб. - Пг.
ИВГО - Известия Всесоюзного географического общества
ИГАИМК - Известия Гос. академии истории материальной культуры
ИГАН - Институт геологии АН СССР (РАН)
ИИМК - Институт истории материальной культуры АН СССР (РАН). Ленинград (С.-Петербург)
КСИА - Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК - Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК. Москва
КУАК - Калужская ученая архивная комиссия
МГУ - Московский государственный университет
МИА - Материалы и исследования по археологии СССР. Москва, Ленинград
МИГМ - Музей истории города Москвы
МИСО - Материалы по истории Смоленской области
МРИ - Материалы по русскому искусству
НВФ - Научно-вспомогательный фонд
НИС - Новгородский исторический сборник
НПРП - Научно-проектное реставрационное предприятие
ОИДР - Общество истории и древностей российских
ОПИ - Отдел письменных источников
ОФ - Основной фонд
ПСБ - Проектно-сметное бюро
ПСРЛ - Полное собрание русских летописей
РА - Российская археология
РПЦ - Русская православная церковь
СА - Советская археология
САИ - Свод археологических источников. Москва, Ленинград (С.-Петербург)
ТА - Тартуский университет
ТГИМ - Труды ГИМ
ТГОМ - Тверской государственный объединенный историко-архитектурный и литературный музей
ТКИЧП - Труды Комиссии по изучению четвертичного периода
ТНИИР - Центр - Тверской научно-исследовательский историко-археологический и реставрационный центр
ЦГА ВМФ СССР - Центральный государственный архив Военно-морского флота СССР
ЦГАДА - Центральный государственный архив древних актов
ЦГВИА - Центральный государственный военно-исторический архив
WA - Wiadomosci Archeologiczne. Warszawa.

СОДЕРЖАНИЕ

Воробьев В. М. Великий водораздел Восточной Европы: географо-археологический аспект	1
Кольцов Л. В. О первоначальном заселении Тверского Поволжья	7
Сидоров В. В. Тысячи лет культурной преемственности	11
Зотко М. Р. Историографический очерк изучения иеневской и песочноровской культур в свете проблемы их культурного единства	14
Кравцов А. Е., Леонова Е. В., Лев С. Ю. К вопросу о месте иеневской культуры в мезолите Волго-Окского междуречья	26
Леонова Е. В. Опыт планиграфического анализа иеневских мезолитических стоянок с тонким культурным слоем	30
Синицына Г. В. К вопросу о генезисе валдайской культуры	36
Левковская Г. М., Синицына Г. В. Палинологическая характеристика отложений стоянок мезолита и раннего неолита Подол III и Ланино II (бассейн Верхней Волги)	42
Жилин М. Г. Археологические исследования на Озерском торфянике в 1990-1992 гг.	47
Костылева Е. Л. Ранненеолитическая керамика Верхнего Поволжья	53
Энгватова А. В. Неолитическая стоянка Усть-Тудовка 8	58
Гусенцова Т. М., Андреева Н. А. Итоги изучения памятников эпохи камня в северо-восточных районах Ленинградской области	63
Мирецкий А. В. Новый памятник эпохи первобытности в бассейне р. Шоши	70
Волкова Е. В., Ланцев А. П., Черных И. Н. Могильник фатьяновской культуры Новинки 1 на р. Шоше в Тверской области (по материалам исследований 1990-92 гг.)	75
Волкова Е. В. Керамика могильника Новинки 1 (по материалам раскопок 1990-92 гг.)	94
Левковская Г. М., Волкова Е. В., Черных И. Н. Палинологическая характеристика отложений из могильника фатьяновской культуры эпохи бронзы Новинки 1	101
Максимов А. Д. Краткие итоги и перспективы изучения памятников раннего железного века Тверской области	108
Малыгин П. Д. Некоторые итоги и проблемы изучения средневековых древностей территории Тверской области	116
Шмидт Е. А. Древние пути с Днепра через водораздел в Западную Двину	129
Исланова И. В. Неукрепленные поселения Мстинско-Моложского междуречья в I тыс. н. э.	134
Конечный В. Я. Об этнической проблематике в исследованиях древнерусских погребальных памятников Новгородской земли (по материалам Федовского могильника)	139
Носов Е. Н., Плохов А. В. Археологические исследования в Андреапольском районе Тверской области в 1988 г.	145
Волкова М. В. Дополнения к археологической карте Бежецкого края (к вопросу о местоположении Новгородской волости Городец-Палец (Палиц)	152
Буров В. А. Волостка XV в. новгородского боярина Якова Скомантова по данным писцовых книг и археологии	159
Захаров С. Д. Письменные и археологические данные о Белоозере XIV в.	164
Дворников А. С. Культурный слой Бежецка	169
Хворостова Е. Л. Деревянные постройки Старичьего городища	177
Курбатов А. В. Опыт анализа культурных отложений на территории Тверского Кремля (по раскопкам Л. А. Поповой в 1985 г.)	184
Курбатов А. В. Коллекция кожаных изделий из раскопок 1985 г. в Тверском Кремле в связи с вопросами совершенствования технологии ремесла в русских средневековых городах	189
Дашкова И. А., Сиволапова А. Б. Стекланные браслеты из раскопок Кремля и Затымацкого посада г. Твери (по материалам исследований 1989-1991 гг.)	196
Дашкова И. А., Сиволапова А. Б. Исследование Затверецкого посада г. Твери в 1992 г. (по материалам раскопа N 1)	201
Попова Л. А. Мелкая пластика Твери XIV в.	207

Хухарев В. В. К вопросу об изображениях святого мученика Никиты, изгоняющего беса, на крестах и иконках из Твери	210
Олейников О. М., Олейникова Т. И. К вопросу о происхождении некоторых типов верхневолжских стеклянных бус	216
Исланова И. В., Розанова Л. С. Железные изделия из памятников Удомельского Поозерья	229
Королькова Л. В. Вопросы интерпретации ножей с волютообразным навершием	234
Кузина И. Н. Стеклянная "ручная граната" из раскопок в Зарядье	239
Булкин Вал. А., Иовинский О. М., Малыгин П. Д., Салимов А. М. Архитектурно-археологические исследования на Соборной пл. в Твери	243
Булкин Вал. А., Салимов А. М. Памятник каменного зодчества конца XV века	249
Мусин А. Е. Христианизация Тверского края и проблемы образования Тверской епархии (историко-археологический аспект)	256

**ТВЕРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК. ВЫПУСК I**

Отв. редактор выпуска И. Н. Черных
Технический редактор Л. А. Бадеева
Корректор В. Б. Богачева

ЛРН 020582

Сдано в набор 12.10.93. Подписано в печать 1.03.94. Формат бумаги и доля листа 70x100 1/16.
Бумага офсетная N 1. Гарнитура новогазетная. Печать офсетная. Объем 16,5. Усл. п. л. 21,28.
Уч. изд. л. 25,0. Тираж 1500 экз. Изд. N 141. Зак. N 3118. Цена свободная

Книжно-журнальное издательство, г. Тверь, пр. Чайковского, 26

Ржевская типография, г. Ржев, ул. Урицкого, 97

